

БИБЛИОТЕКА БОМ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ФРЕНСИС П. ВИЛЬСОН
Застава

БИБЛИОТЕКА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

I

ФРЕНСИС П. ВИЛЬСОН
Застаба

Москва
Компания «Ключ-С»
1992

ББК 84.7. США
В 46

Перевод с английского
Сюзанны Алукард
и
Вадима Терещенко

Иллюстрации
В Федорова

В $\frac{4703040101-2929}{ИЗ8(03)-92}$ —92
ISBN 5—253—00748—2

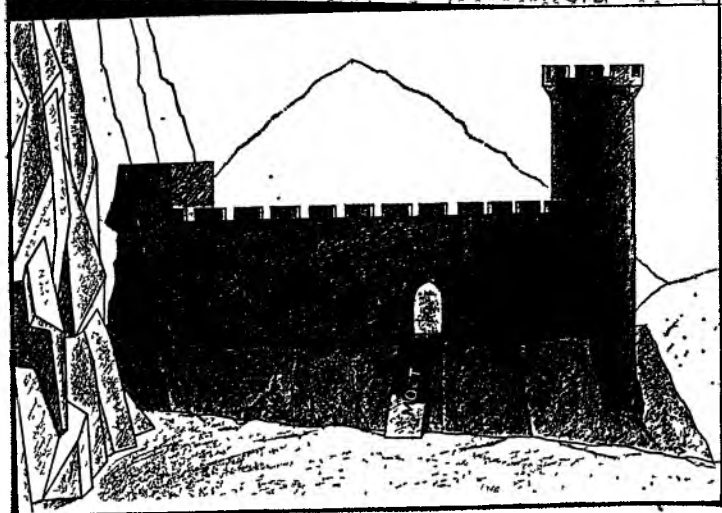
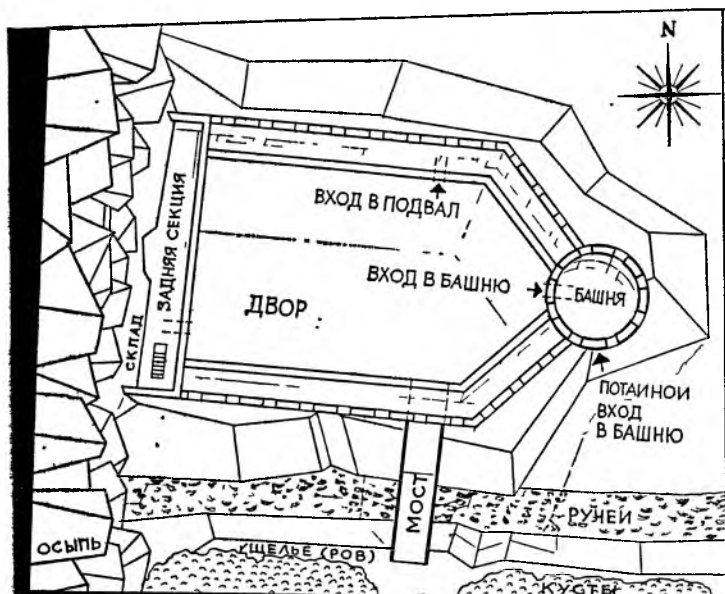
© Перевод на русский язык
С. Алукард и В. Терещенко,
1992.
© В. Федоров
Иллюстрации. 1992.
© Л. Брылев.
Оформление. 1992.

ФРЕНСИС П. ВИЛЬСОН

Застаба

ПРОЛОГ

Варшава, Польша.
Понедельник, 28 апреля 1941 года.
Время: 08 15

Полтора года назад на двери было другое имя, польское. Рядом с ним — должность сотрудника и название одного из польских министерств. Но Польша больше не принадлежала полякам, и табличка была грубо замазана густой черной краской. Эрик Кэмпфер на секунду остановился перед дверью, пытаясь припомнить, что здесь было написано раньше. Не потому, что это как-то касалось его, а просто для тренировки памяти. Но вспомнить ему так и не удалось. Теперь же здесь висела другая, тщательно вырезанная из красного дерева табличка, из-за которой по углам проглядывала та самая черная краска. Надпись на табличке гласила:

ГРУППЕНФЮРЕР СС В ХОССБАХ, РСХА.

Отделение рас и перемещения населения

Варшавский округ

Кэмпфер собрался с мыслями. Что было нужно от него Хоссбаху? Зачем он вызвал его так рано? Кэмпфер нахмурился, начиная сердиться на себя за то, что его занимают такие мысли, однако и любой другой офицер СС, даже с такой удивительной карьерой, как у него, испытал бы дурное предчувствие, если бы его вдруг так вот «незамедлительно» вызвали с утра пораньше к начальству.

Кэмпфер глубоко вздохнул, принял спокойный вид и решительно открыл дверь. Капрал, выполняющий роль секретаря генерала Хоссбаха, встал и вежливо поприветствовал его. Это был новый здесь человек, и по его реакции Кэмпфер понял, что солдат еще не знает его, что, впрочем, легко было объяснить: весь прошлый год

Кэмпфер проработал помощником коменданта в Аус-
швице.

— Штурмбанфюрер Кэмпфер,— представился он, считая, что этого будет вполне достаточно.

Секретарь повернулся, вошел в кабинет Хоссбаха и тут же вышел обратно.

— Группенфюрер готов принять вас, герр майор.

Кэмпфер прошел мимо капрала в открытую дверь и застал генерала сидящим на письменном столе.

— А, Эрик! Доброе утро! — с непривычным радушием улыбнулся Хоссбах.— Хотите кофе?

— Нет, спасибо.— Вплоть до этой минуты Кэмпфер очень хотел выпить кофе, но славшая улыбка шефа тут же заставила его насторожиться. Сейчас стоило держать ухо востро.

— Ну, хорошо. Тогда раздевайтесь и устраивайтесь поудобней.

Уже кончался апрель, но погода в Варшаве стояла на редкость холодная, поэтому на Кэмпфере была зимняя форма СС. Он аккуратно снял свою шитую на заказ шинель, щегольскую парадную фуражку с лихо загнутым полем и настолько бережно повесил их на вешалку, что Хоссбах невольно вынужден был сделать паузу и, наблюдая за Кэмпфером, еще раз обратить внимание на различия в их фигурах. Генерал был полным лысеющим мужчиной, уже за пятьдесят. Кэмпфер же выглядел лет на десять моложе его, был идеально сложен и, несмотря на свой возраст, сумел сохранить прекрасную густую светлую шевелюру. Карьера Эрика Кэмпфера в последние годы была сплошным взлетом.

— Кстати, поздравляю вас с повышением и очередным назначением. Служба в Плоешти — просто лакомый кусочек,— не без доли ехидства улыбнулся Хоссбах.

— Да, спасибо.— Кэмпферу удалось сохранить безразличный тон.— Хотя, конечно, мне будет непросто оправдать такое доверие Берлина.

— Уверен, вы справитесь.

Кэмпфер знал, что все комплименты Хоссбаха настолько же лживы, как и его обещания по поводу переселения польских евреев. А кроме того, генерал и сам хотел бы попасть в Плоешти: редкий офицер СС не мечтал об этом. Ведь шансы для быстрого продвижения по службе у коменданта крупнейшего в Румынии лагеря бы-

ли весьма значительными. Но в бесконечной погоне за чинами и званиями, хитроумные правила которой вызрели в недрах бюрократической империи Генриха Гиммлера, один глаз всегда должен следить за уязвимой спиной переднего соперника, а другой — за тем, кто пока позади тебя, поэтому ни о каких искренних поздравлениях в данном случае не могло быть и речи.

В напряженной тишине, последовавшей за репликой генерала, Кэмпфер начал бесцельно оглядывать стены и едва сдержал ядовитую ухмылку, заметив на выцветших обоях контрастные квадраты и прямоугольники там, где раньше висели грамоты и дипломы предыдущего хозяина кабинета. Хоссбах не стал украшать стены. Это было характерно для него — создавать впечатление, что он настолько углублен в дела службы, что ему недосуг обращать внимание на такие пустяки, как отделка стен. Кэмпферу же не надо было специально показывать свое рвение и преданность СС. Каждая минута его жизни была посвящена продвижению в этой организации.

Он сделал вид, что изучает висящую на стене большую карту Польши, сплошь утыканную цветными треугольными флажками, отмечающими сосредоточения нежелательных элементов. Год для отделения Хоссбаха выдался действительно беспокойный, да еще через поднадзорную ему территорию начали перемещать польских евреев в «центр переселения» возле станции Аусшвиц. На секунду Кэмпфер представил себе свой будущий кабинет в Плоешти, с картой Румынии на стене, усеянной такими же яркими метками. Плоешти... Вполне естественно, что Хоссбах пытается вести себя нарочито весело, ведь на душе у него совсем другое... Где-то что-то произошло, и теперь Хоссбах не упустит случая напоследок утереть Кэмпферу нос и показать всю свою власть над ним.

— Могу я чем-нибудь быть полезен? — наконец нарушил молчание Кэмпфер.

— По сути дела — уже не мне, а вышестоящему командованию, — задумчиво ответил Хоссбах. — В Румынии возникла небольшая проблема: так сказать, маленькое неудобство...

— Да?

— Да. В отдельном подразделении регулярной армии, несущем службу на заставе в Трансильванских Альпах севернее Плоешти, появились потери. Вероятно, в ре-

зультате действий местных партизан. И тамошний командир хочет передислоцироваться.

— Но ведь это чисто армейские дела.— Кэмпферу начинал не нравиться такой поворот событий.— И они не имеют к СС ни малейшего отношения.

— Боюсь, что имеют.— Хоссбах подошел к столу и взял небольшой лист бумаги.— По приказу Ставки дело передано под контроль обергруппенфюрера СС Гейдриха. Поэтому вполне логично будет передать этот документ вам.

— А почему именно мне?

— Офицер, о котором пойдет речь,— капитан Клаус Ворманн. Тот самый, на которого вы обратили мое внимание еще год или полтора назад из-за его нежелания вступать в партию...

Кэмпфер позволил себе на секунду расслабиться.

— И так как я буду в Румынии, то это дело неминуемо попадет в мои руки? Вы это имели в виду?

— Совершенно верно. К тому же «обучение» в Аусшвице должно было сделать из вас не только отличного коменданта. Вы, наверное, научились там и обращению с местными партизанами... Так что я уверен — вы быстро справитесь с этим заданием.

— Можно мне взглянуть на бумаги?

— Конечно.

Кэмпфер взял протянутый ему лист и обнаружил на нем всего две строки. Он внимательно прочитал их. Потом еще один раз.

— Расшифровка правильная?

— Да. Мне тоже эта формулировка показалась странной, поэтому я перепроверил. Все точно.

Кэмпфер снова перечитал донесение:

«Прошу немедленной передислокации.

Что-то убивает моих людей».

Тревожный сигнал. Кэмпфер знал Ворманна еще по Первой Мировой как человека удивительной стойкости. Теперь же, в новой войне, уже будучи офицером вермахта, Ворманн несколько раз отказывался вступать в партию, несмотря на многочисленные беседы с ним и постоянное давление начальства. Но все же он был не из тех людей, кто способен бросить позиции, если они уже заняты. Видимо, произошло что-то действительно серьезное, раз он требует передислокации.

Однако больше всего Кэмпфера беспокоил сам текст сообщения. Ворманн был человеком интеллигентным и точным. Он знал, что бумага пройдет множество инстанций, и поэтому своими словами наверняка хотел сообщить командованию нечто очень важное, не вдаваясь при этом в подробности.

Но что? Ведь слово «убивает» подразумевает человека, совершающего убийство. Тогда почему перед этим словом стоит «что-то»? Может быть, он имел в виду какую-то вещь или животное, или яд, или природное явление? Но какое?..

— Думаю, нет смысла напоминать вам, — прервал его размышления Хоссбах, — что Румыния — наш союзник, а не оккупированная территория. Поэтому там необходимо соблюдать некоторую тактичность.

— Да, я в курсе.

Некоторую тактичность следовало соблюдать и имея дело с Ворманном. Кэмпфер давно уже хотел свести с ним счеты.

Хоссбах попытался улыбнуться, но улыбка вышла весьма плотоядной.

— Мы все здесь, включая и генерала Гейдриха, будем с большим вниманием и интересом следить, как вы справитесь с этой работой... перед тем, как отправиться в Плоешти.

Кэмпфер уловил некоторое ударение на слове «перед» и небольшую паузу, отделившую его от начала фразы. Не оставалось сомнений, что Хоссбах хочет превратить эту короткую поездку в Альпы в своего рода испытание огнем. Кэмпфер должен был ехать в Плоешти уже через неделю. И если за этот срок он не успеет разобраться с проблемой Ворманна, то начнутся сомнения: тот ли это человек, который способен безукоризненно управлять крупным лагерем, сможет ли он должным образом обеспечивать безопасность важного промышленного объекта, и так далее... И тогда уж недостатка в конкурентах не будет.

Чувствуя необходимость немедленно начинать действия, Кэмпфер резко поднялся и направился к вешалке.

— Не думаю, что там могут возникнуть особые сложности. Я планирую убить через час с двумя взводами солдат. Если не будет задержки с самолетом и движение по железной дороге не нарушено, то мы будем на месте сегодня же вечером.

— Вот и отлично! — бодро подытожил Хоссбах и, не переставая ехидно улыбаться, с легкой иронией отсалютовал в ответ Кэмпферу.

— Я полагаю, двух взводов вполне хватит, чтобы позаботиться о нескольких партизанах. — Кэмпфер повернулся и шагнул к двери.

— Да, пожалуй, это даже более чем достаточно...

Но штурмбанфюрер СС Кэмпфер уже не слышал этого язвительного прощального замечания своего шефа. Другие слова занимали его голову: «Что-то убивает моих людей».

Перевал Дину, Румыния.
28 апреля 1941 года
Время: 13.22

Капитан Клаус Ворманн шагнул к распахнутому настежь окну своей спальни и выплюнул в воздух густую белую струю.

Козье молоко — ну и гадость! Для сыра, может, и сгодится, но только не для питья.

Наблюдая за струйкой, которая, рассыпаясь на мелкие капли, падала вниз на добрую сотню футов, Ворманн мечтательно представил себе полную до краев кружку холодного немецкого пива. Единственное, чего ему хотелось сейчас сильнее пива, — так это убраться ко всем чертям из ненавистного замка.

Но делать это было нельзя. По крайней мере, пока. Ворманн расправил плечи — типично прусский жест. Он был выше среднего роста, но его некогда стройное и мускулистое тело в последнее время стало заметно обрастать жирком. Коротко подстриженные темные волосы, широко поставленные карие глаза, нос с горбинкой от перелома в юности и полный набор зубов, так что можно было широко улыбнуться, когда представлялась такая возможность. Серая форменная рубашка расстегнута до пояса, обнажая мягкий круглый животик. Ворманн любовно похлопал его. Слишком много колбасы!.. Когда он волновался или был чем-то расстроен, то на-

чинал жевать между обычными приемами пищи, и, как правило, это была колбаса. И чем сильнее он нервничал, тем больше жевал. От этого и начал толстеть.

Взгляд Ворманна остановился на маленькой румынской деревушке, тающей в туманной дымке за высокими стенами замка. Крохотные домишки купались в солнечном свете и стояли, казалось, за целый мир от него. Отойдя от окна, он еще раз прошелся по комнате. На мрачных стенах, выложенных из грубых каменных блоков, повсюду виднелись кресты из меди и никеля. Всего их в комнате было сорок девять. Он знал это точно. За последние несколько дней Ворманн не раз пересчитывал их. Он в задумчивости прошел мимо мольберта с почти готовой картиной, потом на секунду задержался возле раскладного походного стола и направился к противоположному окну, выходящему во внутренний дворик замка.

Под окном стояли его солдаты. Те, кто не заступил в караул, собрались в небольшие группы. Некоторые тихо переговаривались, но большинство угрюмо молчало. Все старались держаться подальше от темных мест. Надвигалась ночь. Еще одна ночь. И еще одному из них суждено умереть.

В дальнем углу двора сидел на корточках бледный молодой солдат и что-то яростно строгал. Ворманн прищурился и различил в руках строгальщика небольшой деревянный крест. Как будто вокруг не хватало крестов!

Люди боялись. И он сам тоже. Такая разительная перемена произошла в них меньше чем за неделю. Неожиданно Ворманн вспомнил, как они входили в ворота замка — гордые солдаты вермахта, воины великой армии, покорившей Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию и Голландию. Потом, сметя в море возле Дюнкерка остатки британских сил, несокрушимая гвардия фюрера за тридцать девять дней покончила с Францией. А в этом месяце всего за двенадцать дней была захвачена Югославия, Греция пала за какие-то двадцать два дня. Никто не мог устоять против них, прирожденных победителей.

Но все это было неделю назад. Просто удивительно, что могут сделать с гордыми покорителями мира шесть страшных и необъяснимых смертей... В течение недели мир словно сжался, и теперь для Ворманна и его солдат

не существовало более ничего, кроме этого крошечного замка, этой холодной гранитной могилы. Они наткнулись на нечто такое, что не могло быть остановлено никакими известными им способами; оно убивало и растворялось, чтобы позже вернуться и снова убить. И постепенно они теряли присутствие духа.

Они... Ворманн вдруг понял, что почему-то забыл включить в их число самого себя, словно он не имел больше никакого отношения ни к злосчастному замку, ни к солдатам во дворе, ни к самой этой войне. Страсть борьбы ушла из его сердца еще в Польше, возле города Познань, когда появились эсэсовцы, и он своими глазами увидел, что случилось с «нежелательными элементами», попавшими в руки солдат регулярной армии. Тогда он даже высказал свой протест. И с тех пор больше не видел сражений. Но это вполне устраивало Ворманна, ведь в тот памятный день его окончательно покинуло чувство гордости за свою принадлежность к «великой армии победителей».

Ворманн отошел от окна и вернулся к столу. С тоской посмотрев на фотографию жены и двух сыновей, он медленно перевел взгляд на расшифрованное донесение, лежащее на краю стола:

«Штурмбанфюрер СС Кэмпфер с приданным спецподразделением откомандирован к вам 28.04.41 г.

До его прибытия оставаться на прежних позициях».

Почему, черт возьми, они послали майора СС?! Ведь это позиции обыкновенной армейской части, к тому же в глубоком тылу на территории союзников. И СС, по мнению Ворманна, не имела к ним никакого отношения, как, впрочем, и вообще к Румынии. Но он так многого не понимал в этой войне!.. И потом, неужели там не нашлось никого, кроме этого Кэмпфера? Из всех офицеров почему-то выбрали именно его! Никуда не годный в бою, он, конечно, был первоклассным эсэсовцем. Но только что ему делать здесь? Да еще со своими подчиненными... Ведь это, в сущности, даже не солдаты, а настоящие палачи и могильщики — опорная сила концлагерей. Профессиональные каратели, приученные убивать безоружных и штатских. Это их он наблюдал за работой в предместье Познани. Но зачем их направили сюда?..

Безоружные и штатские... Эти слова почему-то задержались в его голове, и постепенно в уголки губ капитана вползла улыбка, хотя глаза оставались серьезными.

Пусть эсэсовцы приедут... Теперь Ворманн понял, что командование убеждено, будто за убийствами на заставе скрывается невооруженный штатский. Но даже если и так, то этот невидимый мститель наверняка не из тех, кого охватывает раболопный страх перед СС. Пусть приезжают... и почувствуют на своей шкуре страх, который сами так любят сеять. Пусть они поверят в невероятное.

Ворманн верил. Еще неделю назад он рассмеялся бы при одной мысли об этом. Но теперь, чем ближе солнце склонялось к мрачным вершинам гор, тем сильнее он верил... и боялся.

Все произошло за одну неделю. Когда они только прибыли сюда, появлялись вопросы, но страха не было.

Всего неделя... Неужели так мало? Ему казалось, что с той минуты, как он впервые увидел этот замок, прошла уже целая вечность...

Глава первая

*Начальнику Генерального штаба
сухопутных войск
генералу Гальдеру,
Берлин.*

СПРАВКА

Нефтеперерабатывающий комплекс в Плоешти с севера надежно защищен юго-восточными отрогами Карпат. Единственную, хоть и сравнительно небольшую, угрозу на суше представляет перевал Дину в Трансильванских Альпах. Как утверждается в прилагаемом подробном докладе, из-за неплотного населения и специфических погодных условий района значительные силы противника могут, оставаясь незамеченными, пройти к перевалу Дину по южным склонам Карпатских гор из юго-западных русских степей и выйти на плацдарм в двадцати милях к северо-западу от Плоешти, где перед ними окажутся только равнинные территории.

Из-за стратегического значения бензина, производимого комплексом в Плоешти, рекомендуется для охраны северных подступов к объекту во время проведения плана «Барбаросса» разместить небольшое подразделение в пределах названного перевала. Как указано в основном докладе, на перевале имеется старинное фортификационное сооружение, которое может служить передовым наблюдательным пунктом северного рубежа обороны на линии Плоешти — Бухарест.

Приложение: доклад Отдела тактического планирования на 19 листах.

Представлено в порядке информации на рассмотрение командования ОКХ в соответствии с директивой № 21.

Штаб обороны Плоешти, Румыния.
1 апреля 1941 года.

Перевал Дину, Румыния.
Вторник, 22 апреля.
Время: 12.08

Длинных дней здесь не бывает ни в какое время года, размышлял Ворманн, глядя на горные цепи по тысяче футов высотой, возвышающиеся с обеих сторон перевала. Солнцу надо карабкаться над горизонтом градусов тридцать, прежде чем оно осветит восточную сторону хребта и, проделав короткое путешествие в девяносто градусов, снова скроется из виду.

Склоны гор близ перевала исключительно крутые, почти вертикальные. Еще немного — и камни обрушились бы вниз. Из-за острых утесов видны длинные цепи окутанных туманом холмов, большинство из которых неожиданно обрывается неприступными кручами, кое-где сглаженными обвалившейся сланцевой глиной. Коричневое и серое — глина и гранит — составляют почти весь здешний пейзаж, лишь местами скрашенный зелеными заплатами сочных весенних лугов. Чахлые кривые деревья, еще голые в это время года, со скрученными от ветра стволами и ветками, цепляются узловатыми корнями за трещины в скалах. Они буквально висят на камнях, как измученные альпинисты, у которых не хватило сил лезть дальше в горы.

Из окна командирского «опеля» Ворманн слышал монотонный рокот двух тяжелых грузовиков с солдатами, а немного подальше — лязг и грохот бронемшины, везущей оружие и провиант. Все четыре автомобиля ползли гуськом вдоль подножия западного склона хребта, где с течением лет основание скалы превратилось в некое подобие дороги. Перевал Дину был на удивление узким по сравнению со всеми предыдущими перевалами, которых Ворманн преодолел уже с десятков, медленно продвигаясь по разбитому серпантину этой единственной в Трансильванских Альпах дороги, ведущей в самое серд-

це таинственной подковы Южных Карпат — самого дикого и неизведанного места Европы. Ворманн рассеянно посмотрел на дно ущелья, лежащее футах в пятидесяти справа от дороги. Оно было гладким и зеленым от свежей молодой травы, по центру бежала едва различимая тропинка. Там путь был бы короче, но его предупредили, что добраться до конечного пункта на колесах он сможет только по верхней дороге. Так что приходилось ехать по пыльному трескучему камню.

Дорога... Ворманн усмехнулся. Никакой дороги здесь нет. Это просто широкий уступ скалы, а никакая не дорога. Местные жители, очевидно, не верят в современные машины, и поэтому не удосужились даже проложить себе приличную трассу.

Солнце скрылось совсем неожиданно, послышался гром, сверкнула молния, и опять полил дождь. Ворманн выругался. Снова гроза. Погода здесь просто сумасшедшая. Ветер с дождем постоянно обрушивались на склоны хребта, бесконечно сверкала молния, и гром свирепствовал так, будто хотел сокрушить эти горы, а дождь лил сплошными потоками, словно пытаясь утопить их. И они погибли так же внезапно, как появились здесь.

Неужели кто-то может жить в этой местности? — удивлялся он. Ведь урожай тут настолько скудные, что едва хватает на пропитание. Правда, козы и овцы должны чувствовать себя неплохо: травы вокруг предостаточно, и чистой воды в горных ручьях — тоже. Но как тут могут жить люди?..

Впервые Ворманн увидел замок, когда, пробившись через блеящее стадо коз, они резко свернули налево. При виде неприступных гранитных стен с широкими тупыми зубцами он сразу ощутил какую-то смутную тревогу, но чувство это было очень неясным. Замок оказался совсем небольшим; его даже трудно было назвать замком из-за более чем скромных размеров. Если верить картам, названия он не имел, и это тоже казалось довольно странным. Перед отъездом Ворманну говорили, что этот форт построен пять с лишним столетий тому назад, однако, глядя на него, можно было подумать, что последний камень здесь положили только вчера. Очевидно, где-то они неправильно свернули. Не может быть, чтобы это сооружение и было тем самым средневековым бастионом, который им предстояло занять.

Остановив колонну, Ворманн сверился с картой и понял, что они действительно прибыли на место своей новой дислокации. Он еще раз взглянул на строение, уже более внимательно изучая его.

Многие годы назад огромный кусок откололся от острой гранитной скалы на западной стороне перевала. Вокруг него образовался глубокий естественный ров с ледяной водой из горного источника. Замок расположился на этом одиноком утесе. Его стены высотой в сорок футов в задней части плавно переходили в гранит скалы. Человек, строивший эту крепость, умело использовал все преимущества ландшафта, предоставленные здешней суровой природой. Замок словно вырастал из неприступного горного монолита. Но самой замечательной частью этого укрепления была его единственная выступающая на середину перевала башня, плоская крыша которой возвышалась не менее чем на сто пятьдесят футов над серыми зубчатыми стенами. Таков был их горный форпост. Крепость из другого времени. Приятное зрелище, если учесть, что в стенах этой древней заставы они найдут надежное убежище от всех непогод во время предстоящих бдений на перевале.

Но почему этот пятисотлетний форт выглядит как новый?

Ворманн кивнул водителю и свернул карту. За рулем был сержант Остер — единственный сержант в их подразделении, заодно выполняющий и обязанности командирского шофера. Остер взмахнул высунутой из окна левой рукой, и все четыре автомобиля снова двинулись в путь. Но едва поворот кончился, дорога стала расширяться и вскоре вывела их на центральную площадь маленькой деревеньки, расположенной к югу от замка.

Остановив машины на середине площади, Ворманн подумал, что это поселение следовало бы именовать как-нибудь по-другому, настолько сильно оно отличалось от привычной глазу немецкой деревни. На крохотном пятнышке ровной земли ютилось не больше десятка хижин с обмазанными глиной стенами и ненадежными соломенными крышами, причем все постройки были одноэтажными, за исключением единственного добротного дома у самой околицы. Он стоял слегка на отшибе и имел какую-то вывеску. Ворманн не читал по-румынски, но догадался, что это какая-нибудь гостиница или трактир.

Но он никак не мог понять, зачем здесь нужна гостиница. Неужели кто-нибудь приезжает сюда?

Почти сразу за заборами крайних домов дорога обрывалась у невысокого земляного вала. Отсюда начинался деревянный настил двухсотфутового моста через ров, представляющего собой единственную связь замка с внешним миром. Иначе добраться до крепости было невозможно, разве что вскарабкавшись по отвесным стенам или поднявшись по веревке, перекинутой со стены через ров с почти вертикальными гладкими стенами.

Натренированный глаз капитана сразу же оценил стратегическую важность заставы. Во-первых, это прекрасный наблюдательный пункт. Из башни откроется великолепный вид на весь перевал, а со стен замка каких-нибудь пятьдесят солдат смогут легко удерживать на расстоянии целый батальон русских. Конечно, русским и в голову не придет сунуться в эти дикие горы, но кто он такой, чтобы оспаривать мнение берлинского руководства?

Однако в то же самое время Ворманн оценивал замок и с другой стороны. Это был взгляд художника, ценителя пейзажей. Что лучше — использовать акварель или попытаться маслом передать эту задумчивость и величие? Пожалуй, стоит испробовать и то и другое, и тогда уж сделать окончательный выбор. Для этого у него будет много свободного времени...

— Ну, сержант,— спросил он, едва машины остановились у начала моста,— что вы думаете о своем новом доме?

— Почти ничего.

— Привыкайте к нему. Возможно, остаток военных дней вам придется провести именно здесь.

— Так точно, господин капитан.

Заметив, что Остер отвечает на редкость сухо, Ворманн внимательно посмотрел на него. Сержант был худощавым темноволосым мужчиной, почти вдвое моложе Ворманна.

— До конца войны осталось недолго, сержант. Когда мы выезжали сюда, как раз передали, что уже сдалась Югославия.

— Господин капитан, вы должны были сразу же сказать нам об этом, это подняло бы наш дух!

— А неужели вы до такой степени приуныли?

— Никак нет, но мы все хотели бы оказаться сейчас в Греции...

— Но там ведь нет ничего, кроме крепких напитков, жареного мяса и весьма странных танцев. Вам наверняка не понравилось бы.

— Я имею в виду — чтобы сражаться там, господин капитан.

— Ах, вот почему!..

Ворманн заметил, что его чувство юмора в последнее время все сильнее окрашивается мрачным едким сарказмом. Черта, надо сказать, незавидная для немецкого офицера, а тем более — для немца, который так и не стал нацистом. Но это было его единственной защитой от полного разочарования в жизни и своей собственной военной карьере. Сержант же Остер еще слишком мало прослужил вместе с ним и пока многого не понимал. Но со временем, конечно, и он догадается обо всем...

— Боюсь, что пока вы туда доберетесь, все сражения уже закончатся. Я, например, ожидаю победы прямо на этой неделе.

— И все равно мы считаем, что там послужили бы фюреру гораздо лучше, чем в этих горах.

— Не забывайте, что именно по воле вашего фюрера мы сюда и попали.— Он с удовольствием отметил, что Остер пропустил слово «вашего».

— Но зачем, господин капитан? Какова наша цель?

Ворманн повторил заученный текст:

— Командование сухопутных войск рассматривает перевал Дину как важный рубеж обороны на возможном направлении удара из русских степей в сторону нефтяного комплекса в Плоешти. Если отношения между рейхом и Россией ухудшатся, то русские могут внезапно атаковать эти заводы. А без производимого там горючего мобильность вермахта будет значительно снижена.

Остер слушал очень внимательно, хотя слышал все это уже много раз и сам пересказывал примерно то же самое солдатам. Но Ворманн знал, что сержант так и не поверил ему до конца. Однако он не обвинял его. Любой мало-мальски толковый солдат начал бы на его месте задавать вопросы. А Остер служил в армии уже достаточно долго, чтобы понять, насколько все это странно — отправить закаленного в боях офицера во главе двух взводов без второго офицера в глухое горное место, да

еще к союзникам. С этой работой справился бы и самый завалящий лейтенант.

— Но ведь у русских хватает и своей нефти. К тому же у нас с ними подписан договор...

— Ну конечно! Как я про это забыл! Договор... Сейчас ведь никто не нарушает договоры...

— Не хотите же вы сказать, что Сталин способен предать фюрера?

Ворманн еле сдержался, чтобы не ответить ему: «Если, конечно, ваш фюрер не предаст его первым». Но Остер все равно ничего не понял бы. Как и многие его сверстники, он уже с детства привык отождествлять интересы немецкого народа с волей Адольфа Гитлера. И со временем стал просто одержим нацистской идеей. Гитлер буквально околдовал его. Ворманн же был слишком стар для такой безрассудной страсти. В прошлом месяце ему исполнился сорок один год. Он хорошо помнил, как Гитлер пробился из пивных баров в канцлерство, а потом почти в боги. Но он никогда не любил его.

Конечно, следовало признать, что Гитлер объединил нацию и открыл ей путь к потерянному самоуважению. И за это ни один верный немец не станет винить его. Но Ворманн никогда не доверял этому австрийцу, окружившему себя южанами — баварцами. Ни один уроженец Пруссии не стал бы всерьез иметь дело с этими горластыми выскочками. В них всегда было что-то мерзкое. И то, что Ворманн видел у Познани, наглядно доказывало всю эту мерзость.

— Пусть люди выходят и вытягиваются в цепь,— сказал он, игнорируя последний вопрос Остера. В любом случае, он звучал риторически.— Проверьте настил, выдержит ли он машины, а я осмотрю пока внутренность замка.

Пройдя по мосту, он с удивлением обнаружил, что дерево под ногами вполне еще крепкое. Потом обвел взглядом скалы, образующие стены глубокого рва. До воды на его дне было далеко — футов шестьдесят, не меньше. Лучше сперва разгрузить машины, оставить в них только водителей и пустить по одной.

Огромные деревянные ворота крепости были настежь открыты, как и большинство ставней в окнах башни и стен. Будто перед их приездом замок проветривали. Ворманн прошел через ворота на вымощенный булыжни-

ком двор. Здесь было прохладно и тихо. Только сейчас он заметил, что в замке есть задняя секция, врезанная прямо в скалу. С дороги ее не было видно.

Он не спеша осмотрелся. Над головой нависала угрюмая громада уходящей в небо башни, со всех сторон окружали высокие стены. Ворманну показалось, что он находится в объятиях огромного спящего зверя, пробудить которого никто до сих пор не решался.

И тут он увидел кресты. Изнутри стены крепости были сплошь усеяны ими — сотнями, нет, тысячами крестов! Все они были одинакового размера и одной и той же необычной формы: вертикальная планка около десяти дюймов длиной, горизонтальная — восемь дюймов. Но самым странным было то, что горизонтальная перекладина находилась почти на самом верху вертикальной и с каждой стороны имела на концах по отростку, устремленному вверх. Если продвинуть ее чуть-чуть выше, то из креста получилась бы буква «Т» с перевернутой крышей.

Эти странные символы озадачили Ворманна и породили в его душе какое-то смутное беспокойство. Было что-то гнетущее и тревожное в их уродливых тупых очертаниях. Он приблизился к одному из крестов и погладил его блестящую полированную поверхность. Вертикальная планка оказалась из меди, горизонтальная — никелевая, а сам крест был полностью утоплен в шершавую поверхность гранитной плиты.

Ворманн вновь огляделся. Что-то еще волновало его. Чего-то здесь не хватало. И вдруг он понял чего — птиц. Нигде не было голубей. Во всех замках Германии их полным-полно круглый год — они гнездятся в самых немыслимых закоулках и трещинах, на всех чердаках. Здесь же не было ни единой птицы — ни на стенах, ни у окон, ни в башне.

Внезапно сзади раздался шум, и Ворманн резко обернулся, одновременно расстегивая кобуру и привычным жестом выхватывая пистолет. Румынское государство могло быть и союзником рейха, но Ворманн прекрасно сознавал, что в такой глухомани вполне могут найтись и совсем иные группировки. Например, национальная крестьянская партия, которая яростно выступала против союза с Германией, сейчас была уже фактически уничтожена, но остатки подпольных групп кое-где еще действовали. Так что какие-нибудь партизаны могли

прятаться и здесь, в горах, горя желанием убить несколько немцев.

Звук приближался. Это были шаги, но шаги твердые и уверенные — кто-то смело шел прямо к нему. Этот звук доносился с задней части двора, и вскоре Ворманн увидел мужчину лет тридцати в безрукавке из овечьей шкуры. Он, казалось, не замечал Ворманна. В руках у мужчины был мастерок с цементом, которым он принялся замазывать небольшую трещину в стене, встав на корточки и повернувшись к капитану спиной.

— Эй, ты что там делаешь? — рявкнул Ворманн. Он рассчитывал, что замок будет пустым.

Каменщик от неожиданности выронил инструмент, вскочил и с гневным видом обернулся на зов, но когда он увидел военную форму и до него дошло, что к нему обратились на немецком языке, негодование на его широком лице уступило место растерянности и испугу. Он пробормотал что-то невнятное, вероятно, по-румынски. Ворманн с раздражением подумал, что ему придется либо искать переводчика, либо самому учить этот язык, если они задержатся здесь хоть на сколько-нибудь длительный срок.

— Говори по-немецки! Что ты тут делаешь?

Мужчина боязливо и нерешительно покачал головой. Потом поднял вверх указательный палец, будто просил немного обождать, и прокричал какое-то слово, похожее на «папа».

Сверху послышался шум, и вскоре в одном из окон башни показалась голова пожилого мужчины в овечьей шапке. Ворманн не опускал оружие, выжидая, пока незнакомцы быстро переговорят о чем-то между собой. Потом старший из них крикнул сверху:

— Я сейчас спущусь, господин.

Ворманн кивнул и успокоился. Потом снова подошел к кресту и внимательно осмотрел его. Никель и медь... Но выглядели они, почти как золото и серебро.

— На стенах замка шестнадцать тысяч восьмьсот семь таких крестов, — раздался сзади скрипучий голос. Человек говорил с сильным акцентом, медленно подбирая слова.

Ворманн обернулся.

— Вы их считали? — Мужчине было на вид лет пятьдесят. Лицом он сильно походил на молодого каменщика, к тому же оба были одеты в одинаковые домо-

тканые рубахи и грубые шерстяные штаны, только у старшего была шапка.— Или просто придумали это число для туристов?

— Меня зовут Александру,— степенно ответил он и слегка приосанился.— Я работаю здесь с сыновьями. И мы никого сюда не пускаем.

— Теперь все будет по-другому. Мне сказали, что в замке никого нет.

— Так и есть, ночевать мы уходим домой. Мы живем здесь, в деревне.

— А где владелец?

Александру пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Кто он?

— Не знаю.— Он снова пожал плечами.

— Тогда кто же вам платит? — все это начинало действовать Ворманну на нервы. Может быть, этот человек ничего больше и не умеет, как только пожимать плечами и говорить «не знаю».

— Хозяин гостиницы. Кто-то приносит ему деньги два раза в год, проверяет замок, делает для себя заметки, а потом уезжает. А хозяин гостиницы платит нам каждый месяц.

— А кто вам говорит, что надо делать? — Ворманн уже приготовился услышать очередное «не знаю», но его не последовало.

— Никто.— Александру стоял, гордо выпрямив спину, и говорил спокойно и с достоинством.— Мы все делаем сами. Наша задача — следить за тем, чтобы замок всегда выглядел, как новый. А больше нам ничего и не надо знать. Где мы видим работу, там ее и делаем. Мой отец всю жизнь проработал здесь, его отец тоже, и так далее... А после меня будут работать мои сыновья.

— И вы тратите все свое время на поддержание порядка в замке? Я не верю в это.

— Он больше, чем кажется на первый взгляд. В стенах, которые вас окружают, тоже есть комнаты. И в подвале их очень много, и в задней части, которая уходит в гору. Так что работа всегда найдется.

Ворманн обвел взглядом мрачные стены, наполовину погруженные в тень, потом двор, тоже темный, несмотря на светлое время суток. Кто выстроил этот замок? И кто платит за то, чтобы его поддерживали в идеальном порядке? Он не мог понять, кто и зачем. Еще раз

оглядев строение, он вдруг подумал, что если бы ему довелось строить эту крепость, то он разместил бы ее на другой стороне перевала, где гораздо больше тепла и солнца. А при таком расположении замка, как сейчас, сумерки в нем наступали неоправданно рано.

— Очень хорошо,— ответил он Александру.— Можете продолжать свою работу после того, как мы обогреемся здесь. Только не забывайте каждый раз показываться часовым, когда будете приходить и уходить, и ваши сыновья тоже.

Но старик лишь отрицательно покачал головой.

— В чем дело? — нахмурился Ворманн.

— Вы не можете здесь оставаться.

— Почему?

— Это запрещено.

— А кто запретил?

Александру снова пожал плечами.

— Так было всегда. Мы следим за порядком в замке и за тем, чтобы здесь не было посторонних.

— И конечно же, вы с этим всегда отлично справлялись...— Хладнокровие старого румына начинало забавлять его.

— Нет. Не всегда. Бывало, что путники оставались здесь несмотря на наши предупреждения. Мы ничего не могли поделать — нам ведь не платят за то, чтобы мы силой выдворяли их. Но больше одной ночи тут никто не задерживался. А некоторые — и того меньше.

Ворманн улыбнулся. Он ожидал услышать это. Пустой замок, да еще в такой местности, обязательно должен иметь свое привидение. Должна же у людей быть пища для пересудов!..

— А что их пугает? Стоны и вздохи? Или, может быть, звон цепей?

— Нет... Здесь нет призраков, господин.

— Тогда, наверное, здесь происходят убийства. Жуткие убийства!.. А может, самоубийства?..— Ворманн развлекался.— У нас в Германии тоже полно таких замков, и каждый имеет свою ужасную историю.

Александру покачал головой.

— Нет, здесь никто не умирал. По крайней мере, я об этом не слышал.

— Тогда в чем же дело? Почему никто не выдерживает здесь больше одной ночи?

— Им снятся сны. Страшные сны. И всегда одно и то же... Из того, что я слышал сам,— людям кажется, будто их заперли в крошечной комнате без окон, дверей и без света... В полной темноте... И холодно. Очень холодно... И есть рядом с вами в этой темноте что-то такое... что еще холоднее, чем сама эта темнота... И «оно» очень голодное.

Ворманн почувствовал, что от таких рассказов по спине у него пробежал холодок. Он хотел спросить Александру, а не провел ли он сам хоть одну ночь в этом замке, но, взглянув в глаза старика, сразу же понял все сам. Да, Александру проводил в замке ночь. Но только однажды.

— Подождем, пока мои солдаты перейдут мост,— сказал Ворманн, ежась от холода.— А потом вы покажете мне весь замок.

Александру стоял, растерянно переминаясь с ноги на ногу.

— Мой долг, господин капитан,— с тревогой в голосе продолжал он,— сообщить вам, что в замке не должно быть никаких жильцов.

Ворманн улыбнулся, но в его улыбке не было снисхождения. Он хорошо знал, что такое долг, и уважал чувства старика.

— Я понял ваше предупреждение. Но теперь вы имеете дело с немецкой армией, а это сила, которой вы не можете сопротивляться. Поэтому считайте, что вы выполнили свой долг до конца.

Сказав это, Ворманн повернулся и зашагал к воротам.

До сих пор он так и не увидел ни одной птицы. Снятся ли птицам сны? Может быть, они тоже находят здесь пристанище всего на одну ночь, чтобы потом никогда не вернуться обратно?..

Командирская машина и три грузовика прошли по мосту без происшествий и были поставлены во дворе. Солдаты двигались вслед за ними пешком, неся на себе разную утварь. Сперва они перетащили личные вещи,

а потом, в несколько заходов, всю провизию, генераторы и противотанковое оружие.

Пока сержант Остер отдавал приказы, Ворманн вместе с Александром отправился осматривать замок. Его продолжали удивлять кресты, расположенные на одинаковом расстоянии по всем стенам коридоров и комнат. Они, казалось, были повсюду: во дворе, в башне, в подвале, в задней секции, уходящей в скалу. Все комнаты были без мебели, многие из них оказались на удивление маленькими.

— Здесь всего сорок девять помещений, включая башню, — сообщил Александру.

— Странное число, вы не находите? Почему бы не округлить его до пятидесяти?

Александр снова пожал плечами.

— Кто его знает...

Ворманн заскрежетал зубами: «Если он пожмет плечами еще хоть один раз!..»

Они прошли по верхней галерее широкой крепостной стены, окаймляющей вытянутый пятиугольник двора, вершину которого венчала башня, а основанием служил гранитный монолит отвесной скалы. Ворманн заметил, что и на внутренней части высокого парапета с бойницами тоже поблескивают металлические кресты. «Почему же на внешней стороне стен нет крестов?» — подумал он и, не найдя ответа, спросил об этом Александра.

— Там их и правда нет. Только внутри. И посмотрите на эти плиты. Как точно они подогнаны друг к другу! Ведь между ними нет ни капли раствора. И все стены в замке построены именно так. Но этот секрет уже утерян...

Ворманну было наплевать на конструкцию стен. Он указал себе под ноги.

— Вы говорите, что там, под нами, тоже есть комнаты?

— Да, они расположены в два яруса в каждой стене и имеют маленькие окошки на внешнюю сторону и двери в коридор, ведущий ко двору.

— Прекрасно. Там у нас и будут казармы. Ну, а теперь — в башню.

Круглая сторожевая башня заставы тоже оказалась весьма необычной архитектуры. Здесь было пять этажей, на каждом — по две комнаты, которые занимали почти все пространство, оставляя лишь небольшой про-

ход на следующий этаж. Узкая каменная лестница без перил круто взвивалась по северной стороне, упираясь в лок, ведущий на крышу.

Тяжело дыша после подъема, Ворманн облокотился о широкий зубец парапета на крыше башни и опытным глазом окинул открывшуюся панораму перевала. Отсюда он сразу же приметил места, где лучше всего будет поставить противотанковые ружья и пулеметы. Ворманн не очень-то верил в потрепанное оружие тридцать восьмого года выпуска, которым его снабдили, но еще меньше он верил в то, что ему придется всерьез применять его здесь. Как, впрочем, и минометы. Однако разместить их все-таки не мешало.

— Отсюда все как на ладони, — пробормотал он себе под нос.

Неожиданно заговорил Александру:

— Но только не весной, во время тумана. Весной весь перевал покрывает густой туман.

Ворманн запомнил это. Значит, часовым на постах придется не только ломать глаза день и ночь, но и внимательно прислушиваться ко всему.

— А куда подевались птицы? — наконец спросил он. Ему очень не нравилось, что он до сих пор так и не увидел на перевале никого из пернатых.

— Я никогда не видел здесь птиц, — ответил Александру. — Ни одной.

— И вам это не кажется странным?

— Замок вообще очень странный, господин капитан, со всеми его крестами и тому подобным... Но я уже лет с десяти перестал любопытствовать о таких вещах.

— А кто его построил? — спросил Ворманн и отвернулся, чтобы не видеть, как старик пожимает плечами.

— Спросите пятерых, и вы получите пять разных ответов. Одни говорят, будто какой-то опальный боярин из Валахии, другие — что предводитель взбунтовавшихся турок, а некоторые считают, что и сам папа римский. Но кто скажет наверняка? За пять столетий правда спряталась, а сказки разрослись.

— Вы и в самом деле считаете, что он такой старый? — спросил Ворманн, последний раз окидывая взглядом перевал. «Правда может спрятаться и за несколько лет...» — едко заметил он про себя, поворачиваясь к скользкой стоптанной лестнице.

Едва они спустились во двор, как Александру сразу же устремился на звук топора, доносившийся из задней секции замка. Ворманн поспешил вслед за ним. Увидев, что солдаты расковыривают чем-то стены, старик, схватившись за сердце, бросился назад к капитану.

— Господин! Господин! Они вставляют гвозди между камнями! — кричал он на бегу, в ужасе заламывая руки. — Остановите их! Они испортят кладку!

— Чепуха! Это всего лишь несколько гвоздей. Мы привезли с собой генераторы и должны провести здесь свет. Немецкая армия не собирается жить при свечах.

Но, пройдя немного вперед, они увидели сидящего на корточках молодого солдата, который, ловко орудуя штыком, пытался выломать из стены крест. Александру не на шутку разволновался.

— А этот? — громким шепотом спросил он. — Он тоже лампочки прибавляет?

Ворманн быстро и незаметно подошел сзади к увлечшемуся солдату. Заметив, что тот почти уже выломал крест, капитан неожиданно задрожал и весь покрылся холодным потом. Во рту сразу же пересохло, а на дно живота опустился тяжелый холодный ком.

— Кто дал вам это задание? — ледяным тоном спросил он, с трудом выговаривая слова.

Солдат испуганно вздрогнул, вскочил и выронил из рук винтовку. Увидев над собой свирепое лицо командира, он болезненно сморщился и втянул голову в плечи.

— Отвечать! — жутким голосом взревел Ворманн.

— Никто, господин капитан. — Солдат, бледный как полотно, вытянулся по стойке «смирно».

— Какой вы получили приказ?

— Развесить лампы.

— И что вы можете сказать в свое оправдание?

— Ничего, господин капитан.

— Я хочу знать, о чем вы думали, когда действовали как настоящий вандал, а не как солдат немецкой армии. Отвечать!

— О золоте, господин капитан, — покорно признался солдат. Это звучало глупо, он и сам понимал. — Я слышал, будто замок выстроен папой римским, чтобы хранить здесь сокровища. А эти кресты, господин капи-

тан... Они как будто сделаны из золота и серебра. И я просто...

— Вы не выполнили отданный вам приказ, рядовой. Как ваша фамилия?

— Лютц, господин капитан.

— Значит, так, рядовой Лютц: я вижу, для вас этот день слишком насыщен событиями. Вы не только узнали, что кресты сделаны из меди и никеля, а не из золота и серебра, но также заработали себе право бессменного ночного дежурства на всю неделю. Доложите о полученном взыскании сержанту Остеру, когда закончите с лампами.

Лютц поднял винтовку и, повесив голову, поплелся во двор. Когда Ворманн повернулся к Александру, тот был бледен как смерть и заметно дрожал.

— Эти кресты нельзя трогать! — прошептал перепуганный румын. — Никогда!

— Почему?..

— Потому что так было всегда. В замке ничего нельзя изменять. Потому мы и работаем здесь. И поэтому вам не нужно тут оставаться!

— Хорошая сегодня погода, — ответил Ворманн таким тоном, что стало ясно: разговор окончен. Он сочувствовал старику, но тем не менее должен был выполнить свой собственный долг.

Когда он повернулся и зашагал прочь, вслед ему все еще неслись слова Александру:

— Пожалуйста, господин капитан! Скажите им, чтобы не трогали кресты! Пусть только не трогают кресты!

Как раз это Ворманн решил непременно сделать. И даже не ради Александру. Он и сам не мог понять, почему его охватил такой страх, когда он увидел, как Лютц пытается выломать из стены крест. И это было не просто неприятное ощущение, а настоящий удушливый, леденящий кровь ужас, сжавший все его внутренности. Но он не мог найти ему объяснения.

Среда, 23 апреля.
Время: 03.20

Было уже за полночь, когда Ворманн лег на жесткий походный матрас, расстеленный прямо на полу его комнаты. Он выбрал себе третий этаж башни, чтобы иметь круговой обзор поверх окаймляющих двор стен и в то же время тратить не слишком много сил на подъем. Первая комната служила кабинетом, а маленькая каморка позади нее отводилась под частное помещение. Два передних окна с толстыми деревянными ставнями, представляющие собой узкие прямоугольные отверстия без стекол, выходили на перевал и позволяли видеть все, что творится в деревне. А из задних окон он мог осматривать внутренний двор.

Сейчас все ставни были открыты. Ворманн выключил свет и задержался у передних окон. Вал окутывал легкий туман. Но как только солнце зашло, холодный воздух стал опускаться с горных вершин, смешиваясь с влажным теплом ущелья, и в результате в седловине перевала заструилась извилистая белая река из густого тумана. Луны не было, зато звезды высыпали в таком количестве, как это бывает только в горах. Он мог долго смотреть на них, пытаясь понять сумасшедшую картину Ван Гога «Звездная ночь». Тишину нарушал только рокот дизельных генераторов, временно установленных в дальнем углу двора. В остальном царил полный покой. Ворманн долго стоял у окна и отошел, лишь когда понял, что начинает дремать.

Но едва он лег на матрас, как сон куда-то сразу же улетучился. Мысли побежали во всех направлениях: сегодня холодно, но все-таки не настолько, чтобы зажигать камин... Да и дров пока нет... И летом, наверное, здесь будет не слишком жарко... Хотя с водой проблем нет — в подвале нашли цистерны, наполняемые прямо из подземного источника... Вот только вечные хлопоты с санитарией... И сколько еще придется здесь проторчать?.. Может быть, дать завтра солдатам отоспаться после трудного дня?.. А может, попросить Александру и его сыновей изготовить для них что-нибудь вроде коек, чтобы не спать на голых камнях?.. Особенно, если придется пробыть здесь до осени или зимы... Если война затянется...

Война... Сейчас она где-то немыслимо далеко, словно и нет ее вовсе. А если и есть, то где-нибудь на другой планете или во сне... Мысль о том, чтобы уйти в отставку, вновь вернулась к нему. Днем он не думал об этом, но теперь, в этой тихой густой темноте, когда он остался наедине с собой, эта мысль незаметно выползла из каких-то бездонных глубин, осторожно коснулась его сознания и заставила задуматься.

Сейчас об этом нечего и мечтать — пока страна ведет войну, а он сидит в этой горной пустыне по прихоти берлинских командиров-политиканов. Он знал, что у них на уме: вступай в партию, или мы не пустим тебя на фронт; вступай в партию, или изведем тебя поручениями вроде этого — будешь сторожевым псом в каких-нибудь богом забытых Трансильванских Альпах. Вступай в партию или подавай в отставку...

Может, после войны он и правда уйдет в отставку? Все-таки весной этого года исполнилось двадцать пять лет, как он в армии. А при нынешнем положении дел четверть века — порядочный срок. Как было бы хорошо каждый день проводить дома с Хельгой, заниматься с мальчиками, оттачивать свои способности в рисовании...

И все же... армия так долго была его домом, что он не мог уже так вот запросто заставить себя порвать с этим прошлым. К тому же в глубине души Ворманн верил, что немецкая армия переживет нацистов. А если быть честным до конца, то и желал этого всем своим сердцем. Только бы он сам смог продержаться...

Ворманн открыл глаза и уставился в темноту. Хотя противоположная стена сейчас пряталась в густой тени, он почти что видел кресты, вставленные в толщу плит. Он давно уже не был религиозен, но их присутствие все равно действовало успокаивающе.

И сразу же вспомнился инцидент в коридоре. Как он ни пытался, ему так и не удалось до конца стряхнуть с себя весь тот ужас, что охватил его при виде солдата — как же его фамилия? Кажется, Лютц... — который штыком пытался выдолбить крест из стены.

Лютц... Рядовой Лютц... С ним придется помучиться... Надо будет сказать завтра Остеру, чтобы приглядывал за ним...

И тут он начал проваливаться в сон, напоследок подумав о том, посетят ли его те кошмары, о которых рассказывал Александру.

Глава вторая

Застава
Среда, 23 апреля.
Время 03 40

Рядовой Ганс Лютц сел на корточки под тусклой дежурной лампочкой — одинокая сутулая фигура на маленьком островке света в море сплошной темноты — и глубоко затянулся сигаретой, подперев спиной влажный камень подвальной стены замка. Он снял каску, и стали видны его жесткие светлые волосы над холодными водянистыми глазами и тонкой линией рта. Все тело противно ныло. Он страшно устал и хотел сейчас лишь одного — упасть на матрас и забыться глубоким сном. Если бы в подвале было хоть немного теплее, он задремал бы прямо здесь.

Но он не мог себе этого позволить. В семи ночных дежурствах подряд и так было мало радости, а что произойдет, если его вдобавок найдут еще спящим на посту, — одному Богу известно. А ведь Ворманн вполне может пройти именно по этому коридору, специально чтобы проверить его. Поэтому засыпать нельзя.

Конечно, капитан засек его сегодня по чистой случайности, но все равно теперь следовало быть вдвойне осторожным.

Лютц не сводил глаз с этих странных крестов с той минуты, как они вошли во двор замка. И через час соблазн стал просто невыносимым, до того они были похожи на золото и серебро, как бы это ни казалось невероятным. Предстояло немедленно разобраться во всем. Кто же знал, что этим он наживет себе столько неприятностей?..

Зато он, по крайней мере, удовлетворил свое любопытство: это не золото и не серебро. Хотя такое открытие и не стоило семи нарядов вне очереди.

Лютц зябко потер руки возле тусклого огонька сигареты. Боже, как холодно! Гораздо холоднее, чем во дворе, где дежурят Отто и Эрнст. Но он сознательно выбрал это место, надеясь, что холод освежит его и стряхнет сон. По крайней мере, так он сказал сержанту, хотя на самом деле ему не терпелось продолжить свои изыскания.

После дневной неудачи Лютт совсем не отчаялся найти сокровища папы римского. Слишком уж много было указаний на то, что клад находится где-то здесь. И самый верный знак — это кресты. Конечно, они не были строгой канонической формы, но тем не менее это были именно кресты. И уж слишком сильно они походили на золото и серебро. А кроме того, ни одна из комнат не была обставлена мебелью. Это значит, что никто не собирался здесь жить. И все же замок поддерживался в идеальном порядке. Следовательно, какая-то организация непрерывно платит за это в течение вот уже нескольких веков. ВЕКОВ!.. А Лютт знал только одну организацию, которая могла себе такое позволить, — это католическая церковь.

Что же касается самого Лютта, то он считал, что порядок в замке служит единственной цели — сохранности и безопасности ватиканских сокровищ.

Они наверняка находятся где-то здесь — в стене или под полом. А где именно — уж это он выяснит.

Лютт задумчиво уставился на противоположную стену коридора. Здесь, в подвале, было особенно много крестов. Но, как и везде, все они были удивительно похожи друг на друга, кроме...

Кроме, пожалуй, вон того — слева в нижнем ряду. Он как-то по-другому отсвечивает в тусклых лучах оголенной лампочки. Что это — игра света и тени? А может быть, другое покрытие?

Или другой металл?

Лютт снял с колен свой «шмайсер» и прислонил его к стене. Потом вынул из ножен штык и на четвереньках пополз вперед. И как только штык коснулся поверхности желтого металла, он понял, что попал на след. Металл был мягкий и желтый, каким бывает только чистое золото.

Руки у него задрожали, когда он вонзил штык между камнем и крестом и со скрипом продвинул лезвие, насколько смог. Но потом, несмотря на все усилия, штык перестал продвигаться. Видимо, он наткнулся на более широкую заднюю часть креста, хитроумно врезанную в монолит плиты. И все же, немного потрудившись, вполне можно было выломать этот крест. Лютт с новой силой налег на нож и неожиданно ощутил под рукой какое-то слабое движение. Он остановился.

Проклятье! Закаленная сталь клинка врезалась прямо в золото. Он попробовал изменить угол наклона, но все равно металл гнулся, расплзался...

...И вдруг камень дрогнул.

Лютц убрал штык и внимательно осмотрел плиту. Ничего особенного: два фута шириной, фута полтора в высоту и, наверное, фут в глубину. Как и все остальные плиты в замке, она не крепилась к соседним камням никаким раствором, но только теперь она выступала на добрых полдюйма вперед по сравнению с другими. Лютц встал и измерил шагами расстояние до двери ближайшей комнаты слева от камня, потом вошел в комнату и промерил длину стены изнутри. Затем повторил ту же операцию по правую сторону от шатающейся плиты и методом сложения и вычитания обнаружил существенную разницу в результатах. Число шагов не совпадало.

Значит, за плитой находится потайное помещение.

Едва сдерживая в груди победный крик, Лютц всем телом навалился на камень, пытаясь выдвинуть его. Но, несмотря на все усилия, ему не удалось продвинуться ни на дюйм. Как ни ужасно, но в одиночку с этим было не справиться. Придется звать кого-то на помощь.

Выбор пал на Отто Грюнштадта, который в это время патрулировал двор. Он никогда не был против легкой наживы. А здесь наверняка спрятан самый что ни на есть лакомый кусочек. За стеной их ждали миллионы, облаченные в золото папы римского. Лютц был абсолютно уверен в этом. Он почти видел это золото.

Оставив оружие у стены, солдат стремглав бросился к лестнице.

— Отто, скорее!

— Что-то я сомневаюсь,— ворчал Грюнштадт, стараясь не отставать. Он был темноволос, намного плотнее Лютца и, несмотря на холод и сырость, успел уже порядком вспотеть.— И потом, мне надо все время быть наверху. Если меня хватятся...

— Но это займет всего пару минут. Не ной.

Прихватив в кладовой керосиновую лампу, Лютц чуть ли не силой уволок Грюнштадта с поста, взахлеб рассказывая ему о несметных сокровищах и о том, что сейчас они обеспечат себя на всю жизнь и никогда больше не будут работать. И как бабочка на фонарь, Грюнштадт стремительно летел вслед за Лютцем.

— Видишь? — торжествующе прошептал Лютц, указывая на камень. — Видишь, как он выпирает?

Грюнштадт встал на колени и внимательно осмотрел истерзанный край креста. Потом поднял штык и попробовал металл острием. Крест поддался.

— Точно — золото, — тихо произнес он.

От радости Лютцу хотелось лягнуть Грюнштадта, заставить его поторопиться, но он сдержался — пусть Отто решает сам. Он терпеливо ждал, пока Грюнштадт испробует штыком все остальные кресты, до которых только мог дотянуться. Остальные были из меди. Этот — единственный, который стоило вынимать.

— А камень, к которому он приделан, между прочим, шатается, — быстро добавил Лютц. — И за ним — замурованное пространство в шесть футов шириной и бог знает какой глубины.

Грюнштадт посмотрел на него и криво ухмыльнулся. Выводы напрашивались сами собой.

— Давай выдвигать, — согласился он.

Вдвоем работа пошла быстрее, но не настолько, чтобы Лютц был в восторге. Огромная глыба едва заметно подавалась то влево, то вправо, и через пятнадцать минут напряженного труда камень удалось выдвинуть вперед лишь на дюйм.

— Подожди, — сказал Лютц, с трудом переводя дух. — Эта штука в целый фут толщиной. Так мы всю ночь тут провозимся и не успеем до смены караула. Может, попробовать выгнуть середину креста? У меня, кажется, есть неплохая идея.

Общими усилиями им удалось отогнуть центр креста настолько, что в образовавшуюся щель протиснулся толстый форменный ремень.

— Теперь мы его вытащим! — с азартом потер руки Лютц.

Грюнштадт напряженно улыбнулся. Его очень волновало, что он надолго покинул свой пост.

— Тогда давай пробовать.

Упершись ногами в стену, они покрепче ухватились

за концы ремня и, дружно напрягая уставшие мышцы, стали вытаскивать упрямый камень. Через минуту он завибрировал и с громким скрежетом начал медленно выезжать вперед. Постепенно он вышел весь. Натужно кряхтя, они отволокли глыбу в сторону, и Лютт пошарил в карманах в поисках спичек.

— Приготовься увидеть золотишко! — Он зажег керосиновую лампу и поднес ее к отверстию. Но кроме густой темноты они не увидели ничего.

— Уже готов, — с досадой ответил Грюнштадт. — Когда начинать подсчитывать?

— Как только я вернусь.

Лютт был по-прежнему полон решимости. Он деловито подкрутил фитиль и начал вползать на животе в отверстие, держа лампу перед собой. Привыкнув к полумраку, он увидел, что перед ним находится узкий каменный лаз длиной фута в четыре, ведущий вперед и немного вниз. Лаз заканчивался другой гранитной плитой, похожей на ту, которую они только что вынули из стены. Лютт поднес лампу ближе. На плите блестел еще один крест.

— Поддай штык, — сказал он, протягивая руку назад. Грюнштадт вложил в его ладонь рукоятку ножа.

— В чем дело?

— Там другая плита.

Какое-то время Лютт ощущал лишь горькое разочарование. Здесь едва хватало места для него одного. Значит, вытащить вторую плиту невозможно. Чтобы добраться до нее, надо ломать целую стену, а это двоим уже не под силу, сколько бы ночей им ни пришлось проработать. Лютт не знал, что делать дальше, но любопытство все еще разбирало его, побуждая узнать, из чего сделан крест, находящийся перед ним. Если тоже из золота, значит, они на верном пути.

С кряхтением поворачиваясь в узком проходе, он умудрился подцепить крест штыком. Металл оказался мягким. Но на этом открытия не закончились: казавшийся неприступным камень стал беззвучно уходить вовнутрь, будто держался на невидимых петлях. Лютт с силой толкнул его и обнаружил, что это всего-навсего тонкая гранитная перегородка, не более дюйма толщиной. Под давлением руки она легко ушла в темноту, и на него пахнуло спертым холодным воздухом. Что-то невыразимо гнетущее было в этом внезапном воздушном

потоке, отчего волосы на голове Лютца встали дыбом, а все тело покрылось мурашками.

«Холодно,— подумал он, начиная дрожать.— Но не может же здесь быть **НАСТОЛЬКО** холодно!..»

Он попытался успокоиться и вскоре медленно двинулся дальше, толкая лампу перед собой. Но едва он дошел до открывшегося отверстия, как огонь в лампе начал гаснуть. Однако пламя не прыгало и не шипело в тонкой стеклянной колбе, так что нельзя было свалить это на странный холодный поток, продолжавший нестись из темноты. Язычок огня просто медленно уменьшался, постепенно исчезая на кончике фитиля. Лютц подумал, что, возможно, здесь присутствует какой-нибудь ядовитый газ, однако дыхание его было свободным и никакого жжения в глазах и носу он не чувствовал.

Наверное, кончается керосин. Но, придвинув к себе лампу, чтобы проверить это, Лютц заметил, что огонь снова ожил. На всякий случай он потряс лампой и услышал, что жидкость внутри еще плещется. Керосина было достаточно. Слегка удивившись, он поднес лампу к отверстию, и огонек снова стал угасать. И чем дальше он продвигался, тем меньше становилось пламя и слабее освещало пространство вокруг. Что-то здесь было не так.

—Отто! — крикнул он через плечо.— Привяжи мне к ноге ремень и держи покрепче. Я опускаюсь дальше.

— Может, подождем до утра? Пока станет светлее...

— Ты с ума сошел! Тогда все узнают и потребуют свою долю, а капитан, конечно, возьмет себе больше всех! Мы почти все уже сделали сами, а в результате останемся с носом!

Но Грюнштадт продолжал колебаться:

— Что-то мне все это начинает не нравиться.

— В чем дело, Отто?

— Не знаю. Я просто не хочу здесь больше торчать.

— Перестань скулить, как старая баба! — огрызнулся Лютц. Он очень не хотел, чтобы именно сейчас Грюнштадт спутал все его карты. Ему и самому уже было не по себе, но в нескольких футах лежало сказочное богатство, и поэтому ни одна сила в мире не смогла бы теперь остановить его.— Привяжи ремень и держи! Если шахта там резко уходит вниз, я не хочу грохнуться.

—Ладно,— нехотя согласился Грюнштадт.— Только быстрее.

Лютц подождал, пока петля потуже затянется на его левой лодыжке, а потом полез дальше, держа лампу перед собой. Ему не терпелось скорее разбогатеть. Он старался ползти как можно быстрее, но узкий проход сильно стеснял движения. Когда он просунул голову и плечи в отверстие внутреннего люка, от пламени осталась лишь крохотная бело-голубая точка на кончике фитиля. Как будто огню не хватало здесь места и темнота загоняла его назад в фитиль.

Лютц продвинул лампу на несколько дюймов вперед, и огонек исчез совсем. И в этот момент он почувствовал, что находится здесь не один.

Нечто такое же темное и холодное, как само это помещение, в котором он оказался, проснулось и теперь пристально следило за ним, как голодный хищник за жертвой. Лютца начало трясти. Ужас сковал все его существо. Он инстинктивно отпрянул назад, пытаясь убрать голову и плечи из люка, но было уже слишком поздно. Будто челюсти гигантского каменного зверя сомкнулись на нем, и в этой темноте не было ему больше пути ни туда, ни обратно. Его медленно поглощал жуткий холод и мрак, и от этого Ганс почувствовал, что сходит с ума. Он открыл рот, чтобы крикнуть Отто скорее вытаскивать его. И в тот же миг ледяная волна накрыла Лютца, вошла в его легкие и превратила голос в дикий нечеловеческий вой.

Ремень в руках у Грюнштадта странно задержался, когда Лютц начал отчаянно лягаться, пытаясь выбраться из каменного мешка. Потом откуда-то издалека раздался крик, похожий на человеческий, но он был полон такого страха и отчаяния, что Грюнштадт не смог и заподозрить, будто слышит голос своего товарища. Внезапно звук оборвался. И одновременно Лютц перестал дергаться.

— Ганс!

Тишина.

Почувяв неладное, Грюнштадт начал тащить ремень, и вскоре из темноты показались ноги Лютца. Тогда он схватил его за сапоги и выволок в коридор. А секунду спустя жуткий вопль вырвался из его груди, разнесся по коридору и вскоре достиг такой силы, что стены подвала зловеще загудели в ответ.

Грюнштадт замер, перепуганный собственным криком. В это время стена задрожала, и на ней появилось множество мелких трещин. Широкий извилистый разлом пролегал рядом с тем местом, откуда они вытащили злополучный каменный блок. Лампочки в коридоре замигали и стали гаснуть одна за другой. И наконец стена рухнула, осыпав Грюнштадта градом осколков и одновременно выпуская наружу что-то чудовищно черное и холодное. Этот сгусток ледяного мрака в один миг пронесся мимо остолбеневшего Грюнштадта...

И начался ужас.

Глава третья

Тавира, Португалия.

Среда, 23 апреля.

Время: 02.35 по Гринвичу

Рыжеволосый мужчина проснулся от внезапного внутреннего толчка. Сон моментально слетел с него, как спадает сброшенная с плеч одежда, и поначалу он даже не мог понять, что случилось. У него был тяжелый день в бурном море, еще один изнурительный поединок с нагруженными сетями, и он надеялся спокойно проспать до рассвета. Однако уже вскоре после полуночи проснулся. Почему?..

И тут он все понял.

Сморщившись от досады, мужчина стукнул в сердцах по прохладному песку возле низкой деревянной кровати. Но в его движении был одновременно и гнев, и какая-то поразительная смиренность. Просто он уже начал надеяться, что этот момент никогда не наступит, каждый день повторяя себе, что больше такого не случится. Но это, увы, произошло, и он с горечью осознал, что такой ход событий был попросту неизбежен.

Мужчина встал с кровати и в одних трусах прошлепал по комнате. У него были правильные черты лица, но оливковый цвет смуглой кожи никак не вязался с огненно-рыжими волосами. Мужчина был широкоплечий, с узкой талией, и имел на теле множество шрамов. Двигаясь по комнате с кошачьей грацией, он быстро собирал свои вещи. Его нехитрая рыбацкая одежда была

развешана на крюках, вбитых в стены крошечной темной каморки. Кое-что он достал из стола, затем сложил все нужное на кровать, завернул в покрывало и перевязал крест-накрест веревкой, мысленно прокладывая маршрут до Румынии.

После этого надел куртку, широкие брюки, перекинул узелок через плечо, взял стоявшую у двери лопату и вышел на улицу. Ночь была прохладная и безлунная, влажный воздух наполняли запахи моря. За дюнами шипел и рычал Атлантический океан. Рыжеволосый миновал невысокий кустарник и, выбравшись к началу широкого песчаного мыса, начал копать. На глубине четырех футов лопата уперлась во что-то твердое. Мужчина нагнулся и дальше принялся работать уже руками. Несколько быстрых умелых движений — и из земли показался длинный узкий футляр, завернутый в толстую клетчатую клеенку. Он был в пять футов длиной, десять дюймов шириной и не более дюйма в высоту. Рыжеволосый задумался. Плечи его опустились, когда он взял футляр в руки. Он уже так надеялся, что ему никогда больше не придется его открывать... Отложив футляр в сторону, мужчина стал копать дальше и вскоре извлек из песка кожаный пояс с монетами, тоже завернутый в клеенку.

Пояс он обмотал вокруг талии под рубашкой, а футляр взял под мышку. Потом быстрым шагом направился к дюнам, где Санчез держал свою лодку, каждый раз вытаскивая ее высоко на песок и на всякий случай привязывая к столбу, чтобы не унесло в море неожиданно высоким приливом. Он был очень осторожным, этот Санчез. И хорошим хозяином. Рыжеволосому нравилось у него работать.

Забравшись в лодку, он достал со дна сети и бросил их на песок. Затем туда же выложил деревянную коробку с инструментами и снастями, предварительно достав из нее гвозди и молоток. Потом, подойдя к столбу Санчеза, вынул из пояса четыре золотых монеты по сто австрийских шиллингов. В поясе было много и других монет самых разных стран и эпох: русские червонцы, иорданские динары, чешские десятки, американские «двойные орлы» по двадцать долларов и даже древние флорины и драхмы. Сейчас, во время войны, ему пришлось зависеть от золота, чтобы совершить путешествие по Средиземному морю.

Одним точным движением руки рыжеволосый пронзил монеты гвоздем и прибил их к столбу. На них Санчез купит себе новую лодку. Получше этой.

Затем отвязал лодку, стащил ее на воду, прыгнул внутрь и взялся за весла. Отплыв немного, он поднял единственный потрепанный парус и повернул нос на восток, в сторону Гибралтара. Потом оглянувшись и окинул прощальным взглядом маленькую рыбацкую деревушку, освещенную одними лишь звездами. Этот мирный уголок на самом юге Португалии в последние годы стал его домом. Нелегко было ужиться с рыбаками. Они не сразу начали доверять ему и, наверное, так и не приняли его до конца. Но даже если он и не стал среди них своим, то, по крайней мере, они убедились в том, что он отличный работник. А это они уважали. Работа сделала из него крепкого мускулистого мужчину, что было очень полезно после стольких лет тихой уединенной жизни. У него даже появились здесь новые друзья, но не настолько близкие, чтобы жаль было с ними расставаться.

Работа у него была трудная, но он согласился бы работать и вдвое больше, лишь бы остаться здесь, а не ехать на встречу со своей судьбой. Думая о предстоящей встрече, он то сжимал, то разжимал кулаки. Но никто другой не мог поехать вместо него. Только он.

Он не мог ждать. Ему надо было попасть в Румынию как можно скорее. Он готов был отдать все свое золото, лишь бы быстрее преодолеть все две тысячи триста миль Средиземного моря.

В воспаленном мозгу металась единственная мысль: что если он не успеет? Вдруг уже будет слишком поздно?.. И мысль эта была настолько ужасной, что он пытался хоть на время прогнать ее прочь.

Глава четвертая

Застава.

Среда, 23 апреля.

Время: 04.35

Ворманн проснулся весь в холодном поту в тот же самый момент, когда проснулись и все остальные. Но его разбудил не протяжный крик Грюнштадта — тот на-

ходилась слишком далеко, и он не мог его слышать. Нечто другое вырвало капитана из сна. Это было чувство, что сейчас свершилось что-то страшное и неправимое.

Через минуту Ворманн, наспех облачившись в рубашку и брюки, уже бежал вниз по лестнице. Люди начали собираться во дворе, со страхом прислушиваясь к нечеловеческому вою, который, казалось, несся одновременно со всех сторон. Не теряя времени, капитан тут же отправил троих с оружием проверить подвал. Сам он пошел вслед за ними, но, дойдя до середины двора, увидел, что двое уже возвращаются назад. Оба были бледны, со стиснутыми зубами, и сильно дрожали.

— Там мертвец, — тихо сказал один из них.

— Кто? — похолодев, спросил Ворманн, устремляясь к подвальной лестнице.

— По-моему, Лютц, но я не уверен. Головы нет!

Труп в военной форме ждал его в центральном коридоре подвала. Он лежал на животе, засыпанный мелкой каменной крошкой. Без головы. Но голова не была отрезана или отрублена — она была именно сорвана с плеч, и над лохмотьями окровавленной кожи торчали уродливые обрывки сосудов и связок. Солдат был рядовым — и это все, что удавалось сказать о нем с первого взгляда. Второй солдат сидел рядом, диким безумным взглядом уставившись в зияющий перед ним пролом стены. Ворманн внимательно оглядел его, и тот вдруг издал такой жуткий надсадный вой, что у капитана мороз побежал по коже.

— Что здесь случилось? — строго спросил Ворманн, но солдат не реагировал. Тогда он схватил его за плечо и грубо потряс, но глаза рядового оставались пустыми и безучастными — он даже не понимал, что перед ним стоит командир. Казалось, бедняга настолько ушел в себя, что весь окружающий мир перестал для него существовать.

Понемногу в подвал начали заглядывать со двора другие солдаты, желая выяснить, что здесь произошло. Собравшись с силами, Ворманн вернулся к обезглавленному трупу и пошарил у него в карманах. В бумажнике он нашел послужную карточку на имя рядового Ганса Лютца.

На своем веку Ворманн повидал много мертвых, но то, что предстало перед ним сейчас, не шло ни в какое

сравнение с многочисленными жертвами войны, которых ему столько раз уже доводилось видеть. Сейчас ему стало невыносимо плохо. Ведь гибель на поле боя никогда не была такого личного плана, как здесь. К тому же эта смерть просто сводила с ума своей дикостью и уродством. И в голове вертелся один вопрос: так вот что случается с теми, кто пытается выломать крест из стены?..

Пришел Остер с керосиновой лампой. Когда ее зажгли, Ворманн осторожно заглянул в темноту пролома. В свете лампы стали видны голые стены узкого каменного лаза. Из рта шел пар. Здесь было холодно — гораздо холодней, чем снаружи. И еще этот затхлый запах, и что-то кроме него... Какая-то разом нахлынувшая тоскливая обреченность, отчего сразу захотелось назад.

Но на него смотрели солдаты...

Ворманн медленно приблизился к источнику сквозняка — это была большая неровная дыра в полу. Вероятно, один из камней раскололся и рухнул вниз, когда обвалилась стена. Под ногами чернела бездна. Капитан поднес к отверстию лампу и она осветила крутые ступени, ведущие в открывшееся под подвалом глубокое подzemелье. Эта узкая неровная лестница была сплошь усеяна битым камнем. Один из обломков выглядел по-странному круглым. Наклонившись к нему, Ворманн еле сдержал вопль ужаса — бессмысленным остановившимся взглядом на него смотрела голова Ганса Лютца с разодранным окровавленным ртом.

Глава пятая

Бухарест, Румыния.

Среда, 23 апреля.

Время: 04.55

Магда не задавалась вопросом, зачем она все это делает, пока не послышался голос отца:

— Магда!

Она машинально взглянула в зеркало и увидела свое лицо. Волосы были распущены и темно-коричневым каскадом спадали на плечи, а оттуда рассыпались по всей спине. Она не привыкла видеть себя с такой прической. Обычно Магда завязывала на затылке тугой пучок и уби-

рала непослушные пряди под косынку. И никогда не распускала волосы днем.

Сразу же начались вопросы: а какой сегодня день? И сколько сейчас времени? Магда посмотрела на часы. Без пяти пять. Невероятно! Ведь она проснулась уже десять или пятнадцать минут назад. Наверное, ночью остановились часы. Однако, подняв их, она услышала, что механизм продолжает исправно тикать. Странно...

В задумчивости подойдя к окну, она выглянула наружу и сквозь туманную дымку увидела еще спящий город.

Потом опустила глаза и обнаружила, что стоит босиком в своей синей фланелевой ночной рубашке с широкими рукавами и подолом до самого пола. Плавные очертания небольшой упругой груди просматривались под мягкой бархатистой тканью, свободно облегающей еще теплое со сна тело. Магда быстро сложила над грудью руки.

Она была тайной для окружающих. С детства ее отличали приятные правильные черты лица, гладкая белая кожа и большие карие глаза. Но несмотря на все это, в свои тридцать два года она оставалась незамужней. Магда была ученой девушкой, преданной дочерью и сестрой милосердия. И старой девой. Хотя многие молодые замужние женщины позавидовали бы ее нежной груди, свежей и нетронутой. И она не хотела, чтобы это когда-нибудь изменилось.

Громкий голос отца прервал ее размышления.

— Магда! Что ты там делаешь?

Она рассеянно посмотрела на раскрытый поверх одежды чемодан, до половины заполненный зимней одеждой, и неожиданно для самой себя ответила:

— Собираю теплые вещи.

Спустя несколько секунд отец попросил:

— Пойди сюда, а то я перебужу своим криком весь дом.

Магда быстро подошла к его постели. Для этого ей пришлось сделать всего несколько шагов. Их квартира, расположенная на первом этаже огромного грязного доходного дома, состояла из четырех комнат — две спальни бок о бок, крошечная кухня с угольной печкой и небольшая комната-прихожая, служившая одновременно фойе, гостиной, столовой и кабинетом. Магда очень скучала по старому дому. Вот уже шесть месяцев, как им

пришлось переехать оттуда. Часть вещей они забрали с собой, а остальное, что некуда было ставить,— продали.

Семейную мезузу¹ они повесили на внутренней стороне двери, а не снаружи. Обстоятельства сейчас были таковы, что этот шаг казался весьма дальновидным. На внешней же стороне двери один цыган — старый друг отца — вырезал маленький символ, обозначающий друга.

Ночник на тумбочке старика был включен, слева от кровати стояло неуклюжее деревянное кресло-каталка. Отец лежал на спине и среди белых накрахмаленных простыней был похож на увядший цветок, хранящийся между страницами книги. Он поднял иссохшую руку в неизменной теплой перчатке и сморщился от неожиданной боли — даже такое простое движение причиняло ему столько страданий. Магда осторожно взяла его за запястье, села рядом и начала растирать морщинистые узловатые пальцы. Ей было очень больно смотреть, как жизнь угасает в нем с каждым днем.

— Что это за вещи ты там собираешь? — спросил отец, близоруко прищурившись. Очки лежали на тумбочке, а без них он почти ничего не видел. — Ты мне не говорила, что уезжаешь.

— Но ведь мы уезжаем вместе,— улыбнулась она с оттенком легкого удивления.

— Куда?

И тут Магда почувствовала, что улыбка сходит с ее лица, уступая место недоумению. В самом деле — куда? Она поняла, что не имеет об этом ни малейшего представления, просто в голове почему-то вертелись заснеженные вершины и слышалось тоскливое завывание холодного ветра.

— В Альпы, папа.

Губы у отца растянулись в грустной улыбке, и казалось, что сухая тонкая кожа, похожая на почерневший от времени пергамент, вот-вот не выдержит и лопнет.

¹ Мезуза (ивр.— дверной косяк): у иудаистов — прикрепленный к косяку двери или воротам дома футляр со свитком пергамента, на котором записаны основные принципы иудейской веры из ветхозаветной книги «Второзаконие», гл. 6 : 4—9 и 11 : 13—21. (Прим. перев.)

— Тебе, наверное, все это приснилось, моя дорогая. Никуда мы не едем. Во всяком случае, мне это уже вряд ли под силу. Это был просто сон, чудный сон, вот и все. Забудь его и иди поспи еще.

Магда нахмурилась, уловив в его голосе печальные нотки. Он давно уже сражался с болезнью, которая высасывала из него не только физические, но и духовные силы, однако сейчас было не время спорить. Она погладила его руку и потянулась к выключателю.

— Наверное, ты прав. Мне приснилось.— Поцеловав отца в лоб, Магда щелкнула выключателем, и старик остался один в темноте.

Вернувшись в свою комнату, она посмотрела на чемодан с вещами, который все еще лежал на кровати. Конечно, ей просто приснилось, что они собираются уезжать. Иначе как еще можно было все это объяснить? Да сейчас им и ехать-то никуда нельзя.

Однако странное чувство осталось. Какая-то необъяснимая уверенность, что они очень скоро поедут куда-то на север, причем именно вдвоем. От снов ведь не бывает такого ясного ощущения. Ей стало немного не по себе, и по коже побежали мурашки, будто кто-то тронул ее холодной рукой.

Магда никак не могла избавиться от этого чувства уверенности. Поэтому просто захлопнула чемодан и заперла его под кровать, не запирая замков.

В чемодане остались теплые вещи. Ведь в это время года в Альпах еще довольно холодно...

Глава шестая

Застава.

23 апреля, среда.

Время: 06.22

Прошло несколько напряженных часов, прежде чем Ворманн выкроил минуту, чтобы выпить по чашечке кофе с сержантом Остером. Рядового Грюнштадта поместили в отдельную комнату и на время оставили одного. Два дневальных раздели его и уложили в постель. А незадолго до этого он успел сильно испачкать штаны.

— Насколько я понимаю,— рассуждал сержант Остер,— когда стена рухнула, один из каменных блоков упал ему на плечи и оторвал голову.

Ворманн чувствовал, что Остер делает над собой большое усилие, пытаюсь говорить спокойно и рассудительно, тогда как внутри он точно так же напуган и ошарашен, как и все остальные.

— Неплохая версия, раз уж у нас все равно нет медицинского заключения. Правда, она совсем не объясняет, что они делали там вдвоем, и почему в таком состоянии Грюнштадт.

— Да, он в шоке,— озабоченно заметил сержант.

Но Ворманн с сомнением покачал головой.

— Этот человек участвовал во многих сражениях. Он видел и не такое. Я не могу поверить, что у него просто шок. Тут что-то другое.

Ворманн начал по порядку восстанавливать в памяти события вчерашнего дня, а потом и ночи. Каменная плита с искореженным крестом из чистого золота и серебра, ремень вокруг ноги Лютца, замурованная шахта в толще стены... Все указывало на то, что Лютец забрался в этот лаз, надеясь найти там сокровища. Но там была лишь маленькая пустая каморка, заканчивающаяся тупиком. Как камера в тюрьме. Или тайник... Ворманн никак не мог понять, зачем там нужна эта комматка.

— Наверное, они нарушили равновесие, когда вытаскивали нижний камень,— предположил Остер.— И поэтому стена обвалилась.

— Вряд ли,— ответил капитан, понемногу отхлебывая горячий кофе.— Конечно, пол в подвале может быть слабым, но кладка стены...— Он вспомнил вид разбросанных по коридору обломков. Создавалось впечатление, будто там что-то взорвалось. Этого он никак не мог объяснить. Ворманн отставил чашку в сторону. С объяснениями придется подождать.

— Пойдемте. У нас еще много работы.

Капитан направился в свой кабинет, а Остер должен был связаться по радио с Плоешти — два раза в день они выходили на связь со штабом. Сержанту было приказано доложить о происшедшем, как о несчастном случае.

Небо уже было светлым, но двор все еще прятался в густой тени, когда Ворманн подошел к окну и выгля-

нул наружу. Замок изменился. Во всем чувствовалось какое-то зловещее напряжение. Еще вчера эта крепость представляла собой не что иное, как просто старое каменное сооружение. Теперь же все было по-другому. Каждая тень казалась мрачнее, и все время хотелось оглянуться, будто кто-то стоял за спиной.

Ворманн приписал это предрассветной тишине и потрясению от всего увиденного. Но когда солнце окончательно разогнало тени, начав согревать холодные стены замка, он понял, что свет не в состоянии рассеять это гнетущее впечатление. Он мог лишь на время согнать ужас с поверхности, зажав сгустки страха в холодные темные углы.

Это почувствовали все. Капитан сразу заметил перемену в людях. Но он должен был всеми средствами поддерживать их дух. Когда придет Александру, он тут же пошлет его за пиломатериалами. Нужно сегодня же сделать для солдат койки и столы. Скоро замок огласит веселая возня с топором и пилой, здоровые сильные руки начнут вбивать крепкие гвозди в добротный выдержанный лес, и эта ночь понемногу забудется... Ворманн подошел ко второму окну. А вот и сам Александру с двумя сыновьями!.. Наконец-то все встанет на свои места.

Он с облегчением перевел взгляд на деревню, разделенную на свет и тень ярким солнцем, встающим из-за горных вершин. Одна половина селения лучезарно светилась, а другая еще покоилась в предрассветной тени. Ворманн понял, что именно так он и должен изобразить все на своей картине. Он отступил немного назад: утренняя деревня в оправе из серого гранита стены сияла, как драгоценный камень. Вот именно так — вид на деревню из окна замка. Ему понравился сочный контраст и хотелось немедленно окунуться в работу. Ворманн давно уже заметил, что лучше всего ему пишется после стресса — тогда он полностью уходит в перспективу и композицию, свет и тень, тона и оттенки.

Остаток дня прошел незаметно. Он бегло осмотрел помещение, куда положили труп Люнца — нижний подвал, находящийся под основным. Сперва через то самое отверстие в полу туда затащили тело, потом, отдельно, — голову, сложили все на грязный холодный пол, а сверху накрыли простыней. Температура здесь была достаточно низкой. Место оказалось идеальным для хранения трупа. К тому же здесь не было никаких грызу-

нов. Со временем тело отправят на родину, когда будут выполнены все положенные формальности.

При других обстоятельствах Ворманн непременно последовал бы этот подвал с блестящими влажными стенами и темнеющими нишами. Может быть, даже возникла бы мысль написать картину. Но только не теперь. Он убедил себя, что сейчас здесь еще слишком холодно и надо дожидаться лета, чтобы как следует все изучить. Но в глубине души он сознавал, что дело совсем в другом. Что-то очень нехорошее ощущалось здесь, и он поспешил уйти наверх.

К вечеру стало ясно, что с Грюнштадтом дела совсем плохи. Улучшений не было никаких. Он лежал в той же позе, в которой его оставили, и продолжал бессмысленно смотреть в потолок. Время от времени он начинал дрожать и мычать, и все чаще мычание переходило в протяжный жалобный вой. Перед ужином Грюнштадт снова испачкал штаны. В таком состоянии, не принимая пищу и воду, без должного медицинского ухода он не протянет и до конца недели. Значит, придется отправить его назад вместе с останками Лютца, если и дальше ничего не изменится.

В течение всего дня Ворманн внимательно наблюдал за солдатами и был рад, что они охотно принялись за тяжелую работу, которую он им предложил. Все трудились на совесть, невзирая на то что почти не спали, и, казалось, не вспоминали случай с Лютцем. Товарищи знали его как выдумщика и авантюриста, поэтому такой конец казался им вполне логичным.

Капитан позаботился о том, чтобы у подчиненных не осталось времени на пересуды и оплакивание погибшего — даже у тех, кто знал его близко. Необходимо было устроить отхожее место, сколотить столы и лавки из досок, собранных Александром в деревне. И к вечеру все так устали, что почти никто не остался даже перекурить после ужина. Все, кроме караульных, отправились спать.

Ворманн изменил маршрут патрулирования, чтобы часовые заходили иногда в коридор, где находилась комната Грюнштадта. Из-за криков и стонов никто не согласился ночевать рядом с ним, но Отто был всеобщим любимцем, и солдаты чувствовали, что должны поддержать его и сделать все, чтобы он не смог себе навредить.

Около полуночи Ворманн поймал себя на том, что он до сих пор еще не в постели, хотя ему очень хочется спать. С темнотой вернулось гнетущее предчувствие чего-то плохого, и он вынужден был признать, что именно оно не позволяет ему расслабиться. Наконец он смирился и решил проверить посты, раз уж все равно не удастся заснуть.

Во время обхода капитан очутился в коридоре возле комнаты Грюнштадта и решил заодно заглянуть и к нему. Он мучительно старался представить себе, что могло привести человека в такое замкнутое состояние. Но так и не найдя объяснения, осторожно заглянул в щель двери. В дальнем углу тускло горела керосиновая лампа. Солдат неподвижно сидел на матрасе, часто дышал и стонал. Лицо его покрывала испарина. Стоны изредка сменялись протяжным тоскливым воем. Ворманну захотелось побыстрее уйти отсюда, чтобы не слышать этого страшного звука, когда голос рядом, а разум где-то немыслимо далеко.

Дойдя до конца коридора, он собирался уже выйти во двор, когда сзади раздался душераздирающий крик. Но теперь этот голос звучал иначе: будто Грюнштадт очнулся и внезапно увидел, что одежда на нем горит, или что его тело пронзают сотни ножей; в этом вопле слились воедино боль, отчаяние и дикий животный ужас. А секунду спустя крик оборвался, словно выключили приемник прямо на середине песни.

Ворманн застыл, не в силах пошевелиться. С большим трудом ему удалось заставить себя повернуться и на ватных ногах побежать по коридору назад. Достигнув двери, он с ходу ворвался в комнату. Сейчас здесь было очень холодно — гораздо холодней, чем минуту назад. Лампа потухла. Капитан нащупал в кармане спички, зажег одну и повернулся к Грюнштадту.

Труп. Глаза открыты и выпучены, нижняя челюсть отвисла, а губы растянуты так, будто лютый мороз сковал его тело в момент последнего предсмертного крика. Спичка потухла. Ворманн чиркнул еще одной и, приглядевшись получше, еле сдержал тошноту — горло Грюнштадта было просто-напросто вырвано. Кровь забрызгала стены и потолок.

Ворманн действовал машинально. Не успев сообразить, что к чему, он уже выхватил пистолет и глазами обшаривал каждый угол, надеясь пристрелить на месте

того, кто все это совершил. Потом подбежал к окну, высунулся наружу и осмотрел стены. Но не увидел там ни веревки, ни каких-либо других следов. Потом еще раз обыскал комнату. Невероятно! Никто не выходил в коридор и не вылезал в окно. И тем не менее Грюнштадт убит.

Его размышления были прерваны топотом бегущих часовых, которые слышали крик и теперь торопились на место происшествия. Спокойно!.. Ворманн должен был признаться, что сильно напуган. Он не мог больше оставаться в этой комнате. По крайней мере, один.

Четверг, 24 апреля.

Проследив, чтобы тело Грюнштадта поместили по соседству с Лютцем, Ворманн вызвал сержанта Остера и приказал ему всех свободных от караула на весь день обеспечить работой по обустройству казарм. Ему очень хотелось верить, что в районе заставы действуют какие-нибудь партизаны. Но убедить себя в этом оказалось невозможно. Ведь во время убийства он сам лично находился в коридоре и прекрасно понимал, что в таких условиях нельзя было выйти, оставаясь незамеченным, если, конечно, убийца не умеет летать или проходить сквозь стены. Тогда где же ответ?

В три часа капитан объявил, что ночной караул будет удвоен, а число постов возле казарм увеличено, чтобы охранять спящих людей.

Под стук молотков, доносящийся со двора, Ворманн все-таки выкроил время, чтобы поставить полотно на мольберт. И сразу же принялся рисовать. Нужно было срочно чем-то заняться, чтобы вычеркнуть из памяти эту жуткую гримасу на мертвом лице Грюнштадта. Он долго и старательно смешивал краски, пока не добился оттенка, точь-в-точь повторяющего цвет стены. Потом продумал композицию и решил изобразить окно чуть справа от центра, а затем битых два часа ровным слоем наносил краску на холст, оставив пустое место для деревни, сверкающей под солнцем в обрамлении мрачного серого камня.

В этот вечер Ворманн уснул. После всех передраг первой ночи и полного бодрствования второй его тело, едва опустившись на матрас, сразу же погрузилось в глубокий тяжелый сон.

Рядовой Руди Шрек нес службу бдительно и спокойно, не сводя глаз со своего напарника Вехнера, шагающего в противоположном конце двора. До захода солнца два часовых казались явным излишеством для такого маленького участка, но как только опустившаяся темнота сковала замок, Шрек мысленно поблагодарил бога за то, что рядом с ним есть еще один живой человек. Они с Вехнером разработали такой план: оба будут ходить по периметру двора на расстоянии вытянутой руки от стены, двигаясь по часовой стрелке друг напротив друга. При этом они всегда находились в противоположных концах поста, что обеспечивало наилучший обзор местности.

Руди Шрек не боялся за свою жизнь. Конечно, после всего случившегося ему тоже стало не по себе, но это был не страх. Наоборот, Руди чувствовал спокойствие и уверенность в своих силах. Ведь он всегда начеку, на плече висит надежное скорострельное оружие, и он прекрасно умеет им пользоваться; так что тот, кто прошлой ночью убил Отто, может не рассчитывать, что ему удастся проделать то же самое с ним. И все же Руди не стал бы возражать, если б во дворе было хоть немного светлее. Редкие лампочки, развешанные вдоль стен, не растворяли общей темноты. Особенно темными были дальние углы двора — они чернели, как бездонные колодцы.

Ночь стояла прохладная. Но что хуже всего — через закрытые ворота в замок прополз туман, окутал подножия стен, и вскоре на касках часовых заблестели капельки влаги. Шрек утомленно потер глаза. Да, он очень устал. Устал от всего, что связывало его с армией. Война оказалась совсем не такой, как он представлял себе в юности. Когда он ушел добровольцем на фронт, ему едва исполнилось восемнадцать; голова бы-

ла забита мечтами о подвигах, о славных сражениях и великих победах, о гигантских армиях, бьющихся на поле чести. Так всегда писали в исторических книгах. Но реальная война оказалась совсем другой. В основном война — это ожидание. Причем ожидание в грязи, холоде, сырости и тоске. И Руди Шрек был уже сыт по горло такой жизнью. Он хотел домой в Трейзу. Там у него остались родители и девушка по имени Ева, которая последнее время писала все реже и реже. Больше всего на свете он хотел вернуться в ту жизнь, где не было ни казарм, ни военной формы, ни муштры и инспекций, ни сержантов и офицеров. И никаких караулов!..

Руди приближался к темному углу в северной части двора. Но сейчас ему казалось, что тени здесь сгустились гораздо сильнее, чем в прошлый раз, когда он проходил это место. Шрек замедлил шаг, напряженно вглядываясь в темноту. «Глупости,— подумал он.— Просто уже устали глаза. Обыкновенный обман зрения...»

И все же ему не хотелось идти дальше. Так и подмывало обойти этот угол стороной. Он обязательно зайдет во все остальные углы, но только не в этот...

Однако Руди знал, что на него сейчас смотрит Вехнер, и, устыдившись минутной слабости, заставил себя шагнуть вперед. Ведь это всего лишь тень. А он уже взрослый — стыдно бояться темноты.

Шрек упорно продолжал углубляться в сгустившийся мрак... И вдруг понял, что пропал. Холодная вязкая тьма замкнулась на нем. Он повернулся, чтобы выскочить из нее, но и позади была та же крошечная темнота. Весь мир будто исчез неизвестно куда. Шрек сорвал с плеча автомат и передернул затвор. Но стрелять было не в кого. Он невольно затрясся от холода, одновременно покрываясь мелким бисером пота. Ему очень хотелось верить, что это просто какая-то шутка — например, Вехнер сдуру выключил электричество, когда он вошел в этот угол... Но чувства Руди отвергали эту надежду. Темнота была абсолютно полной — она прижималась к его глазам и въедалась в мозг, пожирая всю храбрость.

Кто-то приближался. Он не видел и не слышал его, но мог поклясться, что здесь кто-то есть и медленно подходит все ближе.

— Вехнер? — тихо спросил он, не желая выдать голосом страха. — Это ты, Вехнер?

Но это был не Вехнер. Шрек понял это секунду спустя, когда незнакомец приблизился к нему вплотную. Это был кто-то... вернее, что-то.. Какая-то жуткая тварь... А в следующее мгновение словно тяжелая веревка свернулась вокруг его ног, и, падая в бездну, рядовой Руди Шрек начал отчаянно кричать и стрелять во все стороны, пока ледяная темнота не окончила для него эту войну.

Ворманн проснулся от неожиданных выстрелов. Тут же вскочив с матраса, он осторожно выглянул из окна. Один из часовых бежал в дальний угол двора. А где же второй? Черт! Он ведь поставил во двор ДВУХ часовых! Ворманн хотел уже броситься вниз по лестнице, как вдруг заметил какой-то висящий на стене предмет. Длинный светлый предмет, чем-то напоминающий...

Да, это было тело. Подвешенное вверх ногами обнаженное тело, связанное толстой веревкой. Даже с такого расстояния капитан ясно видел, как из разорванного горла на лицо стекает темная кровь. Один из его солдат — бывалый боец при полном вооружении, да еще находящийся на посту — был раздет, убит и подвешен за ноги, как потрошенная курица в витрине у мясника.

Страх, который раньше гнезвился лишь в самых темных уголках души Ворманна, теперь ледяными тисками сдавил его горло.

Пятница, 25 апреля

Уже трое мертвецов в нижнем подвале. Командование в Плоешти было немедленно проинформировано о последнем случае, но никакого ответа на донесение не поступило.

Днем во дворе было очень шумно, однако работы солдаты выполнили немного. Этой ночью Ворманн решил выставить часовых в парах. Казалось невероятным, что какой-то партизан может справиться с бодрствующим вооруженным солдатом, неожиданно напав на него, и все же это произошло. Но если часовые будут ходить парами, больше такого не случится.

После обеда Ворманн вернулся к полотну и почувствовал небольшое облегчение, вырвавшись из охватившей заставу атмосферы нависшего злого рока. Он начал энергичными мазками класть краску на серый фон холста, а потом долго работал над краями окна, выписывая детали. Ворманн решил не рисовать кресты, иначе они отвлекали бы зрителя от вида деревни, а он хотел, чтобы именно она была в центре внимания. Он работал, как автомат: его миром сейчас были яркие пятна краски на полотне. Они хоть на время преграждали путь страху, окружившему его со всех сторон.

Темнота подошла незаметно. Весь вечер Ворманн то и дело вставал с матраса и подходил к окну, выглядывая во двор, будто это занятие могло хоть немного упрочить шаткое равновесие между спокойствием ночи и повисшей над замком тревогой.

В очередной раз подойдя к окну, он заметил, что часовой во дворе ходит один. Но вместо того, чтобы окликать его сверху и поднимать лишний шум, Ворманн решил спуститься и заодно проверить других.

— Где твой напарник? — строго спросил он одинокого часового, выйдя во двор.

Солдат обернулся и, запинаясь, ответил:

— Виноват, господин капитан. Он очень устал, и я разрешил ему немного поспать.

Неприятный холодок пробежал по спине Ворманна, заставив его невольно поежиться.

— Я же приказал часовым ходить в парах! Где он?

— В кабине первого грузовика, господин капитан.

Ворманн почти бегом бросился к машине и распахнул правую дверь. Но солдат, сидевший внутри, даже не шевельнулся. Капитан дернул его за рукав.

— Проснись!

Солдат как-то странно накренился и начал медленно заваливаться прямо на голову своему командиру. Ворманн ловко подхватил его и тут же чуть не уронил. По-

тому что когда тот падал, голова его резко откинулась назад, открыв взору капитана разорванное до позвоночника горло. Ворманн осторожно опустил тело на землю, потом отступил назад и крепко стиснул зубы, чтобы не закричать от ужаса и отчаяния.

Суббота, 26 апреля.

Утром Ворманн не пустил в замок Александру и его сыновей. Не то чтобы он считал их как-то причастными к убийствам, а просто сержант Остер предупредил его, что солдаты очень недовольны очередной неудачей с обеспечением безопасности на заставе. И поэтому Ворманн счел нужным предотвратить возможные осложнения, которые могли бы последовать за появлением в крепости местных.

Однако вскоре он узнал, что солдат беспокоят не только неприятности в карауле. Утром во дворе произошел шумный скандал. Один капрал, используя свою власть, попытался завладеть освященным распятием, принадлежавшим его подчиненному. Солдат не повиновался, и стычка между ними переросла в групповую драку десяти человек. После гибели Лютца прошел первый слух о вампирах, но тогда он вызвал лишь смех. Однако с каждым днем суеверные страхи росли, и теперь уже верящих было больше, чем неверящих. В конце концов, это ведь именно Румыния, Трансильванские Альпы...

Ворманн знал, что подобные вещи надо пресекать на корню. Он собрал во дворе оба взвода и провел полу-часовую беседу, напомнив солдатам об их долге перед Германией, о том, что перед лицом опасности нужно оставаться храбрым и стойким, быть верным своим целям и не допускать никаких конфликтов между собой, так как это в первую очередь подрывает их собственную боеготовность.

— И наконец,— сказал он, заметив, что слушатели заволновались,— надо решительно отмести прочь всякие суеверия. В убийствах может быть повинен только чело-

век, и рано или поздно мы найдем его или их. Теперь стало ясно, что в замке есть множество потайных ходов, через которые убийца появляется, а потом незаметно уходит. Остаток дня мы проведем в поисках этих секретных выходов. А ночью в караул пойдет половина из вас. Мы должны прекратить это раз и навсегда!

Было похоже, что после этой речи солдаты немного воспряли духом. Во всяком случае, ему удалось переломить их страх.

Весь остаток дня Ворманн ходил по замку, подбадривая подчиненных, которые дюйм за дюймом измеряли полы и стены в поисках скрытых колодцев и коридоров. Но ничего подобного найти им не удалось. Ворманн лично проверил почти все помещения нижнего подвала. Было похоже, что подземелье уходит прямо в центр горы, но он решил пока не обследовать его до конца. Сейчас для этого не было времени, а на пыльном полу не обнаружилось никаких следов — казалось, никто не ходил здесь уже много веков подряд. Но тем не менее он отдал приказ, чтобы вход во второй подвал круглосуточно охранялся четырьмя часовыми на тот фантастический случай, если кто-нибудь все же захочет проникнуть в крепость через это отверстие.

Во второй половине дня Ворманну удалось-таки выкроить час и сделать черновой набросок деревни. И это было единственной передышкой в том страшном напряжении, которое он непрерывно испытывал уже вторые сутки подряд. Нанося угольком тонкие линии, он с облегчением чувствовал, как усталость и страх постепенно оставляют его, будто холст впитывает их в себя. «Надо будет встать завтра пораньше и поработать над цветом», — подумал Ворманн. Ему хотелось, чтобы деревня была изображена в момент восхода солнца из-за дальних хребтов.

Но едва небо тронули первые сполохи вечерней зари, как тревожное предчувствие несчастья стало вновь возвращаться к нему, пронизывая все его существо. При свете дня Ворманну легко было верить, что убийства совершает живой человек, и он мог сколько угодно смеяться над разговорами о вампирах. Но как только холодный сумрак окутал заставу, гнетущий страх вновь накрыл капитана удушливой липкой волной вместе с воспоминаниями о растерзанном окровавленном трупе солдата, который он снимал со стены прошлой ночью.

«О Господи! — молил Ворманн. — Хотя бы одну спокойную ночь... Одну ночь без смертей, и тогда, может быть, я сумею справиться с этой напастью. Ведь сегодня половина людей будет стоять на часах, и я просто обязан добиться, чтобы эта ночь стала переломным моментом. И тогда уже я начну выигрывать...

Одну ночь. Всего одну спокойную ночь!..»

Воскресенье, 27 апреля.

Наступило утро. Такое, каким и должно быть утро настоящего воскресного дня — ясное и солнечное. Ворманн заснул прямо на стуле и с рассветом проснулся совершенно разбитый. С трудом разлепив глаза, он понял, что этой ночью его не будили ни крики, ни выстрелы. Он торопливо оделся и выбежал во двор, чтобы удостовериться, что число живых людей сегодня точно такое же, как было вчера вечером. Справившись у ближайшего часового, он понял, что оказался прав: ни о каких смертях доложено не было.

Ворманн почувствовал себя на десять лет моложе. Он победил! Значит, был все-таки способ справиться с этим убийцей, и он нашел его. Но только что «сброшенный» десяток лет очень быстро вернулся к нему, когда он увидел, что через двор ему навстречу спешит солдат с озабоченным и испуганным выражением лица.

— Господин капитан! — закричал рядовой, совсем не по-уставному подбегая к начальнику. — Что-то случилось с Францем. То есть я хочу сказать, с рядовым Гентом. Он не проснулся.

Конечности у Ворманна вдруг стали слабыми и тяжелыми, будто из них в одно мгновение выкачали всю кровь.

— Ты его проверял? — сквозь зубы спросил он.

— Нет, господин капитан, я... — Солдат смущенно замолк.

— Проводи меня.

Ворманн последовал за рядовым в южную половину

казарм. Гент лежал на новенькой койке, повернувшись спиной к двери.

— Франц! — крикнул его товарищ, первым вбегая в комнату. — К тебе пришел господин капитан!

Спящий не шевелился.

«Ну пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы он заболел или пусть даже умер, но от сердечного приступа, — думал Ворманн, подходя к кровати. — Только бы горло у него было целым! Все, что угодно, только не это».

— Рядовой Гент! — громко позвал он.

Но никакого движения не последовало, даже после того как со спящего солдата было сдернуто одеяло. Пугаясь того, что предстояло увидеть, Ворманн через силу склонился над койкой и осторожно приподнял край простыни у подбородка Гента. Ему не надо было снимать ее полностью. Стеклянные глаза, бледная кожа и бурые пятна на постельном белье подсказали ему, что можно увидеть дальше.

— Солдаты на грани паники, господин капитан, — мрачно доложил сержант Остер.

Ворманн быстрыми энергичными движениями кидал краску на холст. Свет падал на деревню именно так, как ему хотелось, и надо было успеть воспользоваться моментом. Он был уверен, что Остер считает его сумасшедшим. И может быть, так оно и есть. Ведь несмотря на сплошную кровавую бойню вокруг, Ворманн стал просто одержим рисованием.

— Я их не виню. Вероятно, они захотят пойти в деревню и убить несколько местных жителей. Но это не...

— Извините, господин капитан, — перебил Остер. — Но они думают не об этом.

Ворманн опустил кисть.

— Да? А о чем же?

— Они считают, что люди, которых убили, кровоточат не так сильно, как следовало бы. И еще они думают, что смерть Лютца — это не случайность. Ведь его убили точно так же, как и всех остальных...

— Не кровоточат? А, понимаю... Опять эти разговоры о вампирах?

Остер кивнул.

— Да, господин капитан. И они говорят, будто именно Лютт его и выпустил, когда открыл ту шахту, ведущую в нижний подвал из замурованной комнаты.

— А я склонен не согласиться,— внятно и медленно сказал Ворманн, отворачиваясь от холста. Он понимал, что при любых обстоятельствах должен быть твердым, оставаясь как бы якорем для своих людей. А для этого надо прежде всего придерживаться простых и естественных объяснений.— Я склонен думать, что Лютт погиб от упавшего камня. Я также уверен, что четыре последующих смерти не имеют к этому ни малейшего отношения. И я лично видел, что трупы кровоточили достаточно сильно. Никто здесь ночью кровь не пьет, сержант!

— Но их шеи...

Ворманн задумался. Да, их шеи... Они ведь не были перерезаны — не оставалось никаких следов ножа или проволоки. Их просто разорвали. Злобно и яростно. Но как? Зубами?

— Кто бы ни был этот самый убийца, он явно пытается нас запугать. И ему это пока удастся. Поэтому мы сделаем вот что: сегодня ночью в караул пойдут все до единого, в том числе и я. Часовые будут нести службу парами. Мы будем патрулировать этот замок так, чтобы ни одна ночная бабочка не смогла незаметно пролететь мимо нас.

— Но мы же не сможем делать так каждую ночь, господин капитан.

— Нет, но сегодня сможем, и завтра тоже. И послезавтра, если понадобится. И тогда мы поймаем его, кем бы он ни был.

Остер заметно повеселел:

— Да, вы правы, господин капитан!

— А скажите мне вот что, сержант,— помолчав, спросил Ворманн, когда Остер уже отдал честь и собрался уходить.

— Да?

— У вас не было никаких странных снов с тех пор, как мы здесь разместились?

Молодой человек нахмурился:

— Нет, господин капитан. Не могу сказать, чтобы такое случалось.

— А кто-нибудь из солдат не упоминал о кошмарах?

— Нет. У вас плохие сны, господин капитан?

— Нет.— Ворманн покачал головой, давая понять, что разговор окончен. «Никаких кошмаров,— подумал он.— Зато действительность хуже любого кошмара».

— Я свяжусь с Плоешти,— сказал Остер и вышел.

Ворманн подумал, что, может быть, пятая смерть заставит, наконец, начальство пошевелиться. Остер каждый день сообщал о новых потерях, но никакой реакции пока не было. Ни предложений помощи, ни приказов покинуть замок. Никто не запросил даже подробного доклада. Очевидно, их мало заботило все, что здесь происходит — ведь застава на перевале нужна была просто «для галочки». Скоро Ворманну предстояло решать, что делать с трупами. Но прежде чем отправлять их на родину, он очень хотел убедиться, что новых больше не будет. А для этого хотя бы одна ночь должна была пройти без убийства. Хотя бы одна.

Капитан в задумчивости повернулся к картине, но заметил, что освещение уже изменилось. Тогда он не спеша вымыл кисти, мысленно прикидывая расстановку постов предстоящего усиленного караула. Ворманн не очень-то надеялся, что сегодня ему посчастливится схватить преступника, но все равно эта ночь должна была стать переломным моментом. Ведь если все будут стоять на постах и ходить только парами, то, возможно, им удастся хотя бы избежать новых жертв. А это будет настоящей панацеей от уныния и отчаяния. Но потом, когда Ворманн убирал уже в ящик тюбики с краской, ему в голову вдруг пришла отвратительная мысль: а что если один из его солдат и есть этот самый убийца?..

Понедельник, 28 апреля.

Полночь наступила и прошла, и пока все было тихо. Сержант Остер развернул в центре двора полевой командный пункт и постоянно следил за тем, чтобы все часовые были на своих местах. Во дворе и на башне повесили дополнительные лампы, которые немного укрепили уверенность солдат, хотя тени, образовавшиеся

при таком освещении, стали еще длиннее. Конечно, выставлять в караул всех людей было крайней мерой, но пока она оправдывала себя, и Ворманн верил в успех.

В который раз уже выглядывая во двор, он видел Остера, неизменно сидящего за столом, и часовых, расхаживающих парами по периметру двора и по верху стен. Генераторы монотонно гудели позади припаркованных автомобилей. Несколько прожекторов направили на скалу, чтобы никто не смог попасть в замок, спустившись на крышу задней секции. Часовые верхних постов непрерывно осматривали снаружи стены в поисках лестниц или веревок. Входные ворота были заперты на засов, и целое отделение охраняло вход в подвал.

Крепость была в безопасности.

Стоя у окна, Ворманн вдруг понял, что он сейчас единственный на заставе человек, не имеющий под рукой напарника и оружия. Осознав это, он с содроганием оглядел темные углы своей комнаты. Но такова уж была плата за его офицерский чин.

Посмотрев еще раз в окно, он заметил, что тени на стыке башни и южной стены заметно сгустились. Лампочка, висевшая там, стала вдруг гаснуть и вскоре потухла совсем. Сперва он подумал, что где-то оборвалась проводка, но тут же отбросил эту мысль, поскольку все остальные лампы исправно горели. Значит, эта просто перегорела. Вот и все. Но как странно она погасла! Обычно они ярко вспыхивают, прежде чем перегореть. А эта померкла как-то медленно и постепенно.

Один из часовых на стене тоже заметил это и поспешил на место происшествия. Ворманн хотел было крикнуть, чтобы он взял туда и своего напарника, но потом передумал. Второй часовой был отчетливо виден на парпете стены в ярком свете прожекторов. В любом случае, верхняя галерея кончалась тупиком. Опасности ждать неоткуда.

Он продолжал наблюдать, пока солдат не скрылся в темноте. И темнота эта показалась ему какой-то особенно плотной и мрачной. Секунд через десять капитан отвернулся и вдруг услышал приглушенный вскрик и звук лязгнувшего о камень металла — это упал автомат.

Он всем телом подался вперед, чувствуя, как ладони становятся мокрыми и холодными, и по пояс высунулся из окна. Но все равно ничего не смог разглядеть в кремешной тьме, прилипшей к краю стены.

Напарник исчезнувшего во мраке часового, видно, тоже услышал этот звук, так как сразу же бросился в ту сторону, чтобы выяснить, что там случилось.

И вдруг Ворманн увидел, как в темноте зажглась тусклая красная точка и стала быстро расти. Секунду спустя он понял, что это вернулась к жизни перегоревшая лампочка. Разогнав густой мрак, она осветила первого часового. Тот лежал на спине с нелепо подогнутыми ногами, широко раскинув руки, а вместо горла зияла жуткая кровавая дыра. Безжизненные глаза смотрели прямо на Ворманна, словно обвиняя его.

Второй солдат, увидев эту картину, начал истошно кричать и стрелять в воздух. Ворманн в ужасе отпрянул от окна, прислонился к стене и глубоко задышал. Ему стало невыносимо плохо. Он не мог сейчас ни двигаться, ни говорить. «Боже мой! Боже мой!..» — беззвучно шептал капитан трясущимися губами.

Но уже через минуту, сделав над собой нечеловеческое усилие, он шатающейся походкой подошел к раскладному столу и схватился за карандаш. Надо срочно спасти людей и увести их отсюда, из этого замка, и вообще с перевала Дину, если потребуется. Ибо нет спасения от того, что он только что видел. И он больше не будет обращаться в Плоешти. Он напишет прямо в Берлин, в Генеральный штаб сухопутных войск.

Но что он им скажет? Ворманн беспомощно взглянул на кресты, будто они могли подсказать ему выход. Он не знал, как заставить верховное командование поверить ему, и в то же время говорить разумно. Как объяснить им, что он и его люди должны немедленно покинуть заставу, так как им угрожает нечто такое, с чем не в силах бороться немецкая армия?..

Он начал торопливо набрасывать на листке короткие фразы, то и дело зачеркивая их и заменяя новыми, более удачными. Ворманн презирал саму мысль о возможности отступления, но пробыть здесь еще одну ночь значило добровольно согласиться на ужас и смерть. Люди почти уже вышли из-под контроля. А если и дальше смерти будут повторяться с той же периодичностью, то скоро ему просто нечем будет командовать.

Командовать... Рот капитана скривился в горькой усмешке. Не он теперь командовал в этом замке. А что-то другое — темное и злое.

Глава седьмая

Дарданеллы.
Понедельник, 28 апреля.
Время: 02.44

Они миновали уже половину пролива, когда стало ясно, что лодочник что-то задумал.

Путешествие было не из легких. Под парусом рыжеволосый прошел Гибралтар и холодной ветреной ночью причалил в предместье Марбельи. Там он наутро нанял потрепанную длинную и узкую лодку с двумя старыми дизелями. Владелец судна оказался далеко не безобидным дельцом, катающим туристов по выходным. Рыжеволосый за милю чуял контрабандистов.

Хозяин долго набивал цену, пока не узнал, что его труд будет вознагражден золотыми американскими долларами: половину в задаток, другую половину — после прибытия к северным берегам Мраморного моря. Еще он хотел набрать команду для плавания по Средиземному морю, но рыжеволосый наотрез отказался. Он считал, что вся команда может состоять из него одного.

Они плыли уже шестой день, по очереди стоя у руля по восемь часов, что позволяло им двигаться круглые сутки со скоростью почти двадцать узлов в час. На протяжении всего пути они лишь несколько раз заходили в крошечные бухты, где владельца лодки — старого испанца по имени Карлос — хорошо знали местные жители, которые помогали им заправиться горючим и пополнить запасы пресной воды. Все расходы оплачивал рыжеволосый.

Теперь же, заметив, что судно сбавило ход, он ждал, когда Карлос попытается убить его. Испанец искал удобного случая с того самого момента, как они отплыли из Марбельи, но он все никак не представлялся. Теперь же, когда путешествие подходило к концу, он не мог больше думать ни о чем, кроме пояса с золотыми монетами. Рыжеволосый отлично понимал, что он замышляет. Несколько раз уже Карлос как бы случайно прижимался к нему, желая удостовериться, что пояс все еще с ним. Испанец знал, что в поясе хранится золото, и, судя по толщине этого «кошелька», золота там довольно много. А кроме того, ему мучительно хотелось узнать, что нахо-

дится в длинном узком чемоданчике, с которым пассажир никогда не расстается.

Дело плохо. Конечно, в течение последних шести дней Карлос был неплохим компаньоном. И прекрасным моряком. Правда, он изрядно выпивал, ел больше чем следовало и, наверное, давно уже не мылся. Но рыжеволосый не особенно удивлялся этому. Бывали времена, когда он и сам не имел возможности помыться довольно долго. И наверное, даже дольше, чем Карлос.

Дверь рубки тихо открылась, и на пороге показалась фигура Карлоса с продолговатым предметом в руке. Подул ветерок. Испанец осторожно закрыл за собой дверь.

Все оборачивается как нельзя хуже, подумал рыжеволосый, услышав звук стали, вытаскиваемой из ножен. Приятное путешествие может закончиться весьма плачевно. Хотя без Карлоса оно и вообще вряд ли было бы возможным. Испанец мастерски провел лодку южнее Сардинии, затем, миновав Тунис и Сицилию, обогнул с севера Крит и через Циклады проложил курс в Эгейское море. Теперь они находились в Дарданеллах — узком проливе, соединяющем Эгейское и Мраморное моря.

Хуже не придумаешь.

Увидев, как сталь клинка сверкнула прямо над его головой, рыжеволосый молниеносным движением перехватил занесенную над ним руку, прежде чем нож успел коснуться его груди.

— Зачем ты это делаешь? — с удивительным спокойствием спросил он.

— Отдавай золото! — прошипел старый контрабандист.

— Я бы дал тебе больше, если бы ты просто попросил у меня. Зачем же убивать?

Оценив силу противника, Карлос решил изменить тактику.

— Я хотел только перерезать пояс. Я не собирался вас убивать.

— Пояс у меня на талии, а твой нож у груди.

— Здесь темно.

— Но не настолько. Ну, хорошо... — Рыжеволосый ослабил хватку. — Так сколько ты хочешь?

Но испанец вырвал руку с ножом и замахнулся опять.

— Все!

Рыжеволосому вновь удалось перехватить удар.

— Жаль, что ты это сделал, Карлос,— разочарованно вздохнул он.

Без видимого усилия обладатель пояса согнул руку лодочника так, что клинок теперь был направлен в его собственную грудь. Мышцы и связки напряглись, и Карлос отчаянно закричал, когда послышался хруст кости и звук рвущихся сухожилий. Теперь кинжал почти касался его груди.

— Нет! Прошу вас... Нет!!

— Я ведь дал тебе шанс, Карлос.— Голос стал чужим и далеким, полным холода и решимости.— А ты отверг его.

Испанец вскрикнул и сразу затих, когда нож вонзился ему прямо в сердце. Тело судорожно напряглось, а потом разом обмякло. Рыжеволосый отпустил его, и тот рухнул на палубу.

Некоторое время победитель прислушивался к стуку собственного сердца. Он не испытывал жалости. Но как много уже времени прошло с тех пор, как он убивал последний раз!.. Он просто обязан был что-то почувствовать. Но не чувствовал ничего. Карлос был хладнокровным убийцей, и его постигло лишь то, что он сам хотел совершить. Никакой жалости у рыжеволосого не было, а было лишь страстное желание поскорее попасть в Румынию.

Он взял свой увесистый длинный футляр и прошел к рулю. Моторы безмолвствовали. Рыжеволосый завел их и вывел на полную мощность.

Дарданеллы. Он и раньше бывал в этих местах, но только не в военное время. И никогда еще так не спешил. Перед ним сверкала водная гладь, освещенная одними лишь звездами, а справа и слева в темноте проглядывались берега. Он плыл сейчас по одному из самых узких мест пролива — ширина его была здесь не больше мили. Но даже в самой широкой части Европу от Азии отделяло не более четырех миль воды. Одинокий путешественник шел по компасу и по наитию, не включая огней, в полной темноте.

Нельзя было предвидеть всего, с чем можно столкнуться сейчас в этих водах. Еще возле Крита по радио передали, что пала Греция. И это могло быть правдой, а могло и не быть. Сейчас в Дарданеллах можно встретить и немцев, и англичан, и даже русских. А ему надо избегать всего этого. Поездка не была официально

оформлена, и не было никаких документов, объясняющих его присутствие здесь. И время сейчас работало против него. Поэтому он должен выжимать из моторов всю мощность, на какую они только способны.

В Мраморном море, которое немного пошире и открывается через двадцать миль, у него будет возможность маневрировать, и он постарается проплыть, сколько сможет, без дозаправки. А когда горючее кончится, придется бросить лодку на берегу и дальше двигаться к Черному морю уже по суше. Конечно, это займет больше времени, но другого выхода нет. Даже если бы топливо было в достатке, он не рискнул бы идти через Босфор. Там уж наверняка полно русских.

Рыжеволосый подошел к двигателям, чтобы проверить, нельзя ли как-нибудь прибавить им оборотов. Но это оказалось невозможным.

Как ему хотелось бы иметь сейчас крылья!..

Глава восьмая

Бухарест, Румыния.
Понедельник, 28 апреля.
Время: 09.50

Магда держала мандолину легко и привычно, инструмент нежно выбрировал в ее руках, а пальцы легко переходили от струны к струне, от лада к ладу. Она внимательно смотрела в нотный текст: это была одна из самых приятных цыганских мелодий, которые ей когда-либо удавалось записать.

Девушка сидела в ярко раскрашенной кибитке в пригороде Бухареста. Внутри было множество полочек с экзотическими специями и травами, по углам валялись цветастые подушки, а с потолка свисали кошечки чеснока и гирлянды разноцветных лампочек. Ногами она поддерживала мандолину, но даже в такой позе длинная шерстяная юбка лишь слегка обнажала ее лодыжки. Мешковатая, серая кофта, застегнутая на груди, закрывала простенькую белую блузку. Старый шарф прягал ее роскошные волосы. Но монотонность одежды не могла скрыть яркий блеск глаз и удивительный цвет лица.

Магда была поглощена музыкой. Она на время уносила ее из этого мира, который день ото дня становился к ней все более жестоким. Пришли те, кто ненавидел евреев. Они лишили папу работы в университете, потом отобрали их дом, сместили ее короля... Не то чтобы она была очень предана королю Карлу, но все же это был законный монарх, а они заменили его генералом Антонеску и Железной Гвардией. Но никто не мог отнять у нее музыку.

— Я правильно играю? — спросила она, когда смолк последний аккорд и в кибитке вновь наступила тишина.

Старая женщина, сидевшая рядом за низеньким круглым дубовым столом, улыбнулась, и вокруг черных цыганских глаз появилось множество мелких морщинок.

— Почти. Но в середине это звучит не так.

Она положила на стол тщательно перемешанную колоду карт и взяла инструмент, напоминавший волюнку. Как старенький сморщенный Пан, цыганка прижала трубки к губам и начала дуть. Магда стала подыгрывать и вскоре почувствовала, что ее мелодия действительно слегка отличается. Она тут же внесла в ноты поправки

— Теперь, я думаю, все правильно. Большое тебе спасибо, Джозефа.

Старуха протянула руку.

— Дай-ка мне посмотреть.

Магда передала ей листки и стала наблюдать, как цыганка с интересом рассматривает неровные строчки причудливых символов. Джозефа слыла мудрейшей женщиной в своем таборе. Папа любил рассказывать, какой красавицей она была раньше, но теперь ее кожа иссохла, лицо сморщилось, а черные волосы рассекли широкие серебряные пряди. Однако ум оставался по-прежнему ясным.

— Так вот, значит, какая она, моя песня.— Джозефа не понимала нот.

— Да. Сохраненная навеки.

Цыганка вернула записи.

— Но я же не буду вечно играть ее так. Просто сейчас я хочу именно так, а через месяц мне захочется что-нибудь изменить. Я уже много раз кое-что в ней меняла.

Магда кивнула и положила листочки в папку вместе с другими записями. Она знала, что в цыганской музы-

ке много импровизации. И это было неудивительно — вся жизнь цыган состоит из импровизаций; у них нет дома, не считая кибиток, нет письменности, нет ничего, что заставило бы их осесть в одном месте. Может быть, поэтому ей так и хотелось забрать у них какую-то часть их кипучей энергии, чтобы навечно сохранить ее в музыкальной форме.

— Мне и сейчас уже нравится эта песня,— ответила Магда.— А через год посмотрим, что ты еще сюда добавишь

— А разве к тому времени твоя книга еще не выйдет?

Магда почувствовала, что ей больно говорить.

— Боюсь, что нет.

— Но почему? — удивилась Джозефа.

Девушка сделала вид, что занята с мандолиной, хотя и понимала, что ей так просто не уйти от ответа. И тогда она тихо сказала, не поднимая глаз:

— Мне придется искать нового издателя.

— А что случилось со старым?

Магда не подняла глаз и теперь. Она была в смятении. Это оказалось одним из самых тяжелых ударов в ее жизни — недавно она узнала, что издатель трусливо предал ее и разорвал договор. И ей до сих пор было очень больно.

— Он передумал. Он сказал, что сейчас не время выпускать сборник цыганской музыки.

— Особенно, когда составительница — еврейка,— понимающе добавила Джозефа.

Магда взглянула на нее и снова опустила глаза. Как она права!..

— Возможно.— Девушка чувствовала, как в горле растет горький ком. Она не хотела больше говорить об этом.— А как у тебя идут дела?

— Хуже некуда.— Джозефа сокрушенно вздохнула, отложила инструмент в сторону и снова взяла в руки гадальные карты. Она была одета в старую разноцветную цыганскую одежду: цветастую блузку, полосатую юбку, ситцевую косынку. От такой пестроты начинала кружиться голова. А пальцы старухи как бы сами собой стали мешать потрепанную колоду.— Я теперь почти не гадаю и никого не вижу с тех пор, как с меня взяли подписку.

Магда догадалась об этом, когда подходила сегодня к кибитке. Табличку с надписью «Доамна Джозефа, предсказательница» сняли, куда-то исчезла и диаграмма для чтения линий руки с левого окна, и кабалистические символы с правого. Она слышала, что Железная Гвардия приказала всем цыганам оставаться на постоянных местах и не «дурачить» граждан.

— И цыгане тоже попали в немилость?

— Да мы и всегда были в немилости, независимо от места и времени. Мы к этому уже привыкли. Но вот вы, евреи...— Она озабоченно покачала головой.— Мы такое слышим!.. Страшные вещи творятся в Польше.

— Мы тоже слышим,— вздохнула Магда, едва сдерживая гримасу отчаяния.— Но и мы привыкли к гонениям.

Да, действительно многие уже привыкли. Конечно, не она. Она к этому никогда не сможет привыкнуть.

— Боюсь, как бы не стало еще хуже,— добавила Джозефа.

— Это уж точно...— Магда вдруг поняла, что начинает озлобляться, но не в силах сдержать себя. Окружающий мир с каждым днем становился для нее все более чужим, и, пытаясь защититься, она инстинктивно отталкивала его от себя еще дальше. И это был какой-то безвыходный замкнутый круг, с которым она ничего не могла поделать. Но не может же быть, чтобы все, о чем она слышала, оказалось правдой — все эти рассказы насчет евреев или о том, что делают с цыганами в сельской местности солдаты Железной Гвардии... Рабский труд, лагеря смерти, насильственная стерилизация... Нет; это, должно быть, пустые слухи, чьи-то страшные сказки. Такое просто не может происходить на самом деле. Все это выдумки.

Но это, увы, происходило, и то, о чем слышала Магда, было далеко не самой страшной правдой о вещах, творящихся за колючей проволокой многочисленных «закрытых районов».

— А я не особенно тревожусь,— улыбнулась Джозефа.— Разрежь цыгана на десять частей, и ты не убьешь его, а только сделаешь десять цыган.

Магда же была уверена, что в ее случае получился бы просто мертвый еврей. И снова ей захотелось сменить тему разговора.

— Это гадальные карты? — Она узнала их сразу. Джозефа кивнула.

— Хочешь узнать будущее?

— Нет. Я в это не верю.

— Честно говоря, я тоже не всегда верю в это. В основном карты ничего не говорят, потому что им, большей частью, просто нечего сказать. Поэтому мы начинаем импровизировать — точно так же, как в музыке. Но какой от этого вред? Я просто говорю наивным молоденьким девушкам, что скоро они встретят красивого юношу, а молодым людям — что скоро дела у них пойдут на лад. Никакого вреда.

— И никакого будущего...

Джозефа пожала плечами.

— Но иногда карты раскрывают большие секреты. Хочешь попробовать?

— Нет. Спасибо, я действительно не хочу. — Ей и правда не хотелось знать, что ждет ее впереди. У нее было такое чувство, что ничего хорошего там уже нет.

— Ну, пожалуйста! Это будет мой подарок.

Магда колебалась. Ей не хотелось обижать Джозефу. Но ведь ей только что сказали, что в большинстве случаев карты просто молчат. Так, может быть, она хоть наболтает ей приятных сказок?..

— Ну хорошо.

Джозефа протянула колоду через стол.

— Сними.

Магда приподняла верхнюю половину карт и отдала их цыганке. Та положила карты под низ и принялась раскладывать, не прерывая разговора.

— Как твой отец?

— К сожалению, не лучше. Он теперь почти не встает.

— Это плохо. А медведь Йошки не помог ему вылечить ревматизм?

Магда покачала головой.

— Нет. У него ведь не просто ревматизм. Все гораздо хуже...

Отец перепробовал уже все средства и способы, чтобы остановить скручивание конечностей, и даже позволил дрессированному цыганскому медведю пройти по его спине. Но и древняя цыганская терапия оказалась такой же беспомощной, как и последние достижения современной медицины.

— Он очень добрый человек,— приговаривала Джозефа.— Несправедливо, что такой человек, знающий так много об этой стране, должен... Что ему... не дают возможности видеть ее...— Она нахмурилась и замолчала, недоуменно разглядывая карты.

— В чем дело? — спросила Магда. Озабоченное выражение лица гадалки встревожило и ее.— С тобой все в порядке?

— Что?.. А, да, конечно. Со мной все хорошо. Но вот карты...

— Что-то не так? — Магда не верила, что карты могут предсказывать судьбу, как, впрочем, и внутренности мертвой птицы. И тем не менее она вся напряглась.

— Посмотри, как они разлеглись. Я никогда еще такого не видела. Нейтральных карт почти нет, а те, которые обозначают добро, все собраны справа.— Джозефа обвела рукой веер карт.— А все карты зла легли по левую сторону. Странно.

— И что это значит?

— Не знаю. Я лучше спрошу Йошку.— Она позвала внука, оглянувшись через плечо, а потом снова повернулась к Магде.— Йошка очень хорошо знает карты. Он любил наблюдать за мной, когда еще был совсем маленьким.

Красивый смуглый молодой человек, лет двадцати с небольшим, с едва заметной улыбкой на губах забрался в кибитку и кивнул Магде, не сводя с нее черных глаз. Девушка отвернулась. Несмотря на избыток одежды, она сейчас чувствовала себя обнаженной. Он был моложе ее на несколько лет, но это его не смущало. Несколько раз уже Йошка пытался завоевать ее сердце, но она отвергла его.

Юноша посмотрел на стол, проследив за взглядом своей бабушки. Постепенно улыбка сошла с его лица, и он хмурился все сильнее и сильнее. Несколько секунд он молчал, а затем принял решение:

— Перемешайте, снимите и разложите заново.

Джозефа согласно кивнула, и вся процедура повторилась еще раз. Теперь уже все молчали. Позабыв свой недавний скептицизм, Магда невольно подалась вперед и внимательно следила за картами, которые ложились на стол одна за другой. Она ничего не понимала в гадаании и должна была полностью полагаться на то, что

скажут ей старая гадалка и ее внук. Но едва она посмотрела на их лица, как сразу же поняла, что здесь что-то не так

— И что ты об этом думаешь, Йошка? — растерянно спросила Джозефа.

— Непонятно... Такая концентрация добра и зла... И такое ясное разделение между ними.

Магда сглотнула. Во рту у нее пересохло.

— То есть вы хотите сказать, что опять разложилось точно так же? Два раза подряд?

— Да, — ответила Джозефа. — Только теперь стороны поменялись: все хорошее находится слева, а злое — на правой стороне. — Она посмотрела на Магду. — А это имеет роковое значение.

Магда неожиданно рассердилась. Да они просто смеются над ней! А она никому не позволит над собою смеяться.

— Я, пожалуй, пойду. — Она взяла мандолину, папку и собралась уходить. — Я не такая наивная, чтобы меня можно было так глупо разыгрывать.

— Нет! Пожалуйста! Ну, еще раз! — Старая цыганка протянула к ней руки.

— Прости, Джозефа, но мне уже пора.

Девушка заспешила к выходу, понимая, что поступает нехорошо по отношению к своим друзьям. Но она не могла перебороть себя; эти странные карты с загадочными картинками и изумленные лица цыган заставили ее покинуть кибитку раньше времени. Ей страшно захотелось назад в Бухарест, на городские улицы с мостовыми.

Глава девятая

Застава.

Понедельник, 28 апреля.

Время: 19.10

Прибыли «змеи».

Эсэсовцы, особенно офицеры, напоминали Ворманну змей. И штурмбанфюрер СС Эрик Кэмпфер не был исключением.

Ворманн навсегда запомнил один вечер за несколько лет до войны, когда местный полицейфюрер — эсэсов-

ский офицер с довольно высоким званием для провинциального шефа полиции — устраивал прием на своей вилле в предместье Ратенова. Был приглашен и капитан Ворманн, как почетный гражданин города и заслуженный офицер германской армии. Ему очень не хотелось идти туда, но Хельга так редко бывала в обществе, и ей до того шли наряды, что он не считал возможным ей отказать.

У стены банкетного зала стоял большой стеклянный террариум, в котором шевелился толстый удав длиною в три фута. Это был любимец хозяина. Трижды в течение вечера он просил гостей понаблюдать за ним и швырял ему жабу. Но Ворманну было достаточно и одного беглого взгляда во время первого кормления — он видел, как жаба, еще живая, медленно продвигается по пищеводу змеи, беспомощно брыкаясь в тщетной попытке спастись.

Это зрелище превратило просто скучный прием в омерзительный. А когда они с Хельгой напоследок проходили мимо террариума, капитан заметил, что змея по-прежнему голодна — она беспокойно металась по стеклу в поисках четвертой жабы, несмотря на три вздутия на пузе.

И сейчас Ворманн вспомнил эту змею, наблюдая, как Кэмпфер измеряет шагами его кабинет, механически двигаясь от окна к мольберту, потом вокруг стола и назад, к окну. Кроме коричневой рубашки, все на Кэмпфере было черное — черная куртка, черные брюки, черный галстук, черный кожаный ремень, черная кобура и черные сапоги. Стальной череп на фуражке, молнии СС и офицерская петлица на воротнике были единственными яркими пятнами во всей его форме, придавая ей сходство с блестящей чешуей ядовитой болотной змеи.

И еще Ворманн заметил, что Кэмпфер порядком постарел со времени их последней случайной встречи в Берлине два года назад. «Но уж не так сильно, как я», — вкралась едкая мысль. Майор СС, хоть и был на два года старше, из-за своей стройной фигуры выглядел намного моложе Ворманна. К тому же у него были густые светлые волосы, еще не тронутые сединой. Настоящий образец арийского совершенства.

— А почему у тебя всего один взвод? — наконец спросил капитан. — В сообщении ведь сказано, что едут

два.— А потом добавил: — Вообще-то я думал, что здесь будет целый полк.

— Нет, Клаус,— снисходительно улыбнулся Кэмпфер, продолжая бессмысленно шагать по комнате.— Конечно, и одного взвода вполне хватило бы, чтобы справиться с твоей так называемой проблемой. Поверь, мои солдаты очень опытные в этих делах. И я взял с собой два взвода только лишь потому, что это просто короткая остановка на моем дальнейшем пути.

— Так где же второй взвод? Собирает цветочки?

— В каком-то смысле, да.— Улыбка Кэмпфера была не из приятных.

— Что это значит? — недоуменно спросил Ворманн.

Кэмпфер снял шинель и фуражку и швырнул их прямо на стол. Потом подошел к окну, выходящему на деревню.

— Терпение. Сейчас сам все увидишь.

Ворманн нехотя подошел к окну. Кэмпфер прибыл всего двадцать минут назад, а уже пытался нагло узурпировать власть на заставе. Сперва в сопровождении своих солдат он без малейшего колебания вошел в крепость. Ворманн надеялся, что мост через ров уже достаточно слаб, но его надежды не оправдались. «Опель» майора и грузовик с солдатами проехали без происшествий. После этого он приказал сержанту Остеру — ворманнскому сержанту Остеру! — проследить за тем, чтобы все эсэсовцы были немедленно расквартированы, а затем парадным шагом вошел в кабинет Ворманна и бодро отсалютовал «Хайль Гитлер!», будто тот был новым мессией.

— Похоже, ты сильно продвинулся со времени прошлой войны,— заметил капитан, наблюдая за темной деревней.— И СС тебя, кажется, вполне устраивает.

— Я действительно предпочитаю СС регулярной армии, если тебя это интересует. Я считаю, что это более эффективная сила.

— Да уж, слышан...

— И я покажу тебе, Клаус, как эффективность решает любые проблемы. А решение проблем — это выигранная война.— Он указал в окно.— Вот посмотри!

Сначала Ворманн ничего не увидел, но потом заметил какое-то шевеление на краю деревни. Это была группа людей. Приближаясь к замку, они вытягивались в неровную цепь: эсэсовцы гнали прикладами десять деревенских жителей.

Ворманн был потрясен, хоть и ожидал увидеть нечто подобное.

— Ты с ума сошел? Это же румынские граждане! Румыния — наш союзник!

— Значит, немецких солдат будут потихоньку убивать эти румынские граждане, а я должен спокойно смотреть на это? Я думаю, генерал Антонеску не станет поднимать большого шума из-за смерти десятка деревенских мужланов.

— Но ты ничего не добьешься, убив их!

— О господи! Да я пока и не собираюсь никого убивать. Но из них получатся прекрасные заложники. Я пустил в деревне слух, что если хоть один немецкий солдат умрет, то эти десять будут тут же расстреляны. И десять других — за каждого последующего солдата. И так будет продолжаться до тех пор, пока убийца не успокоится, или пока в деревне не кончатся жители.

Ворманн с отвращением отошел от окна. Так вот она, Новая Германия, этика Главной Расы! Вот, оказывается, как надо выигрывать войну!..

— Все равно ничего не получится, — убежденно сказал он.

— Все получится. — Самодовольство Кэмпфера было просто невыносимым. — Всегда получалось и всегда будет получаться. Этих партизан подбадривают дружеские хлопки по спине их же собственных собутыльников. И они чувствуют себя героями до тех пор, пока не начинают умирать их товарищи, или пока не будут наказаны их жены и дети. И тогда они снова превращаются в добрых невинных крестьян.

Ворманн начал лихорадочно искать способ, как спасти мирных жителей. Он был уверен, что они не имеют к убийствам ни малейшего отношения.

— Нет. На этот раз все обстоит по-другому.

— Вряд ли. Мне кажется, Клаус, что в таких делах у меня опыта все же больше. Я прошел хорошую школу.

— В Аусшвице, если не ошибаюсь?

— Да, я многому научился у коменданта Гесса.

— Тебе нравится учиться? — Ворманн схватил со

стола фуражку майора и швырнул ему прямо в руки.— Тогда я покажу тебе кое-что. Пошли со мной!

Действуя быстро и решительно и не давая Кэмпферу времени на расспросы, он повел его вниз по лестнице, потом через двор и уже по другой лестнице,— в подвал. На секунду Ворманн остановился у разрушенной стены, зажег лампу и первым двинулся в страшное нижнее подземелье.

— А тут прохладно,— заметил Кэмпфер, зябко потирая руки. Из рта у него шел пар.

— Мы храним здесь тела. Все шесть.

— Как, ты еще не отправил их на родину?

— Я счел неразумным отправлять их поодиночке. Могут поползти разные слухи, а это будет нехорошо для престижа немецкой армии. Я хотел забрать их с собой, когда буду уходить с заставы. Но, как ты знаешь, моя просьба о передислокации была отклонена.

Он остановился перед накрытыми трупами и к своему неудовольствию отметил, что простыни кем-то потревожены. Конечно, все это мелочи, но он понимал, что последнее, что можно сделать для погибших солдат,— это отнестись к ним с подобающим уважением. Уж если им приходится ждать, пока их отправят домой, так пусть они ждут в покое, в чистой форме и под аккуратными саванами.

Капитан подошел к первому солдату, которого убили совсем недавно, и приподнял простыню над его головой и плечами.

— Это рядовой Ремер. Посмотри на его горло.

Кэмпфер повиновался, но выражение его лица несколько не изменилось.

Ворманн опустил простыню и приподнял следующую, держа лампу так, чтобы майору хорошо было видно развороченное горло трупа. Потом он проделал то же самое и с остальными убитыми, оставив самую страшную жертву напоследок.

— А теперь — рядовой Лютц.

И наконец Кэмпфер тихонько ахнул. Но и Ворманн тоже чуть не выронил свой фонарь. Голова Лютца была перевернута. Макушку кто-то приставил к плечам, а разорванная шея уходила в темноту.

Ворманн осторожно вернул голову в нормальное положение и поклялся найти того, кто так по-свински по-

ступил с погибшим товарищем. Он тщательно укрыл тело простыней и повернулся к Кэмпферу.

— Теперь понятно, почему заложники не помогут?

Майор ответил не сразу. Вместо этого он сплюнул на пол и молча направился к лестнице. Ворманн чувствовал, что Кэмпфер глубоко потрясен, но старается не показывать виду.

— Этих людей не просто убили,— наконец задумчиво протянул эсэсовец.— А убили с особой жестокостью.

— Вот именно! И это говорит о полном безумии того существа, с которым мы здесь столкнулись. Поэтому жизнь десятерых крестьян не будет иметь для него абсолютно никакого значения.

— А почему ты говоришь «того существа»?

Ворманн выдержал насмешливый взгляд майора.

— Потому что мне еще не известно, кто это. Единственное, что я знаю наверняка,— это то, что с наступлением темноты убийца беспрепятственно приходит и уходит, когда пожелает. И никакие меры не позволяют нам поддерживать безопасность.

— Меры не позволяют? — переспросил Кэмпфер, снова став смелым и решительным, как только они выбрались из подвала и вошли в теплые и светлые комнаты Ворманна.— Потому что ответ лежит не в каких-то там мерах. СТРАХ — вот где главная мера. Заставь убийцу бояться убивать. Пусть он испугается той цены, которую заплатят его товарищи за то, что он убивает. Страх — вот что является основой безопасности. Так было во все времена.

— А что если этот убийца похож на тебя? Вдруг ему тоже наплевать на жизни этих бедняг?

Кэмпфер не ответил.

Тогда Ворманн решил развить свою мысль:

— Твоя теория страха не сработает именно там, где орудует убийца, похожий на тебя самого. Поимей это в виду, когда будешь возвращаться в свой Аушвиц.

— Кстати, я туда больше не поеду,— с нескрываемой радостью сообщил майор.— Как только я все здесь закончу — а на это мне потребуется день или два — я немедленно отправляюсь на юг, в Плоешти.

— Не вижу в этом большого смысла,— иронично заметил Ворманн.— Все синагоги там и без тебя уже сожгли, остались одни нефтяные заводы...

— Давай-давай, Клаус, продолжай в том же духе,— процедил сквозь зубы эсэсовец, едва заметно покачивая головой.— Говори, пока можешь. Когда я буду в Плоешти, ты уже не позволишь себе такого тона.

Ворманн опустил за свой шаткий письменный стол. Его просто воротило от Кэмпфера, и теперь он смотрел на фотографию своего младшего сына Фрица, которому недавно исполнилось пятнадцать лет.

— И все же я действительно не понимаю, что интересного ты можешь найти для себя в Плоешти.

— Ну уж, конечно, не бензиновые заводы; о них пусть заботятся армейские тыловики. А я буду заниматься железной дорогой.

Ворманн продолжал смотреть на фотографию сына и как эхо повторил последние слова Кэмпфера:

— Железной дорогой...

— Да, ведь Плоешти — крупнейший железнодорожный узел Румынии. А значит, и самое удачное место для нового центра переселения.

Ворманн невольно вздрогнул и поднял голову.

— Ты хочешь сказать, что там все будет, как в Аусшвице?

— Именно! Кстати, Аусшвиц — тоже узловая станция. Потому там и построили лагерь. Для эффективного перемещения рас нужно быть в центре сети дорог. Так что с транспортом нам, можно сказать, крупно повезло, ведь из Плоешти бензин отправляют во все концы государства.— Он развел руки в стороны, потом снова соединил их.— А из каждого уголка Румынии туда будут приходить вагоны с евреями, цыганами и прочим мусором, который еще остался в этой стране.

— Но ведь это же не оккупированная территория! Как же можно...

— Фюрер не хочет, чтобы нежелательные элементы в Румынии остались без должного внимания. Правда, Антонеску и Железная Гвардия уже снимают евреев с ответственных постов, но у фюрера есть более радикальный план. В СС он известен под названием «Румынское решение». И чтобы его осуществить, рейхсфюрер договорился с генералом Антонеску, что наша «Мертвая голова» покажет им образец того, как следует действовать. И меня выбрали для этой миссии. Я буду комендантом лагеря в Плоешти.

Ворманн с ужасом обнаружил, что не в состоянии отвечать, а Кэмпфер тем временем углубился в свой любимый предмет:

— Ты знаешь, Клаус, сколько в Румынии евреев? По последним подсчетам — семьсот пятьдесят тысяч. А может быть, уже целый миллион! Пока этого никто не знает, но когда подсчитывать начну я, это станет точно известно. Кроме того, в стране полно цыган и масонов. И что еще хуже — мусульман! В общей сложности — два миллиона подлежащих ликвидации.

— Если бы я только знал, — сказал Ворманн, с издевкой закатывая глаза, — я никогда бы не поехал в такую ужасную страну!

На этот раз Кэмпфер все прекрасно расслышал.

— Смейся-смейся, если тебе от этого легче. Но вот увидишь — скоро Плоешти станет очень важным пунктом. Ведь сейчас мы даже из Венгрии вынуждены везти евреев в Аусшвиц, тратя на это уйму времени, сил и горючего. А когда заработает лагерь в Плоешти, то я думаю, что многих из них начнут отправлять именно туда. И как комендант, я стану одной из центральных фигур в СС... и во всем Третьем Рейхе! И тогда придет мой черед посмеяться.

Но Ворманн и не смеялся. Вся эта идея показалась ему просто жуткой. Однако что он мог сделать?.. Он вновь почувствовал свое бессилие и с грустью вынужден был признать, что горький смех остается его единственной защитой от этого мира, которым правят безумцы, и от сознания того, что он офицер армии, позволившей им прийти к власти.

— А я и не знал, что ты художник, — сказал вдруг майор, останавливаясь у мольберта, будто только что заметил его. Некоторое время он молча изучал картину. — Я думаю, что если бы ты потратил на поиски убийцы столько же времени, как на этот отвратительный рисунок, то некоторые из твоих солдат были бы еще живы.

— Отвратительный? Интересно, что ты в нем нашел отвратительного?

— А силуэт трупа на веревке — это что, по-твоему, должно радовать глаз?

Ворманн вскочил и подошел к мольберту.

— О каком еще трупе ты говоришь?

Кэмпфер ткнул пальцем в холст:

— Вот здесь... на стене.

Ворманн уставился на полотно. Сперва он не увидел ничего, кроме серого фона стены, изображенной им несколько дней назад. Даже и намека нет ни на какой... хотя... У него перехватило дыхание. Слева от окна, за которым сияла залитая солнцем деревня, по нарисованной стене шла тонкая вертикальная линия, заканчивающаяся темным пятном, очертания которого можно было принять за силуэт повешенного. Он смутно вспомнил, как рисовал и эту линию, и эту форму, но никоим образом не хотел вложить в них столь зловещее содержание. Однако он не мог позволить Кэмпферу доказать свою правоту, а значит, не мог и признать своей досадной оплошности.

— Уродство, Эрик, как и красота, больше всего зависит от взгляда наблюдателя,— философски развел руками Ворманн.

Но Кэмпфер пропустил это мимо ушей.

— Очень хорошо, Клаус, что твоя картина уже почти готова.— сказал он.— Потому что пока я здесь, я не смогу позволить тебе приходить сюда и заниматься искусством. Хотя когда я уеду в Плоешти, ты сможешь продолжить.

Ворманн ожидал услышать это, и ответ был готов:

— Тебе не придется беспокоиться, это мои комнаты.

— Вынужден поправить тебя: теперь это **МОИ** комнаты. Вы, вероятно, забыли, что я старше вас по званию, герр капитан?

Но Ворманн лишь презрительно усмехнулся:

— Ты думаешь, для меня много значит твое звание в СС? Да это пустое место! И даже хуже, чем просто пустое место. Любой мой самый зеленый капрал — и то в сто раз больший солдат, чем ты. И к тому же он в сто раз человечнее!

— Осторожнее, капитан! А то самой большой наградой для вас может остаться этот ржавый железный крест, полученный еще в прошлой войне.

И тут Ворманн почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Он сорвал с груди черный с серебряной окантовкой мальтийский крест и сунул его в лицо Кэмпферу.

— Да тебе такой в жизни не заслужить! По крайней мере настоящий, как этот — без мерзкой свастики посередине!

— Довольно!

— Нет, еще не довольно! Ваша хваленая СС убивает одних безоружных — детей, женщин!.. А я заслужил этот крест, когда сражался на равных с мужчинами, которые стреляли в меня. И мы оба знаем, — тут голос Ворманна опустился до яростного шепота, — как тебе не нравится враг, который может за себя постоять!

Кэмпфер весь подался вперед, почти вплотную приблизив свой нос к лицу Ворманна. Его водянистые голубые глаза гневно сверкали.

— Твоя великая Мировая война давно уже в прошлом. Теперь ЭТА война стала великой, и это МОЯ война. Та, старая, была твоей, но она проиграна, кончилась и всеми забыта!

Ворманн не смог сдержать улыбки: наконец-то он на верном пути!

— Нет, не забыта. И никогда не будет забыта. Как и твоя храбрость в Вердене!

— Я предупреждаю тебя! — зашипел штурмбанфюрер. — Я тебя заставляю... — И он злобно щелкнул зубами.

В этот момент Ворманн начал медленно приближаться к нему. Он больше не мог терпеть речей этого белобрысого выскочки, говорящего об убийстве миллионов беззащитных людей с той же легкостью, с какой позволительно обсуждать лишь меню обеда. Ворманн не делал никаких угрожающих жестов, однако Кэмпфер при его приближении с опаской отступил назад. Капитан спокойно прошел мимо него и распахнул настежь дверь.

— Вон отсюда.

— Да как ты смеешь?!

— Вон!

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. В какой-то момент Ворманн даже подумал, что Кэмпфер вот-вот начнет драться с ним. Капитан знал, что эсэсовец находится в лучшей физической форме, чем он, хоть и слабее морально. Наконец Кэмпфер не выдержал и отверл взгляд. Ему было нечего сказать; они оба знали правду о штурмбанфюрере СС Эрике Кэмпфере. И через мгновение тот схватил шинель и пулей вылетел из комнаты капитана. Ворманн тихо закрыл за ним дверь.

Какое-то время он стоял неподвижно. На этот раз он не выдержал. А ведь раньше мог с легкостью контро-

лизовать себя. Ворманн подошел к мольберту и тупо уставился на картину. И чем пристальнее он смотрел на странную тень на стене, тем сильнее она напоминала ему висящий труп. В конце концов это начало его раздражать. Он хотел, чтобы в центре внимания была солнечная деревня, а сейчас не мог думать ни о чем, кроме этой проклятой тени.

Наконец он оторвался от картины, подошел к столу и снова взглянул на фотографию сына. Чем больше ему встречалось людей, похожих на Кэмпфера, тем сильнее он беспокоился за Фрица. Ворманн гораздо меньше волновался за Курта, своего старшего, когда в прошлом году тот участвовал в боевых действиях во Франции. Курту уже девятнадцать, он капрал. И взрослый мужчина.

Но Фриц!.. Что они сделали с ним, эти нацисты... Сперва каким-то образом его заставили вступить в гитлер-югенд; дальше — больше... Когда Ворманн последний раз приезжал домой в отпуск, ему было очень больно слышать из уст четырнадцатилетнего мальчика весь этот бред о превосходстве арийской расы и наблюдать, как его сын с восторгом и ликованием восхваляет «великого фюрера», награждая его качествами, достойными разве что Бога. Нацисты отнимали у него сына прямо на глазах, превращая мальчика в такую же змею, как Эрик Кэмпфер. И Ворманн чувствовал, что ничего не может с этим поделать.

Ничего не мог он поделать и с самим Кэмпфером. Он был не вправе контролировать действия офицера СС. Если тот решил расстрелять румынских крестьян, то воспрепятствовать этому можно только лишь силой. А этого он делать не мог. Все же Кэмпфера прислало сюда командование. И если его арестовать, это будет открытым неподчинением. Прусское воспитание Ворманна не позволяло ему допустить даже мысли об этом. Недаром армия была его домом, работой, всей жизнью... Четверть века он честно отдал ей день за днем. И бросать вызов сейчас...

Он чувствовал себя абсолютно беспомощным. И вот он снова в Польше: Познань, полтора года назад, только что закончился бой. Его солдаты уже разбивали лагерь, когда у леса послышались автоматные очереди. Капитан отправился на разведку. На опушке эсэсовцы выстранивали евреев — мужчин и женщин всех возрастов, стари-

ков, детей — и расстреливали их. Когда тела скатывались в вырытую за ними канаву, их место занимала следующая шеренга. Кровь смешивалась с землей, в воздухе пахло кордитом, а над лесом неслись предсмертные крики раненых, которых заживо заваливали свежими трупами.

Тогда он чувствовал себя таким же беспомощным, как и сейчас. Он был не в состоянии сделать войну такой, чтобы солдат сражался против солдата, как теперь не в силах остановить ни ту тварь, что убивает его людей, ни Кэмпфера, собравшегося расстрелять мирных граждан

Ворманн тяжело опустился на стул. Да и кто он такой, чтобы переделывать этот мир?.. Не стоит и пробовать!.. Все равно с каждым днем все меняется к худшему... Ему вспомнилось детство: тогда он был счастлив, что родился вместе с веком, веком надежд и обещаний. Но каждый год нес лишь новые разочарования. И вот он дожидается участия в войне, которую так и не мог понять.

И все же ему хотелось этой войны. Он много лет мечтал свести счеты с теми, кто завладел его страной в восемнадцатом, обременил ее непосильными репарациями, а потом втирал в грязь год за годом. И вот его час пробил, и он принял участие в нескольких победоносных сражениях, еще раз доказавших, что вермахт остановить невозможно.

Но тогда почему же так скверно у него на душе? И почему вместо фронта он хочет оказаться в Ратенове с Хельгой? Почему благодарит Бога за то, что его отец, тоже кадровый офицер, погиб в предыдущей войне и теперь не видит всех этих зверств и жестокостей, творящихся как бы во имя Родины?..

И все же, несмотря на смятение, горечь и боль, он не сдавался. Неужели еще жива в нем надежда? На что?.. Ответ приходил ему в сотый — нет, в тысячный раз: в глубине души Ворманн верил, что немецкая армия переживет нацистов. Политики приходят и уходят, а армия так и остается армией. И если только у него хватит сил, он доживет до того дня, когда немецкое оружие одержит победу, а Гитлер и его банда с позором уйдут в небытие. Он очень хотел верить в это. Ему было необходимо верить.

И еще, вопреки здравому смыслу, он надеялся, что угроза Кэмпфера произведет желаемый эффект и убий-

ства наконец прекратятся. Но если этого не произойдет и еще один немец умрет этой ночью, Ворманн знал, кого в таком случае он хотел бы увидеть мертвым.

Глава десятая

Застава.
Вторник, 29 апреля.
Время: 01.18

Кэмпферу никак не удавалось заснуть. Он лежал и мучился мыслями о возмутительном неподчинении Ворманна. Хорошо хоть, что сержант Остер не стал брать пример со своего командира. Увидев черную форму, он тут же выполнил все приказания, а не начал упрямиться, как его капитан, на которого такие штуки не действовали. Правда, Кэмпфер и Ворманн знали друг друга еще с тех пор, когда никакой СС и в помине не было. Но теперь это не могло служить оправданием.

Остер быстро подыскал помещения для обоих взводов эсэсовцев и предложил использовать тупик коридора в задней секции замка для содержания пленных крестьян. Выбор оказался удачным: коридор уходил прямо в толщу горы и имел на конце четыре маленькие комнаты. Попасть туда можно было и из другого коридора, проходящего под углом к первому и ведущего прямо во двор. Кэмпфер пришел к выводу, что раньше это помещение служило складом, так как вентиляция здесь отсутствовала, а комнаты были без окон и каминов. Сержант проследил, чтобы оба коридора как следует освещались до самого конца и нельзя было незаметно подкрасться к солдатам СС, которые парами будут охранять арестованных.

Для самого штурмбанфюрера Остер нашел две просторные комнаты во втором этаже задней секции замка. Сперва он предложил ему поселиться в башне, но майор отказался: разместиться на первом или втором этаже было бы, конечно, удобно, но это значило оказаться НИЖЕ Ворманна. А на четвертом этаже — слишком высоко: каждый раз приходилось бы преодолевать немислимое количество ступенек. Задняя часть крепости показалась Кэмпферу лучше. Окно у него выходило во двор, а комната закрывалась огромной дубовой дверью

с засовом. Майор реквизирует у одного из солдат Ворманна новенькую койку, положил на нее свой матрас, лег, а рядом поставил на пол фонарь с батарейками.

Тут внимание его привлекли кресты на стене. Похоже, они висят здесь повсюду. Забавно... Кэмпфер еще днем хотел спросить о них Остера, но потом передумал: тогда бы он потерял репутацию всезнающего человека. А она была особым даром людей СС, и ему следовало поддерживать свой престиж. Возможно, он спросит об этом Ворманна — конечно, позднее, когда опять начнет с ним разговаривать.

Ворманн... Он не мог выкинуть из головы этого человека. Парадокс заключался в том, что Кэмпферу меньше всего на свете хотелось находиться сейчас рядом с ним. Если капитан будет поблизости, то он не сможет уже чувствовать себя таким офицером СС, каким ему хотелось бы. Ворманн мог пристально посмотреть на него и сквозь форму и внешний лоск увидеть в холеном штурмбанфюрере насмерть перепуганного восемнадцатилетнего юнца. Тот день в Вердене стал поворотным пунктом в их отношениях.

...Британцы прорвали немецкую оборону и перешли в неожиданное контрнаступление. Огонь прижал их роту к земле, солдаты гибли один за другим. Наконец пулеметчиков накрыло гранатой, и англичане поднялись в штыковую атаку... Противнику удалось выиграть время, отойти и перегруппироваться, и им срочно надо было предпринять такой же маневр, но от командира — никаких указаний. Вероятно, он тоже убит. И вот рядовой Кэмпфер видит, что из их взвода в живых не осталось уже никого, кроме зеленого новобранца — добровольца по фамилии Ворманн, которому всего лишь шестнадцать, и он еще слишком мал для войны... Он жестом позвал юношу отходить вместе с ним, но тот лишь отрицательно покачал головой и пополз вперед — туда, где стоял замолкнувший пулемет. И через минуту по пехоте врага ударила первая очередь... А Кэмпфер тем временем лихорадочно полз назад. Он знал, что наутро сумасшедшего юнца будут хоронить.

Но Ворманна не похоронили. Он сдерживал неприятеля до тех пор, пока не подошло подкрепление. Его тогда наградили, вручили Железный Крест. А под конец

войны он был уже унтер-офицером, и вместе с остатками армии уцелел после Версальского разгрома.

Кэмпфер же, сын бедного клерка из Аугсбурга, после войны оказался выброшенным на улицу. Он был без денег и крова — один из тысяч ветеранов разбитой армии, проигравшей войну. Никто не считал их героями; в новой республике они были просто недоразумением. И тогда он вступил в нигилистическую организацию, а оттуда уже недалеко было и до нацистской партии, куда его приняли в 1927 году. Потом, доказав свою преданность и чисто арийское происхождение, в 1931 году он стал членом СС. И с тех пор «Мертвая голова» была для Кэмпфера родным домом. Свой очаг он потерял после первой войны и теперь поклялся, что с помощью партии вернет себе все долги...

В СС его научили вызывать страх и причинять боль, а заодно — следить за ошибками вышестоящих и прятать свои собственные слабости и недостатки от агрессивных соперников по восхождению на «партийный олимп». Эту науку он усвоил особенно прочно и постепенно дослужился до поста первого заместителя Рудольфа Гесса, одного из самых известных ликвидаторов еврейского населения.

И снова он настолько прилежно учился, что был досрочно удостоен звания штурмбанфюрера и чести возглавить новый «центр переселения» в Плоешти.

Кэмпферу не терпелось поскорее оказаться на месте и развернуть кипучую деятельность. Только невидимый убийца ворманновских солдат стоял сейчас на его пути. Первым делом следовало обнаружить его. Это, конечно, не проблема, но все требует времени... Однако он хотел быстрее навести здесь порядок не только потому, что это задерживало его отбытие в Плоешти; гораздо больше ему хотелось заставить Ворманна наконец почувствовать свою беспомощность и некомпетентность. Быстрое решение проблемы — и он уже будет на пути к триумфу, оставляя упрямого капитана далеко позади.

Эффектная победа здесь имела и другое значение: она навсегда положила бы конец всяким воспоминаниям Ворманна об инциденте в Вердене. И если когда-нибудь тот попытается обвинить его в трусости перед лицом противника, Кэмпферу достаточно будет сказать, что Ворманн просто завидует ему и не может простить то-

го, что он сумел выиграть там, где сам Ворманн потерпел полное поражение.

Шумно вздохнув, майор выключил надоевший фонарь. Да, необходимо как можно быстрее разобраться с этим убийцей. Так много дел впереди, столько важных событий ожидает его на новом месте...

Единственное, что его беспокоило,— так это то, что Ворманн чего-то явно боялся. И боялся по-настоящему. Хотя напугать капитана было делом довольно сложным.

Но решив больше не думать об этом, Кэмпфер закрыл глаза и попытался заснуть. Через несколько минут сон начал нежно обволакивать его, как теплое мягкое одеяло. И он почти уже погрузился в него, как вдруг почувствовал, что вся дремота куда-то разом исчезла. По коже поползли мурашки, и она стала влажной и липкой. Майор ощутил прилив страха. Что-то находилось прямо за его дверью. Он ничего не слышал и не видел, но тем не менее был уверен, что «оно» стоит именно там. Что-то с такой сильной аурой зла, холодной ненависти и неприкрытой угрозы, что он почувствовал его присутствие даже сквозь разделяющие их дерево и камень. «Оно» было там, снаружи. И медленно двигалось по коридору. Наконец жуткий сгусток прошел мимо двери и удалился прочь. Кэмпфер судорожно сглотнул.

Сердцебиение прошло, кожа высохла. Но потребовалось еще несколько минут, чтобы он смог убедить себя в том, что это был обыкновенный кошмар, только очень похожий на реальность — один из тех, что могут нарушить сон в самом его начале.

Наконец Кэмпфер поднялся с матраса и начал медленно снимать нижнее белье. Во время этого злоключения мочевого пузыря майора опорожнился помимо его воли.

Рядовые Фридрих Вольц и Карл Флик из отряда Кэмпфера стояли в своих черных блестящих касках и мелко дрожали. Им было холодно, скучно, и они уже

порядком устали. Это дежурство совсем не походило на ту обычную ночную работу, к которой они так привыкли в Аусшвице. Там у них были застекленные вышки и теплые караульные помещения, где можно было присесть, выпить кофе и перекинуться в карты, пока заключенные ежатся от холода в своих бараках. Только изредка им приходилось выходить к воротам лагеря или прохаживаться по двору.

Правда, сейчас они тоже находились в помещении, но здесь условия были такие же, как и у тех, кто сидел под замком,— холод и сырость. А это, на их взгляд, было несправедливо.

Флик повесил свой «шмайсер» за спину и энергично потер руки. Хотя пальцы его были в перчатках, они уже начали деревенеть. Он стоял рядом с Вольцем, прислонившись к стене у разветвления коридоров. С этого места были видны и освещенный выход во двор в конце левого коридора, и дверь комнаты с арестованными, расположенной по правую сторону.

— Я уже с ума схожу, Карл,— сказал Вольц.— Давай что-нибудь придумаем.

— Например?

— Давай развлечемся немного с заложниками.

— Но они ведь не евреи...

— Но и не немцы!

Флик задумался. С вновь прибывшими в Аусшвиц он очень любил проделывать одну вещь, которая называлась «саксонское приветствие». Несколько часов подряд заключенных заставляли выполнять такое упражнение: низкие приседания, руки вверх, ладони за головой. Уже через полчаса ломались даже самые сильные. Флику приятно было наблюдать за выражением лица человека, когда его тело переставало слушаться, а суставы и мышцы начинали невыносимо болеть. И еще на лице появлялся страх. Потому что тех, кто не мог продолжать упражнения, либо тут же расстреливали, либо избивали ногами до тех пор, пока они не возобновляли свое занятие. Конечно, они с Вольцем не могли сейчас расстреливать этих румын, но, по крайней мере, имели возможность немного согреться. Хотя это и было опасно.

— Нет, лучше не стоит,— скривился Флик.— Нас здесь всего только двое. Вдруг кто-нибудь из них начнет сопротивляться?

— А мы выведем парочку в коридор и с ними займемся. Давай, Карл! Будет весело!

Флик улыбнулся.

— Ну, ладно.

Конечно, сейчас это было не так захватывающе, как в Аусшвице. Там они могли бы устроить состязание, кто сломает заключенному больше костей и после этого еще заставит его работать. Но все же и здесь была возможность получить удовольствие.

Флик начал отыскивать в кармане ключ от последнего чулана, превращенного в импровизированную тюремную камеру. В их распоряжении было целых четыре комнаты, и при желании они могли бы разделить заключенников, но вместо этого всех десятерых запихнули в одну крошечную каморку. Флик уже предвкушал, какие лица будут у них в тот момент, когда он откроет дверь — испуганные, с трясущимися губами. Они увидят его улыбку и сразу поймут, что пощады от него ждать не придется. И от этого внутри у Флика все пело, а в груди разгоралось особое чувство — неописуемо радостное и волнующее; настолько упоительное, что он не мог уже жить без него и теперь страстно ждал каждого такого момента.

Он почти уже дошел до двери, как вдруг сзади послышался голос Вольца:

— Подожди минуточку, Карл.

Флик обернулся. Вольц напряженно вглядывался в коридор, ведущий к двору. На лице его читалось явное недоумение.

— Что там случилось? — спросил Флик.

— Что-то неладное с лампочкой. С самой первой — она гаснет.

— Ну и что?

— Она уже совсем погасла! — Он с тревогой посмотрел на Флика, потом опять в коридор. — А теперь гаснет следующая! — Вольц поднял «шмайсер», прицелился и тонким голосом закричал: — А ну, убирайся!

Флик опустил ключ в карман, схватил свое собственное оружие и побежал на помощь товарищу. Но пока он достиг пересечения коридоров, погасла уже третья лампа. Они ничего не видели в неожиданно сгустившейся темноте. Было похоже, что весь коридор заполнила какая-то плотная тень.

— Мне это не нравится,— тихо сказал Вольц.

— Мне тоже. Но я никого не вижу. Может быть, что-то случилось с генератором? Или провод испортился...— Флик не верил ни единому своему слову, как, впрочем, и Вольц. Но он должен был что-нибудь говорить, чтобы справиться с нарастающим страхом. Ведь эсэсовцы призваны внушать страх другим, а не испытывать его сами.

Стала гаснуть четвертая лампочка. Темнота подошла к ним почти вплотную.

— Давай отойдем,— сказал Флик, отступая в еще светлую часть коридора. Из-за двери темницы слышались встревоженные голоса заложников. Они не могли видеть потухшие лампочки, но тоже почувствовали неладное.

Съежившись за широкой спиной Вольца, Флик сильно дрожал — внезапно вокруг стало очень холодно. Он продолжал смотреть, как свет постепенно гаснет. Ему хотелось в кого-нибудь выстрелить, но никого не было видно — одна темнота впереди.

И тут эта тьма окружила его, заморозила конечности и отрезала всякую возможность видеть. На одну только секунду, которая показалась ему вечностью, рядовой Карл Флик оказался жертвой дикого животного ужаса, который он сам так любил вызывать у других. Он ощутил страшную, невыносимую боль, которую столько раз причинял другим людям. И больше ему в этой жизни не довелось почувствовать уже ничего.

Постепенно освещение вновь набрало прежнюю силу. Сперва в дальней части коридора, потом все ближе и ближе к комнатам лампочки стали медленно оживать. Единственные звуки, нарушавшие мертвую тишину, исходили от запертых в чулане румын: всхлипывание женщин и облегченные вздохи мужчин. Все они были рады, что охвативший их страх уже позади. Один из заложников попытался рассмотреть что-нибудь через щель в двери. Его взору открылся небольшой кусок пола и часть противоположной стены коридора.

Но никаких признаков жизни он не увидел. Коридор был пуст, если не считать разлитой по полу крови, от густых луж которой поднимался на холоде пар. На стене тоже виднелись кровавые брызги, но здесь они были сильно размазаны. И эти смазанные следы очень походили на буквы алфавита, который даже показался ему знакомым, хотя слов он так и не смог разобрать. Слова эти напоминали необъяснимый ночной вой собаки — они вроде и здесь, рядом, и в то же время за пределами понимания.

Мужчина отошел от двери и, ни слова не говоря, присоединился к своим товарищам, кучкой сбившимся в дальнем углу помещения.

За дверью снова кто-то стоял.

Кэмпфер тут же открыл глаза. Он боялся, что кошмар может повториться. Но нет. На этот раз он не чувствовал поблизости никакого присутствия зла. Там, должно быть, стоял человек. Причем очень неуклюжий. Но если он пришел с тем, чтобы украсть что-нибудь, беднягу ждало горькое разочарование — незаметно проникнуть в комнату ему уже не удастся. И все же Кэмпфер на всякий случай вынул из кобуры пистолет и решил держать его наготове.

— Кто там? — громко спросил он.

Ответа не последовало.

Кто-то упорно пытался открыть дверь снаружи. Кэмпфер видел, как время от времени что-то загораживает свет, проникающий в комнату через щель под дверью. Однако это никак не помогало ему определить, кто там стоит. Он подумал, не зажечь ли фонарь, но потом решил не делать этого. Темная комната имела свои преимущества — незваного гостя хорошо будет видно в светлом дверном проеме, если ему все же удастся войти сюда.

— Назовите себя! — вновь потребовал он.

Неизвестный перестал дергать ручку, и теперь было слышно, как что-то тяжелое наваливается на дверь с явной целью сломать ее. В темноте Кэмпфер мог и оши-

биться, но ему показалось, что дверь начала прогибаться под натиском неведомой силы. А ведь толщина ее целых два дюйма! Нужно было что-то очень тяжелое, чтобы настолько выгнуть прочные дубовые доски. Треск дерева усилился, и майор почувствовал, что покрывается холодным погом. Деваться было некуда. И вдруг послышался другой звук — будто кто-то скреб острыми когтями, пытаясь разорвать неподатливый материал. Звук нарастал, становился все громче и полностью парализовывал его волю. Наконец дерево затрещало так, будто готово было разлететься на тысячу щепок, а петли начали со скрежетом отдираться от камня. Кэмпфер знал, что надо снять пистолет с предохранителя, но был не в силах пошевелиться.

И вот толстый засов не выдержал, дверь отчаянно скрипнула и широко распахнулась, громко стукнувшись о стену. На пороге выросли две фигуры. По каскам Кэмпфер сразу же узнал немецких солдат, а по форме сапог безошибочно определил, что это его собственные подчиненные. При их виде ему следовало бы расслабиться, но почему-то этого не происходило. Зачем им понадобилось ломиться к нему?

— В чем дело? — потребовал он объяснений.

Но они опять не ответили. Вместо этого оба солдата как по команде двинулись вперед, направляясь прямо к тому месту, где лежал полуживой от страха майор. Что-то странное, даже гротескное, было в их сильно искаженной походке. В какой-то момент Кэмпферу показалось, что они промаршируют прямо по его постели. Но перед самой кроватью солдаты остановились и встали по стойке «смирно». Однако никто из них ничего не сказал и даже не отдал чести.

— Что вам здесь нужно? — с усилием выдавил из себя майор.

Он должен был разозлиться, но злоба не шла к нему. Только страх. И несмотря на желание взять себя в руки, тело все глубже забивалось в кровать.

— Отвечайте же! — Это была уже почти мольба.

Никакого ответа. Наконец левой рукой он нащупал фонарь, а правая все это время сжимала пистолет, нацеленный на застывшую перед ним мрачную пару. Отыскав пальцем кнопку выключателя, Кэмпфер помедлил еще несколько секунд, прислушиваясь к собственному прерывистому дыханию. Конечно, он хотел знать, кто

стоит перед ним и что привело их сюда, но какая-то сила внутри отчаянно сопротивлялась и не давала ему включить свет.

Наконец он не выдержал и, со стоном щелкнув крошечным выключателем, дрожащей рукой поднял фонарь.

Над ним стояли рядовые Флик и Вольц с искаженными бледными лицами и выпученными остекленевшими глазами. Вырванное мясо кровавыми кусками свисало на грудь из тех мест, где у каждого из них должно было находиться горло. Они не шевелились... Никто не шевелился.. Мертвые солдаты были не в состоянии, Кэмпфер тоже. У него замерло сердце и оборвалось дыхание. Рука до боли сжимала фонарь, а челюсть начала судорожно дергаться. Но крик страха так и не слетел с его губ — голос пропал и легкие не желали слушаться.

И тут произошло неожиданное движение. Медленно, почти грациозно, солдаты накренились вперед и как подкошенные рухнули на своего командира, прижав его к койке всей тяжестью мертвой плоти.

Отчаянно отбиваясь в безумном стремлении выбраться из-под трупов, Кэмпфер услышал, как где-то вдали раздался вопль смертельного ужаса. И через некоторое время еще послушная часть его мозга сумела все же опознать этот звук.

Это был его собственный крик.

— Ну теперь-то ты веришь?

— Во что? — Кэмпфер старался не смотреть на Ворманна. Вместо этого он сосредоточился на чашке с какао, зажатой между холодными как лед ладонями. Майор отхлебнул сразу половину, а теперь мелкими глотками потихоньку допивал содержимое. Очень медленно он возвращался в свое привычное спокойное состояние. И этому сильно способствовало то, что сейчас он был не у себя, а в комнате Ворманна.

— В то, что методы СС нам здесь не помогут.

— Методы СС ВСЕГДА помогают.

— Кажется, на этот раз — нет.

— Но я только начал! Еще не умер ни один крестьянин!..

Однако, говоря это, Кэмпфер прекрасно понимал, что он столкнулся с такой проблемой, которая не стояла еще ни перед кем из сотрудников СС. Все было настолько беспрецедентно, что даже обращаться к кому-либо за советом не имело ни малейшего смысла. В замке было нечто такое, на что не действовали страх и насилие. Напротив, «оно» привыкло использовать страх как свое собственное оружие. И это не партизанская группировка и не фанатики из Национальной Крестьянской Партии. Эта сила стоит в стороне от войны, от вопросов национальности и вообще от политики.

И все же крестьян надо немедленно расстрелять. Он не мог отпустить их — это было бы равносильно признанию собственного поражения, а СС не должна терпеть поражений. Он этого не допустит. И плевать, что их смерть никак не подействует на ту тварь, которая убивает солдат. Если он обещал заложникам смерть, значит, они должны умереть.

— Кстати, смерть им уже не грозит,— сказал Ворманн.

— Что? — Кэмпфер оторвал взгляд от чашки.

— Я отпустил крестьян.

— Да как ты посмел! — Наконец-то он разозлился — жизнь возвращалась к нему. Кэмпфер вскочил со стула.

— Ты еще будешь благодарить меня, что тебе не придется отвечать за смерть жителей целой румынской деревни. А именно к этому все и пришло бы, уж я тебя знаю. Раз начав дело, ты будешь продолжать его до конца, сколько бы человек ни пришлось для этого убить,— лишь бы не признавать собственных ошибок. Поэтому я вынужден был не позволить тебе даже приступить к этому. Зато теперь ты сможешь свалить провал на меня. Я согласен взять на себя эту вину. А сейчас нам надо подыскать для заставы более безопасное место.

Так ничего и не сказав, Кэмпфер сел, мысленно признавая, что выходка Ворманна действительно является для него спасением. Но он не мог доложить руководству о своем поражении. Это был бы конец его карьере.

— Но я не собираюсь сдаваться,— фыркнул майор, пытаясь выглядеть решительным и упорным.

— А что ты еще можешь сделать? С этим невозможно бороться.

— Но я БУДУ бороться!

— Как? — Ворманн усмехнулся и откинулся назад, сложив руки на выпирающем животе. — Ты даже не знаешь, против чего ты сражаешься, так как же ты собираешься это делать?

— Огнем! Оружием!

Тут Кэмпфер инстинктивно отпрянул, когда Ворманн неожиданно резко наклонился к нему. Майор тут же проклял себя за это невольное движение, но рефлексы были сильнее него.

— Послушайте меня, господин штурмбанфюрер. Эти солдаты были уже мертвы, когда час назад явились к вам в комнату. Мертвы, понимаете?! Там весь пол залит их кровью. Они погибли возле вашей временной тюрьмы. И тем не менее прошли по коридору, вышибли дверь, подошли к кровати и упали на вас. А теперь скажите мне: как с этим можно бороться?

Кэмпфер вздрогнул при одном упоминании о случившемся.

— Значит, они умерли, когда уже были в моей комнате! Благодаря своему беспримерному чувству долга они пришли с докладом, несмотря на смертельные раны... — Сам он не поверил ни единому своему слову. Это объяснение вырвалось у него автоматически.

— Нет, они были мертвы, мой друг, — улыбнулся Ворманн без малейшего намека на дружбу в голосе. — Ты ведь даже не рассмотрел их, как следует, потому что был занят тем, что менял штаны. А я рассмотрел. При чем изучил их очень внимательно, как и всех, кто погиб в этом чертовом замке. И поверь мне — эти двое умерли, не успев сделать и шага. У них шеи были разодраны до самого позвоночника, а все сосуды и дыхательное горло болтались снаружи. И даже если бы вместо тебя здесь гостил сам Гитлер, они бы и к нему не смогли прийти ни с каким докладом.

— Значит, кто-то принес их туда... — Продолжая отрицать все увиденное собственными глазами, Кэмпфер пытался найти другое объяснение событий. Мертвые не ходят. Они не должны ходить!..

Ворманн откинулся на спинку стула и посмотрел на майора с таким презрением, что тот почувствовал себя опроставшимся первоклассником.

— Вас что, в СС обучают врать и самим себе тоже?
Кэмпфер промолчал. Ему и безо всяких исследований было ясно, что солдаты уже мертвыми вошли в его комнату. Он понял это еще в тот момент, когда фонарь осветил их жуткие лица.

Ворманн встал и подошел к двери.

— Все. Я сообщаю своим, что с рассветом мы уезжаем.

— Нет! — Слово само сорвалось с языка и прозвучало гораздо громче, чем майору хотелось бы.

— А ты что, собираешься здесь оставаться? — на ходу спросил Ворманн. Лицо его было очень усталым.

— Я должен выполнить свою миссию.

Капитан остановился и с плохо скрываемым раздражением повернулся к Кэмпферу.

— Но ты не можешь этого сделать! Ты проиграешь! Неужели тебе самому еще не ясно?

— Пока мне ясно только, что надо выбрать другую тактику.

— Да какая, к чертям, тактика! Нужно быть полным идиотом, чтобы после всего случившегося остаться здесь хоть на сутки!

«А я и не горю желанием оставаться, — подумал Кэмпфер. — Мне не меньше других охота убраться отсюда...» И при любых иных обстоятельствах он сам первый отдал бы приказ покинуть это место, но сейчас поступить так не мог. Он должен решить эту проблему раз и навсегда, прежде чем уедет отсюда. Ведь если он провалит это задание, чего так ждут десятки его коллег, которые спят и видят себя на комендантском месте в Плоешти, то конкуренты тут же отвоюют у него это заветное назначение. Поэтому надо любой ценой добиться здесь успеха. Если нет, то он так и останется в задних рядах, навсегда прикованный к какой-нибудь эсэсовской конторе. А другие в это время будут править миром.

Но для этого ему нужна была помощь Ворманна. Он должен заручиться его поддержкой хотя бы на несколько дней, пока решение не будет найдено. А потом он отдаст капитана под суд за самовольное освобождение арестованных.

— Так что ты об этом думаешь, Клаус? — вкрадчиво спросил эсэсовец.

— О чем? — не понял Ворманн. Он говорил коротко и резко.

— Об убийствах. Кто... или что все это делает?

Ворманн снова сел, лицо его приняло озабоченный вид.

— Не знаю... И, кажется, не хочу больше знать. У меня в подвале собралось уже восемь трупов, и мы должны позаботиться о том, чтобы их число не увеличилось.

— Но послушай, Клаус. Ты ведь находишься здесь уже целую неделю!.. Должны же у тебя быть хоть какие-то соображения.— «Продолжай говорить»,— сказал сам себе Кэмпфер.— Чем дольше ты будешь говорить, тем дольше сможешь не возвращаться в свою жуткую спальню...»

Ворманн пожал плечами.

— Солдаты, например, считают, что это вампир.

О, Господи! Вампир!.. Только такого бредового разговора ему сейчас и не хватает! Тем не менее майор постарался, чтобы на лице его сохранялось спокойное и дружелюбное выражение.

— И ты с этим согласен?

— На прошлой неделе... Да какое там! — еще три дня назад — я бы ответил «нет». А теперь я и сам уже не уверен. Я вообще больше ни в чем не уверен... Но даже если это и вампир, то совсем не такой, о которых мы читали в книжках. Или видели в кино. Однако я твердо знаю, что убийца не может быть человеком.

Кэмпфер попытался припомнить, что ему известно о вампирах. Может быть, эта тварь, которая убивает солдат, действительно пьет их кровь? Кто знает... Их шеи были сильно повреждены, и много крови растеклось по одежде, так что потребуется целая медицинская лаборатория, чтобы выяснить, вся ли кровь осталась на месте. Когда-то в детстве ему удалось посмотреть старый, еще немой, фильм «Носферату», а потом американский вариант «Дракулы» с немецкими субтитрами. Но это было очень давно, и тогда мысль о вампирах показалась ему просто смешной, какой, впрочем, она и должна казаться. Но теперь... Не может быть, чтобы по замку бродил столетний славянин с крючковатым носом и в старинной графской одежде. И тем не менее, в подвале лежат восемь трупов... Однако Кэмпфер, как ни старался, не мог представить себе немецких солдат, вооруженных кувалдами и осиновыми колами.

— Мне кажется, здесь надо плясать «от печки»,— сказал майор, чувствуя, что мысли заходят в тупик.— Пора обратиться к источнику.

— А где это?

— Не «где», а «кто». Я хочу выйти на владельца этого замка. Ведь крепость выстроили с какой-то целью и поддерживают в постоянном порядке. А для этого должна быть причина.

— Александру и его сыновья не знают владельца.

— Или говорят, что не знают.

— А зачем им лгать?

— Сейчас все лгут. Кто-то им должен платить.

— Деньги присылают владельцу гостиницы, а он передает их Александру.

— Значит, допросим владельца гостиницы.

— Заодно можно попросить его и перевести слова на стене.

Кэмпфер удивленно поднял брови:

— Какие слова? На какой стене?

— Там, внизу, где убили твоих солдат. Там что-то написано на стене их кровью.

— По-румынски?!

Ворманн пожал плечами.

— Не знаю. Я даже буквы не смог разобрать, не то что целые слова.

Майор как ужаленный вскочил со стула. Наконец что-то есть!..

— Я хочу немедленно заняться трактирщиком!

Владельца гостиницы звали Юлью.

Это был полный мужчина лет шестидесяти с лысиной на макушке и густыми закрученными усами. Его толстые щеки, не видевшие бритвы по меньшей мере неделю, тряслись от холода, пока он в одной ночной рубашке стоял в коридоре замка возле двери, за которой недавно томились арестованные крестьяне.

«Совсем как в старые добрые времена»,— думал Кэмпфер, рассматривая его из глубины затемненной комнаты. Он снова начинал приходить в боевое распо-

ложение духа. Испуганный и растерянный вид румына заставил майора вспомнить былые годы, когда он работал в Мюнхене. По утрам они поднимали с постелей лавочников-евреев, избивали их на глазах всей семьи и с удовольствием наблюдали, как те трепещут от ужаса и холода в густом предрассветном тумане.

Но владелец гостиницы не был евреем.

Впрочем, это не имело большого значения. Еврей, цыган, масон, румынский трактирщик — какая разница! Для Кэмпфера сейчас важно было другое — признание подследственного в убийствах и те эмоции, которые вызывает в нем сама процедура допроса. Ведь если человек чувствует, что ему полагается место в этом мире, его необходимо срочно разуверить в этом. Задержанный должен знать, что, когда майор рядом, ни о какой безопасности не может быть и речи.

Сперва он мучил старика направленным светом, пока ему самому это не надоело. Потом Юлью привели на то место, где погибли эсэсовцы. Из гостиницы принесли все тетради и книги, которые хоть чем-то походили на журналы регистрации, и свалили все это в огромную кучу в углу бывшей камеры. Взгляд румына то спотыкался о надпись на стене, то опускался к полу, то шарил по лицам четырех солдат, поднявших его среди ночи, потом снова упирался в засохшую кровь на полу. Кэмпферу трудно было смотреть на эти кровавые следы. Каждый раз он вспоминал изувеченные шеи двоих солдат, стоявших перед его кроватью.

Когда майор начал чувствовать, что пальцы у него деревенеют несмотря на толстые кожаные перчатки, он вышел наконец из своего темного угла и предстал перед Юлью. При виде эсэсовского офицера старик с ужасом попятился и чуть не споткнулся о гору журналов.

— Кто владеет замком? — безо всяких предисловий непринужденно спросил Кэмпфер тихим вкрадчивым голосом.

— Я не знаю, господин офицер.

Он ужасно говорил по-немецки, но все же это было лучше, чем искать переводчика. Кэмпфер ударил его по щеке перчаткой. Он еще не чувствовал злобы; просто это была обычная методика допроса.

— Кто владеет замком? — так же спокойно повторил он.

— Не знаю!

Майор снова ударил его.

— КТО?!

На этот раз Юлью заплакал, на губах показалась кровь. Это было хорошим знаком — такой долго не выдержит.

— Я, правда, не знаю! — взмолился он.

— Кто дает тебе деньги, чтобы платить людям, работающим здесь?

— Курьер.

— От ко-го?

— Не знаю. Он не говорит. Наверное, из банка. Он приезжает сюда два раза в год.

— Значит, ты подписываешь ордер или чек для оплаты. От кого эти чеки?

— Я подписываю письмо. Там наверху написано, что оно из швейцарского Средиземноморского Банка. В Цюрихе.

— Какими деньгами он рассчитывается?

— Золотом. Золотыми монетами по двадцать левов. Я плачу Александру, а он уже раздает сыновьям. Так было всегда.

Кэмпфер наблюдал, как Юлью вытирает глаза и постепенно успокаивается. Наконец-то в его цепочке появилось первое звено! Теперь он свяжется с внешней разведкой СС, и они выяснят, кто направляет из Цюриха курьера с деньгами для владельца гостиницы в Трансильванских Альпах. Потом СД выйдет на владельца счета, а там уж — и на хозяина замка.

А что потом?..

Этого Кэмпфер еще не знал, но пока события должны развиваться именно так. Он повернулся и уставился на слова, выведенные на стене. Кровь Флика и Вольца, которой они были написаны, уже засохла и теперь стала буро-коричневой. Некоторые буквы были написаны или неаккуратно, или он просто никогда таких раньше не видел. Другие еще можно было узнать. Но в целом слова оставались непонятными. И все же в них должен был заключаться какой-нибудь смысл:

ТЯЖИКО ОСТАВИТЕ НАШЕ ДОМО

Кэмпфер кивком указал на стену.

— Что здесь написано?

— Я не знаю, господин офицер! — Юлью весь сжался, чтобы не видеть сверкающей голубизны глаз майора. — Прошу вас... Я правда не знаю!

По выражению лица Юлью и по его голосу Кэмпфер понял, что тот действительно ничего не знает. Но это не имело большого значения. Все равно румына надо как следует потрепать, сломать, довести до предела, чтобы он, хромая, вернулся к своим товарищам и рассказал им о страшном и беспощадном обращении, которое он испытал на себе, имея дело с офицером в черной форме. И тогда они поймут, что пока не поздно им надо дружно и сообща изо всех сил стараться помочь СС.

— Врешь! — заорал он и сильно ударил Юлью кулаком в лицо. — Здесь написано по-румынски! Я хочу знать, что именно!

— Это только похоже, что по-румынски, господин офицер, — застонал старик, приседая от страха и боли. — Но это не так. Я не знаю, что тут написано!

Это вполне соответствовало тому, что Кэмпфер и сам успел уже выяснить с помощью карманного разговорника. Он старательно изучал Румынию и румынский язык с того дня, как узнал, что сможет участвовать в проекте Плоешти. И к настоящему времени довольно неплохо понимал диалект дако, надеясь в ближайшем будущем вполне сносно на нем объясняться. Майор не хотел, чтобы румыны, с которыми ему предстоит работать, могли обмениваться при нем фразами, смысл которых оставался бы для него непонятным.

Но в стране было еще три основных диалекта, сильно отличавшихся друг от друга. Слова же, написанные на стене, казалось, не принадлежали ни к одному из них. Старый Юлью — а он, вероятно, единственный грамотный человек во всей деревне — и то не смог их прочесть. И теперь ему придется горько пожалеть об этом.

Кэмпфер отвернулся от румына и четверки своих солдат. Он ни к кому конкретно не обращался, но слова его были сразу же поняты:

— Научите его искусству перевода.

Через секунду мучительной тишины раздался сдавленный крик и тяжелый звук падающего тела. Ему не надо было оборачиваться, чтобы представить себе всю картину. Один из солдат, очевидно, сильно ткнул стари-

ка прикладом в живот, и тот упал на колени. И теперь они будут сапогами искать самые чувствительные места его тела. А их они знали прекрасно.

— Хватит! — внезапно прозвучал чей-то голос, и Кэмпфер тут же узнал его: Ворманн!..

Взбешенный таким наглым вмешательством, майор резко повернулся к нему с гримасой ярости на лице. Это уже прямое неподчинение! Вызов! Но едва открыв рот, чтобы поставить капитана на место, он заметил, что тот держит палец на спусковом крючке пистолета. Конечно, он не осмелится выстрелить. И все же...

Солдаты смотрели на своего командира, не зная, как поступить. Кэмпферу очень хотелось приказать им продолжить, но он был не в силах заставить себя говорить. Тяжелый взгляд Ворманна и непредсказуемость его поведения разом остудили весь пыл майора.

— Этот румын отказался с нами сотрудничать, — попытался объяснить он.

— И поэтому вы считаете, что избить его до беспомощности, если не до смерти, — самый верный способ получить то, что вам нужно? Как умно!.. — Ворманн подошел к Юлью, мягко оттолкнув солдат, будто те были неодолеваемыми предметами. Он внимательно оглядел владельца гостиницы, потом пристально посмотрел на каждого из солдат.

— Так вот каким образом немецкие воины борются за славу Отечества!.. Я думаю, ваши матери и отцы стали бы очень гордиться вами, если бы увидели, как вы избиваете вчетвером безоружного старика. Какая отвага!.. Почему бы вам не пригласить их посмотреть? А может быть, вы и их уже успели избить, когда последний раз были дома?

— Хочу предупредить вас, капитан, — начал Кэмпфер, но Ворманн уже отвернулся, переключив все внимание на владельца гостиницы.

— Так что вы бы нам можете сообщить о замке, чего мы еще не знаем?

— Ничего, — всхлипывая, ответил с пола Юлью.

— Какие-нибудь слухи, легенды, страшные истории?..

— Я прожил здесь всю жизнь, но ничего такого не слышал.

— А никаких смертей в замке раньше не было? Никогда?

— Никогда.

Тут Кэмпфер увидел, что в глазах старика засветилась надежда, будто он вдруг придумал, как выбраться отсюда живым.

— Постойте, я, кажется, знаю, кто сможет вам помочь. Мне бы только заглянуть в мои записи...— Он указал на кучу сваленных книг.

Ворманн кивнул. Юлью подполз на коленях к пыльному вороху и выбрал оттуда одну потрепанную грязную тетрадь в матерчатом переплете. Быстро просмотрев десяток страниц, он вскоре отыскал нужную запись.

— Вот! За последние десять лет он трижды приезжал сюда, и каждый раз вместе со своей дочерью. Это большой человек в бухарестском университете. Он специалист как раз по истории наших мест. Но каждый раз ему было все хуже — он сильно болен.

Кэмпфер заинтересовался:

— А когда он был здесь последний раз?

— Пять лет назад.— Юлью вздрогнул и подался в сторону от майора, услышав звук его голоса.

— Что значит «сильно болен»? — спросил Ворманн.

— Последний раз он почти не ходил. Только с помощью двух костылей.

Ворманн взял в руки засаленную тетрадь.

— И кто он такой?

— Профессор Теодор Куза.

— Будем надеяться, что он еще жив,— вздохнул капитан, передавая книгу Кэмпферу.— Я думаю, в Бухаресте есть ваши люди, которые быстро установят, где он находится. Нам лучше не терять сейчас времени.

— Я никогда не теряю времени,— надменно ответил Кэмпфер, пытаясь вновь держаться на высоте после недавней стычки из-за румына. Уж этого он Ворманну ни за что не простит!..— Если вы выйдете во двор, то увидите, что мои люди уже начали разбирать кладку стен. И я надеюсь, что ваши солдаты без промедления к ним присоединятся. Пока мы будем запрашивать СД насчет банка и искать в Бухаресте профессора Кузу, наши бойцы разберут по камню все это сооружение. Потому что если мы не получим нужной информации от профессора или из Цюриха, то лучше всего будет уничтожить в крепости все места, где только можно спрятаться.

Ворманн равнодушно пожал плечами.

— Все лучше, чем спокойно сидеть и ждать, пока тебя убьют. Я прикажу своему сержанту согласовать с вами план работ и уточнить детали.

Он повернулся, помог Юлью встать и подтолкнул его к выходу со словами:

— Я буду идти за вами и прослежу, чтобы часовые вас выпустили.

Но владелец гостиницы почему-то замешкался и, наклонившись к капитану, что-то тихо сказал ему на ухо. Ворманн расхохотался.

Кэмпфер почувствовал, как краска бросилась к его лицу. Они наверняка говорят о нем, унижают его! Тут он не мог ошибиться.

— Что вас так рассмешило, капитан? — рявкнул эсэсовец.

— Этот профессор Куза, — ответил Ворманн, все еще улыбаясь, — тот самый человек, который, кажется, знает, как нам с вами остаться в живых... — он еврей!

Новый взрыв смеха потряс помещение, когда капитан выходил в коридор.

Глава одиннадцатая

Бухарест.

Вторник, 29 апреля.

Время: 10.20

Грубый нетерпеливый стук в дверь, казалось, сорвет ее с петель.

— Открывайте!

Несколько секунд Магда не могла произнести ни слова, а потом дрожащим голосом все же спросила:

— Кто там? — Хотя это и так уже было ясно.

— Немедленно открыть!

Девушка в мешковатом свитере, длинной юбке и с распущенными волосами остановилась у двери. Она растерянно посмотрела на отца — тот сидел за столом в своей старой инвалидной коляске.

— Лучшепусти их, — сказал он со спокойствием, которое стоило ему больших усилий — она видела это. Выражение его лица не изменилось, но в глазах стоял страх.

Магда повернулась к двери. Одним движением руки она отодвинула засов и распахнула дверь, тут же отпря-

нув в сторону, словно дверь могла укусить ее. И хорошо, что она так сделала, потому что как только дверь отворилась, в нее ввалились два дюжих солдата Железной Гвардии при полном параде и с винтовками наготове.

— Здесь живет Куза,— сказал один из них. Это был вопрос, но прозвучал он как утверждение, чтобы никто из присутствующих не посмел возразить.

— Да,— ответила Магда, отступая назад, к отцу.— Что вы хотите?

— Нам нужен Теодор Куза. Где он? — Солдат внимательно осмотрел Магду.

— Это я,— ответил профессор.

Магда стояла рядом и, как бы пытаясь защитить его, положила руку на спинку кресла-каталки. Ее била нервная дрожь. Они с ужасом ждали этого дня и втайне надеялись, что он никогда не наступит. Но сейчас было очень похоже, что их собираются увезти в какой-нибудь лагерь для переселенцев, где отец не выдержит и одной ночи. Они давно уже чувствовали, что антисемитский дух начинает превращаться в реальный кошмар и здесь, как это совсем недавно случилось в Германии.

Солдаты снова посмотрели на профессора. Тот, который стоял позади и, вероятно, был здесь старшим, теперь выступил вперед и достал из кармана какую-то бумагу. Он заглянул в нее, потом снова уставился на профессора.

— Вы не можете быть Кузой. Ему пятьдесят шесть. А вы уже слишком старый.

— И тем не менее, это я.

Солдаты с недоверием посмотрели и на Магду.

— Это так? Это тот самый профессор Теодор Куза, который раньше работал в бухарестском университете?

Магда была напугана до смерти, у нее перехватывало дыхание, и она не могла говорить, поэтому только кивнула.

Солдаты топтались на месте, очевидно, не зная, как им поступить.

— Чего вы от меня хотите? — с видимым спокойствием спросил профессор.

— Мы должны отвезти вас на вокзал и сопровождать до Кымпины, где вас встретят представители Третьего Рейха. Оттуда...

— Немцы? Но зачем?..

— Вопросов не задавать! Оттуда...

— Значит, они сами ничего не знают,— услышала Магда тихий голос отца.

— ...вы будете доставлены на перевал Дину.

Профессор был удивлен не меньше, чем его дочь, но постарался не подать виду.

— Я бы рад вам помочь, господа,— сказал он, растирая пальцы в неизменных перчатках,— потому что мало есть в мире таких восхитительных мест, как перевал Дину. Но как вы можете видеть, я сейчас слишком слаб для этого.

Солдаты стояли в нерешительности, с сомнением глядя на старика в кресле. Магда чувствовала их замешательство. Отец был похож на живой скелет с тонкой, натянутой и высохшей, как у мертвеца, кожей; его лысеющий череп окаймляли редкие пряди седых волос, а пальцы были уродливо скрючены, что бросалось в глаза даже через перчатки; руки и шея стали настолько худыми, что, казалось, на костях нет и намека на мышцы. Он выглядел невероятно хрупким, слабым и больным. На вид ему смело можно было дать лет восемьдесят. А в бумагах значилось найти и доставить мужчину пятидесяти шести лет.

— И все-таки вам придется поехать,— отрезал старший.

— Но он не может! — воскликнула Магда.— Он не вынесет такого пути!

Солдаты переглянулись. Их мысли нетрудно было прочесть: им приказали разыскать профессора Кузу и как можно быстрее доставить его на перевал Дину. И, очевидно, живого. А человек, который сидел перед ними, едва ли сможет добраться и до вокзала.

— Если за мной будет все время ухаживать моя дочь,— вдруг послышался твердый голос отца,— то, скорее всего, я смогу поехать.

— Нет, папа! Тебе нельзя! — «О Боже! Зачем он это сказал?..»

— Послушай, Магда... Этим людям все равно надо меня забрать. И чтобы я выжил, ты должна будешь поехать со мной.— Он внимательно посмотрел на нее. В глазах его была решимость и приказ.— Ты должна это сделать.

— Да, папа.— Она не могла еще понять, что он задумал, но чувствовала, что ей надо повиноваться. Все-таки, это ее отец. Ему виднее...

Он еще раз со значением посмотрел на нее.

— Ты понимаешь, дорогая моя, куда мы направляемся?

Он явно пытался ей что-то сказать, как-то направить ход ее мыслей. И тут она вспомнила свой недельной давности сон и то, что чемодан с вещами так и стоит у нее под кроватью.

— На север!..

Оба конвоира расположились в вагоне через проход и тихо беседовали, время от времени раздвигая взглядами Магду. Профессор сидел возле окна, сложив руки на коленях. Поверх матерчатых перчаток он надел еще кожаные. За окном проносились грязные пригороды Бухареста. Впереди лежал долгий путь в пятьдесят три мили: тридцать пять миль на поезде до Плоешти, потом еще восемнадцать — до Кымпины. А дальше дорога станет еще труднее. Магда молилась, чтобы отец выдержал этот путь.

— Ты знаешь, почему я заставил их взять и тебя тоже? — как всегда очень спокойно спросил он.

— Нет, папа. Я вообще не понимаю, зачем мы им там понадобились. Ты вполне мог бы избежать этого путешествия. Они позвали бы своих начальников, и те сразу же убедились бы, что никуда ты ехать не можешь.

— Это им все равно. Я, конечно, не вполне здоровый человек, но и не такой уж ходячий труп, каким кажусь с первого взгляда.

— Не говори так!

— Брось, Магда. Я давно уже перестал себя обманывать. Когда врачи говорили, что у меня просто ревматический артрит, я уже знал, что это не так. И оказался прав: моя болезнь значительно хуже. Но я примирился с ней. Надежды нет, и времени осталось очень мало. Поэтому надо использовать его с толком.

— Все равно нельзя было позволять им взять и увезти тебя в горы!

— А почему бы и нет? Я всегда любил перевал Дину. В этом месте даже умирать будет приятнее, чем в

любом другом. А меня они все равно забрали бы. Раз им сказано привезти кого-то, то они обязательно привезут, пусть даже в гробу. Но ты все-таки понимаешь, почему я потребовал взять и тебя?

Магда задумалась. Отец был «от бога» преподавателем и любил поиграть в Сократа — он задавал один вопрос за другим, и таким образом подводил собеседника к нужному выводу. Магде это часто казалось скучным, и она старалась побыстрее найти верный ответ. Но сейчас была не та ситуация, когда можно тратить время на такие загадки. Да и нервное напряжение не давало ей как следует сосредоточиться.

— Чтобы у тебя была нянька,— огрызнулась она.— Зачем же еще! — И тут же пожалела о своих словах.

Но отец, казалось, их даже не заметил. Он слишком хотел дать ей что-то понять и был так сильно поглощен этим, что обидеться просто не успел.

— Да,— сказал он, понижая голос.— Я хочу, чтобы именно так они и подумали. Но на самом деле в горах у тебя будет шанс сбежать из этой страны! Ты приедешь со мной на перевал, а потом при первой же возможности убежишь и спрячешься где-нибудь в долине.

— Нет, папа! Даже не думай об этом.

— Послушай меня! — Он зашептал ей прямо в ухо.— Такого случая может больше и не представиться. Мы ведь часто бывали в Альпах. Ты хорошо знаешь эти места. А уже наступает лето, и ты сможешь довольно долго скрываться там, а позже уйдешь на юг.

— Но куда?

— Не знаю; все равно куда! Просто надо убираться из этой страны. И вообще из Европы! Поезжай в Америку, в Турцию, в Азию!.. Куда угодно, только уезжай!

— Да уж, представляю себе: женщина путешествует одна в военное время...— Магда старалась говорить без иронии; ей не хотелось, чтобы голос звучал насмешливо. Просто отец слишком напуган и не отдает отчета в своих словах.— И ты серьезно считаешь, что мне удастся далеко уйти?

— Но ты должна попробовать! — У него затряслись губы.

— Папа, что с тобой?

Он долго не отвечал и смотрел в окно, а когда снова заговорил, его было еле слышно.

— С нами все кончено... Они собираются стереть нас с лица земли.

— Кого?

— Нас — евреев! В Европе для нас нет больше места. Так, может быть, где-то в других краях...

— Да не будь ты таким...

— Но это же правда! Только что капитулировала Греция... Ты понимаешь, что с тех пор, как полтора года назад они напали на Польшу, у них не было ни одного поражения? Никто не смог противостоять им дольше шести недель! И ничто их не остановит... А тот маньяк, который ими руководит, явно задался целью извести нас по всей земле. Ты слышала о том, что творится в Польше? — скоро так будет везде! Конец румынских евреев не за горами; он немного задержался только из-за того, что предатель Антонеску и Железная Гвардия никак не перегрызут друг другу горло. Но, похоже, за последнее время они как-то уладили свои разногласия, так что ждать осталось самую малость.

— Нет, папа, ты не прав, — завертела головой Магда. Ее пугали такие слова. — Румынский народ не допустит этого.

Отец повернулся к ней с болезненной гримасой на лице. Глаза его нервно сверкали.

— Не допустит? Да ты посмотри на нас! Вспомни, что с нами уже случилось! Разве кто-нибудь протестовал, когда правительство начало «румынизацию» всей принадлежавшей евреям собственности? А когда меня выгнали из университета — помог мне хоть кто-нибудь из моих коллег, этих «верных и преданных» друзей юности? Ни один. НИ ОДИН! А хоть один из них заглянул ко мне с тех пор посмотреть, как я живу? — Голос у него дрожал. — Ни один.

Он отвернулся к окну и надолго замолчал.

Магда хотела сказать что-нибудь, как-то утешить его, но не могла найти слов. Она знала, что сейчас на щеках отца появились бы слезы, если бы не болезнь, из-за которой даже слезы не могли больше рождаться в его организме. Когда профессор снова заговорил, голос его обрел прежнюю твердость, но глаза продолжали безучастно следить за мелькающим за окном деревенским пейзажем.

— А теперь мы едем на этом поезде под охраной румынских фашистов, которые скоро передадут нас в руки своих немецких «коллег». Неужели ты до сих пор не видишь, что с нами все кончено?..

Магда молча смотрела ему в затылок. Какой он стал циничный и резкий!.. А почему бы и нет, собственно говоря?.. Болезнь постепенно скручивала все его тело, уродовала пальцы, превращала кожу в пергамент, иссушала глаза и рот, так что ему уже было мучительно больно глотать... Что же касается его карьеры, то, несмотря на репутацию непревзойденного специалиста по румынскому фольклору, его — крупнейшего ученого и заместителя декана исторического факультета — беспардонно выставили за дверь. Конечно, это объяснили тем, что слабость здоровья не позволяет ему больше работать; но отец знал — все случилось только из-за того, что он еврей. Поэтому его просто выкинули, как ненужный мусор.

Итак, здоровье день ото дня ухудшалось; возможности заниматься румынской историей — тем, в чем он видел весь смысл своей жизни — его лишили; а теперь вот увозят из дома... И над всем этим стоит знание, что машина, призванная уничтожить его народ, уже запущена и набирает ход во многих и многих странах. А скоро дойдет очередь и до Румынии.

«Конечно, он будет резким,— думала Магда.— И имеет на это полное право... Но и я тоже! Ведь это мой народ, моя история — и все это они хотят уничтожить. А если так, то им придется уничтожить и меня...»

Нет, только не это! Такого просто не может быть. Никто не посмеет отнять у нее жизнь. В это она не могла поверить.

Но они разрушили уже столько ее надежд!.. Ведь теперь она всего лишь сиделка и личный секретарь у своего никому больше не нужного отца. Видно, их время и правда кончилось. И лучшим доказательством этому был отказ ее издателя.

На сердце у Магды стало невыносимо тяжело. Еще одиннадцать лет назад, когда умерла ее мать, она впервые поняла, как трудно женщине одной в этом мире. Тяжело тем, кто замужем, но еще тяжелей быть одной, когда нет рядом человека, на которого всегда можно опереться. А прожить в одиночку вдали от дома порядочной девушке и вовсе теперь невозможно. Так что, если ты замужем, надо сидеть возле мужа, а если нет — значит, твои дела совсем плохи. Но если ты к тому же еще и еврейка...

Магда окинула быстрым взглядом двоих конвоиров.

«Ну почему они лишают меня возможности оставить свой след в этом мире?.. Не бог весть какой след, совсем крошечный. Мой сборник песен... Он никогда не будет известным и популярным, но, может быть, лет через сто кто-то найдет его и захочет что-нибудь сыграть оттуда... А когда песня кончится, он закроет книгу, увидит на ней мое имя — и я снова оживу. А он узнает, что жила когда-то на свете девушка по имени Магда Куза».

Она тяжело вздохнула. Нет, все-таки еще не время сдаваться. Конечно, все идет плохо и, наверное, пойдет еще хуже, но борьба пока не закончена. И никогда не закончится, покуда жива надежда.

Хотя она знала, что одной надежды здесь недостаточно. Должно быть что-то еще, нечто большее, но что именно, она не могла сказать. Однако без надежды все теряло свой смысл.

Поезд как раз проезжал мимо поставленных полукругом ярко раскрашенных кибиток, возле которых дымился большой костер. Изучая румынский фольклор, профессор стал большим другом цыган и узнал от них много такого, что раньше передавалось в их народе из поколения в поколение только лишь на словах.

— Посмотри! — воскликнула она, надеясь, что эта картина хоть немного встряхнет его — он ведь так любил этих людей. — Цыгане!

— Вижу, — ответил отец безо всякого оживления в голосе. — Прощайся с ними, потому что и они обречены точно так же, как мы.

— Ну перестань, папа, прошу тебя!

— К сожалению, и это правда. Цыгане — просто кошмарный сон для правительства, поэтому их тоже будут уничтожать. У них вольный дух, они жизнерадостны, любят толпу и смех, но не имеют определенных занятий. А фашисты не выносят таких людей. Их место рождения — это грязный клочок земли под кибиткой родителей; у них нет ни почтового адреса, ни постоянной работы. Нет даже определенного имени, потому что у каждого цыгана их целых три: одним пользуются внутри табора, другое — для посторонних, а третье мать шепчет ребенку при рождении, чтобы смутить дьявола, если тот придет за ее младенцем. У фашистов они вызывают такое же отвращение, как и мы.

— Возможно, — согласилась Магда. — Но почему это так? Почему мы вызываем у них отвращение?

Наконец отец медленно отвернулся от окна.

— Я не знаю. И думаю, никто этого не знает. Мне ведь всегда казалось, что мы хорошие граждане для любой страны: мы трудолюбивы, мы движем торговлю, исправно платим налоги... Но, очевидно, не это главное, и такова уж наша судьба. Я и правда не знаю...—Он грустно покачал головой.—Я пытался найти этому объяснение, но у меня ничего не вышло. Так же, как я не могу объяснить и эту странную принудительную поездку на перевал. Единственное, что заслуживает там внимания,—это замок. Но он представляет интерес только для таких людей, как мы с тобой, а не для немцев.

Профессор устало откинулся назад, закрыл глаза и очень скоро задремал, начав тихонько посапывать. Он проспал всю дорогу мимо дымящихся труб и нефтехранилищ Плоешти, потом ненадолго проснулся, когда они огибали с востока Флорешти, а затем снова заснул. Магда размышляла о том, что их ждет впереди, и чего хотят от них немцы на перевале Дину.

За окном проносились нескончаемые равнины, и Магда погрузилась в свои мечты, в которых у нее был муж — красивый, умный и любящий. Они заживут очень богато, но богатство их будет не в золоте и драгоценностях — все это пустая забава, и Магда не понимала, зачем людям нужны такие вещи. Нет, у них будет много книг. Их дом станет похожим на музей, полный всяких вещей, которые дороги и близки только им. А дом этот будет стоять в далекой стране, где никому и в голову не придет обращать внимание на то, что они евреи. Ее муж будет известным ученым, а она начнет сама сочинять прекрасные песни. И папа будет жить вместе с ними, а денег им хватит, чтобы нанять самых лучших врачей и сиделок, и тогда у нее останется время для работы и музыки.

Горькая усмешка появилась на ее губах. Какая утопия! Уже слишком поздно. Ей тридцать один год, и в таком возрасте ни один серьезный мужчина не сможет сделать ее своей женой и матерью будущих детей. Единственное, на что она еще годилась,—так это стать чьей-нибудь любовницей. Но на это она, конечно, никогда не пойдет.

Однажды, лет двенадцать назад, она уже упустила свой шанс. Тогда у нее был прекрасный юноша — Михаил, папин студент. Их так тянуло друг к другу!.. Но

потом умерла мама, и Магда осталась вдвоем с отцом, а он был настолько ей дорог, что для Михаила не нашлось места рядом. Но у нее не оставалось выбора — отец был до того потрясен смертью матери, что только Магда могла помочь ему выдержать.

Она крепко сжала тонкое золотое колечко на безымянном пальце правой руки. Кольцо было мамино. Наверное, все в ее жизни сложилось бы по-другому, если бы мама не умерла.

Иногда Магда вспоминала о Михаиле. Через несколько лет он женился на другой, и сейчас у них уже трое детей. А у Магды — только отец.

Все изменилось после маминой смерти. Магда не могла объяснить, как это случилось, но отец стал основным в ее жизни. И хотя в те времена ее окружало множество достойных мужчин, она не обращала на них внимания. Никакие ухаживания не могли затронуть ее, как капли воды не в силах проникнуть в стеклянную статуэтку — они не способны впитаться вовнутрь, а когда испаряются, не оставляют после себя ничего, кроме едва заметного пятнышка.

В последующие годы ей, с одной стороны, хотелось преуспеть в чем-нибудь важном, а с другой — постоянно тянуло ко всему земному, о чем мечтает каждая женщина. Но теперь уже слишком поздно. Впереди у нее ничего больше нет, и она это прекрасно осознает.

И все же многое в ее жизни могло быть иначе, если бы мама не умерла. И если бы папа не заболел. И если бы она не родилась еврейкой!.. Она никогда не говорила об этом отцу — он рассердился бы или расстроился от таких ее мыслей. Но эта была сущая правда. Если бы они не оказались евреями, то не сидели бы сейчас в этом поезде, а папа работал бы спокойно в университете, и будущее не смотрело бы на них зияющей черной пропастью, холодной и страшной, из которой нет выхода.

Наконец на равнинах стали появляться небольшие холмы, и дорога постепенно пошла на подъем. Когда поезд начал тормозить в предместьях Кымпины, солнце уже опустилось к вершинам гор. Они медленно проехали мимо циклопических башен нефтяного комплекса Стауа, и Магда помогла отцу надеть свитер. Потом повязала на голову косынку и пошла в конец вагона, где они оставили инвалидное кресло. Молодой конвоир тут

же встал и двинулся вслед за ней. Она давно уже чувствовала на себе его взгляд, который словно пытался проникнуть сквозь складки одежды — солдату, вероятно, очень хотелось увидеть ее тело, скрытое под грубой тяжелой тканью. И чем ближе был конец путешествия, тем наглее становился этот назойливый взгляд.

Когда Магда склонилась над креслом, чтобы поправить на сиденье подушку, солдат крепко ухватил ее за ягодицы через плотную ткань юбки. Правой рукой он попытался пробраться ей между ног. Ее чуть не стошнило; она резко выпрямилась, повернулась и еле сдержалась, чтобы не вцепиться ему в лицо ногтями.

— Я думаю, тебе это понравится, — сказал он, бесцеремонно обхватывая ее груди руками. — Ты совсем неплохо выглядишь, хоть и еврейка. И я тебе скажу, что теперь ты наконец нашла себе настоящего мужчину.

Магда с отвращением посмотрела на него. Его можно было назвать как угодно, но только не «настоящим мужчиной». Самое большее солдату было лет двадцать, если не восемнадцать; на верхней губе едва начал пробиваться пушок, который больше походил на засохшую грязь, чем на усы. Он всем телом прижался к ней, притиснув девушку спиной к двери тамбура.

— Следующий вагон — багажный. Пойдем туда.

Магда старалась говорить спокойно:

— Нет.

Охранник нетерпеливо подтолкнул ее.

— Ну, шевелись!

Несмотря на отчаяние и страх, вызванные его мерзким прикосновением, она лихорадочно пыталась что-то придумать. Ей надо было срочно найти достойный ответ, причем такой, чтобы не спровоцировать никаких неприятностей.

— Неужели ты не можешь найти себе девушку, которая с радостью пошла бы с тобой сама? — спросила она, глядя ему прямо в глаза.

Солдат растерянно заморгал.

— Конечно, могу.

— Тогда зачем тебе пробовать с той, которая этого не хочет?

— Но ты меня сама потом будешь благодарить, — сказал он, с вождением глядя на нее.

— Тебе это так необходимо? Я думала, настоящие мужчины умеют владеть собой.

Еще секунду он смог выдержать ее взгляд, потом опустил глаза. Магда не знала, что будет дальше. Она уже готова была к тому, чтобы кричать и отбиваться, если он вдруг силой потащит ее в соседний вагон.

Поезд слегка накренился и начал с громким скрежетом тормозить. Они подъезжали к Кымпине.

— Уже нет времени,— с досадой сказал конвоир, глядя в окно на приближающийся вокзал.— А жаль.

Потом он выпрямился и большим пальцем указал себе через плечо:

— Я думаю, что по сравнению с ними я просто идеально нежный любовник.

Магда машинально посмотрела в окно и, увидев на платформе четверых солдат в черной форме, почувствовала, что у нее подкашиваются ноги. Она много слышала об СС и сразу же поняла, кто дожидается их на перроне.

Глава двенадцатая

Карабурун, Турция.
Вторник, 29 апреля.
Время: 18.02

Рыжеволосый стоял на молу и чувствовал, как лучи заходящего солнца мягко согревают его. Тем временем тени от столбов уже вытянулись до самой воды. Вот и Черное море... Глупое название. Оно было прозрачным и синим, похожим на океан. На берегу, возле самой воды, сгрудились двухэтажные домики из глины и кирпича; их черепичные крыши были сейчас цвета расплавленной меди— почти как предзакатное солнце.

Лодку он нашел без труда. Рыбный промысел был основным занятием местных жителей, но рыбаки оставались поразительно бедными, какой бы крупный улов ни приносили их сети. Всю свою жизнь они боролись за самое элементарное.

И на этот раз ему попался не быстроходный океанский катер контрабандиста, а неуклюжая посудина для ловли сардин, сплошь покрытая коркой соли. Конечно, это не совсем то, что ему хотелось бы, но лучшего судна здесь было не найти.

На катере контрабандиста он дошел до Силиври, что в тридцати пяти милях западнее Константинополя... Или нет — теперь его, кажется, называют Стамбул. Рыжеволосый очень кстати вспомнил, что лет десять назад правительство поменяло название. Последнее время ему все чаще приходилось привыкать к новым картам, хотя старые имена так крепко сидели в памяти... Он причалил к пустынному берегу, спрыгнул со своим длинным футляром на сушу, а потом столкнул катер обратно в Мраморное море. Там он проплавает, пока его не заметят рыбаки или какое-нибудь проходящее судно, и тогда правительство затребует его вместе с телом мертвого Карлоса.

Хотя на двадцать миль вокруг здесь лежали сплошные болота, все же это была уже европейская часть Турции, и найти лошадь на ее южном берегу оказалось не намного сложнее, чем нанять лодку на северном. Правительства сменялись одно за другим, и никто не мог знать, чего завтра будут стоить сегодняшние деньги. Поэтому золото открывало любые двери, как магический ключ.

И вот он стоит уже на берегу Черного моря, постукивая пальцами по плоскому футляру в ожидании, когда его разбитая посудина наконец окончит заправку. Рыжеволосый с радостью поторопил бы владельца лодки, ведь времени оставалось уже до крайности мало, но это вряд ли помогло бы ему. Он знал, что таких людей нельзя торопить: они живут в своем естественном ритме, который гораздо медленнее его собственного.

Отсюда до дельты Дуная было двести пятьдесят миль на север, а там — еще столько же на запад до перевала Дину. Если бы не эта дурацкая война, он нанял бы самолет и давно был бы уже на месте.

Но что могло там случиться?.. Неужели на перевале идут бои? По радио ничего не говорили о войне в Румынии. Впрочем, это неважно. Что бы ни произошло, ему надо спешить. А он ведь чуть было не поверил, что все устроено уже навеки!..

Губы его скривились в грустной усмешке. Навеки... Уж он-то лучше всех знал, как мало в этом мире вещей, которые удалось бы сберечь от хода времени.

И все же оставалась еще надежда, что дело зашло не слишком далеко и можно успеть вернуть все на свои места.

Глава тринадцатая

Застава.

Вторник, 29 апреля.

Время: 17.52

— Вы разве не видите, как он устал? — закричала Магда.

Страх ее куда-то исчез, и его место заняли гнев и возмущение.

— Мне плевать, даже если это его последний вздох, — бросил эсэсовский офицер, назвавшийся майором Кэмпфером. — Я хочу, чтобы он сейчас же рассказал мне все, что ему известно о замке

Поездка от Кымпины до перевала была страшнее ночного кошмара. Их бесцеремонно затолкали в кузов грузовика и повезли под охраной двух грубых солдат. Двое других сели в кабину. Профессор узнал в них эсэсовцев и быстро объяснил Магде, чем они знамениты. Но даже без его объяснений она сразу почувствовала, насколько ей отвратительны эти люди: они обращались с ними, как с мусором. Солдаты не говорили по-румынски и вместо этого применяли язык пинков и подталкиваний с помощью стволов и прикладов своих автоматов. Но вскоре Магда заметила в них и еще что-то, кроме привычной жестокости тюремщиков, — какую-то озабоченность. Казалось, они очень рады оказаться подальше от перевала и им совсем неохота возвращаться назад.

Переезд оказался особенно тяжелым для отца — ему было почти не по силам усидеть на узкой дощатой лавке посреди кузова грузовика, который нещадно трясся, кренился и подпрыгивал, с трудом одолевая дорогу, не предназначенную для такого транспорта. Каждый толчок вызывал нестерпимую боль во всем теле, и Магда беспомощно наблюдала, как он стискивает зубы и вытирает выступающий пот. Наконец, когда машина остановилась на мосту, ожидая, пока козья повозка уступит ей дорогу, Магда помогла отцу приподняться и пересесть в свое кресло. Она не видела, что происходит на дороге, но была уверена, что пока шофер без перерыва сигналил, машина не тронется и можно попытаться хоть немного облегчить его страдания. Потом ее задачей было удержать кресло-каталку на месте и при этом не упасть самой и не стукнуться о скамейку или низкий борт ку-

зова. Конвоиры лишь усмехались, наблюдая за ее действиями, и не сделали ни малейшей попытки помочь. И когда они подъехали к замку, Магда была измучена не меньше, чем ее побледневший, задыхающийся от боли отец.

Замок... Он изменился. Нет, выглядел он как и прежде, когда они здесь бывали, но едва машина миновала ворота, как в сумерках Магда сразу почувствовала какую-то ауру тревоги и страха. Перемена была даже в воздухе, который неприятным холодком ложился ей на шею и плечи.

И профессор это тоже заметил. Он приподнял голову и осмотрелся, как бы оценивая обстановку.

Солдаты во дворе сновали в какой-то спешке и суете, и их здесь оказалось два сорта — в серых мундирах и в черной форме СС. Двое в сером открыли кузов и жестом приказали спускаться, сразу же начав поторапливать.

Магда обратилась к ним по-немецки. Она понимала этот язык и довольно сносно на нем объяснялась:

— Он не может ходить,— кивнула она в сторону отца.

И сейчас это было правдой — папа находился на грани обморока.

Двое в сером без промедления забрались в грузовик, вынесли отца, кресло и все остальное, но по двору она повезла его уже сама. Следуя за солдатами, Магда чувствовала, как вокруг нее сгущаются тени.

— Здесь что-то случилось! — прошептала она отцу в самое ухо. — Ты это ЧУВСТВУЕШЬ?

Он молча кивнул, и это было его ответом.

Магда вкатила кресло в двери первого этажа башни. Два немецких офицера уже ждали их там — один в сером, другой в черном. Оба стояли возле шаткого стола, стараясь держаться в свете единственной тусклой лампочки под потолком.

Наступающий вечер был на редкость холодным и тихим.

— Во-первых,— начал профессор на безупречном немецком в ответ на требование майора Кэмпфера немедленно дать ему всю информацию,— это строение не является замком. Собственно, замок, или главная сторожевая башня, как ее принято называть, была последним внутренним укреплением в более крупной крепости и

часто — тем местом, где жил сам владелец с семьей. А это здание, — он обвел руками вокруг себя, — просто уникально. Я даже не знаю, как было бы правильнее его называть. Оно построено с большим старанием и искусством, но предназначено лишь для того, чтобы быть обычным сторожевым постом, и при этом довольно незначительно по размерам. Ни один уважающий себя дворянин не стал бы строить для себя такой дом. Но тем не менее его всегда называли «замок» — наверное, просто из-за того, что нет другого, более подходящего слова. И я думаю, что это название ему все же подходит.

— Мне плевать на то, что вы думаете! — рявкнул майор. — Я хочу услышать то, что вы знаете! Историю этого места, легенды, связанные с ним, — все!

— А нельзя ли отложить до утра? — вмешалась вдруг Магда. — Мой отец смертельно устал, и ему трудно сейчас даже сосредоточиться. Может быть, когда он немного передохнет...

— Нет! Мы должны узнать все немедленно!

Магда перевела взгляд с белокурого офицера на более темного — полного капитана по фамилии Ворманн, который до сих пор еще ничего не сказал. Она взглянула в его глаза и увидела в них то же самое, что и в глазах остальных немцев, с которыми ей довелось столкнуться с тех пор, как они вышли из поезда. Теперь то, в чем раньше она еще сомневалась, стало совершенно ясным: эти люди чего-то очень боялись. Офицеры и рядовые — все они одинаково сильно испытывали страх.

— Что вас конкретно интересует? — спросил отец

Наконец заговорил капитан Ворманн:

— Профессор Куза, мы пробыли здесь всего неделю и за это время потеряли уже восемь человек. — Майор неодобрительно посмотрел на него, но тот продолжал говорить, либо не замечая недовольства эсэсовца, либо просто игнорируя его. — Каждую ночь здесь совершалось по одному убийству, а вчера было перерезано сразу два горла.

Профессор собрался что-то ответить, и Магда стала молить Бога, чтобы он не сказал ничего такого, что могло бы рассердить этих немцев. Но, кажется, он тоже понимал это.

— Я не интересуюсь политикой и не знаю, какая группировка может тут действовать. Так что я вряд ли смогу вам помочь.

— Но мы больше не считаем, что здесь замешаны политические мотивы,— сказал капитан.

— Тогда что же? Кто?..

Ответ был для Ворманна почти физической мукой:

— Мы теперь даже не уверены, что об этом можно говорить «кто».

Наступила долгая пауза, и отец слегка приоткрыл рот. Магда знала, что это можно считать усмешкой, хотя лицо его сейчас больше походило на маску смерти.

— Вы считаете, что здесь действуют сверхъестественные силы?.. Итак, убито несколько ваших солдат, и из-за того что вы не можете обезвредить убийцу и не верите, что вам противостоит румынская партизанская группа, вы решили, что это нечистая сила? Если вам действительно нужен мой...

— Молчать, жид! — в ярости крикнул эсэсовский офицер и резко шагнул вперед.— Единственное, почему ты находишься здесь, и почему я до сих пор не расстрелял еще ни тебя, ни твою дочь,— так это потому, что ты часто бывал здесь и хорошо знаешь эти места и местные обычаи. Но как долго вам обоим осталось жить, будет зависеть от того, насколько ты окажешься для нас полезным. А пока ты еще не убедил меня в том; что я не напрасно потратил время, доставляя тебя сюда!

Магда увидела, что подобие улыбки исчезло с отцовского лица, когда он мельком взглянул на нее, а потом снова перевел глаза на майора. Угроза ее жизни достигла своей цели.

— Я сделаю все возможное,— мрачно сказал он,— но сперва вы должны подробно рассказать мне обо всем, что здесь произошло. Может быть, мне удастся найти более реалистическое решение.

— Надеюсь, что тебе это удастся... ради твоего же блага,— процедил эсэовец.

Капитан Ворманн рассказал о том, как два солдата разобрали подвальную стену, увидев на ней крест из настоящего золота и серебра, и попали в подземную шахту, которая оказалась тупиком. Потом стена рухнула, провалилась часть пола, и таким образом обнаружился второй, нижний подвал. Постепенно они в деталях узнали о судьбе рядового Лютца и всех, последовавших за ним. Затем Ворманн поведал о странном холоде и крошечной тьме, которая наступает здесь временами, чему он сам был свидетелем всего две ночи назад, и о том,

как два эсэсовца каким-то образом вошли в комнату майора Кэмпфера после того, как им обоим разорвали горло.

Рассказ этот сильно напугал Магду, хотя при других обстоятельствах она, возможно, только бы рассмеялась. Но вся атмосфера в замке и мрачные лица военных говорили о том, что это чистая правда. И пока капитан рассказывал, она вдруг вспомнила, что тот самый сон о путешествии на север приснился ей именно в ту ночь, когда был убит первый солдат.

Но она не могла сейчас думать об этом. Надо было следить за отцом. Пока он слушал, она наблюдала за его лицом и заметила, что с каждым новым событием, с каждым описанием новой смерти его усталость на глазах исчезает, и когда капитан Ворманн закончил, отец преобразился из старого немощного калеки в настоящего профессора Теодора Кузу — блестящего специалиста, перед которым стоит серьезная задача в его области.

Он ответил не сразу, но, помолчав с минуту, наконец произнес:

— По всей вероятности, что-то было выпущено на свободу из той маленькой тупиковой комнаты, когда туда проник первый солдат. Насколько мне известно, раньше в замке не было ни одного убийства. Но раньше здесь никогда не останавливалась и иностранная армия... Конечно, я мог бы приписать все это вылазкам патриотов,— это слово он подчеркнул особо,— румынских партизан... если бы не события двух последних ночей. Пока мне трудно дать разумные объяснения тому, отчего на время гаснут исправные лампы, и почему два солдата смогли ожить после того, как были полностью обескровлены. И боюсь, что ответ на вашу загадку придется искать за пределами обычного.

— Вот потому-то ты и здесь, еврей,— проворчал майор.

— Самое простое решение — это покинуть замок.

— Исключено,— отрезал эсэовец.

Профессор задумался.

— Должен вам сказать, господа, что я не верю в вампиров.

Магда перехватила его многозначительный взгляд — она знала, что это не совсем так.

— По крайней мере, больше не верю. Ни в оборотней, ни в привидения. Но я всегда чувствовал, что в

замке скрыто нечто таинственное. И эта тайна давно уже не дает мне покоя. Ведь совершенно очевидно, что мы имеем дело с сооружением очень редкой и необычной архитектуры, однако нигде не указывается, кто именно его выстроил; замок поддерживается в идеальном порядке и чистоте, но никто не претендует на него, как владелец; нигде нет никаких записей и о том, кто владел им ранее,— я пытался выяснить это много лет, но безуспешно.

— Мы как раз работаем над этим вопросом,— перебил майор Кэмпфер.

— Наверное, вы захотите связаться со Средиземноморским банком в Цюрихе? Не тратьте понапрасну времени — я там уже был. Деньги берут из процентов со счета, который открыли еще в прошлом веке. И со дня основания банка все расходы на замок покрываются этими процентами. А до этого, как мне думается, деньги шли с другого счета в другой банке и, может быть, даже из другой страны... А регистрационные журналы владельца гостиницы, естественно, велись далеко не лучшим образом. Но в данном случае даже они ничем не смогли бы помочь: дело в том, что нет никакой явной связи между частными лицами, открывающими такие счета, и самими деньгами, которые лежат в банке и исправно нагуливают проценты.

Кэмпфер с досады стукнул кулаком по столу.

— Проклятье! Тогда какой от тебя здесь толк, старик?

— Я — все, что у вас есть, господин майор. Но дайте мне закончить: три года назад я обращался к румынскому правительству — тогда еще был король Карл — с просьбой объявить замок государственной собственностью и национальным памятником. Я обнародовал соответствующую петицию и надеялся, что мои действия привлекут внимание владельца и заставят его заявить о своих правах, если он еще жив. Но ничего подобного не произошло, а в прошении мне было отказано. Ведь Дину считается очень диким, отдаленным и малодоступным районом. К тому же, поскольку никакие исторические события с этим замком не связаны, то, по официальным законам, он не может считаться памятником. И, наконец, последнее и самое главное: национализация привела бы к тому, что на содержание замка пришлось бы выделить средства из государственного бюджета. А зачем

же их тратить, если на это прекрасно идут чьи-то частные деньги?.. Против таких аргументов я не смог возражать, и поэтому, господа, мне пришлось закончить мою борьбу. К тому же пошатнувшееся здоровье вынудило меня переехать на постоянное жительство в Бухарест. И я должен был удовольствоваться тем, что изучил все документы, связанные с этим местом, и теперь знаю о нем больше, чем кто-либо другой. То есть почти ничего.

Магда сердилась на отца за то, что он все время повторял слово «я». Большую часть работы проделала для него именно она и поэтому знала о замке ничуть не меньше. Но она промолчала. Она не смела противоречить отцу. Во всяком случае, в присутствии посторонних.

— А это что такое? — спросил капитан Ворманн, указывая на пеструю кипу свитков и книг в кожаных переплетах, лежащую на полу в углу комнаты.

— Книги? — Профессор удивленно поднял брови.

— Мы начали разбирать стены, — объяснил майор Кэмпфер. — И скоро той твари, за которой мы охотимся, просто негде будет прятаться. Мы разберем этот замок до основания и выставим камни на солнце. И тогда КУДА она денется?

Профессор пожал плечами.

— Неплохая идея... если при этом вы не выпустите на свет ничего похуже.

Магда заметила, как отец будто бы невзначай повернул голову в сторону книг, но на секунду задержал взгляд на испуганном лице Кэмпфера — такая возможность даже не приходила майору в голову.

— Но где вы нашли столько книг? Ведь насколько мне известно, в замке никогда не было библиотеки, а местные крестьяне не могут прочитать даже собственного имени.

— В замурованной нише одной из стен, когда стали разбирать заднюю секцию, — сказал капитан.

Наконец профессор вспомнил о дочери:

— Пойди посмотри, что там.

Магда прошла в угол и опустилась на колени, благодаря Бога за предоставившуюся возможность пошевелиться. Отцовская инвалидная коляска была в комнате единственным местом для сидения, а стула ей никто не предложил. Она взглянула на кипу книг и сразу почувствовала знакомый волнующий запах книжной плесени.

Магда с детства любила книги, и этот запах был ей приятен. Книг оказалось не больше десятка — все очень старые, а одна, рукописная, — в свитке. Она стала медленно перебирать их, расслабляя затекшую поясницу, прежде чем снова подняться на ноги. Потом взяла наугад один том. Название было написано по-английски: «Книга Эйбон». Магда встрепенулась. Невероятно!.. Это розыгрыш!! Она посмотрела на остальные, бегло переводя их названия с разных языков, и благоговейная дрожь поползла по ее позвоночнику. Все книги были настоящими! Она тут же вскочила и в ужасе отступила назад, чуть не споткнувшись на ровном месте.

— Эти книги... — начала она, не скрывая своего потрясения. — Считалось, что они даже не существуют!

Профессор подкатил кресло ближе к столу:

— Принеси их сюда!

Магда нехотя наклонилась и осторожно взяла два тяжелых тома. Один из них оказался трактатом «Де Вермис Мистерииис» Людвиг Принна, другой — «Культом Гулов» покойного графа д'Эрлетта. Это были легендарные сочинения, и кожа Магды покрылась мурашками, когда она дотронулась до их пыльных кожаных переплетов. Ее волнение передалось офицерам, и они торопливо перенесли на стол остальные тома.

Дрожа от возбуждения, нарастающего по мере того как книги скапливались на столе, профессор начал бормотать себе что-то под нос и громко выкрикивать названия книг:

— «Наркотические рукописи» в свитке! Перевод дю Норда «Книги Эйбон»! «Песнопения Дхола»! «Семь тайных книг Хсана»! А вот еще — «Кульм Унашпрыхен» фон Юнтца. Да эти книги не имеют цены! Их запрещали и подвергали уничтожению в течение многих веков; их сжигали, и только шепотом можно было без риска произносить их названия. Некоторые ученые до сих пор сомневаются даже в самом их существовании! И вот они здесь — может быть, последние из оставшихся экземпляров!..

— Наверное, их не зря запрещали? — осторожно спросила Магда. Ей не нравился огонек, загоревшийся в его глазах. Находка этих книг ужасала ее, ведь их целью было описание страшных тайных обрядов для контакта с силами, лежащими за пределами разума и здравого смысла. И теперь она узнала, что эти книги

и их авторы действительно существуют и это не просто выдумки и зловещие слухи. Магде стало не по себе. Теперь все резко менялось.

— Возможно-возможно... — механически кивнул отец, даже не взглянув на нее. Он стянул зубами кожаные перчатки и на правый указательный палец поверх матерчатой перчатки надел резиновый колпачок. Потом, водрузив на нос очки, начал лихорадочно перелистывать страницы. — Но тогда были другие времена. А сейчас на дворе двадцатый век. И я не думаю, что в этих книгах найдется нечто такое, с чем мы теперь не сможем справиться.

— Что же там может быть такого ужасного? — с недоумением спросил Ворманн и потянулся за толстым томом в футляре с бронзовыми застешками. Это был «Култ Унашпрехлихен». — Посмотрите-ка — здесь на немецком

Он раскрыл книгу, полистал и на середине начал читать.

Магде хотелось остановить его, но она сразу же передумала. Они ничем не обязаны этим немцам. И тут она увидела, как лицо капитана побледнело, он судорожно сглотнул и захлопнул книгу.

— Какой же больной, изуродованный разум мог сочинить такое?! Это... Это же... — Он не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства.

— Что вы взяли? — спросил профессор, поднимая глаза. Он не успел еще разглядеть название книги. — А, это работа фон Юнтца. Впервые она была напечатана частным образом в Дюссельдорфе в 1839 году. И очень маленьким тиражом — может быть, экземпляров десять... — Тут он запнулся.

— Что-то случилось? — сразу же спросил Кэмпфер. Он стоял немного поодаль, не проявляя особого интереса к происходящему.

— Да... ведь замок построили в пятнадцатом веке — это я знаю точно. А все найденные вами книги были написаны значительно раньше, кроме той, что брал ваш коллега. А это значит, что в середине прошлого века, если не позже, кто-то побывал здесь и положил эту книгу вместе с остальными.

— Не вижу большого смысла в таком открытии, — хмыкнул Кэмпфер. — Оно не сможет уберечь одного из наших солдат... — Тут он улыбнулся, поскольку в голову

ему пришла «удачная» мысль,— а может быть, вас или вашу дочь от смерти.

— Но это бросает новый свет на всю нашу проблему! — с жаром возразил профессор. — Вы недооцениваете тот факт, что все книги, которые здесь лежат, были прокляты и запрещены, как несущие зло. Впрочем, я это отрицаю. Я считаю, что сами по себе они не есть зло, а только описывают его. Ту, которая сейчас у меня в руках, боялись особенно сильно. Это «Аль Азиф» в оригинале — на арабском языке.

Магда ахнула.

— Не может быть! — Эта книга считалась самой ужасной.

— Да! Я, правда, плохо разбираюсь в арабском, но все же могу прочитать название и имя автора. — Он отвел взгляд от Магды и снова посмотрел на Кэмпфера. — И я вполне серьезно считаю, что ответ на ваши вопросы может находиться на страницах этих книг. Я начну работать с ними сегодня же. Но сначала мне нужно увидеть трупы.

— Зачем? — На этот раз заговорил капитан Ворманн. Он успел уже прийти в себя после первого знакомства с работой фон Юнтца.

— Я хотел бы посмотреть на их раны. Возможно, их смерть имеет отношение к каким-нибудь древним ритуалам.

— Мы вас немедленно туда доставим, — согласился майор и вызвал в помощь двух своих подчиненных.

Магде не хотелось идти с ними — ее не прельщала перспектива смотреть на мертвых солдат, но оставаться одной и ждать было еще хуже. Поэтому она взялась за ручки коляски и покатила ее к лестнице, ведущей в подвал. Возле самой лестницы солдаты отстранили ее и, следуя указаниям майора, перенесли профессора вместе с креслом вниз по ступенькам. В подвале было на удивление холодно. Она уже пожалела, что согласилась идти туда.

— А что это за кресты, профессор? — спросил капитан Ворманн, когда они двинулись по коридору. Коляску снова катила Магда. — Что они означают?

— К сожалению, мне это неизвестно. О них нет даже местной легенды, кроме той, что утверждает, будто замок был выстроен одним из Римских Пап. Но пятнадцатый век был кризисом для Ватикана, а замок

расположен как раз в таком месте, где всегда была угроза со стороны оттоманских турков. Поэтому такая теория просто смехотворна.

— А сами турки не могли его построить?

Отец покачал головой.

— Невозможно. Это совсем не их архитектурный стиль, а кресты, разумеется, и вообще далеки от турецкой символики, но даже когда встречаются там, то совершенно не такой конфигурации.

— И все-таки, что это за форма крестов?

Казалось, капитана очень интересуют всяческие подробности, связанные с этим замком, поэтому Магда успела ответить раньше, чем это сделал ее отец: проблема крестов была досконально изучена ею за последние несколько лет.

— Этого не знает никто. Мы с папой проштудировали целые тома по истории христианства, Рима, по славянской истории, но нигде не нашли ни одного упоминания о крестах, похожих по форме на эти. Если бы мы сумели обнаружить исторический прецедент, связанный с такой формой креста, то это дало бы возможность выдвинуть гипотезу относительно создателей замка. Но, к сожалению, мы не нашли ничего. Кресты эти настолько же уникальны, как и весь замок сам по себе.

Она могла бы говорить и дальше — это отвлекало ее от мыслей о том, что ей предстоит увидеть в нижнем подвале, но, казалось, капитан не придает большого значения ее словам. Может быть, оттого, что они как раз приблизились к неровной зияющей брешке в стене, но Магда все же подумала, что это происходит лишь потому, что источником информации сейчас является именно она. А кто она, собственно говоря, такая?.. Всего-навсего женщина. Магда вздохнула и замолчала. Ей и раньше приходилось испытывать подобное отношение к себе, и теперь она не могла ошибиться. Немецкие мужчины имели много общего с румынскими. И она еще раз с грустью подумала, что, наверное, все мужчины одинаковы.

— Вот еще какой вопрос...— обратился капитан уже непосредственно к профессору.— Как вы считаете, почему в замке нет птиц?

— Честно говоря, я никогда не замечал их отсутствия.

Магда вспомнила, что за время всех их приездов сюда она тоже не видела на перевале ни одной птицы, но это не казалось ей странным... вплоть до этой минуты.

Осколки камней возле пролома в стене были тщательно собраны в невысокие кучки, и, осторожно провозя отца между ними, она почувствовала сильный сквозняк из отверстия в полу за стеной. Магда достала из кармашка на кресле теплые кожаные перчатки.

— Лучше надень их опять, — сказала она и поднесла профессору раскрытую перчатку, чтобы он легко мог просунуть в нее свою скрюченную руку.

— Но у него уже есть перчатки! — раздраженно заметил Кэмпфер, недовольный тем, что приходится останавливаться.

— Его руки очень чувствительны к холоду, — ответила Магда и протянула отцу вторую перчатку. — Это из-за его болезни.

— А что это за болезнь? — спросил Ворманн.

— Она называется склеродерма. — Магда увидела на их лицах непонимание, чего и следовало ожидать.

Профессор тоже заметил это и заговорил, растирая непослушные пальцы:

— Я и сам впервые услышал о ней, лишь когда мне поставили диагноз. А если уж говорить всю правду, то мои первые два врача так и не смогли окончательно выяснить, что со мной происходит. Я не буду вдаваться в подробности, но замечу, что болезнь действует не только на руки.

— А как все-таки она действует на ваши руки? — не унимался любознательный Ворманн.

— Всякое понижение температуры резко меняет кровообращение в моих пальцах. Короче говоря, на какое-то время кровь в кисти рук не поступает совсем. И мне сказали, что если не принимать своевременных мер, то может развиться гангрена, и тогда я потеряю обе руки. Поэтому круглый год днем и ночью я ношу перчатки, за исключением разве что самых теплых летних дней. Но ночью я их все равно надеваю. — Он оглянулся. — Ну вот, я уже готов.

Магда содрогнулась от холодного сквозняка из подвала.

— Папа, мне кажется, там для тебя будет слишком холодно...

— Да, но мы не собираемся тащить сюда для вас восемь трупов,— оборвал ее Кэмпфер, взмахнул рукой, и два солдата СС снова взялись за кресло с несчастным калекой, подняли его и понесли через пролом в стене. Капитан Ворманн взял с пола керосиновую лампу и зажег ее. Он пошел впереди. Кэмпфер с другой лампой замыкал шествие. Магда вздохнула и нехотя присоединилась к ним. Она шла рядом с отцом и все время боялась, что солдаты поскользнутся на покатых влажных ступеньках и уронят его. Лишь когда кресло опустили на грязный пол нижнего подвала, она слегка успокоилась.

Один из солдат повез профессора в темноту вслед за Ворманном, и вскоре мужчины приблизились к восьми накрытым простынями предметам, лежащим прямо на полу футах в тридцати впереди. Магда не решилась сопровождать их, а осталась у подножия лестницы. Она была уверена, что не сможет вынести этого зрелища.

Тут она заметила, что капитан Ворманн чем-то явно смущен: подойдя к трупам, он поставил лампу на пол, нагнулся и начал расправлять простыни на неподвижных телах, словно те были смяты или лежали, на его взгляд, недостаточно ровно. Еще один подвал!.. Они с отцом много раз обходили весь замок, но никогда даже не подозревали о его существовании. Магда терла ладонями свои локти и плечи, стараясь хоть немного согреться. Здесь было очень холодно.

Спустившись в это мрачное подземелье, она сразу же внимательно огляделась: нет ли здесь признаков крыс. В том районе Бухареста, куда их насильно переселили, в каждом подвале водились сотни этих чудовищ. Что и говорить — их новый дом сильно отличался от того маленького уютного особнячка возле университета, в котором они жили раньше. Магда понимала, что нельзя так панически бояться животных, но ничего поделать с собой не могла. Крысы вызывали в ней чувство смертельного ужаса. Как противно они ходят!.. А их мерзкие голые хвосты!.. Ее просто тошнило при одной мысли о них. Но к счастью, здесь она не заметила ничего подозрительного, а повернувшись, увидела, что капитан уже начал приподнимать одну за другой простыни, показывая отцу голову и плечи каждого мертвеца. Она не слышала разговора, но по тону поняла, что пока все в порядке. Внутренне Магда чувствовала боль-

шое облегчение от того, что не видит всех тех кошмаров, которые приходится сейчас изучать профессору.

Наконец солдаты развернули коляску и направились к выходу, и вскоре Магда расслышала голос отца:

— ...Таким образом, я не могу сказать, что эти раны напоминают мне результат какого-нибудь ритуала. Кроме того обезглавленного солдата. Совершенно очевидно, что все они умерли от потери крови из-за сильного повреждения основных кровеносных сосудов шеи. Но я не обнаружил на их телах никаких следов зубов — ни звериных, ни человеческих. И все же эти раны не могли появиться от воздействия каким-либо острым предметом. Их шеи просто-напросто разорваны. Или даже вырваны, если угодно. Но как это могло произойти, я пока затрудняюсь себе представить.

«Неужели папа может с таким спокойствием говорить об этом — будто он не историк, а заправский хирург?» — удивилась Магда.

Голос майора Кэмпфера прозвучал угрожающе:

— И снова вам удалось наговорить кучу слов и при этом не сообщить нам ничего ценного!

— Вы дали мне еще слишком мало информации. Разве у вас ничего больше нет?

Эсэсовец двинулся вперед, даже не подумав ответить. Но капитан Ворманн — видимо, вспомнив что-то — щелкнул пальцами.

— Слова на стене! Те самые — написанные кровью на непонятном языке.

Глаза у профессора загорелись.

— Я должен посмотреть!

Кресло снова подняли, и Магда пошла рядом с ним. На сей раз — во двор, где она уже сама повезла отца вслед за немцами к задней секции замка. И вскоре они подошли к тупику, которым заканчивался длинный внутренний коридор. Здесь она увидела на стене корявые красновато-коричневые буквы, от которых вниз отходили засохшие струйки густой почерневшей жидкости.

Мазки были разной толщины, но все они могли быть сделаны человеческим пальцем. При одной мысли об этом Магду передернуло. Она еще раз взглянула на слова и, конечно же, сразу узнала этот язык. Она могла бы даже перевести их, если бы ей удалось сейчас сосредоточиться на самих словах, а не на том, что их автор использовал вместо краски.

ТЯЖИКИ ОСТАВЬТЕ НАШ ДОМ

Вы можете сказать, что это означает? — спросил Ворманн.

Профессор кивнул.

— Да, — ответил он и замолчал, будто загнипнотизированный открывшимся перед ним зрелищем.

— Ну! — грозно потребовал Кэмпфер.

Магда понимала, насколько трудно ему, должно быть, терпеть свою зависимость от еврея, который к тому же заставляет еще ждать. И поэтому она особенно боялась, что отец может по неосторожности чем-нибудь спровоцировать его.

— Здесь написано: «Чужеземцы, оставьте мой дом!» Это повелительное наклонение. — Голос отца звучал вроде бы ровно, но Магда видела: что-то в этих словах его сильно встревожило.

Кэмпфер машинально схватился за кобуру.

— Ага! Значит, все-таки это политические убийства!

— Возможно. Но предупреждение или, я бы сказал, требование, написано на старославянском языке, а это мертвый язык. Такой же, как, например, латынь. И форма букв именно такова, какую использовали лишь в глубокой древности. Это я знаю точно. Я видел много старинных рукописей.

Теперь, когда профессор назвал язык, Магде удалось сосредоточиться на содержании слов. И она поняла, что так встревожило отца.

— Ваш убийца, господа, — продолжал он, — или ученый, специалист по древним языкам, или он был заморожен по крайней мере лет на пятьсот.

Глава четырнадцатая

— Мне кажется, мы понапрасну теряем время, — с раздражением сказал Кэмпфер, глубоко затягиваясь сигаретой. Он ходил взад-вперед по комнате, засунув левую руку в карман галифе. Все четверо вновь находились на первом этаже сторожевой башни.

В центре комнаты стояло отцовское кресло, и Магда в изнеможении облокотилась на его высокую спинку. Она чувствовала, что Ворманн и Кэмпфер как бы

играют друг с другом в перетягивание каната, но не могла понять ни правил этой странной игры, ни ее цели. И тем не менее она была уверена в одном: от результатов этого «поединка» зависит жизнь и отца, и ее собственная.

— Не могу с вами согласиться, — степенно отвечал капитан Ворманн. Он прислонился к стене возле самой двери и скрестил руки на груди. — Как нетрудно заметить, сейчас мы знаем уже гораздо больше, чем утром. Это, конечно, все равно еще мало, но, по крайней мере, прогресс налицо. И должен сказать, что сами мы ничего этого не добились бы.

— Но этого мало! — взорвался Кэмпфер. — Мы так ни к чему и не пришли!

— Согласен. И поэтому, раз у нас нет никаких плодотворных идей, я предлагаю немедленно покинуть замок.

Кэмпфер ничего не ответил. Он продолжал нервно курить, расхаживая взад-вперед вдоль дальней стены комнаты.

Профессор негромко кашлянул, пытаясь привлечь к себе внимание.

— Заткнись, жид! — рявкнул майор.

— Почему же, давайте выслушаем его. В конце концов именно за этим мы его сюда и привезли, разве не так? — вступился Ворманн.

Постепенно Магда начала понимать, что между двумя офицерами существует глубокая вражда. Она подумала, что и отец тоже заметил это и теперь пытается воспользоваться ситуацией.

— Возможно, я все-таки смогу вам помочь. — Он указал на грудку книг на столе. — Как я уже говорил, ответ на все ваши вопросы может оказаться среди этих книг. А если так, то я — единственный человек, способный — конечно, с помощью моей дочери — найти его. Так что, если вы пожелаете, я вполне мог бы попробовать.

Кэмпфер остановился и вопросительно посмотрел на Ворманна.

— Пожалуй, стоит дать ему шанс, — сказал капитан. — На данный момент у меня нет других предложений. А у вас?

Кэмпфер бросил окуроч на пол и медленно раздавил его.

— Три дня, еврей. Я даю тебе ровно три дня на то, чтобы ты сообщил нам что-нибудь ценное.— Он быстрым шагом направился к выходу и оставил их втроем, даже не закрыв за собой дверь.

Ворманн тут же отошел от стены, посмотрел вслед майору и заложил руки за спину.

— Я прикажу сержанту расстелить для вас две шинели.— Он окинул взглядом хрупкое тело профессора.— Других постелей у нас, к сожалению, нет.

— Спасибо, капитан, мы обойдемся и этим.

— Дрова...— напомнила Магда.— Нам нужны дрова, чтобы поддерживать тепло.

— Сейчас по ночам здесь не слишком холодно,— ответил немец, отрицательно покачав головой.

— Но как же мой отец?.. Ведь если холод подействует на его руки, он не сможет даже переворачивать страницы.

Ворманн вздохнул.

— Хорошо, я попрошу своего сержанта придумать что-нибудь. Возможно, у нас еще остались какие-то деревяшки.— Он собрался уже уходить, но возле самой двери неожиданно обернулся.— И вот что я еще вам обоим скажу: майор может раздавить вас с такой же легкостью, с какой он только что раздавил свой окурок. Вы должны знать, что у него есть свои очень веские причины для скорейшего разрешения этой проблемы. А у меня — свои: я не хочу, чтобы мои солдаты продолжали умирать. Поэтому попробуйте сделать так, чтобы хоть одна ночь не принесла нам новых потерь, и тогда вы докажете, что на что-то способны. Помогите нам избавиться от этой твари, и я сделаю все возможное, чтобы отправить вас назад в Бухарест целыми и невредимыми.

— Сделаете все возможное? — переспросила Магда и внимательно посмотрела ему в глаза. Неужели он на самом деле хочет дать им надежду?.. — Может быть, сделаете. А может, и нет.

Лицо капитана стало угрюмым, и он как эхо повторил ее последние слова:

— Может, сделаю, а может — нет.

Ворманн приказал отнести дрова в первый этаж башни, а сам сел и задумался. Поначалу эти двое из Бухареста показались ему просто жалким недоразумением — дочь, прикованная к отцу, и отец, прикованный к инвалидному креслу. Но после короткого общения он почувствовал в них какую-то скрытую силу. И это ему понравилось. Потому что без крепкого внутреннего стержня им здесь просто не выжить. Даже если вооруженные и обученные мужчины не в силах защитить себя, то на что могут рассчитывать беззащитная женщина и калека?..

Неожиданно он почувствовал, что за ним наблюдают. Ворманн не мог понять, откуда у него взялось это подозрение, но странное чувство не уходило. При любых других обстоятельствах он мог бы назвать свои ощущения просто неприятными, но сейчас, учитывая все события прошедшей недели, они повергли его в настоящий ужас.

Капитан торопливо осмотрел лестницу справа. Никого. Затем поднялся к арке, выходящей во двор. Все огни горели исправно, двое часовых спокойно двигались вдоль стен.

И все же это тяжелое чувство, будто кто-то пристально смотрит из темноты, не проходило.

Он резко повернулся к лестнице, пытаясь стряхнуть с себя дьявольское наваждение. Ему почему-то казалось, что стоит уйти отсюда, как все неприятности тут же сами собой растворятся. Так и произошло. А возле крепко запертых дверей его комнаты гнетущее ощущение испарилось и вовсе.

Но подсознательное чувство страха осталось — страха, с которым он не расставался с той ночи, как они прибыли на перевал. Это была жуткая, необъяснимая уверенность, что перед тем как настанет утро, кто-то еще неизбежно умрет этой дикой, мучительной смертью.

Майор Кэмпфер стоял в темном проеме двери, ведущей в заднюю секцию замка. Он видел, как Ворманн выглянул из арки во двор, а затем поднялся в свою комна-

ту. И больше всего на свете Кэмпферу хотелось сейчас броситься вслед за ним — добежать до башни, взлететь на третий этаж и постучаться в дверь капитана.

Ему было не под силу провести эту ночь одному. За спиной уходила вверх темная лестница, ведущая к его собственной комнате — то есть туда, где прошлой ночью на него свалились два окровавленных мертвеца. И при одной только мысли о возвращении в это жуткое место штурмбанфюрера прошибал холодный пот ужаса.

Ворманн был сейчас единственным человеком, кто мог бы помочь ему пережить эту ночь. Как старший офицер СС, Кэмпфер не допускал и мысли о возможности скоротать время в обществе солдат или, тем более, евреев.

Единственным спасением оставался Ворманн. Он тоже был офицером, и поэтому вполне естественно, что в такой экстремальной обстановке они должны ночевать вместе. Кэмпфер вышел во двор и устоялся на темную башню. Однако, сделав несколько шагов по направлению к ней, снова остановился. Ворманн никогда бы не разрешил ему остаться у себя, чтобы просто посидеть и поболтать за стаканчиком шнапса. Он открыто презирал и СС, и нацистскую партию, и всех, кто с ними был связан. Но почему?.. Это оставалось для майора загадкой. Ведь Ворманн — чистокровный ариец, и ему нечего бояться СС. Почему же тогда он их так ненавидит?..

Кэмпфер повернулся и снова пошел к задней секции замка.

Здесь он никак уж не встретится с Ворманном. Этот капитан слишком туп и упрям, чтобы найти свое место при Новом Порядке. А значит, он обречен. И поэтому чем дальше Кэмпфер будет держаться от него, тем лучше.

И все же майору нужен был кто-то, чтобы вместе провести предстоящую ночь. Но никого решительно не было.

Инстинктивно сжав ручку пистолета, он начал медленно и осторожно подниматься в свою комнату. Единственная мысль сверлила мозг штурмбанфюрера: «Что если и сегодня меня ждет там какой-нибудь ужас?..»

Огонь принес в башню не только тепло. Стало светлее, и этот свет был намного приятней, чем тот, что шел с потолка от единственной электрической лампочки. Магда расстелила для отца шинель возле самого камина, но отдых его сейчас абсолютно не интересовал. За последние годы она ни разу не видела его таким возбужденным. День за днем болезнь выкачивала из него все соки, изнурая бессилием и нескончаемой болью, и постепенно время бодрствования неумолимо сокращалось, а часы сна стали расти и расти.

Но теперь перед ней был совершенно другой человек, с упоением и азартом зарывшийся в гору книг на столе. Хотя Магда знала, что все это ненадолго. Его слабое тело скоро потребует отдыха. Он работал сейчас на неприкосновенном запасе энергии, из последних сил.

Однако она не решалась заставить его отдохнуть. В последнее время он потерял почти всякий интерес к окружающей жизни, стал подолгу сидеть у окна, уставившись пустыми невидящими глазами на унылую улицу. Все врачи, которых ей удавалось найти для него, уверяли, что это самая настоящая депрессия, которая вполне обычна у людей с таким состоянием здоровья. Советовали давать ему аспирин, чтобы притупить постоянную боль, и, по возможности, кодеин — когда суставы начинали причинять совсем уж невыносимые страдания.

За какой-то год или два он превратился из полноценного человека в устрашающее подобие живого трупа. Сейчас же в нем на глазах просыпалась жизнь. И Магда не могла позволить себе вмешиваться. Она просто наблюдала. Вот он раскрыл книгу «Де Вермис Мистериис», снял очки и устало потер рукой в перчатке глаза. Теперь, наверное, как раз настало то время, когда можно заставить его прилечь и сделать небольшой перерыв в работе.

— А почему ты ничего не сказал им о своей теории? — как бы невзначай спросила она.

— Что? — Профессор непонимающе посмотрел на нее. — О какой теории?

— Ну, ты ведь сказал им, что не веришь в вампиров, хотя, если я не ошибаюсь, это не совсем так. Конечно, если ты все еще не выкинул из головы свою излюбленную идею...

— Нет, я до сих пор считаю, что, возможно, существовал один настоящий вампир, отчего и пошел столь богатый румынский фольклор на эту тему. Для такой гипотезы есть достаточно много исторических оснований, но это еще не прямые доказательства. А без точных данных я не мог опубликовать никакую статью. И по этой же причине я ничего не стал говорить немцам.

— Но они ведь не ученые.

— Это верно. Зато они пока считают меня ученым, который в силах помочь им. А если бы я рассказал им о вампирах, то они наверняка решили бы, что я просто выживший из ума еврей, абсолютно для них бесполезный. И мне кажется, что у бесполезного полоумного еврея в компании нацистов меньше всего шансов выжить. Ты так не считаешь?

Магда покачала головой. Она не хотела, чтобы разговор снова переходил в это русло.

— Но как все-таки насчет теории? Не думаешь ли ты, что в замке может находиться...

— Вампир? — Отец чуть заметно пожал плечами. — Кто может с уверенностью сказать, что вампиры вообще существуют? Так много было сказок и легенд вокруг них, что теперь и не отличишь, где кончается вымысел и начинается правда. Если, конечно, исходить из того, что эта правда вообще имеет место. К тому же подобных мифов хватает и в Буковине, и в Молдавии, и в западной Трансильвании; так что нечто похожее могло родиться и в этих местах. Но, как известно, в каждой сказке есть доля правды. — Он глубоко задумался, но на неподвижном лице по-прежнему сверкали глаза увлеченного, проснувшегося к жизни человека. — Я думаю, для тебя не будет неожиданностью узнать, что здесь творятся весьма нехорошие и в высшей степени непонятные вещи. Уже одни эти книги подтверждают, что анонимные строители замка были весьма равнодушны ко всяческой дьявольщине. А эта надпись на стене... То ли здесь работает сумасшедший, то ли мы имеем дело с так называемой нежитью, то есть нечистой силой. Нам еще предстоит это выяснить.

— А что именно ТЫ думаешь обо всем этом? — не отставала Магда. Она хотела своими ушами услышать трезвый и спокойный ответ. По коже ее ползли мурашки от одной только мысли, что дьявол и нечистая сила существуют на самом деле. Она с детства привык-

ла считать легенды и сказки простым вымыслом и никогда не верила в них, а в разговорах с отцом всегда предполагала, что он просто ведет с ней какую-то интеллектуальную игру. Но теперь...

— Сейчас я ничего еще окончательно не решил. Но мне кажется, что мы находимся уже в двух шагах от ответа. Хотя это и не совсем рационально... Это не то, что можно было бы легко объяснить. Но чувство близости разгадки не оставляет меня. И ты чувствуешь то же самое. Я могу сказать это наверняка.

Магда молча кивнула. Она действительно чувствовала. Еще как чувствовала!

Профессор снова потер глаза.

— Ты знаешь, я больше не в силах читать.

— Ну, тогда давай я помогу тебе лечь,— сказала она, пытаясь стряхнуть с себя неприятные мысли.

— Еще рано. И я слишком волнуюсь, чтобы заснуть. Поиграй для меня немного.

— Может, не надо сейчас?..

— Ты же взяла с собой мандолину, я видел.

— Но ты ведь знаешь, как это на тебя подействует!..

— Ну я прошу тебя.

Магда улыбнулась. Ей никогда не удавалось ему отказать.

— Ну, ладно.

Перед отъездом она действительно положила мандолину в большой чемодан. Хотя на самом деле это было чисто инстинктивное действие. Просто мандолина путешествовала с ней повсюду, куда бы Магда ни направлялась. Музыка всегда была главным в ее жизни, а когда отец потерял работу в университете, она стала для них еще и средством существования. После того как они переехали на новую квартиру, Магда начала давать уроки музыки. К ней приходили маленькие ученики с мандолинами, а иногда она сама ходила по домам и учила детей играть на фортепиано. Свое собственное пианино им пришлось продать.

Магда села на стул, который солдаты Ворманна принесли им вместе с дровами и шинелями, и быстро провела пальцами по тонким струнам. Потом подстроила две струны, которые стали звучать неверно после долгой тряски в грузовике, и начала играть, искусно перебирая пальцами, как научили ее цыгане, чтобы добиться одновременного звучания и ритма, и самой мелодии.

Песня тоже была цыганской — обычная трагическая баллада о неразделенной любви, о том, как умирает разбитое сердце. Закончив первый куплет и подойдя к припеву, Магда мельком взглянула на отца.

Он сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Пальцы левой руки бродили по струнам невидимой скрипки, а правая сжимала воображаемый смычок, и по едва заметному движению руки и плеча можно было понять, что он мысленно играет сейчас вместе с ней. Когда-то давно отец был неплохим музыкантом, и они часто играли эту песню дуэтом: Магда вела контрапункт, а он — соло.

И хотя щеки его были сейчас сухими, он плакал. — Папа, боже мой!.. Я так и знала... Наверное, я выбрала не ту песню. — В душе Магда уже проклинала себя. Она знала много песен, но выбрала именно ту, которая больше всего напоминала отца, что он никогда уже не сможет играть.

Она поднялась и хотела подойти к нему, как вдруг что-то остановило ее. Комната освещалась уже не так ярко, как это было буквально минуту назад.

— Все хорошо, Магда. Я просто вспомнил те времена, когда мы играли с тобой вдвоем... Лучше этой вещи у нас ничего не выходило. Я даже почти услышал звук своей скрипки. — Он все еще не открывал глаз. — Пожалуйста, продолжай играть.

Но Магда не шевелилась. Она почувствовала пробежавший по спине холодок и с тревогой огляделась: откуда мог взяться этот сквозняк? Может быть, ей просто показалось, или действительно свет начинает меркнуть?

Отец открыл глаза и увидел ее напряженное лицо.

— Магда! В чем дело?

— Огонь затухает!

Огонь в камине затухал необычно: никакого шипения угольков или дыма — он просто становился все меньше и как бы заползал назад в головешки. То же происходило и с лампочкой наверху — свет делался все блее тусклым. Наступала темнота, но темнота не обычная — здесь было и нечто большее, чем просто отсутствие света. Эта темнота была почти физически ощутима. Вместе с ней из ниоткуда возник пронизывающий холод и странный запах, тяжелый и затхлый, навевающий мысли о тлении трупов и разрытых могилах.

— Он идет, Магда! Встань возле меня!

Она в ужасе рванулась вперед, инстинктивно отыскивая глазами место, куда можно было бы спрятать отца, но одновременно ей хотелось и у него найти защиту для себя самой. Магда судорожно сжалась перед его креслом и вцепилась в изуродованные руки старика.

— Что же нам делать? — спросила она и удивилась своему голосу — вопрос прозвучал еле слышным испуганным шепотом.

— Не знаю. — Отец тоже дрожал.

Тени начали сгущаться, лампочка потухла совсем, а в камине светились лишь тусклые головешки. Стен уже не было видно — они тоже растворились во всеохватывающей темноте. Последний отсвет мерцающих угольков, как маяк надежды, все еще горел за ее спиной.

Теперь в комнате они были не одни. Нечто страшное и холодное двигалось в темноте совсем рядом. Очень грязное и... как будто голодное.

Подул ветерок — сперва слабый, как легкий бриз, потом все сильнее; и вот он дошел уже до ураганного воя, хотя и ставни, и дверь — все было плотно и надежно закрыто.

Магда попыталась как-то вырваться из сковавшего ее ужаса. Она освободила руки и взялась за подлокотники кресла. Хотя она и не видела сейчас двери, но твердо помнила, что та находится прямо напротив камина. Не обращая внимания на обжигающий ледяной вихрь. Магда начала осторожно толкать отцовское кресло назад — туда, где, по ее расчетам, должна была находиться дверь. Если ей удастся пробиться во двор, то, может быть, они будут спасены. Она сама не знала почему, но ей казалось, что оставаться в этой комнате равносильно стоянию в очереди, где смерть выкрикивает имена своих жертв.

Кресло покатилося. Магде удалось протолкнуть его футов на пять по направлению к двери, но потом оно внезапно застряло. Ее охватила паника. Что-то не давало им выйти отсюда! Но это не было похоже на невидимую стену, прочную и непреступную. Казалось, будто кто-то или что-то просто держит колеса с противоположной стороны, издеваясь над ее отчаянными попытками.

И тут в черноте над отцовской головой на какую-то

долю секунды показалось мертвенно-бледное лицо, смотрящее ей прямо в глаза. И сразу исчезло.

Сердце бешено заколотилось. Ладони вспотели так, что соскальзывали с дубовых подлокотников кресла. «Этого не может быть! Это просто галлюцинация: Все это нереально...» — пыталась убедить себя Магда. Но тело ее продолжало верить. Она взглянула на отца и увидела, что ее собственный страх — лишь слабое подобие испуганного ужаса, застывшего в его глазах.

— Не останавливайся здесь! — закричал отец.

— Я не могу сдвинуть кресло!

Он попытался обернуться, чтобы выяснить, что именно преградило им путь, но больные суставы сделали невозможным даже это простое движение. Тогда он снова повернулся к Магде.

— Быстрее назад, к огню!

Магда развернула кресло и только начала откатывать его, как что-то ледяное схватило ее за руку чуть выше локтя.

Она хотела закричать, но уже не могла. Из груди вырвался лишь жалкий визг, похожий на щенячий. Ледяная хватка острой болью отозвалась в плече, и эта боль тут же метнулась в сторону сердца. Она опустила глаза и увидела огромную руку, крепко сжавшую ее тонкое плечо. Пальцы были длинные и толстые, всю кисть покрывали мелкие извилистые волоски — даже пальцы, которые оканчивались темными и необычно длинными ногтями. Запястье же растворялось в непроглядной темноте.

Несмотря на то, что на ней были блузка и свитер, она прекрасно чувствовала эту тяжелую руку — холодную и зловещую. Ей было невыносимо мерзко и хотелось лишиться чувств, чтобы не ощущать больше ее адского прикосновения. Другой рукой она попыталась нащупать лицо, но безуспешно. Потом Магда выпустила кресло — попробовала освободиться, отчаянно отбиваясь в жутком приступе ужаса. Ее туфли скользили по полу, пока она тщетно пыталась вырваться, извиваясь и выкручиваясь. Бесполезно. Но ни за что на свете она не осмелилась бы дотронуться до этой руки.

И вот появилась какая-то перемена — темнота начала отступать. Бледный овальный предмет приблизился к ней до расстояния в несколько дюймов. Это было лицо. То самое лицо из кошмарной «галлюцинации».

У него был широкий лоб, длинные и прямые черные волосы густыми прядями окаймляли лицо с обеих сторон, и эти толстые пряди походили больше на змей, вцепившихся ядовитыми зубами в безжизненный скальп. Слишком бледная, почти белая кожа, впалые щеки и крючковатый нос. Тонкие губы были слегка приоткрыты, обнажая крупные желтые зубы — длинные и острые, почти звериные. Но едва Магда заглянула ему в глаза, как ледяная хватка показалась ей сущим пустяком по сравнению с этим взглядом. Пронзительный визг затих, и она застыла, как каменная.

Эти глаза... Большие и круглые, холодные и хрустальные. Зрачки — как две огромные черные дыры, ведущие в хаос, не знающий разума, не признающий реальности; черные, как ночное небо, никогда не видевшее ни солнца, ни даже слабого света луны и звезд. Вокруг зрачков расстилалась непроглядная мгла, и, расширяясь до бесконечности, она будто бы открывала невидимые двери в мир ужаса и безумия.

Безумие... Оно манило и тянуло к себе. Там тихо, там безопасно, там никого нет. Как прекрасно было бы нырнуть в эту тьму и погрузиться в ее ослепительно-черную бездну... Как прекрасно!..

Нет!..

Магда попыталась обуздать нахлынувшие на нее чувства, отринуть их прочь. Но зачем же?.. Ведь жизнь — это болезни и несчастья, бессмысленная борьба, в которой проигрывают все. Какой в этом смысл?.. Ничто не ценится, чем бы человек ни занимался. Для чего тогда вообще пытаться что-либо делать?

Она почувствовала неодолимое желание приблизиться к этим глазам, жгучую страсть, сопротивляться которой не было сил. В этих глазах она видела мучительную жажду, но не просто сексуальное вожделение овладеть ею, а желание получить все ее существо — все до последней капли. Она почувствовала, что невольно поворачивается навстречу этим распахнутым черным дверям. Как легко войти туда!..

Однако Магда не шевелилась. Что-то внутри нее уже отказывалось сопротивляться, но одновременно требовало не делать никаких движений. А глаза звали и звали, и она уже так устала... В конце концов, какое все это имеет значение?

Звуки... Музыка... И в то же время — не музыка, а просто один высокий аккорд в ее пустом онемевшем мозгу... И вся эта музыка казалась... не имеющей мелодии, лишенной гармонии: какая-то дикая какофония, набор бешено гремящих и скрежещущих звуков, пробивающих щели в едва заметном остатке ее слабеющей воли. Весь мир вокруг — все на свете! — начало исчезать, растворяться, и остались только эти глаза. Только глаза... И она задрожала, раскачиваясь на краю вечности.

Потом услышала отцовский голос.

Магда мысленно вцепилась в этот знакомый до боли звук, хватаясь за него, как за спасательный канат, брошенный ей в пучину безумия, и стала медленно карабкаться на поверхность. Но отец не звал ее; он говорил сейчас даже не по-румынски. Однако это был его голос — единственный знакомый и добрый звук среди жуткого хаоса, окутавшего ее сознание.

Глаза исчезли. Магда была свободна. Рука отпустила ее.

Она стояла, задыхаясь, и сильно шаталась. На лбу выступила испарина, а ветер продолжал свирепствовать, рвал ее одежду, косынку. От него останавливалось дыхание. Но страх ее только усилился, потому что глаза эти сейчас поворачивались в сторону отца. А он ведь так слаб!

Однако профессор не отвел взгляда в сторону. Он снова заговорил, как и раньше, тщательно подбирая какие-то незнакомые ей слова. Магда увидела, что страшная улыбка на бледном лице исчезла, и губы теперь сомкнулись, превратившись в тонкую ленточку. Глаза сузились до щелок, будто мозг существа задумался над отцовскими словами, взвешивая их и стараясь понять.

Магда наблюдала за жутким белым лицом, не в силах пошевелиться. Наконец тонкая ленточка губ чуть заметно дрогнула и ее кончики приподнялись. Последовал едва уловимый кивок. Все — решение принято.

Ветер стих так же внезапно, как начался. Лицо растворилось в темноте.

В комнате повисла звенящая тишина.

Все еще не двигаясь, Магда и отец молча смотрели друг на друга, в то время как холод и темнота на глазах покидали комнату. В камине треснуло догорающее полено, и этот звук, как ружейный выстрел, заставил

Магду испуганно вздрогнуть. Ноги у нее подкосились, она покачнулась и только чудом успела схватиться за подлокотник кресла, чтобы не упасть.

— С тобой все в порядке? — тихо спросил профессор. Он уже не смотрел на нее, пробуя пошевелить пальцами в перчатках.

— Да, теперь все проходит. — Перед глазами Магды еще стояли картины невыносимого кошмара. — Но что это было?.. Бог мой, ЧТО ЭТО БЫЛО?!

Отец не слушал ее.

— У меня нет больше пальцев! Я их не чувствую. — Он начал медленно снимать перчатки.

Его отчаяние сразу вернуло Магду к жизни. Она встрепенулась и стала подкатывать кресло к камину, который разгорался все ярче и ярче. Магда чувствовала страшную слабость после только что пережитого потрясения, но сейчас это имело уже второстепенное значение. «О господи, ну за что мне такое?! Почему я всегда оказываюсь на втором месте? Почему я вечно должна быть сильной? Ну хоть один — всего один раз...» — Ей так хотелось ощутить себя слабой, чтобы кто-то другой позаботился о ней, стал бы ухаживать, помогать... Усилием воли Магда подавила в себе эти мысли. Нельзя дочери думать так, когда отцу необходима ее помощь.

— Папа, вытяни руки вперед! У нас нет здесь горячей воды; придется согреть их только теплом огня.

При свете мерцающих углей она видела, что руки у отца стали мертвенно-бледными — такими же белыми, как у этого... как у этой твари! Теперь пальцы у отца выглядели ужасно: короткие, с уродливыми шишками на суставах и кривыми горбатыми ногтями. На подушечках виднелись светлые точки — маленькие шрамы, как от укулов — следы недавно залеченной гангрены. Это были чужие руки. А Магда так хорошо помнила времена, когда у отца были красивые подвижные руки с длинными сильными пальцами. Руки ученого. И музыканта. Они жили как бы отдельной собственной жизнью, всегда находя себе какое-нибудь занятие. Теперь эти руки напоминали ей высохшие конечности мумии — какая-то карикатура на жизнь.

Ей предстояло сейчас же согреть их, но делать это надо было постепенно. Дома, в Бухаресте, для этого всегда под рукой был горшок с горячей водой. Магда держала его на плите днем и ночью, особенно в холод-

ное время года. Врачи называли это феноменом Рейно: любое неожиданное понижение температуры вызывало в руках сильные спазмы сосудов. Такое же действие оказывал и никотин, и папе пришлось отказаться от своих любимых сигар. Отца предупреждали, что если ткань его рук будет долго или часто находиться в таком состоянии — лишенная кислорода — то очень скоро она разрушится из-за гангрены. До сих пор ему везло. Когда один раз гангрена уже началась, участки пораженной ткани были настолько малы, что ему удалось вылечиться. Но так не могло продолжаться вечно.

Профессор вытянул руки из огня, и Магда начала осторожно вращать его кисти. Медленно, не спеша, насколько позволяли окостеневшие высохшие суставы. Девушка знала, что сейчас он еще ничего не чувствует — слишком сильно остыли и онемели все ткани. Но как только кровообращение начнет приходить в норму, в пальцах запульсирует нестерпимая боль, будто руки положили в огонь.

— Посмотри, что они с тобой натворили! — сердито сказала Магда, когда кожа стала менять белый цвет на синий.

Отец вопросительно посмотрел на нее.

— Бывало и хуже.

— Этого вообще не должно было произойти! Что они пытаются с нами сделать?

— Кто «они»?

— Нацисты! Мы для них — просто живые игрушки! Они тут ставят на нас свои опыты! Я не знаю, что здесь сейчас произошло... — все это выглядело вполне реально... — но это не могло быть реальностью! Они нас загипнотизировали, применили какой-то наркотик, потушили свет...

— Нет, Магда, все это было на самом деле, — как-то торжественно сказал отец. Голос его был тихим, и это только подтверждало то, что она прекрасно знала сама, но все же отчаянно хотела, чтобы отец развеял ее страшное убеждение. — Это так же реально, как и найденные запрещенные книги. Я знаю...

И тут он жутко закрипел зубами — кровь понемногу возвращалась в его пальцы, и они стали пунцово-красными. Ткань, изголодавшаяся по кислороду, теперь наказывала его страшной болью. Магде так часто приходилось наблюдать это, что она почти чувствовала эту жгучую боль.

Когда же пульсация в пальцах стала понемногу стихать, он снова заговорил. Речь его была сбивчивой и взволнованной:

— Я говорил с ним на старославянском... Сказал, что мы не враги, и попросил оставить нас в покое... И он ушел.

На секунду профессор скорчился от новой боли, а потом пристально посмотрел на Магду. Глаза его блестели. Голос звучал очень тихо.

— Это он, Магда. Я знаю! Это ОН!

Магда ничего не ответила. Она тоже знала это.

Глава пятнадцатая

Застава
Среда, 30 апреля.
Время: 06 22

Капитан Ворманн решил не спать всю ночь, но у него ничего не вышло. Он расположился возле внутреннего окна, чтобы видеть весь двор, и положил на колени свой «люгер», предварительно вынув его из кобуры. Правда, в глубине души он сильно сомневался, что девятимиллиметровый «парабеллум» поможет ему справиться с тем, кто ходит ночью по замку. Но все бессонные ночи и напряженные дни сказались на нем, и он задремал.

Неожиданно Ворманн вздрогнул и проснулся, не сразу сообразив, где находится. Ему почему-то казалось, что он дома в Ратенове. Хельга на кухне готовит яичницу с колбасой, а мальчики давно уже проснулись и отправились доить коров. Но это ему только приснилось.

Увидев, что небо на востоке светлеет, Ворманн вскочил со стула. Ночь прошла, а он все-таки остался жив! Но ликование его было недолгим: он сразу же вспомнил, что раз ему удалось пережить эту ночь, значит, кто-то другой наверняка не смог дотянуть до рассвета. Он знал, что где-то в замке лежит окровавленный труп, и теперь только надо его найти.

Засунув пистолет в кобуру, капитан вышел из комнаты. Тишина. Он заспешил вниз по лестнице, одновременно потирая глаза и хлопая себя ладонями по небритым щекам, чтобы скорее проснуться окончательно.

Проходя мимо комнаты евреев, он чуть не столкнулся нос к носу с вышедшей ему навстречу девушкой.

Но она не заметила его. Девушка несла куда-то металлический горшок, и вид у нее был озабоченный. Она, задумавшись, прошла мимо капитана и направилась прямо к ступенькам в подвал, будто бы твердо зная, куда и зачем ей надо. Сперва это насторожило Ворманна, но потом он вспомнил, что она уже много раз бывала здесь раньше, и поэтому знала, что в подвале находятся цистерны со свежей пресной водой.

Ворманн вышел во двор и стал за ней наблюдать. Во всем этом было что-то нереальное: девушка, идущая по брусчатке двора в лучах солнца, а вокруг нее — мрачные серые стены, сплошь усеянные металлическими крестами. И легкий туман клубится по ее свежим следам. Похоже на сон. Наверное, у нее неплохая фигура... Если мысленно убрать всю одежду... Походка девушки была изящна и естественна, и это ему, как мужчине, тоже понравилось. И лицо у нее симпатичное, особенно эти огромные карие глаза. Если б она еще сняла свою косынку и распустила волосы, то была бы настоящей красавицей.

В другое время и при других обстоятельствах ей пришлось бы очень туго в подобной компании — четыре взвода солдат, изголодавшихся по женскому телу. Но сейчас у этих солдат на уме совсем другое: они боятся темноты, а еще больше — смерти, которая неразрывно связана с темнотой.

Ворманн хотел уже пойти вслед за ней, чтобы убедиться, что ей действительно нужна только свежая вода, но неожиданно к нему подлетел сержант Остер.

— Господин капитан!

Ворманн вздохнул и приготовился выслушать новости.

— Кого убили на этот раз?

— Никого! — В руках Остер держал список личного состава. — Я проверил каждого — все живы и здоровы!

Ворманн не разделял бурной радости сержанта — тут, скорее всего, ошибка. Но в душе все же затеплилась искра надежды.

— Ты уверен? Абсолютно уверен?

— Так точно! Проверил всех. Кроме штурмбанфюрера и двух евреев.

Ворманн невольно взглянул на окно Кэмпфера. Неужели?..

— Я решил проверить офицеров в конце,— говорил Остер, будто бы извиняясь.

Ворманн молча кивнул. Он не слушал сержанта. Неужели его молитвы услышаны, и Эрик Кэмпфер стал жертвой прошедшей ночи? На это нельзя было даже надеяться. Ворманн и не предполагал, что он способен так сильно возненавидеть человека, как это случилось с Кэмпфером за последние двое суток.

Со смутным чувством тревожного ожидания он направился в противоположный конец замка. Если Кэмпфер действительно умер, то мир не только приобретет свою прежнюю прелесть, но Ворманн сразу же станет здесь старшим офицером и уже к полудню выведет из крепости всех своих солдат. А подчиненные Кэмпфера могут или последовать их примеру, или пусть остаются здесь на свой страх и риск и ждут прибытия нового офицера СС. Но Ворманн несколько не сомневался, что и эсэсовцы с большим удовольствием уедут отсюда сразу же вслед за ним.

Однако, если Кэмпфер жив, то и это обстоятельство имеет свою положительную сторону. Тогда это будет первая ночь с момента их приезда в замок, не принесшая смерти ни одному немцу. А это его тоже устраивало. Это поднимет настроение солдат и даст новую надежду. И тогда, может быть, им удастся прорваться через пелену проклятий, как саван окутавших это место.

Ворманн быстро шел по двору, и сержант едва поспевал за ним.

— Вы считаете, что это достижение евреев? — на ходу спросил Остер.

— Какое еще достижение? — нахмурился капитан.

— Ну... то, что этой ночью никто не умер.

Ворманн остановился и посмотрел куда-то в сторону, обшаривая глазами пустой участок двора как раз посередине между окном Кэмпфера и ногами сержанта. Значит, Остер даже не сомневается, что начальник эсэсовцев тоже жив.

— Что вы такое говорите, сержант? Как они могли это сделать?

Остер растерянно заморгал.

— Я точно не знаю... но солдаты верят. По крайней мере, мои солдаты... То есть, я хотел сказать, НАШИ солдаты... Они все верят. Ведь в конце концов здесь каждую ночь кого-нибудь убивали. Кроме сегод-

няшней. А евреи приехали как раз вчера вечером. Может быть, они что-то нашли в этих книгах, которые мы откопали?..

— Возможно.— Ворманн открыл дверь задней секции и взбежал по лестнице на второй этаж.

Мысль была интригующей, но слишком уж невероятной. Старый жид с дочкой не могли так быстро разобратся в происходящем. «Старый жид, надо же!.. Я уже начал мыслить словами Кэмпфера! Просто кошмар какой-то...»

Добравшись до комнаты штурмбанфюрера, Ворманн с трудом перевел дыхание. «Слишком много я ем колбасы,— снова подумал он.— И слишком много сижу на месте и размышляю, вместо того чтобы больше двигаться и избавляться от растущего живота». Он хотел уже постучаться, как дверь внезапно открылась и навстречу ему вышел живой и невредимый майор.

— А, Клаус! — с притворной радостью воскликнул он.— А мне как раз послышалось, будто кто-то сюда идет.— Он поправил на груди черную кожаную портупею и кобуру на бедре. Убедившись, что форма в порядке, эсэсовец шагнул в коридор.

— Рад тебя видеть в добром здравии,— сдержанно улыбнулся Ворманн.

Кэмпфер, потрясенный такой явной ложью, бросил резкий и строгий взгляд в его сторону, а потом посмотрел на Остера.

— Ну что, сержант, кто же на этот раз?

— Простите, не совсем понял вас.

— Я спрашиваю, кто умер! Кого убили сегодня? Один из моих или ваш? Я требую, чтобы еврея и его дочери показали труп, и чтобы они...

— Извините, господин майор, но этой ночью не умер никто.

Кэмпфер в изумлении поднял брови и перевел взгляд на Ворманна:

— Никто? Это правда?

— Если мой сержант доложил так, то этому вполне можно верить.

— Значит, мы победили! — Кэмпфер сжал руку в кулак и гордо выпрямился, став от этого на целый дюйм выше.— Мы победили!

— Что значит «мы»? Объясните мне, ради бога, что, по-вашему, «мы» для этого сделали?

— Ну как же, нам ведь удалось прожить целую ночь без потерь! Я же говорил, что если держаться стойко, то победа будет за нами и мы одолеем эту чертову тварь!

— Ну, допустим, держаться стойко вам на этот раз удалось,— не без иронии сказал Ворманн, с осторожностью подбирая слова. Сейчас он просто наслаждался собой.— Но скажите на милость, если знаете: что же так подействовало на эту тварь? То есть, что именно охраняло нас всю эту ночь? Я должен знать это наверняка и тогда, отдавая приказы, я смогу позаботиться о том, чтобы и следующей ночью это чудо опять повторилось.

Весь восторг Кэмпфера и чувство его собственной значимости испарились так же внезапно, как и возникли.

— Давайте навестим еврея,— буркнул он и, оттолкнув в сторону сержанта и Ворманна, первым направился к лестнице.

— По-моему, это сразу должно было прийти вам в голову,— заметил капитан, неторопливо следуя за эсэсовцем.

Но едва они вышли во двор, Ворманну показалось, что он слышит слабый женский голос, доносящийся из подвала. Он не мог разобрать слов, но интонация была взволнованной. Потом звуки усилились. Женщина пронзительно кричала, и было похоже, что она сильно испугана.

Ворманн бросился к входу в подвал и там увидел дочь профессора Кузы — теперь он вспомнил, что ее зовут Магда. Она была грубо прижата к стене, свитер и блузка разорваны и спущены с плеча, так что обнажилась небольшая белая грудь. Один из солдат СС прильнул к этой груди, в то время как девушка отчаянно колотила его, пытаясь вырваться.

На секунду Ворманн отшатнулся при виде этого зрелища, но в следующий миг уже спешил вниз по лестнице. Солдат был так сильно увлечен женской грудью, что даже не заметил, как Ворманн подошел к нему сзади почти вплотную. Стиснув зубы, капитан изо всех сил ударил насильника ногой в правый бок. Это ему даже понравилось — наконец-то представился случай избить хоть кого-то из этой пакостной своры. С большим трудом он удержал себя от дальнейших побоев.

Солдат взвыл от боли и развернулся, готовый дать сдачи любому, кто окажется за его спиной. Но, увидев, что перед ним стоит офицер, он растерянно опустил кулаки, хотя в глазах еще блуждало сомнение: стоит с ним связываться или нет.

Сердце Ворманна бешено колотилось. Он даже хотел, чтобы солдат сейчас набросился на него. Капитан ждал, и при первых же признаках нападения готов был выхватить свой «парабеллум». Никогда раньше он не мог даже предположить, что способен будет убить немецкого солдата, но сейчас внутри него что-то просто кипело и требовало расправы, словно через это возмездие он мог выместить из жизни все то гнусное и постыдное, что происходит сейчас с его Отечеством, с армией, наконец — с его собственной семьей и карьерой.

Солдат медленно пятился. Ворманну стало немного легче.

Что же с ним такое творится? Никогда еще в нем не было столько злобы. Ему много раз приходилось убивать в бою — и с расстояния, и лицом к лицу — но никогда при этом он не испытывал такой ненависти. Было просто неприятное, даже мерзкое чувство, как если бы кто-то чужой вломился силой в твой дом, и другого способа отделаться от него просто не существовало.

Солдат одернул китель и замер. Ворманн посмотрел на Магду. Она уже оправилась на себе одежду и прикрыла рукой разорванный свитер. Потом выпрямилась, подошла к своему обидчику и неожиданно с такой силой вlepила ему пощечину, что, застигнутый врасплох, он пошатнулся и чуть не упал со ступенек. Однако вовремя успел схватиться за стену и не потерял равновесия.

Девушка выругалась по-румынски, но выражение ее лица достаточно ясно передало содержание непонятных Ворманну слов. Потом, высоко подняв голову, она гордо прошла мимо капитана, неся в руках свой котелок. Вода в нем почти наполовину уже расплескалась.

Ворманн собрал все душевные силы, чтобы сдержаться и не заплодировать ей. Вместо этого он повернулся к солдату. Тот еле стоял, обуреваемый желанием сейчас же отомстить непокорной девчонке.

Девчонка... Почему он мысленно назвал ее так? Ведь она всего лет на двенадцать моложе самого Ворманна и лет на десять старше его сына Курта, а он давно уже

считал Курта настоящим мужчиной. Наверное, это из-за ее свежести и невинной чистоты. Но с какой смелостью она защищала свое достоинство!..

— Ваше имя, солдат?

— Рядовой Лийб, герр капитан. Из группы штурмбанфюрера Кэмпфера.

— И давно у вас завелась привычка к насилию во время несения службы?

Молчание.

— То, что я только что видел, входит в ваши обязанности?

— Но она же всего-навсего еврейка, господин капитан.

Тон солдата явно указывал на то, что таким объяснением можно оправдать любые действия в отношении этой девушки.

— Вы не ответили на мой вопрос, рядовой Лийб! — Терпение у Ворманна кончалось. — Входит ли изнасилование в ваши служебные обязанности?

— Никак нет. — Ответ был лаконичен.

Ворманн приблизился к солдату и сорвал с его плеча автомат.

— Вы будете отбывать двухнедельное наказание, рядовой Лийб...

— Но, господин капитан!..

Ворманн увидел, что солдат смотрит куда-то мимо него. Однако ему не надо было оборачиваться, чтобы узнать, кто стоит за его спиной. Поэтому он не прервал свою речь:

— ...За то, что оставили свой пост. Сержант Остер определит вам дисциплинарное взыскание. — Он замолчал и повернулся к лестнице, на которой стоял побелевший от ярости Кэмпфер. — Если, конечно, у майора не заготовлено для вас какого-нибудь особого наказания.

В принципе, на этом этапе Кэмпфер мог и вмешаться, поскольку каждая группа солдат подчинялась своему командиру, а майор находился здесь по приказу высшего руководства. К тому же он был старшим по званию. Но именно в этой ситуации он ничего не мог сделать. Отпустить рядового Лийба значило бы простить солдату то, что он посмел самовольно оставить свой пост. А ни один офицер не мог публично позволить себе такое. Кэмпфер оказался в ловушке. Ворманн вовремя оценил весь расклад, и теперь факты были на его стороне.

Голос майора звучал строго.

— Уведите его, сержант. Я разберусь с ним позднее. Ворманн передал «шмайсер» Остеру, и тот повел поникшего эсэсовца вверх по лестнице.

— На будущее...— злобно прорычал Кэмпфер, как только рядовой и сержант скрылись из виду,— я запрещаю вам читать мораль моим подчиненным и отдавать им приказы. Они находятся в моем распоряжении, а не в вашем!

Ворманн медленно поднялся наверх. Подойдя вплотную к майору, он с отвращением бросил ему прямо в лицо:

— Тогда держите своих вонючих псов на цепи!

Кэмпфер побледнел от этой яростной вспышки нескрываемой ненависти.

— Послушайте, господин штурмбанфюрер,— продолжал Ворманн, изливая на него весь свой гнев и презрение.— Причем слушайте меня очень внимательно. Я уж и не знаю, как вам сказать, чтобы до вас дошло. Ведь к словам разума у вас прямо-таки железный иммунитет. Поэтому обращаюсь лишь к вашему инстинкту самосохранения, а мы оба знаем, что он у вас прекрасно развит. Так вот подумайте: этой ночью никто не умер. А единственное ее отличие от всех предыдущих заключается в том, что вчера в замке появились два еврея из Бухареста. Здесь ДОЛЖНА быть какая-то связь. Таким образом, даже если вы не видите других причин, то только для того, чтобы дать им возможность найти ответ на все наши вопросы и разобраться, наконец, в этих убийствах, вы должны держать свое зверье подальше от них!

Он не стал ждать ответа, потому что был уверен, что просто задушит Кэмпфера, если немедленно не уйдет отсюда. Ворманн повернулся и пошел по направлению к башне, но через несколько секунд услышал, что Кэмпфер все-таки следует за ним. Капитан подошел к двери первого этажа, постучался, однако ждать ответа не стал, а сразу вошел вовнутрь. Вежливостью вежливостью, но над этими гражданскими он хотел в то же время показать и свою власть.

Профессор молча взглянул поверх очков на вошедших немцев. Он маленькими глотками пил воду из оловянной солдатской кружки. Инвалидное кресло стояло перед самым столом, заваленным раскрытыми книгами—

точно в такой же позе они оставили его вчера вечером. Ворманн подумал, что, наверное, старик так и не двигался с этого места всю ночь. Взгляд капитана перебегал с книги на книгу. Он пытался вспомнить что-то существенное, что ему удалось обнаружить в этих дьявольских рукописях... Приготовление жертв для какого-то божества, чье имя невозможно было произнести, поскольку состояло оно из одних согласных. Он даже вздрогнул, вспомнив, из кого и как именно должны готовиться эти кровавые приношения. Как можно так вот спокойно сидеть и перечитывать настолько мерзкие книги?..

Ворманн obeжал глазами комнату—девушки не было видно. Наверное, она прячется где-то за дверью, в дальней части помещения. Сейчас эта комната почему-то казалась капитану меньше его собственной, двумя этажами выше. Но это, должно быть, просто иллюзия, которую создают горы книг и чемоданы, разложенные прямо на полу.

— Это утро, господа, показало нам, вероятно, типичный пример того, чего можно ожидать, когда хочешь просто достать питьевой воды,— процедил сквозь зубы старик. Лицо его было похоже на неподвижную гипсовую маску.— Ваши солдаты каждый раз будут нападать на мою дочь, когда ей понадобится выйти из комнаты?

— Мы с этим уже разобрались,— сказал Ворманн.— Солдат будет наказан.— Он выразительно посмотрел на Кэмпфера, который неторопливо расхаживал вокруг стола.— И уверяю вас, профессор, больше такого не повторится.

— Надеюсь, что так,— холодно ответил Куза.— С этими текстами довольно трудно работать и в более приятных условиях, но когда ты все время думаешь о возможной физической расправе, разум просто восстает и отказывается подчиняться.

— Лучше бы он тебе не отказывал! — рявкнул Кэмпфер.— Пусть лучше повинется!

— Но я не смогу сосредоточиться на тексте, если все время буду думать о безопасности моей дочери. По-моему, это нетрудно понять.

Ворманн чувствовал, что профессор явно чего-то хочет, причем именно от него. Но чего конкретно?

— Боюсь, что с этой ситуацией ничего пока поделать нельзя,— с искренним сочувствием сказал он ста-

рику.— Она ведь — единственная женщина на заставе. Мне это тоже очень не нравится. Конечно, женщинам здесь не место. Хотя...— Неожиданно ему в голову пришла отличная мысль, и он сразу же повернулся к Кэмпферу.— Мы можем разместить ее в гостинице. Пусть она возьмет с собой пару книг и изучает их самостоятельно, а потом приходит сюда к отцу для консультации.

— Исключено,— отрезал эсэсовец.— Она будет оставаться там, где мы всегда сможем за ней наблюдать.— Он подошел к столу.— А теперь я хочу узнать, что тебе удалось выискать в этих книгах, отчего минувшей ночью все остались в живых.

— Не понимаю вас...

— Этой ночью никто не погиб,— пояснил капитан. Ему хотелось посмотреть на реакцию старика, но по его неподвижному лицу трудно было что-либо понять. Хотя Ворманну все-таки показалось, что глаза профессора, слегка приоткрылись, будто от удивления.

— Магда! — позвал он.— Иди сюда!

Дверь маленькой смежной комнаты в задней половине этажа распахнулась, и девушка вышла к ним. Она успела уже переодеться после инцидента на лестнице, но руки ее до сих пор дрожали.

— Что, папа?

— Этой ночью не случилось ни одного убийства,— сказал Куза.— Наверное, это из-за того самого заклинания, которое я все время читал.

— Так, значит, все живы?...— Глаза девушки выдавали ее растерянность, но было в них и что-то еще — какое-то мимолетное выражение страха мелькнуло на ее лице при упоминании о прошедшей ночи. Через секунду она встретилась глазами с отцом и тут же все поняла, наверное, по едва заметному кивку головы. Она сразу же подхватила:

— Прекрасно. Но интересно, какое именно заклинание?

«О Боже! Заклинание...» — подумал Ворманн. Услышав такой разговор еще неделю назад, он просто рассмеялся бы. Все это смахивало на какое-то бредовое чародейство или черную магию. Но теперь он готов был поверить во что угодно, лишь бы и на следующее утро все остались в живых. Ради этого он был согласен на все.

— Дайте мне посмотреть это заклинание,— потребовал Кэмпфер, и глаза у него лихорадочно заблестели.

— Пожалуйста.— Куза вытащил из середины стопки книг пухлый том.— Вот сочинение «Де Вермис Мистериис» Людвига Принна. На латинском языке.— Он поднял глаза.— Вы читаете по-латыни, герр майор?

Кэмпфер не ответил, а лишь стиснул зубы.

— Очень жаль,— отреагировал старик.— Тогда я переведу для вас...

— Ты хочешь меня обмануть, еврей? — с тихой яростью спросил эсэсовец.

Но профессора не смутили его слова, и Ворманн еще раз восхитился его мужеством.

— Ответ находится здесь! — выкрикнул старик, указывая на книги, лежащие на столе.— Эта ночь уже доказала правоту моих слов. Я пока точно не знаю, что или кто обитает в этом замке, но через некоторое время — при условии, что мне позволят работать и не будут слишком часто отвлекать — я уверен, что смогу ответить на все интересующие вас вопросы. А теперь всего хорошего, господа!

Он поправил очки и придвинул книгу ближе к себе. Ворманн еле сдержал улыбку, наблюдая, как бесится в бессилии Кэмпфер, и, прежде чем тот успел совершить что-либо необдуманное, быстро заговорил сам:

— Я считаю, что сейчас лучше всего оставить профессора в покое и позволить ему заняться тем, для чего он, собственно, и был сюда привезен. Не так ли, господин майор?

Кэмпфер заложил руки за спину и молча вышел из комнаты. Перед уходом Ворманн бросил еще один взгляд на профессора и его дочь. Эти двое что-то явно скрывали. Либо это связано с самим замком и его создателем, либо — с таинственным убийцей, появляющимся здесь по ночам. Он не мог сказать точно. Хотя сейчас это не имело большого значения. Раз прошлой ночью ни один солдат не погиб, то пусть тешатся на здоровье своими секретами. Он даже не был до конца уверен, что ему действительно хочется узнать, что именно они скрывают. Но если смерть снова войдет в эту крепость, тогда уж им придется дать полный отчет.

Как только дверь за капитаном закрылась, профессор Куза отложил книгу в сторону и начал медленно растирать свои пальцы один за другим.

По утрам он чувствовал себя хуже всего. В это время у него болело абсолютно все, и особенно руки. Каждый сустав вел себя, как ржавая петля на воротах давно покинутого дома. Пальцы хрустели и ныли при малейшем прикосновении или попытке согнуть их. Но болели не только руки. Все суставы пылали адским огнем. Когда утром он просыпался, поднимался с постели и пересаживался в кресло, навсегда ограничившее его свободу, это вызывало страшную, невыносимую боль, идущую одновременно от шеи, бедер, колен, запястий, плеч и локтей. Только ближе к полудню с помощью двух внушительных доз аспирина, а иногда — кодеина, ему удавалось немного справляться с болью, и она становилась терпимой. Свое тело он считал уже состоящим не из плоти и крови, а как бы из фрагментов старинного часового механизма, который кто-то случайно забыл под дождем, и теперь он был безнадежно испорчен.

И еще его мучила постоянная сухость во рту. Врачи объяснили, что «для больных склеродермой характерно снижение секреции слюнных желез». Они сообщили это, как само собой разумеющееся, хотя ничего «обычного и характерного» он не чувствовал. Язык казался ему сделанным из гипса и постоянно мешался во рту. Поэтому под рукой он всегда держал стакан подогретой воды. Без воды же его голос начинал походить на пару старых скрипучих ботинок, шаркающих по мокрому щебню.

Да и глотать было целой проблемой. Даже вода вызывала неприятные ощущения. А что говорить о твердой пище!.. Он жевал до тех пор, пока не начинало сводить челюсти, а потом только оставалось надеяться, что пища не застрянет где-нибудь на полпути к желудку.

Так существовать было невозможно, и не раз уже в голову ему приходила безумная мысль покончить со всем этим раз и навсегда. Но он не сделал ни единой попытки. Может быть, потому, что ему не хватало мужества, а может, наоборот — именно мужество заставляло его бороться до конца при любых условиях, предложенных самой жизнью. Он не знал точно, почему.

— Папа, с тобой все в порядке?

Профессор взглянул на Магду. Она стояла у камина, крепко прижав скрещенные руки к груди. Ее знобило. Но не от холода. Он знал, что вчерашний ночной посетитель произвел на нее слишком сильное впечатление, и, скорее всего, она так и не смогла после этого заснуть. Впрочем, как и он сам. А потом еще этот солдат напал на нее буквально в нескольких шагах от их комнаты...

Дикари! Как он хотел бы, чтобы все они скорее погибли — не только эти, в замке, а вообще все вонючие нацисты, которые осмелились переступить границу его страны. Да и те, которые сидят пока в Германии. Как бы хотелось ему уничтожить их, прежде чем они успеют уничтожить его. Но что он мог сделать? Калека-ученый, который выглядел в два раза старше своих лет и не мог даже защитить свою собственную дочь... Ну что он, скажите, мог сделать?..

Ничего. И от этого ему хотелось закричать, разбить что-нибудь, разрушить эти стены, подобно Самсону. А еще ему хотелось плакать. В последнее время он часто плакал, хотя слез не было видно. И это было уже совсем не по-мужски. Но если смотреть правде в глаза, то какой он теперь мужчина?

— Все нормально, Магда, — одними глазами улыбнулся отец. — Не лучше и не хуже. Как всегда. Вот только ты меня беспокоишь. Здесь для тебя не место; любой женщине тут не место.

Она лишь тихо вздохнула.

— Я понимаю. Но отсюда никак не уйти, пока они сами нас не выпустят.

— Ты всегда была преданной дочерью, — сказал Куза, чувствуя прилив нежности. Магда искренне любила его и была бесконечно верна. Она обладала удивительно сильной волей и глубоко осознавала свой долг. Временами он даже удивлялся, за какие заслуги ему досталась такая дочь. — Но сейчас я говорю не про нас. Речь идет только о тебе. Я хочу, чтобы ты бежала из замка, когда стемнеет.

— Я не очень хорошо умею лазить по стенам. — Магда печально улыбнулась. — И мне не слишком хочется соблазнять собой часовых у ворот. Я не умею этого делать.

— Выход находится прямо под нашими ногами. Помнишь?

Магда широко раскрыла глаза.

— Ну конечно! Как я могла об этом забыть!

Это произошло пять лет назад во время их последнего приезда на перевал. Тогда отец мог еще передвигаться самостоятельно, помогая слабеющим ногам двумя тросточками или костылями. Ему уже трудно было спускаться вниз самому, и он попросил дочь поискать в ущелье потайной ход или какие-нибудь надписи на камнях. Словом, что-то такое, что смогло бы навести их на след человека, построившего этот замок. Но никаких надписей нигде не было видно. Зато Магда обнаружила большой плоский камень у подножия башни, который начал поворачиваться, когда она к нему прислонилась. С одной стороны он был приделан на петлях и несколько не выделялся в ряду соседних гранитных плит. Проникший внутрь солнечный свет помог ей разглядеть ступеньки, уходящие вверх.

Хотя отец был решительно против, она сумела настоять на своем — ей очень хотелось исследовать нижнюю часть башни: вдруг там остались какие-нибудь древние записи. Однако там была только лестница — узкая, крутая и длинная, кончающаяся тупиком. Но так казалось лишь на первый взгляд. На самом деле неглубокая ниша в конце тупика находилась как раз в той стене, которая сейчас разделяла две комнатки, отведенные для них немцами. И в этой стене Магда нашла-таки камень, похожий с виду на все остальные, который поворачивался на шарнирах и открывал вход в большую комнату. Таким образом в замок можно было тайно проникнуть и незаметно выбраться из него через нижнюю часть башни.

Тогда Куза почти не обратил внимания на эту лестницу — в любом замке должны быть секретные выходы. Но теперь этот путь мог вывести его дочь на свободу.

— Я хочу, чтобы ты ушла по этой лестнице, как только стемнеет. Ты окажешься в ущелье и направляйся оттуда прямо на восток. Так ты дойдешь до Дуная, и по нему тебе надо будет попасть к Черному морю. А оттуда уже — в Турцию или...

— Без тебя?

— Конечно, без меня!

— Выкинь это из головы. Я все равно останусь с тобой до конца.

— Магда, я, как отец, приказываю тебе, и ты должна меня слушаться!

— Нет! Я тебя одного не брошу. Я никогда потом не смогла бы простить себе этого. Неужели ты не понимаешь?

Он был глубоко растроган ее признанием, но все же непреклонен в своих намерениях. Ему стало ясно, что командирским тоном на сей раз ничего не добьешься, и тогда он решил упрашивать дочь. С годами он научился правильно вести себя с ней. Тем или иным способом, жалуясь или порицая ее, он всегда добивался того, чего хотел — полного послушания. Иногда ему и самому не нравилось, что он так беззастенчиво пользуется ее чувствами, но Магда была дочерью, а он — ее отцом. И она ему была очень нужна. И вот теперь, когда предоставилась уникальная возможность освободить ее и спасти ей жизнь, она отказывалась уходить.

— Пожалуйста, Магда. Сделай последнее одолжение умирающему старику, и я с улыбкой сойду в могилу, зная, что ты в безопасности и нацисты тебя не найдут.

— А я буду знать, что бросила тебя одного среди них? Ни за что!

— Прощу, выслушай меня! Возьми с собой книгу «Аль Азиф». Я знаю, она очень большая, но, возможно, это единственный в мире экземпляр, сохранившийся до наших дней. В любой стране ты сможешь очень выгодно продать ее, и этих денег тебе хватит до конца жизни.

— Нет, папа.— В ее голосе было столько решимости, что он даже удивился: никогда еще она не была такой строптивой.

Магда повернулась и ушла в дальнюю комнату, плотно закрыв за собой дверь.

«Слишком уж хорошо я ее воспитал,— с горечью подумал он.— И так крепко привязал к себе, что теперь мне не оттолкнуть ее даже ради ее же собственного блага. Может быть, именно поэтому она так и не вышла замуж. Только из-за меня...»

Глаза у профессора зачесались, и он потер их перчатками, с грустью размышляя о прошлом. Когда Магда из девочки превратилась в девушку, она стала сразу же привлекать к себе пристальное внимание мужчин. В ней было что-то такое, что нравилось самым разным представителям сильного пола — каждому по-своему, но редко кто мог пройти мимо, оставшись совсем равно-

душным. Она много раз могла бы уже выйти замуж и иметь детей, и тогда он сейчас был бы дедушкой, если бы не внезапное несчастье: одиннадцать лет назад умерла ее мать. И жизнь двадцатилетней Магды круто изменилась. Она стала для отца всем — товарищем, секретарем, помощником, а потом еще и сиделкой. Мужчины видели ее все реже и реже, к тому же с годами Магда сама постепенно укрылась в скорлупе отчуждения. Он-то хорошо изучил эту скорлупку и при желании мог, конечно, пробить ее. Но для всех остальных она оставалась неприступной.

Однако сейчас надо было думать совсем о другом. Если Магда не убежит из замка, ее ждет очень короткое и незавидное будущее. К тому же неизвестно еще, как скажется эта ночная встреча с таинственным призраком. Куза был уверен, что с наступлением темноты он появится снова, и не хотел, чтобы Магда при этом присутствовала. В глазах существа было нечто такое, что сжимало сердце профессора ледяными тисками страха. И чувствовалось, что эту тварь одолевает невыносимый голод. Поэтому, что бы там ни было, но к полуночи Магда должна уже быть далеко.

А самому ему больше всего хотелось остаться и еще раз встретиться с воплощенным порождением тьмы. Этот миг стоил всей его жизни, даже десятка жизней! — встреча лицом к лицу с живой легендой, с древним духом, которым пугали детей не одно столетие. Да и взрослых тоже. Наконец-то можно строго доказать его существование! Он должен очень о многом поговорить с этой тварью и заставить призрак ответить. Он обязан узнать, какие из сказок о нем — истина, а какие — лишь миф.

Сама мысль об этом заставляла его сердце стучать быстрее в волнующем предчувствии невиданного открытия. Как ни странно, профессор не чувствовал угрозы со стороны этого существа. Он понимал его язык и даже мог с ним свободно общаться. Прошлой ночью призрак понял его и ушел, оставив всех невредимыми. Ему даже казалось, что между ними появилась какая-то связь, что-то общее. И конечно, он не собирался ни останавливать эту тварь, ни причинять ей каких-либо неприятностей — Теодор Куза не из тех, кто препятствует уменьшению количества немецких солдат.

Он взглянул на стол, заваленный книгами. В этих жалких томах и в помине нет ничего такого, что смогло бы повредить столь могучему духу. Теперь он наконец-то начал догадываться, почему все эти произведения были так строго запрещены — просто они представляли собой несусветную словесную чушь и сплошной обман. Но их вполне можно использовать в игре против двух вечно ссорящихся немецких офицеров. Ведь он должен оставаться в замке до тех пор, пока не выведает у обитающего здесь существа все возможное. А потом пусть немцы делают с ним, что хотят.

Но Магда... Прежде чем заняться своими делами, он должен окончательно убедиться, что она находится на пути к спасению. Конечно, она не хочет уходить сама... А что если ее просто выгонят? Здесь, кажется, можно использовать капитана Ворманна. Похоже, ему не очень нравится, что в замке есть женщина. Да, но как заставить его сделать это?..

Куза тут же придумал кое-что и немедленно начал презирать себя за это.

— Магда! — позвал он. — Магда!

Она открыла дверь и выглянула.

— Надеюсь, ты не собираешься больше уговаривать меня бежать из замка, потому что...

— Нет, только на время выйти из комнаты. Я голоден, а немцы обещали кормить нас с их кухни.

— Они принесли нам поесть?

— Нет. И, думаю, не принесут. Так что тебе самой придется сходить за едой.

Магда не верила своим ушам.

— Идти через двор? Ты хочешь, чтобы я вышла отсюда после всего, что случилось утром?

— Я уверен, это больше не повторится. — Он ненавидел себя за то, что приходилось обманывать ее, но другого выхода не было. — Офицеры предупредили своих солдат. И к тому же, это не темная подвальная лестница. Ты будешь на открытом месте.

— Но они так и смотрят на меня...

— Нам все равно потребуется еда.

Наступила долгая пауза. Потом Магда медленно кивнула.

— Наверное, ты прав.

Она застегнула кофту на все пуговицы и, ничего не говоря, вышла из комнаты.

Куза почувствовал в горле комок, когда за дочерью тихо закрылась дверь. Она такая мужественная и так верит ему... А он ее предал. И в то же время, предавая, спасал. Он знал, что ей предстоит сейчас выдержать, и сознательно послал ее туда. Якобы за едой.

Есть ему совершенно не хотелось.

Глава шестнадцатая

Дельта Дуная, восточная Румыния.

Среда, 30 апреля.

Время: 10.35

И снова на горизонте земля.

Подходил к концу восьмой день пути, изнурительно тяжелый, как и все предыдущие. Рыжеволосый стоял на носу утлого судна, недавно выдержавшего бурю, и смотрел в сторону берега. Море теперь стало спокойным, и скорость хода была хорошей, но все равно недостаточной для человека, так безумно спешащего к своей цели.

Несколько раз им уже крупно везло: только за последние три часа мимо прошли два патрульных катера — один русский и один румынский. Если бы их задержали, все могло кончиться весьма плачевно.

Прямо по курсу лежала дельта Дуная, который множеством протоков соединялся здесь с Черным морем. Берег казался болотистым и был покрыт густой зеленью, скрывающей десятки крошечных бухт. Причалить тут будет совсем нетрудно, другое дело — путешествовать по трясине. На это требовалась масса времени. А его то как раз и не было!

Предстояло искать другой путь.

Рыжеволосый глянул через плечо на старого турка, владельца лодки, потом снова вперед — в сторону дельты. Рыбацкая плоскодонка не сильно погружалась в воду — ей хватало и четырех футов, чтобы плыть даже с грузом. Значит, на ней можно выйти по одной из мелких протоков к Дунаю, а оттуда подняться, скажем, до плеса в восточных пригородах Галаца. Конечно, придется идти против течения, но все равно так будет быстрее, чем тащиться пешком по трясине.

Путешественник сунул руку в пояс с деньгами и достал две мексиканские монеты по пятьдесят песо золо-

том. Вместе они весили около двух с половиной унций. Показывая их владельцу лодки, он заговорил по-турецки:

— Камаль! Еще две монеты, если ты подбросишь меня вверх по течению!

Рыбак устался на желтый металл и, закусив нижнюю губу, задумался. В карманах у него было уже столько золота, что он по праву мог считать себя самым богатым человеком в деревне. По крайней мере на какое-то время. Но ничто в этом мире не бывает вечным, и в один прекрасный день ему снова придется выйти в море с сетями. А две лишние монеты могли значительно отодвинуть этот срок. Кто знает, сколько дней еще потребуется провести ему в море, сколько новых шрамов появится на его руках и сколько пота придется пролить, разгружая улов на консервном заводе, чтобы заработать такую кучу денег.

Рыжеволосый молча наблюдал, как Камаль взвешивает в уме все за и против. Сам он тоже думал о предстоящем риске, ведь даже днем им придется плыть в румынских водах на турецкой лодке, причем совсем близко от берега, так как все притоки Дуная здесь очень узкие, а возле Рени, где прямо с севера впадает Прут, наверняка полно уже военных судов.

Нет, это было чистым безумием. Даже если им удастся спокойно добраться до Галаца, то по дороге назад Камаль наверняка наткнется на пограничный наряд. Его схватят и посадят в тюрьму, а лодку и золото конфискуют. Для самого же рыжеволосого риск значительно меньше: даже если их схватят вдвоем и доставят в ближайший порт, то он найдет способ выкрутиться и как-нибудь скроется. А вот Камалю это будет стоить лодки. А может быть, даже жизни.

Словом, игра не стоила свеч. И к тому же была нечестной. Рыжеволосый убрал монеты назад как раз в тот момент, когда турок хотел уже их принять.

— Впрочем, не надо, Камаль,— сказал он.— Наверное, будет лучше, если мы оставим нашу прежнюю договоренность. Высади меня где-нибудь здесь.

Старик кивнул, и на лице его отразилось скорее облегчение, чем разочарование от того, что предложение было взято назад. Вид двух золотых чуть не превратил его в полного идиота.

Лодка повернула к берегу. Рыжеволосый перекинул через плечо узелок из одеяла со своими пожитками и взял под мышку длинный узкий футляр. За фут или два до густых зарослей тростника и мшистых кочек, которые служили здесь берегом, Камаль выключил мотор, и рыжеволосый, перемахнув через борт, зашагал к суше.

Но, отойдя шагов пять, обернулся и последний раз посмотрел на старика. Тот помахал на прощанье рукой и начал отчаливать.

— Камаль!—закричал с берега пассажир.— Лови!— И одну за другой кинул обе монеты хозяину лодки. Тот ловко поймал их на лету смуглой мозолистой рукой.

Слова благодарности именем Магомета и всего прочего, что было свято в исламе, еще долго звенели в ушах рыжеволосого, когда он начал свой нелегкий путь по болотам. Тучи насекомых, ядовитые змеи, коварные пловуны ждали его впереди, а чуть дальше местность патрулировали солдаты Железной Гвардии. Конечно, остановить его они не могли, но из-за них он мог потерять драгоценное время.

Однако все это было просто ничтожным по сравнению с тем, что ждало его западнее, на расстоянии всего нескольких часов езды верхом через горы — на перевале Дину.

Глава семнадцатая

Застава
Среда, 30 апреля.
Время 16 47

Вормани стоял у окна своей комнаты и наблюдал за солдатами во дворе. Если вчера все они ходили еще вперемешку и черные формы эсэсовцев мелькали среди серых гимнастеров пехоты, то уже сегодня между его бойцами и подчиненными Кэмпфера будто бы пролегла невидимая стена.

Вчера у них был один общий враг, который убивал всех подряд, независимо от цвета формы. Но прошлой ночью никого не убили, и наутро все стали чувствовать себя победителями, при этом каждая из сторон пыталась доказать свое превосходство. Это было естествен-

ное соперничество. Эсэсовцы считали себя «белой костью», элитой вермахта и непревзойденными специалистами в ведении особого рода военных действий. Их же соперники полагали, что именно они — истинные солдаты, и хотя они представляли себе, что значит черная форма СС и даже немного побаивались «Мертвую голову», в душе все считали их просто отборными полицейскими.

Начинался обед. Все шло нормально до тех пор, пока во двор не вышла та самая девушка, Магда. Вокруг столов тут же поднялась шутовская толкотня, каждый пытался уступить ей место, пока она шла мимо наполненных котелков, набирая еду отцу и себе. Но само ее появление еще сильнее раскололо солдат на два лагеря. Эсэсовцы, учитывая тот факт, что она еврейка, считали само собой разумеющимся, что имеют преимущественное право поступать с ней, как им заблагорассудится. Солдаты же регулярной армии в большинстве своем были уверены, что такого права не имеет никто. Она была красавицей, хоть и прятала свои роскошные волосы под старой косынкой, а тело закутывала в бесформенное тряпье. Все равно ее женственность оставалась при ней. И она излучала ее, как бы ни старалась не делать этого. Шарм и грация сквозили и в ее легкой походке, и в белизне гладкой кожи, и в нежном изгибе губ. Кто же мог равнодушно пройти мимо этого гордого стана и скромно опущенных лучезарных глаз?.. Магда была заветным желанием любого мужчины, но всякий настоящий солдат, конечно, считал делом чести заполучить ее первым.

Сейчас Ворманну уже трудно было разделить это стремление, но, вспоминая свои вчерашние впечатления от первой встречи с ней, он готов был понять чувства солдат.

Во время ужина опять началась возня между серыми и черными формами — и снова в тот момент, когда девушка пришла за едой. Из-за возникшей толчеи два солдата даже упали на землю, и Ворманн вынужден был послать сержанта, чтобы тот срочно навел порядок, пока не завязалась настоящая драка. К этому времени Магда уже взяла еды и шла назад в свою комнату.

Через какое-то время он увидел, что она опять ходит по двору, очевидно, разыскивая его. Она сказала, что

отцу необходим нательный крест или распятие для расшифровки какой-то книги. И спросила, не одолжит ли ей крест капитан. Да, одолжит — с одного из убитых как раз сняли маленький серебряный крестик.

Сейчас солдаты, свободные от наряда, сидели во дворе, а остальные продолжали разбирать стены задней секции замка. Ворманн напряженно раздумывал, как избежать неприятностей во время дальнейших приемов пищи. Лучше всего поручить кому-нибудь из своих каждый раз относить еду старику и его дочери прямо в башню. Но только кому? Ведь остальные бойцы тут же начнут завидовать, считая это задание незаслуженной привилегией, а эсэсовцы не дадут бедняге прохода, объявив его еврейским прислужником. Посылать всех по очереди тоже не годится — чем меньше они будут видеть девушку, тем лучше.

И вдруг внимание его привлекло какое-то новое движение во дворе. Это опять была Магда, гордо шагающая с ведром в руке по направлению к подвалу. Солдаты молча следили за ней, а потом начали один за другим подниматься — их неодолимо тянуло к девушке, как мотыльков на свет.

Когда она вышла из подвала с полным ведром, они обступили ее тесным кругом и начали толкаться, чтобы пробиться ближе и как следует разглядеть. Одни пробовали подозвать ее, другие вертелись под ногами и не давали пройти. Наконец какой-то дюжий эсэсовец с наглым видом преградил ей путь, но солдат регулярной армии тут же оттолкнул его в сторону, выхватил из рук Магды ведро и с нарочитой галантностью понес его впереди, вызывая всеобщее веселье. Обиженный эсэсовец пнул ведро ногой и облил сапоги солдата.

Черные формы расхохотались. Лицо у пехотинца побагровело. Ворманн уже знал, чем все это кончится, но с третьего этажа воспрепятствовать стычке никак не мог. Он видел, как солдат в сером поднимает ведро, бьет им по голове расхамившегося эсэсовца, и тут же добрых два десятка человек начинают неистово махать кулаками. При виде этого капитан со всех ног бросился вниз по лестнице.

Пробегаая первый этаж, он увидел захлопывающуюся дверь в комнату евреев и промелькнувший край юбки, а когда выскочил во двор, перед глазами его предстала самая настоящая свалка. Он два раза выстрелил в воз-

дух, чтобы привлечь к себе внимание дерущихся, и поклялся расстрелять на месте каждого, кто нанесет еще хоть один удар. Только после этого драка окончательно стихла.

Девушку надо срочно убирать отсюда.

Когда все уgomонились, Ворманн оставил с солдатами Остера и заспешил на первый этаж к евреям. Пока Кэмпфер разбирался со своими подчиненными, надо было успеть, пользуясь случаем, поскорее убрать Магду из замка. Для этого требовалось отвести ее через мост в гостиницу, прежде чем Кэмпфер сообразит, что к чему. Это для всех сейчас было бы наилучшим выходом.

На сей раз капитан не стал даже стучать, а сразу толкнул дверь и громко позвал:

— Фрейлейн Куза!

Старик все так же сидел за столом, а девушки видно не было.

— Что вам от нее нужно?

Ворманн не ответил и снова позвал:

— Фрейлейн Куза!

— Да? — взволнованно откликнулась она, выходя из соседней комнаты.

— Быстро собирайте свои вещи. Вы переходите в гостиницу. У вас есть две минуты, и ни секунды больше.

— Но я не могу бросить отца одного!

— Две минуты — и вас здесь больше не будет. Мне все равно, с вещами или без вещей!

Он должен оставаться непреклонным в своем решении. Только бы не выдало выражение глаз... Ему было очень неприятно разлучать их — ведь профессору так нужна ее помощь, а она, видно, хорошо умела и призывала ухаживать за ним. Но его солдаты первые затеяли эту драку, а Магда послужила тому причиной, невольно выступив в роли подстрекательницы. Поэтому отцу придется остаться в замке, а дочь будет жить в гостинице. И никаких возражений.

Ворманн видел, как умоляюще смотрит она на отца и ждет от него хоть каких-нибудь слов в свою защиту.

Но старик молчал. И тогда девушка тяжело вздохнула и отправилась в дальнюю комнату.

— У вас осталось уже полторы минуты,— предупредил Ворманн.

— Полторы минуты на что? — слышался за спиной резкий голос. Это был Кэмпфер.

Ворманн чуть не застонал от досады и собрал всю свою волю, чтобы дать достойный отпор эсэсовцу.

— Вы как всегда к месту, майор,— начал он.— Я только что велел фрейлейн Куза собрать свои вещи и отправляться в гостиницу.

Кэмпфер открыл было рот, но не успел произнести ни слова. Его прервал исступленный крик профессора:

— Я запрещаю! Я не позволю вам забирать мою дочь!

Глаза майора сузились от ярости, и он ледяным взглядом смерил профессора. Даже Ворманн не ожидал от старика такой вспышки гнева.

— Это ты МНЕ запрещаешь, старый жид? — прохрипел он, медленно приближаясь к инвалидному креслу.— ТЫ запрещаешь? Так вот что я тебе скажу, и запомни это как следует: ты здесь ничего запретить не можешь. Абсолютно ничего!

Старик медленно склонил голову в молчаливом повиновении.

Удовлетворенный результатом и немного остывший, Кэмпфер бодро обратился к Ворманну:

— Проследите за тем, чтобы ее сейчас же здесь не было! От нее одни неприятности!

Ворманн стоял ошеломленный, в то время как Кэмпфер проскочил мимо него к двери и исчез так же внезапно, как появился.

Капитан растерянно посмотрел на профессора. Тот снова поднял голову и, казалось, ничему уже не возражал.

— Почему же вы ничего не сказали мне, перед тем как пришел майор? — спросил Ворманн.— Я думал, вы сами хотите, чтобы она покинула замок.

— Возможно. Но теперь я передумал.

— Да, я успел это заметить... При чем передумали самым провокационным образом и не в самый подходящий момент. Вы так со всеми себя ведете?

— Дорогой мой капитан,— начал Куза, понизив голос.— Вам не хуже моего известно, что мало кто обра-

щает серьезное внимание на калеку. Когда люди видят тело и понимают, что оно разрушено болезнью или несчастным случаем, они автоматически переносят это впечатление и на разум. Большинство считает примерно так: «Если он не может передвигаться, значит, ничего интересного и сообщить не способен». Поэтому люди, подобные мне, много думают, и к ним нередко приходят разные мысли, которые можно научиться передавать и другим, так что они начинают считать, будто сами дошли до этого. Это просто своеобразный метод убеждения.

Когда Магда появилась в дверях с чемоданом в руке, Ворманн к своему огромному удивлению осознал, что и его тоже смогли «убедить», и с тайным восхищением вынужден был отдать должное уму профессора. Теперь ему стало ясно, кто организовывал эти частые походы в подвал и столовую. Хотя это не особенно огорчало его. Он и сам не хуже профессора понимал, что женщине в этом замке не место.

— Я оставляю вас в гостинице без охраны, — объяснил он Магде. — Но вы, конечно, понимаете, что если вы убежите, то вашему отцу от этого лучше не станет. Так что я полагаюсь на вашу честь и преданность своему родителю.

Он не стал добавлять, что среди солдат начнется целый бунт, если придется решать, кто же именно должен ее охранять. Для каждого из них это было бы двойной привилегией — находиться вне замка, да еще рядом с такой красивой женщиной. Это могло бы лишь сильнее разжечь вражду, уже возникшую между двумя воинскими контингентами. Поэтому у него не было другого выхода, как только полностью довериться ей.

Отец и дочь переглянулись.

— Не бойтесь, капитан, — сказала Магда, не сводя глаз с отца. — У меня и в мыслях не было убежать и оставлять его здесь одного.

Ворманн заметил, как профессор гневно сжал кулаки.

— Возьми лучше вот это, — сказал Куза, подавая ей одну из книг, которую он называл «Аль Азиф». Присмотри ее на досуге, а завтра мы все обсудим.

Но Магда лишь грустно улыбнулась.

— Ты же знаешь, папа, я не читаю по-арабски. — Она подняла другую рукопись, значительно тоньше первой. — Мне кажется, лучше взять это.

И вновь они обменялись многозначительными взглядами. Создавалось впечатление, будто отец и дочь зашли в какой-то тупик, и Ворманну показалось, что он догадывается о причине их спора.

Неожиданно Магда обошла стол и поцеловала отца в щеку. Она погладила его по редким седым волосам, потом выпрямилась и посмотрела Ворманну прямо в глаза.

— Позаботьтесь о моем отце, капитан. Я очень прошу вас. Кроме него, у меня никого нет.

Ворманн не успел обдумать ответ. Слова сами сорвались с языка:

— Не беспокойтесь. Я обо всем позабочусь.

Он тут же проклял себя. Не надо было так говорить. Это шло вразрез и с тем, чему его учили как офицера, и противоречило его прусскому воспитанию. Но что-то в ее взгляде заставляло его делать именно так, как она просила. У него не было собственной дочери, но если бы была, то как бы ему хотелось, чтобы и она так же трогательно ухаживала за ним, как эта девушка за своим отцом.

Нет. Нечего и волноваться, что она может сбежать. Но что касается ее отца, то это очень хитрая bestия. За ним стоит приглядывать. И Ворманн пообещал себе впредь внимательнее относиться ко всему, что связано с этой парочкой, а самому профессору не очень-то верить на слово.

Рыжеволосый заставлял своего коня мчаться во весь опор по подножиям крутых холмов, направляясь на юго-восток, к перевалу Дину. Красоты зеленеющих вокруг гор оставляли его безучастным из-за страшной спешки. Когда солнце стало клониться к западу, холмы сделались еще круче и обступили дорогу со всех сторон, оставляя лишь узкую тропу шириной футов в десять. Только бы проскочить это ущелье — и он окажется на широком плато возле самого перевала. А оттуда уже путь будет легким, даже в темноте. Он хорошо знал эту дорогу. Рыжеволосый хотел уже поздравить себя с тем,

что удалось избежать встреч с военными и полицией, как вдруг заметил впереди двух солдат. Они держали наготове винтовки с примкнутыми штыками. Остановив коня, он быстро принял решение, как будет лучше себя вести. Ему не хотелось задержки и лишних неприятностей, и он решил прикинуться робким ягненком.

— Куда это ты так спешишь, пастух козлиный? — послышался сиплый голос.

Говорил тот, что старше. У него были густые закрученные усы и рябое лицо. Второй, помоложе, засмеялся при словах «пастух козлиный». Очевидно, в них было что-то унижительное.

— Наверх, к перевалу, в свою деревню. У меня там отец заболел. Пропустите меня, пожалуйста.

— Всему свое время. И докуда ты хочешь доехать?

— До старой башни.

— До какой еще башни? Никогда о ней раньше не слышал. Где это?

Это уже кое о чем говорило. Если бы замок имел отношение к военным действиям, то эти люди должны были хоть что-нибудь о нем знать.

— Почему вы меня задерживаете? — спросил он, делая испуганный вид. — Что-нибудь не так?

— Деревенские парни обычно не задают вопросов Железной Гвардии, — грозно нахмурился усатый. — Ну-ка, сойди с коня, мы на тебя посмотрим.

Значит, это не просто солдаты, а именно Железная Гвардия, и отделаться от них будет сложнее, чем он предполагал. Путешественник слез с коня и молча встал у седла, пока они по-хозяйски рассматривали его.

— Ты, похоже, нездешний, — подозрительно прищурился усатый. — Покажи-ка нам свои документы.

Это был тот самый вопрос, которого рыжеволосый ждал и боялся на протяжении всего пути.

— У меня их нет с собой, господин, — сказал он извиняющимся и почтительным тоном. — Я так торопился, что позабыл их взять. Но я могу вернуться, если вы пожелаете.

Солдаты переглянулись. Перед ними какой-то незнакомец, тем более без документов, да еще так упрям. Значит, они могут делать с ним все, что захотят.

— Стало быть, нет никаких документов? — ухмыльнулся усатый и приставил винтовку к его груди. Пока он говорил, ствол свободно ходил по ребрам рыжеволо-

сого, царапая кожу и как бы подчеркивая решимость с легкостью убить его.— А откуда же мы узнаем, кто ты такой? Может, ты сюда оружие везешь партизанам.

Рыжеволосый моргнул и отступил, пытаясь изобразить, что ему очень больно. Если бы он мужественно перенес издевательство, то это вызвало бы только лишнюю ярость усатого.

«Все остается по-прежнему,— устало подумал он.— Неважно, в каком времени или месте ты оказываешься, кто и как пришел к власти; все равно основная сила — это бандиты».

Усатый отступил, передернул затвор и взял задержанного на мушку.

— Обыщи его! — приказал он своему напарнику.

Тот послушно перекинул за спину свой карабин и начал торопливо обыскивать путешественника. И вдруг замер, нащупав пояс с деньгами. Проворным движением он расстегнул рубашку и сорвал пояс с талии. Увидев золото, солдаты еще раз переглянулись.

— Где ты это украл? — спросил усатый, снова тыча винтовкой в грудь задержанного.

— Это мое,— ответил тот.— Здесь все, что у меня есть. Но если вы отпустите меня, то можете оставить это себе.— Он и в самом деле мог себе такое позволить. Золото ему больше не пригодится.

— Да, уж это мы оставим себе,— усмехнулся усатый.— Но сначала проверим, что у тебя еще имеется.— Он указал стволом на длинный плоский футляр, привязанный к правой стороне седла.— Открой-ка! — обратился он к молодому.

Только теперь рыжеволосый понял, что позволил им зайти слишком далеко. Футляр нельзя было открывать.

— Не трогайте! — крикнул он.

Солдаты почувствовали в этом окрике угрозу и с удивлением уставились на него. Усатый злобно сжал губы, шагнул вперед и с силой ударил всадника прикладом в живот.

— Какого еще...

Все последующие движения рыжеволосого только внешне могли показаться тщательно продуманными. На самом деле он действовал по наитию. Не успел усатый вскинуть винтовку, как она уже была выбита из его рук. Солдат от неожиданности даже присел, а ловкий всадник, завладев его оружием, тут же прикладом

сломал обидчику челюсть. Потом оставалось лишь перебить ему шею, а это было уже несложно. Но, повернувшись, рыжеволосый увидел, что и второй патрульный тоже снимает с плеча карабин. Сделав резкий выпад, он, словно масло, проткнул гвардейца штыком, глубоко вонзив лезвие в волосатую грудь румына. Солдат охнул, осел и на месте скончался.

Рыжеволосый невозмутимо созерцал происходящее. Усатый был еще жив и громко хрипел. Спина его выгнулась, лицо посинело, а руками он отчаянно рвал себя за горло, тщетно пытаясь пропустить воздух в легкие.

Как и раньше, когда ему пришлось убить лодочника Карлоса, рыжеволосый не испытывал ничего — ни радости, ни сожаления. Он считал, что мир несколько не обеднеет, потеряв двух негодяев, и понимал, что промедление в этой ситуации могло закончиться лишь одним — он сам лежал бы сейчас на земле раненый или мертвый.

К тому времени, как всадник повязал назад пояс с монетами, усатый уже перестал хрипеть и теперь тихо остывал рядом со своим товарищем. Рыжеволосый спрятав трупы и оружие на северном склоне ближайшего холма и вновь помчался по направлению к замку.

Магда ходила взад-вперед по своей крошечной гостиничной комнатке, освещенной тремя свечами, и нервно потирала руки, время от времени останавливаясь у окна и бросая тревожные взгляды в сторону замка. Ночь была темная — с юга надвинулись высокие облака и закрыли луну.

А темнота пугала ее. Темнота, и еще одиночество. Она не могла вспомнить, когда последний раз оставалась ночью одна. Сейчас же одиночество казалось Магде невыносимым вдвойне. Конечно, внизу всегда крутится жена Юлью — Лидия Фионеску, но на нее будет мало надежды, если это чудовище из замка вздумает ночью перейти через ров и появится здесь.

Из окна открывался прекрасный вид на ущелье и крепость — это была единственная в доме комната, выходящая на север. Поэтому Магда и потребовала, чтобы ее поселили именно в этот номер. Никаких трудно-

стей не возникло — кроме нее в гостинице не было постояльцев.

Юлью вел себя необычайно любезно, даже чересчур. И это слегка удивило ее. Конечно, он и раньше обходился с гостями вежливо, но до такой степени услужливым никогда еще не был. Теперь же он прямо-таки подлизывался к ней.

Оттуда, где стояла Магда, хорошо было видно освещенное окно в первом этаже сторожевой башни. Там — она знала — сидит сейчас в своем кресле ее беспомощный отец. Никакого движения заметно не было, и это значило, что он один. Сперва она злилась, когда узнала, каким путем он заставил ее покинуть замок. Но со временем обида прошла и уступила место тревоге. Как же он сам теперь будет заботиться о себе?

Она повернулась и, присев на подоконник, осмотрела обступившие ее оштукатуренные стены. Комната была совсем маленькой: узкий шкафчик, одна тумбочка с треугольным зеркалом, табурет на трех ножках и большая, очень мягкая кровать. Мандолина лежала как раз на кровати; со времени своего переезда сюда Магда к ней еще не притронулась. Книга, тоже пока нераскрытая, скучала в нижнем ящике тумбочки. У Магды не было настроения читать, да и вообще она взяла с собой эту рукопись лишь для отвода глаз.

Пожалуй, стоило пойти прогуляться. Она задула две свечи, оставив гореть одну. Ей не хотелось, чтобы в комнате наступала полная темнота. После вчерашней ночи она, наверное, всю жизнь теперь будет бояться темноты.

По натертой воском деревянной лестнице девушка спустилась на первый этаж. Хозяин гостиницы, сгорбившись, сидел на ступеньках и с удрученным видом строгал какую-то деревяшку.

— Что-нибудь случилось, Юлью?

Услышав ее голос, он вздрогнул, как-то болезненно взглянул на нее и снова вернулся к своему бесцельному занятию.

— Как ваш отец? С ним все в порядке?

— Пока да. А что?

Юлью отложил нож и закрыл руками лицо. Потом быстро заговорил:

— Вы оба здесь только из-за меня. Мне так стыдно... Я не настоящий мужчина. Но они хотели узнать

все про замок, а я ничего не мог рассказать. И тогда я вспомнил о вашем отце — уж он-то знает здесь все, что только можно знать. Я ведь и не думал, что он так болен, и даже представить себе не мог, что они вас сюда привезут. Но я ничего не мог сделать — они так меня мучили!..

Магда была возмущена — он не имел права говорить немцам про папу! Но потом подумала, что, наверное, при таких обстоятельствах она и сама рассказала бы все, что бы от нее ни потребовали. По крайней мере теперь ей стало ясно, как немцы вышли на папу. Это же объясняло и особую почтительность Юлью.

Его умоляющий взгляд тронул Магду.

— Вы меня ненавидите?

Она подошла ближе и положила руку ему на плечо.

— Нет. Вы ведь не хотели причинить нам зла.

Юлью накрыл ее руку своей ладонью.

— Я надеюсь, все обойдется.

— Я тоже.

Магда медленно пошла по тропинке к ущелью. Тишину нарушал только хруст мелких камушков под ее ногами, эхом отдававшийся во влажном воздухе. Она остановилась в густом кустарнике чуть правее моста и вся сжалась, хотя одета была в теплый свитер. Наступала полночь — сырая и холодная, однако дрожь, которую она ощущала, шла не от низкой температуры. Сзади блеклой тенью виднелась гостиница, а там, за мостом, сверкала огнями крепость. Туман опускался на перевал, заполняя ущелье и медленно подкрадываясь к замку. Свет во внутреннем дворе еще боролся с клубами белой дымки, и от этого казалось, что замок освещается изнутри большим фосфоресцирующим облаком. Крепость выглядела, как роскошный океанский лайнер, величественно плывущий в призрачном море тумана.

Но едва Магда взглянула на замок, ее охватил сильный страх. Ведь вчера как раз в полночь...

Пока она была погружена в дневные заботы, ей казалось несложным забыть о прошедшей ночи. Но теперь, в темноте, все всплыло — и эти глаза, и ледяная хватка. Она провела рукой по тому месту возле локтя, где ее коснулась жуткая тварь. Там до сих пор еще оставалась бледно-серая отметина, напоминающая участок омертвевшей кожи. Магда пыталась отмыть пятно, но ей это не удалось. Она ничего не сказала отцу, хотя

это служило прямым доказательством: вчерашняя встреча не была галлюцинацией или кошмарным сном. Это была действительность. И то существо, которое раньше она так беспечно считала вымыслом, оказалось вполне реальным и жило в этом каменном здании. Там, где сейчас сидел отец. Магда понимала, что именно в этот час профессор ждет его появления. Он ей ничего не сказал, но она знала это. Отец хотел, чтобы демон явился ему еще раз, а ее не будет уже рядом, чтобы помочь ему. Вчера этот монстр пощадил их, но неужели отец рассчитывает на повторное помилование?..

А что если призрак не захочет идти к отцу? Вдруг он перейдет через ущелье сюда, к ней? Она не могла вынести даже мысли об этом. Не дай бог, весь этот кошмар повторится!..

Но ведь это же нереально! Нечистой силы не существует!

И все-таки прошлой ночью...

Ее размышления были прерваны громким стуком копыт. Магда повернулась и различила в тумане всадника, галопом проскакавшего мимо гостиницы. Он направил лошадь к мосту, намереваясь, очевидно, с ходу влететь прямо в крепость. И вдруг, в последнюю секунду, остановил коня на полном скаку. Приподнявшись на стременах, мужчина замер на фоне темного замка, став похожим на рыцаря со средневековой гравюры. Магда заметила какой-то длинный узкий предмет, привязанный к правой стороне седла. Всадник спешился и сделал несколько осторожных шагов по мосту. Здесь он остановился.

Девушка спряталась поглубже в кусты и стала наблюдать за ним. Она не знала, почему ей вдруг захотелось прятаться, но события последних дней показывали, что лучше быть настороже со всеми незнакомыми ей людьми.

Мужчина был высокого роста, мускулистый, без головного убора, со спутанными от ветра рыжеватыми волосами. Он дышал часто, но, видимо, не от усталости, а от быстрой езды. Магда заметила, что голова его медленно поворачивается из стороны в сторону — он следил за часовыми, прохаживающимися по верхним галереям крепостных стен. Похоже, он пересчитывал их. Поза неизвестного выдавала его напряжение, будто он силой сдерживал себя, чтобы не рвануться на запретные

ворота замка. Казалось, он на что-то был зол, расстроен и озадачен одновременно.

Довольно долго он не шевелился. Магда почувствовала, что от неудобной позы у нее затекли уже ноги, но не рискнула все же двинуться с места. Наконец он повернулся и зашагал назад к лошади. Пока он шел, глаза его внимательно изучали ущелье. Внезапно мужчина остановился и посмотрел прямо туда, где пряталась Магда. Она затаила дыхание, а сердце учащенно забилося.

— Эй, там! — крикнул незнакомец. — Выходите! — Окрик был повелительный.

Магда не шевелилась. Как же он умудрился разглядеть ее в кустах в такой темноте?

— Выходите, или я силой вас вытащу!

Магда нащупала рядом с собой увесистый камень. Схватив его, она быстро поднялась и шагнула вперед. Уж лучше встретиться с ним на открытом месте. Но насильно ее из этих кустов никто без драки не вытащит. Хватит! Довольно уже ею помыкали.

— Зачем вы там прятались?

— Потому что я не знаю, кто вы такой. — Магда старалась, чтобы голос ее звучал как можно увереннее и даже был, по возможности, вызывающим.

— Логично. — Мужчина коротко кивнул.

Магда почувствовала в его голосе напряжение, которое, однако, относилось явно не к ней. Это немного успокоило девушку.

Незнакомец махнул рукой в сторону замка.

— Что там происходит? Кто это так освещает заставу, что она стала похожа на аттракцион для туристов?

— Немецкие солдаты.

— Да, эти каски похожи на немецкие. А зачем они здесь?

— Понятия не имею. По-моему, они и сами до конца не знают этого.

Она увидела, как он снова бросил взгляд в сторону замка и пробормотал себе под нос что-то невнятное. Как показалось Магде — что-то вроде «Безумцы!», но точно она сказать не могла. У нее создалось впечатление, что он думает сейчас о чем-то своем и несколько не интересуется ею. Единственное, что ему было важно, — это сам замок. Она расслабила руку, в которой был

зажат камень, но бросить его все-таки не решилась. Еще не время.

— А почему вас это так интересует?

Он посмотрел на нее как-то странно.

— Я просто турист. Я бывал здесь и раньше, и с утра еще собирался остановиться на ночь в гостинице возле замка. Я часто путешествую в этих горах.

Магда тут же поняла, что это самая откровенная ложь. Ни один турист не погонит ночью коня в настолько дикое место. Если, конечно, он в своем уме.

Она повернулась и, стараясь не спешить, молча пошла к гостинице. Ей было страшно оставаться в темноте наедине с мужчиной, который говорит такую явную чушь.

— Куда вы идете?

— Назад к себе в комнату. Здесь стало прохладно.

— Я вас провожу.

Магде совсем не хотелось этого, и она ускорила шаг.

— Спасибо, я сама доберусь.

Но он то ли не расслышал, то ли просто проигнорировал ее слова. Незнакомец взял лошадь под уздцы и пошел рядом с ней, ведя коня левой рукой. Впереди виднелась гостиница, похожая на двухэтажную летнюю дачу. Магда заметила в своем окошке слабый свет от свечи, которую она на всякий случай оставила гореть.

— Вы можете выбросить камень,— произнес неизвестный.— Он вам не пригодится.

Магда попыталась скрыть свое удивление и испуг. Неужели он умеет видеть в темноте?

— Я сама разберусь,— холодно ответила она.

От него очень неприятно пахло — смесью человеческого и лошадиного пота. Она еще ускорила шаг, чтобы мужчина отстал.

Но он и не думал догонять ее.

Магда выбросила камень лишь возле самых дверей гостиницы. На первом этаже справа находилась темная и пустая столовая, слева за невысокой конторкой сидел Юлью. Он как раз собирался тушить свечу.

— Не торопитесь,— сказала Магда, проходя мимо него.— По-моему, у вас сегодня ожидается еще один гость.

— Сегодня? Гость? — Хозяин недоверчиво улыбнулся.

— Да. Прямо сейчас.

Лицо Юлью озарилось. Он раскрыл регистрационную книгу и откупорил чернильницу. Гостиница досталась ему по наследству от отца, а до того точно так же передавалась из поколения в поколение. Кое-кто говорил, что ее построили специально для каменщиков, возводивших в пятнадцатом веке замок. Это был небольшой двухэтажный дом, и, конечно, он не давал большой прибыли своему владельцу — число посетителей здесь было смехотворно малым. Но, кроме редких постояльцев, приносящих доходы, гостиница служила еще и домом для Юлью и его семьи. Часть денег шла также от того, что Юлью был казначеем для рабочих замка. Еще они получали кое-что, продавая овечью шерсть, — сын Юлью имел небольшое стадо, и время от времени овцы жертвовались для обеспечения семьи одеждой и мясом.

В гостинице было три номера, и если два из них занимают приезжие — то это просто золотое дно.

Магда легко взбежала по лестнице на второй этаж, но не торопилась заходить в свою комнату. Она остановилась в коридоре и решила послушать, что скажет незнакомец хозяину. Ей самой было странно, что посторонний мужчина смог ее так заинтересовать. Он казался ей несимпатичным, к тому же был очень грязный и от него дурно пахло. С ней всадник вел себя надменно и снисходительно сразу. И это особенно сильно обижало Магду.

Но почему же тогда она хочет подслушать их разговор? Это совсем на нее не похоже...

Наконец Магда услышала тяжелые шаги сперва на крыльце, потом в холле первого этажа. Голос незнакомца эхом разнесся по дому.

— Эй, хозяин! Ты еще не спишь?.. Это хорошо. Побеспокойся о моем коне. Его надо почистить и поставить в конюшню на несколько дней. За сегодня это уже вторая моя лошадь, и я ее сильно загнал. Надо, чтобы ее хорошенько укрыли попоной. Эй! Да ты меня слушаешь?

— Да... Да, господин.— Голос у Юлью был напряженным и испуганным.

— Ты это можешь сделать?

— Да. Да. Сейчас придет мой племянник...

— И комнату для меня!

— У нас есть две свободные. Пожалуйста, распишите.

Наступила пауза.

— Дай мне ту, которая выходит на север.

— Но... извините, господин, вы должны написать свою фамилию. Имя «Гленн» — этого недостаточно. — Голос у Юлью почему-то дрожал.

— У вас разве есть в гостинице еще кто-нибудь по имени Гленн?

— Нет.

— А в деревне есть другой Гленн?

— Нет, но...

— Значит, «Гленн» и будет достаточно.

— Хорошо, господин. Но я должен сказать, что северная комната уже занята. Вы можете взять дополнительную.

— Нет. Кто бы там ни был, пойди и скажи ему, чтобы он со мной поменялся. За это я заплачу дополнительно.

— Это не он, а она; и мне кажется, что она не согласится.

«И ты чертовски прав!» — подумала Магда.

— Так пойди скажи ЕЙ! — Это уже был приказ, которого невозможно ослушаться.

Услышав быстрые шаги Юлью по лестнице, Магда юркнула в свою комнату и приготовилась дать достойный отпор. Поведение незнакомца просто вывело ее из себя. Но почему он так сильно напугал Юлью?

При первом же стуке Магда широко распахнула дверь перед услужливым владельцем гостиницы. Он нервно теребил свою рубашку, бледное лицо покрылось каплями пота, усы обвисли. С первого взгляда было ясно, что он насмерть испуган.

— Пожалуйста, госпожа Куза! — выпалил он. — Там внизу мужчина, которому нужна именно эта комната. Вы ее не уступите? Ну пожалуйста!

Он умолял, чуть не плакал. Магде было его очень жаль, но она не собиралась лишаться вида на замок.

— Разумеется нет! — Она хотела уже закрыть дверь, но Юлью в ужасе схватился за ручку.

— Умоляю вас!

— Нет, Юлью. И это окончательное решение!

— Ну, тогда, не могли бы вы... не могли бы вы сами ему сказать?.. Пожалуйста!

— А почему вы его так боитесь? Кто он такой?

— Я не знаю, кто он. Я на самом деле даже... —

Тут он замолчал.— Ну прошу вас, сделайте это для меня.

Юлью уже просто колотило от страха. Сначала Магда хотела сказать, что хозяин сам должен разбираться со своими постояльцами, но потом ей пришло в голову, что она несомненно получит удовольствие, если лично объявит этому наглому чужаку, что не собирается ничего ему уступать. Вот уже два дня ей не позволяли говорить то, что ей хочется. Поэтому настоять на своем хотя бы в таком пустяке было для нее сейчас делом чести.

— Ну, конечно, я сама ему об этом скажу!

Она проскользнула мимо Юлья к лестнице и устремилась вниз по ступенькам. Мужчина с равнодушным видом ожидал в фойе, облокотившись на тот самый длинный и узкий предмет, который, как успела заметить Магда, раньше был привязан к его седлу. Когда она увидела его при свете, ее первое впечатление изменилось. Да, он был грязный, и противный запах чувствовался даже с лестницы. Но черты лица у него были правильные, нос прямой, тонкие губы и резко очерченные высокие скулы. Обратила она внимание и на великолепные, подобные пламени, огненно-рыжие волосы незнакомца. Конечно, они слишком длинные и спутанные, но это, как и запах, всего лишь следствие долгого и трудного путешествия. Их взгляды встретились. Глаза у назвавшегося именем «Гленн» были голубые и ясные. Единственное, что никак не вязалось с его внешностью,— это смуглая кожа. Среди местных жителей такой не было ни у кого, к тому же она абсолютно не сочеталась с цветом глаз и волос.

— Наверное это вы и есть?

— Да, и я не собираюсь переходить ни в какую другую комнату.

— Но я настаиваю! — почти с возмущением сказал он, выпрямляясь в полный рост.

— Пока что этот номер принадлежит мне. Вот когда я уеду из гостиницы, он будет вашим.

Рыжеволосый сделал порывистый шаг вперед.

— Но мне очень важно иметь окна на север! Я...

— У меня тоже есть свои причины наблюдать за замком,— перебила его Магда, избавив таким образом от необходимости в очередной лжи.— Так же, как — я уверена — у вас есть свои. Но у меня здесь очень важное личное дело. Так что я никуда не перееду.

Неожиданно мужчина гневно сверкнул глазами, и Магда подумала, что зашла, пожалуй, чересчур далеко. Но так же внезапно он успокоился, отступил назад и, слегка улыбнувшись, спросил:

— Вы, очевидно, не из этих мест?

— Из Бухареста.

— Я так и думал.— Магда уловила в его взгляде нечто, похожее на истинное уважение. Но этого никак не могло быть. Почему он должен уважать ее, если она не собирается отдавать ему то, что он требует?

— Так вы не передумаете? — уже просительным тоном произнес незнакомец.

— Нет.

— Ну, ладно,— вздохнул он.— Тогда, значит, вид на восток. Эй, хозяин! Покажи мне мою комнату!

Юлью опрометью кинулся вниз по лестнице, чуть не споткнувшись о последнюю ступеньку.

— Вот сюда, господин. Комната наверху по правую сторону — там уже все для вас приготовлено. Я возьму это.— Он протянул руку к футляру, но Гленн отвел ее в сторону.

— Я прекрасно донесу все сам. А вот на седле у меня висит свернутое одеяло с вещами — они могут мне пригодиться.— Он направился к лестнице.— И проследи, чтобы с лошастью все было в порядке — это очень преданное животное! — Он еще раз взглянул на Магду, и она ощутила какие-то новые эмоции, которые, однако, не показались ей неприятными. Гленн зашагал вверх, перескакивая сразу через две-три ступеньки.— И немедленно приготовь мне ванну! — крикнул он уже из коридора.

— Да, господин.— Юлью крепко сжал обе ладони Магды и прошептал: — Спасибо! — Он все еще был напуган, но теперь уже значительно меньше. Затем он бросился к лошади.

Некоторое время Магда стояла в фойе, размышляя над странной цепью событий этого вечера. Здесь, в гостинице, произошло очень много непонятного. Но она не имела сейчас права думать об этом. Только не теперь, когда гораздо более страшные и непонятные вещи происходят прямо под боком, в замке.

Замок!.. Она же совсем забыла про папу! Магда бросилась вверх по лестнице, пробежала мимо закрытой двери нового постояльца, влетела к себе и сразу же при-

льнула к окну. Там, в башне, в папиной комнате по-прежнему горел свет.

Магда облегченно вздохнула и прилегла на кровать. Подумать только — кровать... Настоящая кровать!.. Может быть, и сегодня все обойдется. Она улыбнулась. Нет, нельзя себя так обнадеживать. Что-то обязательно должно случиться. Она на несколько секунд закрыла глаза. Единственная свеча тускло отражалась в маленьком зеркале и почти не давала света. Магда чувствовала себя ужасно усталой. Если всего минутку дать глазам отдохнуть, то, наверное, будет гораздо легче... Надо только думать о чем-то приятном. Например, о том, что папе разрешат скоро вернуться домой, немцев выгонят, а это ужасное чудовище...

Тут какой-то звук в холле отвлек ее от мыслей о замке. Кажется, этот мужчина, Гленн, наконец-то спускается вниз, чтобы принять ванну. По крайней мере от него не будет уже так скверно пахнуть. Хотя ей-то какое до этого дело?.. Похоже, он очень заботится о своей лошади, а это верный признак доброго сердца... Или просто практичности! Неужели это правда уже вторая его лошадь за один сегодняшний день? Как же можно в течение дня загнать двух лошадей до такого состояния? И почему, интересно, Юлью так испугался, увидев его? Казалось, будто он знаком уже с Гленном, и тем не менее не мог вспомнить его имени, пока тот не расписался. Тут какая-то путаница.

И вообще все вокруг сильно запуталось. Мысли разбегались...

Ее разбудил звук запираемой на ключ двери. Но не в ее комнату. Значит, это у Гленна. Потом заскрипели ступеньки лестницы. Магда села в кровати и случайно бросила взгляд на свечу — та сгорела ровно наполовину с тех пор, как она смотрела на нее последний раз. Девушка тут же вскочила и бросилась к окну. Свет у папы все еще горел.

Внизу все было тихо, но ей удалось разглядеть силуэт мужчины, быстро идущего по направлению к замку. Шел он крадучись и старался держаться в тени. Магда была уверена, что это Гленн. Она продолжала наблюдать. Мужчина свернул в кустарник справа от моста и там остановился — как раз в том месте, где недавно пряталась она сама. Туман уже заполнил ущелье

доверху и теперь окутывал его ноги. Он неподвижно наблюдал за заставой, как часовой на посту.

Магда вдруг разозлилась. Что он там делает? Это же ее любимое место! Он не имеет права занимать его. Ей захотелось сейчас же пойти туда и сказать ему об этом, но она не рискнула. Нет, она не боится его, но уж слишком быстро и решительно он передвигается. Этот Гленн, наверное, опасный человек. Но Магда чувствовала, что опасен он не для нее. Может быть, для других. Например, для немцев в замке. А не становится ли он, таким образом, кем-то вроде союзника?.. И все же страшно было идти одной, без провожатого, в такой темноте только для того, чтобы он ушел с ее поста и оставил там ее саму.

Но она могла ведь и просто понаблюдать за ним издали. Если незаметно устроиться сзади, то можно одновременно следить и за светом в папином окне, и за действиями рыжеволосого. И тогда, может быть, удастся наконец выяснить, что он там делает. Именно этот вопрос и не давал ей покоя. Очень тихо Магда спустилась вниз, прокралась через темное фойе и вышла на улицу. Через минуту она сидела уже за большим круглым камнем неподалеку от Гленна. Уж здесь-то он никогда ее не заметит.

— Вы пришли потребовать назад свой любимый наблюдательный пункт?

При звуке его голоса Магда испуганно встрепенулась — он ведь даже не оглянулся!

— Откуда вы узнали, что я здесь?

— Я прислушивался к вашему приближению с того момента, как вы вышли из гостиницы. Надо сказать, вы не очень-то осторожны.

Вот опять — эта надменная снисходительность!..

Он обернулся и поманил ее рукой.

— Идите лучше сюда и расскажите мне вот что: как вы считаете, зачем немцам понадобилась такая иллюминация в ночное время? Они разве вообще не спят?

Сперва Магда заколебалась, но потом решила все-таки принять приглашение. Она подойдет к нему, только не очень близко. Остановившись шагов за пять от Гленна, она почувствовала, что теперь от него пахнет уже значительно лучше.

— Они боятся темноты,— пояснила она.

— Боятся темноты,— задумчиво повторил он. Кажется, такой ответ его вовсе не озадачил.— А почему?

— Они считают, что там вампир.

В тусклом свете, сочащемся из замка через туман, Магда заметила, что Гленн насторожился.

— В самом деле? Это они вам так сказали? Вы там кого-нибудь знаете?

— Я сама там была. А сейчас там мой отец.— Она указала на замок.— Самое нижнее окно в башне — то, в котором свет. Это его комната.

Как ей хотелось бы, чтобы с ним все было в порядке!..

— Но почему там должен быть вампир?

— Погибло восемь немецких солдат, и у всех было разорвано горло.

Гленн поджал губы и усмехнулся.

— И все же — почему именно вампир?

— Кажется, немцы говорили папе насчет каких-то ходячих мертвецов... И только вампиром они смогли объяснить такие непонятные вещи. А после того, что я сама увидела...

— Так вы видели его?! — Гленн резко повернул голову и буквально впился в нее глазами, жадно схватывая каждое слово

Магда даже слегка опешила.

— Да...

— И как он выглядит?

— А зачем вам знать это? — Он снова напугал ее.

Но Гленн приблизился и с жаром заговорил все громче и громче:

— Скажите мне! Он смуглый или бледный? Красивый? Безобразный? Какой?..

— Я даже не уверена, что хорошо все запомнила... Единственное, что я могу сказать наверняка, — это то, что он похож на безумца. В нем есть что-то дьявольское, если вам это о чем-нибудь говорит.

Гленн выпрямился.

— О, да. И очень о многом. Я не хотел вас расстраивать, но... — Он на секунду задумался — А его глаза?

Магда почувствовала, что у нее перехватывает дыхание.

— Откуда вам известно про его глаза?

— Нет, я ничего не знаю про его глаза,— быстро сказал он.— Но говорят, что это окна, ведущие в душу...

— Если так,— тут ее голос невольно упал до шепота,— то душа его — это бездонная яма.

Некоторое время они молча смотрели на замок. «Интересно, о чем думает сейчас Гленн?» — спрашивала себя Магда. Наконец он заговорил:

— И еще одно: вы знаете, как все это началось?

— Нас с отцом здесь тогда не было, но говорят, что первый солдат умер, когда они с товарищем проломили какую-то стену.

Гленн застонал и закрыл лицо руками, словно от нестерпимой боли, и опять произнес что-то, похожее на «безумцы». Вернее, не произнес, а чуть слышно прошептал.

Потом медленно открыл глаза и неожиданно указал в сторону замка:

— А что это происходит в комнате вашего отца?

Сначала Магда ничего не заметила. Но потом ее охватил жуткий страх. Свет начал гаснуть. Не думая ни о чем, она рванулась к воротам. Но Гленн успел схватить ее за руку и оттащил назад.

— Не будьте безрассудной! — жестко прошептал он ей прямо на ухо.— Часовые вас тут же застрелят! А если и не станут стрелять, то все равно не дадут вам пройти! Вы сейчас ничем уже не сможете ему помочь!

Но Магда не слышала его слов. Она отчаянно сопротивлялась и пыталась вырваться. Надо успеть! Скорей идти к отцу на помощь! Но Гленн был сильнее и не собирался ее отпускать. Он вцепился в ее правую руку и, чем активнее она вырывалась, тем крепче держал ее.

Наконец до Магды дошел смысл его слов: попасть к отцу нельзя. И она ничем уже не сможет помочь.

В беспомощной растерянности она наблюдала, как свет в его комнате медленно гаснет и неумолимо наступают безжалостная темнота.

Застава.
Четверг, 1 мая.
Время. 02.17

Теодор Куза напряженно и терпеливо ждал. Он знал, хотя и сам не мог сказать, откуда у него взялась такая уверенность, что та тварь, которую он видел здесь прошлой ночью, обязательно должна сегодня вернуться. Ведь он говорил с ней на давно умершем языке... И значит, существо придет еще раз. Причем сегодня же.

Но больше ни в чем у него уверенности не было. Сейчас он мог раскрыть тайны, над разгадкой которых ученые бились столетиями, но могло случиться и так, что эта ночь окажется для него последней. Профессора бил нервный озноб — как от предчувствия встречи, так и от страха перед неизвестностью.

Все было уже приготовлено: сам он сидел за столом, старые книги ровной стопкой лежали по левую сторону; маленькая коробочка с предметами, по преданию, отпугивающими вампиров, — справа; кружка с водой, без которой он не мог обходиться, — прямо перед ним. Единственным источником света служила прикрытая консервной банкой лампочка, висевшая прямо над его головой; единственным звуком в комнате был шум его собственного дыхания.

И вдруг профессор понял, что находится здесь не один.

Прежде чем он смог что-либо разглядеть, появилось это уже знакомое ему чувство незримого присутствия зла, как будто рядом возник огромной силы источник какой-то страшной, почти физически ощутимой ненависти. Потом стали сгущаться тени. Но на этот раз все происходило иначе. Если прошлой ночью темнота поглощала весь воздух в комнате и шла сразу отовсюду, то сегодня путь был другим: медленно и коварно тьма вползала сквозь стены, постепенно скрывая их из виду, и плотным кольцом подкрадывалась к его креслу.

Куза прижал ладони к крышке стола, чтобы не было заметно, как сильно трясутся руки. Он услышал стук собственного сердца — настолько громкий и частый, что даже испугался, как бы оно не разорвалось. Наконец-то наступил долгожданный момент!

Стены исчезли. Тьма окружила его черным сводом и проглотила свет единственной лампочки. Стало холодно, но не так сильно, как в прошлый раз, поскольку не было ветра.

— Где ты? — Профессор говорил на старославянском.

Молчание. Но в полной темноте он вдруг почувствовал нечто, таящееся в самом дальнем углу комнаты, куда и раньше-то не доходил свет даже от электрической лампочки. Это «нечто» ожидало и, казалось, оценивало обстановку.

— Покажись, прошу тебя!

Наступила долгая пауза, потом из темноты раздался голос с каким-то странным акцентом:

— Я умею говорить и на более современном языке. — Это был дако-румынский диалект, почти не изменившийся с тех времен, когда построили замок.

Темнота в дальнем углу мало-помалу начала рассеиваться, и на глазах из черноты соткалась плотная фигура мужчины. Куза сразу же узнал лицо вчерашнего посетителя, и, наконец, стало видно все его тело. Взору профессора предстал настоящий великан: мужчина был не меньше шести с половиной футов ростом, широкоплечий, с огромными руками и гордой осанкой. Он с вызывающим видом остановился у стола, широко расставив ноги и положив обе руки на пояс. Одет он был в длинный — до пола — плащ, черный, в тон волосам и глазам. У шеи плащ застегивался золотой пряжкой с камнями. Под плащом, насколько Куза смог разглядеть, была широкая красная рубаша, скорее всего из натурального шелка. Свободные черные штаны, похожие на те, что теперь носят для верховой езды, и высокие сапоги из грубой коричневой кожи дополняли его костюм.

Он стоял перед ним во весь свой богатырский рост — могучий, властный и беспощадный.

— Как случилось, что ты знаешь старый язык? — спросил низкий голос.

Куза почувствовал, что начинает запинаться.

— Я... я изучал его много лет. Очень долго. — Он с ужасом заметил, что мысли путаются и мозг окутывает сплешной туман. Все, что он так хотел сказать, все многократно повторенные про себя вопросы, — все это разом исчезло, провалившись в пустую, черную бездну. В отчаянии он произнес фразу, которая первой пришла на ум:

— А я был почти уверен, что вы появитесь в вечернем костюме.

Густые, почти сросшиеся вместе брови еще сильнее сдвинулись, когда гость грозно нахмурился.

— Я не понимаю, что такое вечерний костюм.

Куза тут же мысленно проклял себя за это: ну надо же, всего полвека назад какой-то англичанин написал один-единственный роман и им перевернул даже в его голове все представления о настоящих румынских мифах!.. Профессор весь подался вперед.

— Кто вы?

— Я виконт Раду Моласар. Эта часть Валахии когда-то принадлежала мне.

Он объяснил, что был в свое время местным феодалом.

— Боярин?

— Да. Один из немногих, кто остался до конца с Владом — с тем самым, которого прозвали Тепеш, или «насаживающий на кол», — мы были вместе до самой его кончины под Бухарестом.

Даже если Куза и ожидал услышать что-либо подобное, он все равно был глубоко потрясен.

— Это же было в 1476 году! Почти пятьсот лет назад! Неужели вы живете с тех пор?

— Да, я был там...

— А где же вы находились с пятнадцатого века?

— Здесь.

— Но почему? — Постепенно страх профессора растворялся, и вместе с этим росло его возбуждение. От напряжения он чуть не сходил с ума. Ему хотелось знать все, и прямо сейчас!

— Меня преследовали.

— Турки?

Глаза Моласара сузились, остались видны лишь бездонные колодцы зрачков.

— Нет... Преследовали другие... Сумасшедшие, которые готовы были идти за мной на край света, лишь бы убить. Я знал, что вечно уходить от них невозможно. — Тут он улыбнулся, обнажая длинные желтоватые зубы. Сейчас они не казались уже такими заостренными, но все равно выглядели весьма внушительно. — Поэтому я и решил переждать. Я выстроил этот замок, позаботился о том, чтобы за ним следили, а сам спрятался.

— А вы...— Тут Куза вспомнил, о чем хотел спросить с самого начала, но все никак не решался. Теперь же у него просто не было сил себя сдерживать.— Вы принадлежите к нечистой силе?

Опять улыбка — холодная, почти насмешливая.

— Нечистая сила? Нежить? Возможно.

— Но как же вы...

Но Моласар нетерпеливо взмахнул рукой.

— Довольно! Хватит с меня этих глупых вопросов! Мне плевать на твою пустую любознательность! А на тебя самого мне не наплевать только потому, что ты с моей земли, а здесь в стране инородцы. Почему ты вместе с ними? Ты предал Валахию?

— Нет! — Куза почувствовал, как забытый в разговоре страх вновь начал заползать в его сердце, как только выражение лица Моласара опять сделалось гневным.— Они привезли меня сюда насильно!

— Зачем? — Слово как нож проткнуло воздух.

— Они считали, что я могу узнать, кто убивает их солдат. И мне кажется, теперь я знаю... Или нет?

— Да. Теперь ты знаешь.— У Моласара снова резко изменилось настроение, и он улыбнулся.— Они нужны мне для подкрепления после долгого отдыха. Причем нужны ВСЕ, чтобы я снова вошел в полную силу.

— Но вы не должны этого делать! — выпалил, не подумав, профессор.

Моласар рассвирепел.

— Никогда не говори мне в моем собственном доме, что я должен делать, а чего — нет! Тем более, когда его поганят захватчики! Я позаботился о том, чтобы ни один турок не сунулся в эти горы, а теперь меня будят, и я вижу, что мой дом набит паршивыми немцами!

Он бушевал, нервно расхаживая взад-вперед, и дико размахивал огромными кулаками, как бы подчеркивая этим весомость своих слов.

Куза воспользовался случаем и осторожно снял крышку с коробки, стоящей справа от него на столе. Оттуда он вынул осколок зеркала, который накануне раздобыла по его просьбе Магда. Пока боярин метался в гнев по комнате, он решил поймать в зеркале его отражение. Но это сделать не удалось. Наконец, повернувшись, Куза увидел, что Моласар неподвижно стоит у стола рядом с кипой книг. Однако в зеркале отразились одни лишь книги.

Он не отражается в зеркале!

Неожиданно тот выхватил осколок из рук профессора.

— Тебе все еще интересно? — Он поднес зеркало поближе к лицу и заглянул в него. — Да. Эти сказки — правда, я не отражаюсь в зеркале. Хотя когда-то был такой же, как все. — На секунду его глаза затуманились. — Но теперь уже нет... Что там еще у тебя в этой коробке?

— Чеснок. — Профессор сунул руку под крышку и достал половину чесночной головки. — Говорят, чеснок отпугивает нечистую силу.

Моласар протянул руку. На ладони у него росли волосы.

— Дай-ка сюда! — Когда Куза выполнил его просьбу, Моласар смело поднес чеснок ко рту и откусил сразу несколько зубчиков. Остальное он швырнул в угол. — Люблю чеснок!

— А серебро? — Профессор вынул серебряный медальон, который оставила ему Магда.

Моласар тут же взял его и с удовольствием потер между ладонями.

— Какой же я был бы боярин, если б серебра пугался! — Казалось, ему начинает нравиться эта игра.

— А вот это? — спросил Куза и полез за последним, что оставалось в его коробке. — Говорят, это самое сильное средство против вампиров. — И вынул крестик, который одолжил Магде капитан Ворманн.

Издав страшный звук — нечто среднее между хрипом и воем, — Моласар отпрянул и забился в угол.

— Убери это!!!

— Он действует на вас?! — Профессор был потрясен. Сердце его болезненно сжалось, когда он увидел, как Моласар весь съежился и дрожит от страха. — Но почему? Как же так?..

— Убери!.. — стонал закрывший лицо боярин.

Куза немедленно запихнул крестик назад в коробку и плотнее надвинул крышку.

Оскалив зубы, Моласар чуть не бросился на него с кулаками.

— Я думал, что нашел в тебе союзника в борьбе с иноземцами, — яростно прошипел он. — Но вижу, что и ты такой же!

— Нет, я тоже хочу, чтобы они убрались отсюда! — испуганно затараторил профессор. — Ничуть не меньше, чем вы!

— Если это так, ты никогда бы не принес эту мерзость в мои комнаты! И никогда не стал бы мне это показывать!

— Но я же не знал! Это могла быть просто очередная сказка, как чеснок или серебро! — Необходимо было срочно убедить Моласара.

Хозяин замка задумался.

— Да, пожалуй. — Он резко повернулся и зашагал в дальний угол, слегка уже успокоившись. — Но у меня все равно еще остаются сомнения на твой счет, калека.

— Прошу вас, не уходите! Оставайтесь!

Моласар оглянулся, и темнота стала медленно обволакивать его тело. Он не отвечал.

— Я на вашей стороне, Моласар! — изо всех сил крикнул профессор. Он не мог сейчас просто так отпустить хозяина замка. Ведь ему столько еще нужно узнать от него. — Пожалуйста, поверьте мне!

Теперь уже в зловещем мраке оставались видны лишь блестящие глаза Моласара — все остальное окутала сплошная темень. И неожиданно из черноты вырос грозный палец, указывающий прямо в лицо профессору.

— Я буду наблюдать за тобой, калека. И если ты убедишь меня в том, что тебе можно верить, мы еще встретимся и поговорим. Но, ежели ты предал наш народ, я жестоко казню тебя.

Сначала исчезла рука, потом растворились в темноте и глаза. Но слова как будто остались — в голове Кузы все еще громко и ясно звучало это страшное обещание. Но вот и мрак постепенно рассеялся, словно впитавшись в гранит стен, и вскоре комната стала такой же светлой, как прежде. Будто никого здесь и не было всего лишь несколько минут назад. И только надкушенная чесночная головка лежала в углу, напоминая о невероятной встрече с вампиром.

Долгое время Куза боялся пошевелиться. Потом ощутил сильную сухость во рту — язык просто не поворачивался. Привычно взяв со стола чашку с водой, он сделал несколько коротких глотков, а затем медленно повернулся к своей коробке. Минуты две он смотрел на нее, задумчиво водя пальцем по крышке, и наконец открыл. Профессор был в замешательстве: то, что он толь-

ко что узнал, никак не соответствовало его теориям и догадкам. Он вынул из коробки крест и положил его перед собой.

Такая простая и небольшая вещица... Обычный серебряный крестик с чуть закругленными тупыми концами. Даже не распятие. Просто крест. Как символ бесчеловечной жестокости по отношению к человеку.

Всю свою сознательную жизнь Куза считал, что ношение крестов — просто признак дурного вкуса, и уж, конечно, никогда не причислял их владельцев к рангу людей, хорошо разбирающихся в вопросах религии. Так было всегда. Ведь христианство, если вдуматься, — всего лишь младшая ветвь иудаизма, полагал профессор. Но как же все-таки назвал крест сам Моласар?.. «Мерзость»... Нет, здесь их мнения расходились. Гротеск, символ издевательства — да. Но никак не мерзость. Впрочем, это неважно. Главное, что теперь все оказывается совсем по-другому... Все его бывшие представления о вере и религии расплзались и рушились на глазах.

Куза внимательно всматривался в этот маленький нехитрый предмет, а стены комнаты будто бы сблизились и обступили его, плотно сжав своим гранитным кольцом. Кресты во всех видах использовали еще в древности, чтобы отваживать нечистую силу. Кроме крестов, было и множество других вещей, помогавших в борьбе со злом. Особенно у цыган в Восточной Европе. В том числе — иконы, чеснок и различные травы. И поэтому он положил этот крестик в свою коробочку наряду с другими предметами, не особенно рассчитывая при этом на успех и, разумеется, не отдавая ему никакого предпочтения перед всеми остальными средствами для борьбы с нечистью.

Но оказалось, что Моласар испугался именно креста. Он не смог даже выдержать одного его вида!.. Традиционно считалось, что крест отпугивает вампиров и демонов, потому что представляет собой как бы символ конечной победы божественного добра над силами ада. Но Куза всегда был абсолютно уверен, что если нечистая сила и существует в реальности, то крест отпугивает ее лишь потому, что сам человек убежден в его магическом действии. И все дело тут именно в вере, а никак не в предмете, который человек в это время держит в руках.

И вот оказалось, что это совсем не так.

Моласар — чистое зло. Это надо принять как аксиому. Любая тварь, оставляющая за собой такое количество жертв, чтобы продлить или улучшить собственное существование, несомненно, является представителем темных сил. Когда Куза показал ему крест, Моласар в тот же миг чуть не сгинул от ужаса. Профессор никогда не верил в силу креста, но теперь доказательства представил ему настоящий вампир.

Значит, вся сила заключена именно в самом кресте, а не в том, кто им пользуется.

Руки профессора задрожали. При одной мысли о том, что это может означать, он искренне пожалел, что вообще родился на свет. Ведь это меняло не только его личные представления о религии и всей жизни...

Глава девятнадцатая

Застава.

Четверг, 1 мая.

Время: 06.40

Уже две ночи подряд смерть обходит перевал стороной! Поправляя начищенную до блеска пряжку своего ремня, Ворманн с удовольствием отметил, что настроение его повышается с каждой минутой. Не преждевременно ли?.. Хотя сегодня он впервые за десять дней как следует выспался и от этого по крайней мере выглядел теперь значительно лучше.

Однако сам замок не показался ему веселее и жизнерадостнее. В воздухе по-прежнему висело все то же тягостное предчувствие беды, ощущение близости чего-то зловещего. Нет, замок оставался прежним; перемены произошли в самом Ворманне. Ему почему-то стало казаться, что он все-таки уедет отсюда живым. Хотя в последнее время капитан начал уже сильно сомневаться в этом. Но после плотного завтрака и долгого здорового сна многие даже очень сомнительные вещи могут показаться вполне реальными. Например, то, что раз уж и сегодня никого не убили, то есть надежда, что скоро Кэмпфер уберется отсюда вместе со всем своим змеиным выводком.

И даже собственная картина перестала раздражать Ворманна. Правда, загадочная тень на холсте продолжа-

да напоминать силуэт повешенного, но теперь это уже не имело большого значения. И он не смог сдержать улыбки, вспомнив, как расстроился в тот момент, когда майор заметил эту деталь.

Неторопливо спустившись на первый этаж, он чуть не столкнулся там с Кэмпфером, который с таким решительным видом спешил в комнату профессора, что капитану стало немного не по себе.

— Доброе утро, штурмбанфюрер! — улыбнулся он, чувствуя, что сегодня может и улыбаться, и терпеть возле себя этого эсэсовца, понимая, что скоро тот навсегда исчезнет из его жизни. Но все же капитан не удержался и с язвительной усмешкой добавил: — Вижу, у нас с вами все желания совпадают; прямо телепатия! Я ведь тоже иду поблагодарить профессора Кузу за спасение жизни немецких солдат.

— У вас нет никаких доказательств, что он хоть чем-то поспособствовал их безопасности! Мало ли, что он сам заявляет об этом!

Все благодушие Ворманна куда-то разом исчезло.

— И тем не менее я считаю, что прекращение убийств и его приезд сюда можно как-то разумно сопоставить и сделать вполне определенные предварительные выводы. Вы так не думаете?

— Совпадение, и ничего больше!

— А тогда почему же вы здесь?

Кэмпфер на секунду задумался, не зная, как лучше ответить.

— Разумеется, затем, чтобы выяснить, что ему стало известно из книг.

— А-а, понимаю.

Первым к профессору вошел Кэмпфер, капитан — следом за ним. Куза стоял на коленях на расстеленной возле камина шинели. Но он не молился, а пытался самостоятельно забраться в высокое инвалидное кресло. Молча взглянув на вошедших, он продолжил свое занятие с прежним рвением и упорством.

Первым же желанием Вормана было подскочить к несчастному калеке и помочь ему в этом нелегком деле — казалось, мышцы старика настолько слабы, что без посторонней помощи ему никогда не взгромоздиться в свою коляску. Но ведь он не просил их о помощи — ни вслух, ни даже глазами. Очевидно, дело тут было в гордости Кузы, который твердо решил, что не станет

просить помощи ни у кого, кроме собственной дочери. «Кстати,— с сожалением подумал Ворманн,— кроме нее, у бедолаги не так уж много того, чем можно было бы всерьез гордиться». Поэтому он и не стал помогать профессору, чтобы чисто по-человечески не обидеть его.

Хотя, приглядевшись получше, капитан понял, что недооценивает возможности старика. Не обращая на вошедших никакого внимания, Куза продолжал отчаянно карабкаться к своей цели, прислонив спинку кресла к камину. Ворманну хорошо было видно, как искажается от боли лицо профессора, пока он всеми силами пытается одолеть подъем, с трудом заставляя сгибаться непослушные суставы. Но вот, наконец, ему это удалось, и, издав мучительный стон, старик опустился на клеенчатую подушку. По лицу его ползли крупные капли пота, он в изнеможении откинулся на высокую спинку кресла и тяжело задыхался. И хотя ему удалось пока забраться лишь на самый край сиденья, а чтобы устроиться поудобней, пришлось затратить еще много сил, самая трудная часть пути была уже пройдена.

— Что вам от меня нужно? — спросил он, с трудом переводя дыхание.

От былой степенности профессора теперь уже не осталось и следа — он больше не обращался к ним так вежливо, как поначалу, когда все немцы были для него не иначе, как «господами». Сейчас старик испытывал нечеловеческие муки, и у него не было ни сил, ни желания изображать из себя сверхвежливого гостя.

— Так что ты, еврей, вычитал прошлой ночью? — с ходу приступил к делу Кэмпфер.

Куза слегка приподнялся на локтях и пододвинулся ближе к спинке. На секунду он стиснул зубы и закрыл глаза, но потом снова открыл их и, прищурившись, посмотрел на майора. Казалось, что без очков он почти ничего вокруг себя не видит.

— Пока не так уж много. Но у меня уже есть доказательства, что замок выстроен известным боярином пятнадцатого века, современником самого Влада Теша.

— И это все? Ты уже два дня сидишь над этими книжками!

— Один день, если быть более точным,— возразил Куза, и Ворманн понял, что этот гордый старик не даст так просто над собой издеваться.— Один день и две

ночи. А это не слишком великий срок, если учесть, что все представленные вами книги написаны не на моем родном языке.

— Мне не нужны твои жидовские извинения! — взорвался эсэсовец. — Мне нужны результаты!

— А разве их у вас еще нет? — спросил профессор. Казалось, его очень интересует ответ майора.

Кэмпфер весь напрягся и сжал кулаки, прежде чем ответить этому дерзкому еврею:

— Да, две ночи на заставе не было происшествий, но я сильно сомневаюсь, что в этом есть твоя личная заслуга. — Он сделал полуоборот в сторону Ворманна и высокомерно добавил: — Как мне кажется, на этом моя миссия завершена. Но только ради закрепления результатов я, пожалуй, останусь здесь еще на одну ночь.

— Вот это да! Провести еще одну ночь, зная, что где-то рядом — еврей! — вполголоса буркнул капитан, чувствуя, что настроение его продолжает на глазах улучшаться. Теперь он мог запросто снести все спесивые выходы Кэмпфера и перетерпеть его еще одну ночь.

— Я думаю, вам уже нет необходимости задерживаться здесь, господин майор, даже на одну ночь, — возразил Куза, слегка просветлев. — Наверное, вы гораздо нужнее сейчас в других странах.

Но Кэмпфер только криво усмехнулся.

— Нет, еврей, тут ты как раз ошибаешься. Твою замечательную страну я оставлю не так скоро, как тебе хотелось бы. Отсюда я направляюсь непосредственно в Плоешти.

— В Плоешти? Почему именно в Плоешти?

— Об этом ты узнаешь в самом скором времени. — Майор повернулся к Ворманну: — Я уезжаю завтра в шесть тридцать.

— Ну, ради такого случая я встану пораньше и лично открою вам ворота.

Кэмпфер бросил на него недовольный взгляд, отвернулся и вышел из комнаты. Капитан с улыбкой наблюдал за ним. Он почти не сомневался, что убийства прекратились по никому не известной причине и могут возобновиться в любой момент. Просто кто-то дал им время для передышки, своего рода тайм-аут. Сами же они ничего так и не выяснили и ничего не сделали. Но он не стал делиться с Кэмпфером своими сомнениями. Ведь он не меньше самого майора мечтал о том, чтобы тот по-

скорее покинул чертову крепость. И ему очень не хотелось всякими лишними разговорами мешать отбытию Кэмпфера с заставы.

— Что он имел в виду, говоря о Плоешти? — спросил Куза, как только дверь за майором захлопнулась.

— Не надо бы вам знать об этом, — с грустью покачал головой Ворманн и перевел взгляд с лица профессора на стол. Там он сразу же заметил небольшой серебряный крест, который вчера одолжила у него Магда. Крест лежал среди книг рядом с профессорскими очками.

— Я прошу вас, капитан, скажите мне всю правду. Зачем этот человек едет в Плоешти?

Но Ворманн притворился, что не слышит его. У профессора и без того хватает сейчас проблем. Зачем ему знать еще и о том, что Гитлер готовит в Румынии для евреев второй Освенцим?

— Если хотите, можете провести сегодня свою дочь. Но только сама она сюда не сможет прийти. Так что придется путешествовать вам. — Ворманн как бы невзначай подошел к столу и взял в руки маленький крестик. — Эта штучка не оказалась для вас полезной?

Куза быстро взглянул на крест и тут же отвел глаза в сторону.

— Нет. К сожалению, нет.

— Тогда можно я его заберу?

— Что? Нет, ни в коем случае! Может быть, он мне еще понадобится. Оставьте его, пожалуйста, на столе.

Неожиданное волнение профессора удивило Ворманна. Все-таки что-то изменилось в поведении старика. Казалось, он потерял свою прежнюю уверенность. Но так это было на самом деле или нет — капитан не мог сказать точно.

Он положил крестик назад и вышел из комнаты. Кроме профессора с его заботами, Ворманну хватало и своих собственных. Если Кэмпфер действительно уезжает из замка, то надо срочно решать, как быть в дальнейшем: оставаться в замке самому или искать новое место. Одно он знал наверняка: необходимо первым делом позаботиться об отправке трупов солдат в Германию. Они и так уже ждут слишком долго. И теперь, когда Кэмпфер перестанет раздражать его своим присутствием, он наконец-то сможет трезво и спокойно оценить обстановку.

И так, погруженный в эти невеселые размышления, Ворманн молча покинул профессора, не став даже прощаться. В последний момент, закрывая за собой дверь, он заметил, что Куза подкатил кресло ближе к столу, взял в руки крест и начал внимательно разглядывать его.

Слава Богу, что он остался жив!

Магда с нетерпением ожидала, когда один из часовых, охранявших ворота крепости, привезет ей отца. Они и так заставили ее проволноваться больше часа, пока открывали ворота. С восходом солнца она бросилась к замку и начала стучаться, но никто не реагировал на ее стук. После бессонной ночи Магда чувствовала себя совершенно разбитой и подавленной. Но теперь она была спокойна: отец жив.

Девушка бегло осмотрела двор. Все, кажется, тихо. В глубине двора лежал небрежно разбросанный щебень, но вокруг никого не было. Видимо, в это время солдаты завтракали в своих казармах. Но почему же так долго задерживается часовой? И почему ей не разрешили самой войти в замок и вывезти сюда отца?..

И тут ее мысли помимо воли унесли Магду совсем в другую сторону. Она вспомнила Гленна. Этой ночью он спас ей жизнь. Если бы он не подоспел вовремя, ее наверняка застрелили бы немцы. К счастью, он оказался достаточно сильным, чтобы удерживать ее до тех пор, пока к ней не вернулся разум. Она прекрасно запомнила его большие сильные руки. Ни один мужчина еще не осмеливался подходить к ней так близко. Но ощущения в памяти всплывали только приятные. Что-то шевельнулось в ее душе и, породив неясную перемену, уже не хотело возвращаться на место, чтобы она снова стала той Магдой, какой была всю свою жизнь.

Она встряхнула головой, пытаясь вернуть мысли назад к замку и отцу и перестать, наконец, думать о Гленне.

...И все же он был ласков с ней, смог убедить ее вернуться домой и продолжать наблюдение из окна. Она

все равно ничем не могла тогда помочь отцу, стоя у самой пропасти на краю глубокого рва. Но в тот момент она испытывала самое настоящее отчаяние, а Гленн сумел понять ее и помочь. И когда он проводил ее до двери комнаты, она еще раз взглянула ему в глаза и увидела там безысходную грусть и что-то еще... Вину?.. Но почему он должен чувствовать себя виноватым?

Наконец Магда заметила возле башни какое-то движение и шагнула вперед. Но, оказавшись на территории замка, сразу почувствовала, как свет и тепло утреннего солнца будто бы остались у нее за спиной. Так же чувствует себя человек, выходящий из теплого дома в морозную и ветреную снежную ночь. Магда невольно отшатнулась, но, выждав секунду, опять шагнула во двор и ощутила все тот же необычный холод, будто внутри крепости был свой климат и свои законы природы. Солдаты, очевидно, уже привыкли к этому холоду и просто не замечали его. Но им было не с чем сравнивать. А Магда пришла сюда из гостиницы и сразу почувствовала неладное.

И вот, наконец, появился профессор. Его вез один из часовых, по выражению лица которого было видно, что солдату очень неловко оттого, что он выполняет такое задание. Встретив тревожный взгляд отца, девушка поняла, что в замке снова что-то случилось.

Ей сразу же захотелось броситься ему навстречу, но Магда прекрасно понимала, что такого безрассудства здесь никто не допустит и не простит. Солдат подвез кресло к воротам и с силой оттолкнул от себя. Магда ловко перехватила его на мосту и почти бегом покатила к деревне. Но не проехали они и половину пути, как Магда почувствовала, что больше не может терпеть — ей нужно было узнать сейчас только одно. И поэтому, даже не поздоровавшись, она с волнением спросила:

— Папа, что там случилось?

— И все, и ничего.

— Он опять приходил?

— Подожди немного. Довези меня до гостиницы, и там я расскажу тебе все по порядку. Здесь нас могут подслушать.

Сгорая от любопытства, девушка ускорила шаг и через минуту вкатила кресло на задний дворик гостиницы. Солнышко пригревало землю и сверкало в каплях утренней росы на густой траве.

Магда повернула отца лицом на север, чтобы солнце не слепило ему глаза, а потом встала рядом на колени и аккуратно взяла его руки в свои. Сегодня профессор выглядел на редкость плохо, и от этого сердце Магды болезненно сжалось. Он должен быть сейчас дома, в Бухаресте! Он может не выдержать такого напряжения.

— Так что же случилось? Только расскажи мне все до конца. Он ведь приходил снова, да?

Когда отец заговорил, голос его стал каким-то чужим и далеким, а взгляд был устремлен на замок:

— Как здесь тепло! Тепло не только моему телу, но и душе. А у тех, кто долго остается там, внутри, душа может навсегда замерзнуть.

— Отец...

— Его имя — Моласар. Он утверждает, что был одним из соратников Влада Тепеша.

Магда ахнула.

— Так, значит, сейчас ему никак не меньше пятисот лет!

— Нет, я уверен, что он значительно старше, но он не позволяет мне спрашивать обо всем, о чем мне хочется. Наверное, у него есть какие-то свои интересы, но первое, чего он хочет, — так это избавить свой замок от незваных гостей.

— Но, значит, и от тебя тоже?

— Нет, дочка, это не совсем так. Он имеет в виду только иностранных захватчиков, а меня он считает своим земляком, румыном. Вернее, валахом, как он говорит; и как раз мое-то присутствие его не слишком смущает. Дело именно в немцах — на них он сейчас очень зол. Ты бы видела, как он гневается при одном даже упоминании о них!

— Так это его замок?

— Да. И он выстроил его, чтобы спрятаться здесь после того, как убили Влада.

Магда немного помолчала, а потом спросила, не скрывая сомнения:

— И он вампир?

— Да. Мне так по крайней мере начинает казаться. — Профессор многозначительно кивнул. — Во всяком случае, он — именно то создание, которое мы привыкли называть вампиром. Но при этом я думаю, что многие наши представления о вампирах, сложившиеся на осно-

ве старинных легенд и преданий, могут оказаться в корне неверными. И, скорее всего, нам придется называть его как-нибудь по-другому; причем я имею в виду не старые, уже известные нам слова, а именно новые, появление которых будет зависеть от того, что нам расскажет сам Моласар.— Профессор закрыл глаза.— Мне кажется, что теперь и на многие другие вещи мы будем смотреть совсем иначе.

Магда попыталась забыть обо всех отрицательных образах, возникших в ее голове при слове «вампир», и посмотреть на вещи более объективно.

— Значит, ты говоришь, боярин — приближенный Влада Тепеша? Я думаю, нам несложно будет навести о нем исторические справки.

Отец не сводил глаз с замка.

— Трудно сказать. Ты ведь знаешь, что Влад был трижды у власти, и каждый раз у него находилось много новых сподвижников. А это сотни имен... Но среди них были не только дружелюбно настроенные бояре, появлялось и множество недоброжелателей. И именно их — почти всех — Влад имел удовольствие посадить на кол. Ты же сама помнишь: о том периоде сохранилось слишком мало летописей, и большинство из них очень противоречиво. Ведь даже в те времена, когда турки оставляли Валахию в покое, обязательно находились какие-то новые враги. Так что даже если нам удастся подтвердить существование человека по имени Моласар, то что это докажет?

— Наверное, ничего.— Магда стала прикидывать, что бы она конкретно могла рассказать о таком человеке. Боярин, соратник Влада Тепеша...

Самой Магды Влад всегда казался позорным пятном в румынской истории.

Сын человека по имени Влад Дракул, что означало «дракон», князь Влад был известен как Влад Дракула, то есть «сын дракона». И кроме этого, носил прозвище Тепеш, что значит «насаживающий на кол». Его он получил из-за своего любимого способа умерщвлять пленных солдат, провинившихся подданных и предателей бояр, а также всех, кто самому Владу не смог в чем-либо угодить. Магде вспомнились гравюры, иллюстрирующие его массовые убийства в городе Амлас, которые сам Влад называл «Варфоломеевским днем»: тридцать тысяч непокорных жителей этого города были посажены на

длинные деревянные колья и оставлены на медленную и мучительную смерть под палящим солнцем.

Жертву связывали, клали на землю и пронзали колом от промежности до подбородка, причем считалось особым «искусством» сделать так, чтобы острие вышло из рта несчастного. Затем кол поднимали и ставили вертикально в заранее выкопанную лунку. Чтобы тело не сползло до самой земли, на высоте двух-трех футов прибавалась небольшая поперечная перекладина, и со стороны могло показаться, что казненные сидят на окровавленных перевернутых крестах. Если человек сразу не умирал, его обливали холодной водой, чтобы, по возможности, привести в чувство, и оставляли агонизировать на глазах остальных приговоренных, ожидающих своей очереди. Такая участь ждала любого, кто вызывал у Влада хоть малейшее сомнение в полной преданности и послушании.

Хотя иногда это делалось и в чисто стратегических целях: в 1460 году вид двадцати тысяч пронзенных трупов военнопленных, гниющих на колах на высоком северном берегу Яломицы близ Тырговиште, вызвал панику среди турецкой армии, готовящейся к вторжению в Валахию, и турки на несколько лет прекратили свои агрессивные поползновения.

— Представляю себе,— в задумчивости проговорила Магда,— что может значить «приближенный Влада Тепеша».

— Не забывай, дочка, что и времена тогда были совсем другие,— сказал профессор.— Влад — только сын своей эпохи, и Моласар тоже. А в этих местах, кстати, Влада до сих пор считают национальным героем. Хотя он и наказывал иногда своих соотечественников, но все же был грозой турков. И в этом страна не знала ему равных.

— Да, наверное, Моласар не находит ничего предосудительного в поступках Влада.— Магда еще раз представила себе всех женщин, мужчин и детей, медленно умирающих на солнцепеке, и ей стало нехорошо.— Видимо, это казалось тогда забавным зрелищем.

— Сейчас трудно судить об этом. Зато становится понятно, почему представитель, так сказать, нечистой силы тяготел к Владу: рядом с ним у него не было недостатка в жертвах. Он вполне мог питаться их кровью, а у окружающих не возникало никакого сомнения, что

все враги Влада умирают лишь от его колов. А если учесть, в каких огромных количествах гибли в то время люди, то будет совершенно очевидно, что заподозрить Моласара в адском происхождении не смог бы даже самый проникательный человек.

— Но это все равно его не оправдывает,— в ужасе прошептала Магда.

— Магда, мы с тобой не вправе судить его. Это можно позволить только тем, кто будет равным ему. А кто может сравниться с ним? Ты представляешь себе, что значит само его существование?! Ты понимаешь, как многое оно меняет? И сколько наших убеждений разобьется в результате этого?

Магда медленно кивнула, с трудом отдавая себе отчет, как именно могут измениться теперь ее представления о мире.

— Да. Видимо, существует какая-то форма бессмертия...

— Больше того! Причем во много раз больше! Это же принципиально новая, еще не известная нам форма жизни! Отличный от нашего, новый способ существования! Нет, я опять говорю что-то не то... Конечно, это СТАРЫЙ вид, но он будет новым с точки зрения нашей науки и даже религии! Ведь если на секунду забыть обо всем рациональном и подумать о духовной стороне дела...— Тут профессор запнулся.— Да все наши понятия до сих пор были в корне неверными! Вся наша наука и религия просто рухнут!

— Но этого не может быть! — Магда все еще не понимала, о каких переменах так страстно толкует ее отец.

— Я и сам еще не во всем до конца разобрался. Предстоит узнать очень многое, а у нас так мало времени!.. Он живет, питаясь кровью людей,— это легко понять по трупам солдат, которые мне показали. У них глубокие раны на шее, и эти трупы обескровлены. А сегодня я выяснил и еще кое-что: Моласар не отражается в зеркале! То есть в этом все легенды о вампирах оказались правы. Но то, что они боятся чеснока и серебра,— ложь. Похоже также, что они действительно являются ночными существами; во всяком случае, Мола-сар и нападает, и появляется только ночью. И тем не менее я не уверен, что днем он проводит время так, как утверждают легенды,— едва ли он отсыпается в гробу.

— Вампир...— задумчиво повторила Магда и вздохнула.— А вот мы сейчас сидим здесь и греемся на солнышке, и от этого кажется так смешно, что...

— По-моему, тебе было совсем не смешно, когда позавчера ночью он за считанные секунды буквально высосал из нашей комнаты электрический свет... А когда ты почувствовала его прикосновение к своей руке, тебе тоже было смешно?

Магда вскочила и инстинктивно потерла свой локоть, вспомнив о той странной отметине. Может быть, она уже исчезла?... Девушка отвернулась и незаметно приподняла рукав кофты. Пятно до сих пор было на месте — небольшое продолговатое пятнышко бледно-серого цвета, как след от старого обморожения. Но когда она начала опускать рукав, то увидела, как этот зловещий знак исчезает буквально на глазах под воздействием прямых солнечных лучей. Она не поверила и продолжала наблюдать за своей рукой — через несколько секунд пятно исчезло совсем.

Магда пошатнулась и, чтобы не потерять равновесие, схватилась за спинку отцовского кресла. Она попыталась сосредоточиться. Выражение ее лица оставалось спокойным, будто ничего не произошло — ей не хотелось лишний раз тревожить отца.

Но это была излишняя предосторожность — профессор не смотрел на нее, его взгляд был по-прежнему устремлен в сторону замка.

— Сейчас он где-то там, в своем доме,— задумчиво проговорил Куза.— Ждет, когда наступит ночь. И мне нужно снова с ним встретиться.

— Неужели он и в самом деле вампир, и при этом пятьсот лет назад был обычным румынским дворянином? Может быть, он просто обманывает тебя? У него есть какие-нибудь доказательства?

— Доказательства? — изумился профессор.— А почему он обязан нам что-либо доказывать? Ему неважно, что ты или я будем думать о нем и за кого мы его принимаем. У него, вероятно, есть какие-то свои планы, и он считает, что я могу быть ему чем-то полезен. «Союзник в борьбе с иноземцами» — таковы были его слова.

— Но ты не должен позволять ему использовать себя!

— А почему бы и нет? Если ему и впрямь нужен союзник, чтобы избавиться от захватчиков, то я с ра-

достью готов помочь в этом деле. Правда, мне трудно пока представить себе, что может сделать для него старый больной человек. Но все же я ничего не стал рассказывать немцам о нашей встрече.

Магда почувствовала, что отец скрывает не только с немцами. Ей показалось, что он и сейчас чего-то недоговаривает. А это было на него совсем непохоже.

— Папа, неужели все это так серьезно?

— Сейчас у нас с Моласаром один общий враг. Надеюсь, ты понимаешь это?

— Может быть, но только сейчас. А что будет потом?..

Но он будто не расслышал ее последний вопрос.

— И не забывай, дочка, что мне он тоже может быть очень полезен. Я имею в виду свои исследования. Я должен узнать о нем буквально все. А для этого мне нужно еще раз поговорить с ним. Я просто обязан! — И он снова перевел взгляд на замок. — Так много перемен принесли эти встречи... Я должен собраться с мыслями.

Как ни старалась Магда, она не могла понять, что сейчас происходит у отца в голове.

— Но что же тебя все-таки так беспокоит? Ведь ты много лет уже убежден, что в легендах о вампирах есть доля истины. Раньше все посмеивались над тобой, а теперь ты убедился, наконец, в своей правоте и должен быть рад этому, а тебя эта правда, наоборот, тяготит. Почему?

— Неужели тебе непонятно? Ведь раньше это была только своего рода гимнастика для ума. Я просто упражнял этим свой интеллект. Мне даже нравилось отстаивать свои безумные гипотезы перед твердолобыми бумажными червями исторического факультета.

— Нет, не только это. Ты искренне верил в свою правоту. И не вздумай переубеждать меня!

— Ну хорошо, не буду... Но я и правда никогда не мог предположить, что подобное существо может жить здесь, рядом с нами. И тем более не мог надеяться на встречу с ним в его собственном доме! — Тут голос профессора перешел в шепот. — А уж вообразить себе, что он боится...

Магда ждала, что он закончит фразу, но слова так и повисли в воздухе. Профессор снова задумался и как бы невзначай сунул правую руку во внутренний карман пальто.

— Боится чего? Чего же он так боится?..

Но Куза будто не знал, стоит ли ему говорить дальше или лучше сохранить свое знание в тайне. Он рассеянно смотрел на замок, продолжая шарить в кармане, будто искал там какую-то вещь.

— Моласар — чистое зло, Магда. И у него невероятные силы. Это паразит, существующий за счет смерти человека, за счет его крови. Настоящее зло во плоти. Зло, которое становится осязаемым. А если это правда, то где же находится добро?..

— О чем ты? — Магда растерялась. Она ничего не понимала. Ей показалось, что отец просто бредит наяву. — Я даже не могу догадаться, к чему ты клонишь.

И тут профессор резко выдернул руку, вытянул ее вперед и показал Магде то, что было зажато у него в кулаке, а теперь лежало на раскрытой ладони.

— Вот! Вот, о чем я сейчас говорю!

Это был тот самый маленький серебряный крестик, который она попросила вчера для отца у капитана Ворманна. Но что же все-таки он имеет в виду? Почему так победно засветились его глаза?

— Я ничего не понимаю, — искренне повторила девушка.

— Вот чего боится Моласар!

— Ну и что из этого? — Магда подумала, что отец начинает сходить с ума, придавая этому факту такое большое значение. — Ведь, как ты помнишь, все легенды о вампирах утверждают, что...

— Легенды? Да нет больше никаких легенд! Все это на самом деле так! И этот крест буквально привел его в ужас! Моласар чуть не бросился вон при виде простого католического креста!

Постепенно Магда начала понимать, что так сильно встревожило отца и теперь не дает ему покоя.

— Ну вот! Я чувствую, до тебя, наконец, дошло, — сказал он, кивнул дочери, и грустная улыбка появилась на его лице.

Бедный папа! Ему пришлось целую ночь провести рядом с таким жутким существом!.. И все же она отказывалась верить в то, что он собирался поведать ей сейчас.

— Но ты же не станешь утверждать, что...

— Нет, Магда. К сожалению, стану. — Он приподнял крестик, рассматривая, как блестит на солнце ме-

талл.— Ведь это часть нашей собственной истории, наших традиций и веры. Мы считали, что Христос не был мессией. Что настоящий мессия еще только должен спуститься на Землю. Мы думали, что Христос был обычным человеком, а все его последователи и друзья — в основном просто добрые и сердечные люди — заблуждались, называя его сыном Господа. Но если это так... — Теперь профессор не сводил глаз с креста, будто качающийся на цепочке кусочек металла загипнотизировал его. — Если это и в самом деле так, и Христос был обыкновенным человеком... то почему же крест — простой символ его смерти — мог до такой степени перепугать вампира? Почему?

— Папа, не торопись делать выводы. Может быть, тебе известно еще далеко не все...

— Конечно, не все. Но подумай: ведь об этом нам постоянно твердили и в сказках, и в романах, а уже позднее — в фильмах, снятых по этим сказкам. Но кто из нас всерьез задумывался о силе креста? И вот оказалось, что вампиры его боятся. Но почему?.. Ответ может быть только один: потому что он — символ человеческого спасения. Видишь, как все непросто? Мне и в голову не могло такое раньше прийти!

Куза замолчал, а Магда в ужасе думала: «Неужели правда? Неужели все это действительно правда?»

Но вот профессор снова заговорил, и на этот раз его голос звучал глухо и мерно, будто шел не от человека, а из какого-то механизма:

— Если чудовище, подобное Моласару, не выносит даже одного вида креста, то, значит, Христос не был простым человеком. А отсюда следует логический вывод: наш народ, со всеми его традициями и верой уже без малого две тысячи лет стоит на ложном пути. Мессия приходил тогда на Землю, а мы не сумели распознать его!

— Не говори так! Я отказываюсь тебе верить! Здесь должен быть какой-то другой ответ.

— Тебя просто не было со мной этой ночью. И ты не видела всего ужаса на лице Моласара, когда я вынул этот крест. И поэтому тебе трудно понять, в каком состоянии он пребывал все это время, пока я не положил крест обратно в коробку. Говорю тебе: крест имеет над ним силу!

Очевидно, это все-таки было правдой, хотя и шло вразрез со всеми принципами и представлениями девушки. Но если отец говорит так, если он все это видел собственными глазами, значит, это правда. Магда хотела найти какие-нибудь слова, чтобы утешить и поддержать его, но не могла. Она только вздохнула и прошептала:

— Папа...

Он печально улыбнулся в ответ.

— Не переживай так, дитя мое. Я не собираюсь выкидывать тору и уходить в монастырь. Моя вера глубока. Но все же нам теперь есть над чем призадуматься, правда? Встает вопрос: может быть, и все остальные народы пропустили тот корабль спасения, который приплывал за нами двадцать веков назад?

Он пытался как-то успокоить дочь, но она прекрасно понимала, что в эти минуты он терзается в душе не меньше ее.

Магда медленно опустилась на мягкую траву, чтобы еще раз осмыслить все случившееся. И в этот момент ее взгляд уловил какое-то движение наверху. На втором этаже мелькнула и исчезла копна огненно-рыжих волос. Магда в негодовании сжала кулаки. Окно в комнате Гленна было открыто. Наверняка он подслушивал их разговор.

Она не сводила глаз с окна, надеясь поймать его с поличным, но так больше ничего и не увидела. И только она решила забыть об этом маленьком инциденте, как неожиданно сзади раздался знакомый уверенный голос:

— Доброе утро!

Гленн стоял рядом с ними и держал в обеих руках по небольшому плетеному креслу.

— Кто там? — взволнованно спросил профессор. Он не мог повернуть голову, чтобы увидеть, кто стоит у него за спиной.

— Я познакомилась с этим человеком вчера. Его зовут Гленн. Он тоже снимает у Юлью комнату.

Гленн кивнул Магде и подошел к профессору, вежливо склонившись над ним, как настоящий великан над лилипут. На нем были шерстяные штаны, высокие сапоги и свободная шелковая рубашка с расстегнутым воротничком. Он поставил оба кресла на землю и протянул профессору руку.

— И вам доброе утро, сэр. Я вчера познакомился с вашей дочерью.

— Теодор Куза,— неохотно отозвался отец, не пытаясь скрыть своего недоверия к незнакомцу, так смело вмешивающемуся в их разговор. Потом он медленно вложил свою жесткую и непослушную руку в ладонь Гленна. Последовало нечто вроде рукопожатия, после чего Гленн предложил Магде кресло.

— Сядьте лучше сюда. Земля еще сырая.

Магда поднялась с травы.

— Спасибо, я постою,— сказала она, пытаясь выглядеть надменной и неприступной. Ей очень не понравилось то, что Гленн подслушивал их разговор, а теперь еще намеревается присоединиться к ним.— Мы с отцом как раз собирались уходить.

Магда шагнула к инвалидной коляске, но Гленн решительно преградил дорогу и положил руку ей на плечо.

— Пожалуйста, останьтесь. Меня разбудили ваши голоса. Вы, кажется, обсуждали замок и говорили что-то насчет вампиров. И мне очень захотелось послушать. Можно? — Он улыбнулся.

Магда не нашла, что ответить. Сначала этот незнакомец так нахально подходит к ним, а потом еще кладет руку ей на плечо! И все же она не отстранилась и не стала противиться. Почему-то от этого прикосновения по всему ее телу разлилось приятное тепло и спокойствие.

Но профессор ответил ему, не задумываясь:

— Не говорите ни слова о том, что вы успели услышать, никому на свете! Иначе это будет стоить нам с дочерью жизни!

— Можете ни секунды не сомневаться в моем молчании,— уверил его Гленн, и улыбка с его лица сразу исчезла.— Мне с немцами не о чем разговаривать.— Он перевел взгляд на Магду.— Может быть, вы все же присядете? Это кресло я принес специально для вас.

Она вопросительно посмотрела на отца.

— Как ты считаешь?

Профессор примирительно кивнул:

— Я думаю, у нас нет сейчас большого выбора.

Магда повернулась к креслу, и Гленн опустил руку. И тут же девушка почувствовала, будто внутри нее образовалась какая-то непонятная пустота. Теперь ей чего-то не хватало.

Гленн в это время подошел к другому креслу и тоже сел, широко расставив при этом ноги.

— Вчера вечером Магда рассказала мне, что в замке обитает вампир,— начал он.— Но только я не совсем понял, каким именем он себя называет.

— Моласар,— ответил профессор.

— Моласар,— задумчиво повторил Гленн, и на лице его появилось выражение крайнего изумления. Он медленно, по слогам, произнес это имя: — Мо-ла-сар.— А потом засветился от радости, будто решил какую-то хитрую задачу.— Ну конечно, Моласар! Странное, однако, имя, вы не находите?

— Необычное,— согласился отец.— Но не такое уж и странное.

— А теперь насчет этого.— Гленн кивнул на маленький крестик, все еще зажатый между больными пальцами профессора.— Если я вас правильно понял и все верно расслышал, вы утверждали, что этот самый Моласар боится креста?

— Да.

Магда заметила, что отец отвечает с большой неохотой. В его планы едва ли входило выкладывать все, что он знал, первому встречному.

— А скажите, профессор, вы ведь еврей?

Отец кивнул.

— Никогда не слышал, чтобы евреи носили с собой кресты. Или это местный обычай?

— Мне достала его дочь. Крест был нужен для моих исследований.

Гленн повернулся к Магде:

— И где же вы его взяли?

— Мне дал его один офицер в замке.— Она не понимала, к чему он клонит.

— Это его собственный крест?

— Нет, он снял его с какого-то мертвого солдата.— Теперь она, кажется, начала понимать, куда ведут его вопросы.

— Странно.— Гленн пристально посмотрел на профессора.— Очень странно, что этот крест не спас своего владельца, которого все-таки убили. Логично было бы предположить, что существо, так боящееся крестов, лучше бы оставило его в живых и подыскало себе другую жертву, на которой не было бы такого... ну, скажем, амулета.

— Может быть, крест был у него под рубашкой,— предположил Куза.— Или в кармане. Или вообще не на нем, а в комнате.

Гленн только улыбнулся.

— Может быть. Все может быть.

— А ведь и правда, папа, мы с тобой как-то об этом и не подумали,— быстро среагировала Магда. Она была рада ухватиться за любые слова, которые могли хоть чем-нибудь поддержать его душевное равновесие.

— Сомневайтесь во всем. Всегда сомневайтесь и задавайте себе всяческие вопросы,— продолжал Гленн.— Мне кажется, не стоит напоминать об этом ученому...

— Откуда вы знаете, что я ученый? — Подозрительность и недовольство мелькнули в глазах профессора.— Хотя, конечно, вам могла сказать моя дочь.

— Мне рассказал о вас Юлью. Но вы упустили из виду и еще кое-что. И это настолько очевидно, что, когда я расскажу, вам станет просто стыдно за себя.

— Пусть нам поскорее станет стыдно,— улыбнулась Магда.— Говорите же!

— Ну, хорошо. Зачем, скажите, вампиру, который так боится крестов, поселяться в замке, все стены которого так и усеяны ими? Как вы это можете объяснить?

Магда и отец молча уставились друг на друга.

— Видите ли,— смущенно начал профессор,— я так часто бывал в этом замке и столько времени потратил на раскрытие тайны этих крестов, что постепенно просто перестал обращать на них внимание. Я их теперь даже не замечаю!

— Я вас хорошо понимаю. Я и сам несколько раз посещал эти места и могу согласиться, что со временем кресты, конечно, начинают будто бы сливаться с самим замком. Но все же вопрос остается: зачем существу, страшшемуся крестов, окружать себя ими со всех сторон? — С этими словами он встал с кресла, поднял его и легко перекинул через плечо.— А теперь, я думаю, мне пора идти завтракать. Наверное, мадам Фионеску уже приготовила что-нибудь вкусненькое. Я на время оставляю вас, а вы поразмышляйте на досуге и, может быть, найдете ответ. Если он, конечно, существует.

— А почему вас это так интересует? — спросил вдруг Куза.— И зачем вы вообще приехали в такую глушь?

— Я просто путешественник,— скромно ответил Гленн.— Мне нравятся эти места, и иногда я приезжаю сюда.

— Нет, по-моему, вы не просто интересуетесь замком. И мне кажется, вам известно о нем гораздо больше.

Гленн пожал плечами.

— Ну уж, конечно, не так много, как вам.

— Я даже не знаю, что мне делать,— пожаловалась Магда.— Мне так не хочется отпускать отца назад в крепость...

— Но я **ДОЛЖЕН** быть там! Мне обязательно надо встретиться с Моласаром.

Магда невольно потеряла ладони. При одной мысли о нем ей становилось холодно.

— Мне так страшно,— сказала она.— Что я буду делать, если завтра утром тебя найдут с разорванным горлом, как тех солдат?

— Это еще не самое худшее, что может произойти,— неожиданно заявил Гленн.

Голос его показался Магде настолько резким, что она даже вздрогнула и растерянно подняла на него глаза. Внезапно все его тело напряглось, а лицо стало очень серьезным. Но буквально через секунду он будто бы очнулся от этой неожиданной перемены и снова мягко заулыбался.

— Ну, меня ждет завтрак. Я уверен, что это не последняя наша встреча. И еще одно, прежде чем я уйду...

Он подошел к инвалидному креслу и, взявшись за спинку, одной рукой быстро развернул его на сто восемьдесят градусов.

— Что вы делаете? — закричал Куза. Магда вскочила и бросилась на помощь отцу.

— Просто хочу предложить вам, профессор, слегка переменить декорации. В конце концов, этот замок довольно мрачен. И в такой прекрасный солнечный день не стоит слишком долго смотреть на него.— Он указал в сторону перевала.— Смотрите на юг или восток, но только не на север. При всей суровости климата места здесь и в самом деле очень красивые. Поглядите, как начинают зеленеть леса, как в расщелинах скал пробиваются молодые ростки и зацветают дикие травы. Забудьте о замке хоть на некоторое время.

На секунду он поймал взгляд Магды, потом резко повернулся и зашагал к гостинице, неся на плече свое плетеное кресло.

— Что за странный тип? — удивленно спросил профессор, и было видно, что он готов улыбнуться.

— Это уж точно,— согласилась Магда. Но хотя он и казался ей несколько необычным, в душе она была ему благодарна. По каким-то неизвестным причинам Гленн сумел не просто присоединиться к их невеселому разговору, но и принять в нем самое живое участие, при этом помог отцу рассеять его страшные сомнения и поднять настроение. И все это получилось у него очень ловко и непринужденно. Но почему? Какое ему дело до душевных мук несчастного калеки-еврея из Бухареста?

— Интересно... Он задал нам такие вопросы, над которыми и впрямь стоит призадуматься. Почему же это мне самому не приходило в голову?

— И мне тоже...

— Ну, здесь стоит оговориться,— попытался оправдаться профессор.— Ведь не он этой ночью встречался с тем самым чудовищем, которое все до сих пор считали вымыслом и плодом больного воображения. Поэтому ему проще смотреть на вещи более объективно. Кстати, как вы познакомились?

— Я его встретила вчера поздно вечером возле самого рва, когда наблюдала за твоим окном...

— Не надо было так за меня волноваться! Это я должен заботиться о твоей безопасности, а не наоборот.

Но Магда не слушала его.

— ...Он подъехал на коне прямо к воротам и, казалось, собирался с ходу влететь во двор замка. Но потом, когда заметил внутри огни и солдат, остановился.

Профессор несколько секунд размышлял о чем-то, а затем резко перевел разговор в совсем другое русло:

— Кстати, о солдатах. Наверное, мне пора уже возвращаться, пока они сами за мной не пришли. Я предпочитаю явиться в замок по доброй воле, а не под дулом автомата.

— А может быть, мы все же сумеем...

— Улизнуть от них? Ну, разумеется! Если ты всю дорогу до Кымпины повезешь меня по ухабам в этой коляске Или поможешь мне взобраться на коня — тогда путь был бы значительно легче!..— Куза горько усмехнулся.— А еще лучше, если мы попросим того эсэсовского майора, чтобы он одолжил нам на пару часов одну из своих машин. Мы просто покатаемся, а потом приедем назад. Прямо так ему и скажем. Как ты думаешь, он не откажет?

— Не надо со мной так разговаривать,— обиделась Магда. Ей было больно слышать из уст отца столь оскорбительные насмешки.

— Даже не думай о том, чтобы убежать отсюда вдвоем и при этом обоим уцелеть. Эти немцы не такие уж идиоты. Они прекрасно понимают, что сам я не смогу убежать, а ты без меня тоже никуда не денешься. Хоть я и просил тебя об этом. Тогда по крайней мере хотя бы один из нас остался в живых.

— Даже если бы ты и мог бежать, ты все равно остался бы в замке. Скажи только, что это не так! — Магда прекрасно понимала его.— Ведь на самом деле тебя просто тянет туда.

Куза старался не смотреть в глаза дочери.

— Мы все равно здесь в ловушке. Но именно сейчас судьба уготовила мне награду за все труды. И я не имею права упускать такой шанс. Ведь это дело всей моей жизни, и если я не закончу его теперь, когда удача уже так близко, то стану просто предателем по отношению к самому себе.

— Даже если бы сюда сейчас сел самолет и летчик попросил бы тебя улететь вместе с ним на свободу, ты и тогда отказался бы?

— Магда, я ДОЛЖЕН снова увидеть его! Я должен узнать всю правду и об этих крестах, и о нем самом. Кто он такой? Каковы его цели? А самое главное — надо выяснить до конца, почему он боится крестов. Если я не сделаю этого, то я... я просто сойду с ума!

Несколько секунд оба молчали. И эти мгновения показались Магде вечностью. Но она почувствовала и еще кое-что — растущую пропасть между ней и отцом. Отец будто бы отдалялся от нее, замыкаясь в себе и отталкивая ее прочь. Никогда в жизни она не испытывала еще ничего подобного. Раньше они всегда могли договориться друг с другом. Теперь же казалось, что у него отпала в этом нужда. Единственное, чего ему больше всего хотелось,— это новой встречи с Моласаром.

Тишина становилась невыносимой, и наконец профессор коротко приказал:

— Отвези меня.

— Ну, побудь со мной еще немножко. Ты и так проводишь в замке слишком много времени. Похоже, он начинает на тебя как-то действовать...

— Магда, со мной все в порядке. Я себя неплохо чувствую и буду сам решать, сколько и когда мне работать... Так ты повезешь меня или мне ждать, пока здесь появятся нацисты?

Закусив от обиды губы, Магда повернула кресло к мосту, и они двинулись в путь.

Глава двадцатая

Гленн сидел в комнате в нескольких шагах от окна, чтобы Магда не смогла заметить его, если вдруг снова решит взглянуть на гостиницу, и прислушивался к продолжению разговора. Как же он был неосторожен!.. Его настолько увлекло все услышанное, что он даже высунулся наружу и облокотился о подоконник. Неудивительно, что Магда увидела это. И тогда он решил, что в таких щекотливых обстоятельствах будет лучше всего подойти к беседующим и как ни в чем не бывало в открытую присоединиться к их разговору.

Но вот голоса смолкли. Услышав скрип колес инвалидного кресла, он осторожно выглянул из-за шторы и увидел, что его новые знакомые удаляются в направлении замка. Магда выглядела очень спокойной, но он прекрасно понимал, каково ей сейчас на самом деле и какие страсти бушуют в ее душе. Еще несколько шагов — и они скрылись за углом гостиницы.

Гленн не задумываясь рванулся к двери, тремя размашистыми шагами преодолел коридор и, толкнув дверь напротив, очутился в ее комнате. Выглянув из окна, он увидел, что Магда уже подходит к мосту, осторожно толкая перед собой коляску.

Ему было приятно наблюдать за девушкой.

Магда заинтересовала его с первой же встречи вчера вечером возле рва. Тогда она тоже была внешне спокойной, хотя в руке на всякий случай держала увесистый камень. Приятное впечатление усилилось потом, в гостинице. Гордая и уверенная, она не уступила ему своей комнаты. Тогда он впервые увидел ее при свете, и гневно сверкающие глаза девушки заставили его отступить, чего давно уже не случалось. Огромные темные глаза, пылающие румянцем щеки... Магда особенно понравилась ему, когда на лице ее заиграла милая добрая улыбка. Правда, он видел эту улыбку всего один

раз. Она чуть прищурила глаза, потом уголки губ приподнялись, и засверкали белоснежные ровные зубы. А ее волосы!.. Конечно, он видел лишь случайно выбившиеся пряди, но они были такие шелковистые и блестящие! Ей лучше бы носить их распущенными, а не прятать под платок.

Но притягивала его не одна только внешность. Магда, похоже, была неплохим человеком. Он смотрел, как она подвезла отца к самым воротам и там передала в руки охранников. Ворота перед ней закрылись, и она осталась на мосту одна. Гленн немедленно отступил на середину комнаты, чтобы девушка не смогла увидеть его, и оттуда продолжал наблюдать.

А смотреть было очень приятно. С каким достоинством уходит она прочь от замка! Ведь она знает, что глаза часовых устремлены сейчас на нее, осознает, что в этот момент десятки солдат мысленно раздевают и насилюют ее. Но она идет прямо, гордо расправив плечи, и в походке ее нет ни суетливости, ни даже малейшего намека на кокетство. И полное спокойствие на лице и в движениях. Будто она совершает самую обычную прогулку, и ничего особенного вокруг не происходит. А душа ее сейчас сжалась в комок, и сердце бешено колотится от напряжения.

В восхищении Гленн медленно покачал головой. Он давно научился искусно прятать свои чувства, завертываясь в невидимый кокон отчуждения. Никогда он не выражал людям своих симпатий, стараясь держаться от них на расстоянии и не давать сердцу взять верх над разумом. Это позволяло ему четко и бесстрастно оценивать обстановку и объективно судить обо всем, даже когда весь мир вокруг начинал превращаться в хаос.

Теперь же он осознал, что Магда принадлежит как раз к тем редким людям, которые способны пробить его броню, вызвать волнение и нарушить душевный покой. Но он чувствовал, что Магда не просто нравится ему как женщина. Он проникся к ней истинным уважением, а этого удаивались лишь самые избранные.

Но сейчас он не имел права давать волю чувствам. Необходимо как никогда соблюдать дистанцию. И все же... у него столько лет уже не было женщин, а Магда сумела пробудить эти до боли знакомые чувства, память о которых почти совсем угасла. Как приятно переживать

вновь забытсе волнение и трепет!.. Она действительно очаровала его, и они могли бы...

Нет! Только не это! Сейчас нельзя расслабляться, нельзя позволять себе этого! Когда угодно, только не сейчас!..

И все же...

Гленн тяжело вздохнул. Лучше стереть свои чувства, пока не поздно, или, по крайней мере, спрятать их куда-нибудь в самый дальний уголок сердца. Иначе может произойти непоправимое. Для них обоих.

Магда повернула к гостинице. Гленн тихо вышел из комнаты, аккуратно закрыл за собой дверь и через мгновение был уже у себя. Он лег на кровать и заложил руки за голову, прислушиваясь к ее шагам. Сейчас она пройдет мимо его комнаты к своей двери... Но в коридоре почему-то все было тихо.

К своему удивлению, Магда обнаружила, что чем ближе она подходит к гостинице, тем меньше думает об отце, а все время почему-то вспоминает Гленна. Она ощутила угрызения совести и даже разозлилась на себя: отец снова остался один, больной и несчастный, среди нацистов, ночью ему предстоит еще опасная встреча с этим дьявольским существом, а ее мысли занимают какой-то незнакомец! Но, подходя к дверям гостиницы, она ясно ощутила во всем теле приятную дрожь. Сердце радостно забилося, когда она еще раз вспомнила Гленна.

«Наверное, это от голода,— решила Магда.— Надо срочно чего-нибудь перекусить».

Перед гостиницей никого не было. Плетеное кресло, которое приносил для нее Гленн, одиноко стояло на лужайке под солнцем. Она взглянула на окна. Никого.

Магда подняла кресло с травы и понесла его в дом. Она пыталась убедить себя в том, что сейчас испытывает только голод и никакого разочарования.

Потом вспомнила, что Гленн тоже собирался позавтракать. Может быть, он еще не ушел?.. Магда ускорила шаг. Да, ей очень хотелось есть.

Войдя внутрь, она увидела, что за столом в нише, где обычно едят приезжие, сидит один только Юлю. Он отрезал от головки сыра толстый ломоть и запивал его козьим молоком. Казалось, этот человек питался по крайней мере раз шесть в день, не меньше. Но, кроме него, здесь никого больше не было.

— Госпожа Куза! — позвал Юлью. — Не хотите ли сыру?

Магда кивнула и села на скамью напротив него, тут же почувствовав, что совершенно не голодна. Но поесть все же следовало — просто для поддержания сил. И кроме того, она хотела задать владельцу гостиницы несколько вопросов.

— А ваш новый постоялец, — как бы невзначай начала она, осторожно снимая пласт сыра с лезвия протянутого ей огромного ножа, — он взял завтрак в свой номер?

Юлью нахмурился.

— Завтрак? Нет, он еще не завтракал. Но многие туристы привозят свою еду.

Теперь насупилась Магда. Зачем же он тогда говорил, что пойдет к Лидии? Или это был просто повод для того, чтобы побыстрее отделаться от нее?

— Скажите, Юлью, я тут заметила, что вчера вечером вы были сильно встревожены. Если не секрет, что же вас так расстроило, когда приехал этот Гленн?

— Ничего.

— Послушайте, Юлью, я же видела, как вы дрожали. И теперь мне надо знать, почему. Тем более что моя комната находится как раз напротив той, которую занимает наш новый гость. И мне важно убедиться, что это не опасно.

Хозяин гостиницы продолжал сосредоточенно нарезать сыр.

— А вы не будете считать меня дураком?

— Нет, Юлью. Никогда!

— Ну, ладно. — Он отложил нож в сторону и, оглянувшись, чуть не шепотом быстро заговорил: — Когда я был еще маленьким, гостиница принадлежала моему отцу. Он, как и я сейчас, кроме всего прочего, выплачивал деньги работникам в замке. Но вот как-то раз оказалось, что часть золота, из которой он должен был платить рабочим жалованье, пропала. Отец говорил, что его кто-то украл. И ему было нечем расплачиваться. А в следующий раз, когда привезли новую сумму, снова часть из нее пропала. Однажды ночью в гостинице появился иностранец и начал страшно избивать отца. Он швырял его по комнате так, будто тот был соломенной куклой, а не живым человеком. И при этом все время приговаривал, чтобы отец нашел пропавшее золото:

«Ищи деньги! Ищи деньги!..» — Юлью тяжело вздохнул и продолжал: — К своему стыду, я должен признаться, что отец отыскал-таки эти проклятые монеты. Он сам их взял и спрятал куда-то. Иностранец прямо взбесился. Никогда еще я не видел, чтобы люди так гневались. Он снова принялся колотить отца, да так, что сломал ему обе руки.

— Но какое это имеет отношение к...

— Понимаете,— не обращая внимания на слова Магды, продолжал Юлью. Он весь подался вперед и теперь уже полностью перешел на шепот: — Мой отец всегда был честным человеком, но в начале века у нас были такие трудные времена!.. И он взял себе немного золота, только чтобы не умереть зимой с голоду. Он потом обязательно вернул бы все. Это было единственное, что он сделал плохого за всю свою жизнь, а в остальном никто не мог сказать о нем ни одного худого слова...

— Юлью! — Магда не могла уже уследить за смыслом ответа в бесконечном потоке лишних подробностей. — Но какое все это имеет отношение к тому человеку, который живет в вашей гостинице?

— Они похожи как две капли воды! Я же видел того, который бил моего отца. Мне было всего десять лет, но я запомнил его на всю жизнь. У него тоже были рыжие волосы, и он... он так похож на этого человека! Но... — Тут Юлью нервно рассмеялся. — Тот, который бил моего отца, уже тогда выглядел лет на тридцать — точно так же, как теперь этот Гленн, — а ведь с тех пор прошло почти сорок лет. Так что это никак не может быть один и тот же тип. Но вчера... Он же поздно приехал, и тут темно совсем было — всего одна свечка-то и горела... Вот я и подумал, что это тот самый иностранец вернулся, чтобы и меня избить.

Магда удивленно подняла брови, и Юлью поспешил добавить:

— Нет-нет! Никакого золота я, конечно, не крал. И хотя немцы не пускают теперь работников в замок, чтобы они там убирались и делали все остальное, я все равно им исправно плачу. Я никогда не брал из этого золота ни одной монетки. Ни разу в жизни!

— Ну разумеется, не брал. — Она поднялась, взяв с собой со стола недоеденный кусочек сыра. — Я пойду в комнату. Мне надо отдохнуть.

Хозяин улыбнулся и кивнул.

— Конечно, госпожа Куза. Ужин будет готов в шесть часов.

Магда быстро поднялась по ступенькам и неожиданно для самой себя замедлила шаг, проходя мимо комнаты Гленна. Она невольно прислушивалась к звукам за дверью — ей было интересно, что он сейчас делает, если, конечно, он у себя.

Зайдя в свой номер, она сразу же почувствовала духоту и решила устроить небольшой сквозняк, одновременно раскрыв дверь и окно. В фарфоровом кувшине на тумбочке стояла свежая вода, и девушка плеснула немного в тазик, который был здесь же, рядом, чтобы ополоснуть лицо. Она очень сильно устала, но понимала, что ей теперь все равно уже не уснуть. Слишком много нового она узнала только что, и миллион разных мыслей роем носился у нее в голове. Нет, отдыхать сейчас она никак не могла.

Резкий писк заставил Магду подойти к окну. На дереве возле самой гостиницы среди пышно зацветающих веток она заметила птичье гнездо. Ей хорошо было видно всех четверых птенцов. Они вытягивали свои тонкие шейки и широко разевали огромные желтые клювы, нетерпеливо уставившись вверх, откуда вот-вот должна была появиться птичка-мать и накормить весь выводок. Магда мало что знала про птиц. Эта пичужка оказалась серой с черными перышками на концах крыльев. В Бухаресте можно было бы заглянуть в энциклопедию, но сейчас Магде даже в голову не пришло спросить кого-нибудь, как называется эта птица.

Девушка нервно зашагала по комнате. Затем проверила свой карманный фонарик. Он исправно работал. «Это хорошо, — подумала она. — Сегодня вечером он может мне пригодиться». Проводив отца в замок, она пришла на обратном пути одно твердое решение.

Потом взгляд ее случайно упал на мандолину, незаметно стоящую в самом углу. Она взяла ее, села на кровать и заиграла. Сначала медленно и как будто с трудом, выбрав самую простую мелодию и одновременно подтягивая фальшивящие струны, потом все быстрее и быстрее, и наконец полилась великолепная музыка — это все были старинные народные песни, и они плавно переходили одна в другую. Магда любила играть, и хотя не была профессионалом, со временем так искусно

овладела любимым инструментом, что уже не смотрела на струны. Вот и теперь она глядела куда-то вдаль, а пальцы сами находили их и, нежно перебирая, заставляли мандолину печально петь. Напряжение постепенно спадало, девушка успокаивалась. Она играла, позабыв обо всем и не замечая течения времени.

Вдруг какое-то движение у двери вернуло ее в реальность. Магда вздрогнула. В дверях стоял Гленн.

— Вы очень хорошо играете, — сказал он, не двигаясь с места.

Ей было приятно, что он пришел, что улыбается ей, и особенно радостно оттого, что ему понравилась ее музыка.

Она скромно улыбнулась.

— Не слишком хорошо. Я не очень старалась.

— Может быть. Но меня удивило разнообразие вашего репертуара. Я знаком только с одним человеком, который знает так много песен и может сыграть их без нот.

— И кто же это?

— Я.

Магда опять почувствовала в его голосе некое самодовольство. А может быть, он просто поддразнивает ее? Она решила проверить это и протянула ему мандолину.

— Докажите.

Усмехнувшись, Гленн прошел в комнату, пододвинул к кровати трехногий табурет, уселся на него и взял в руки инструмент. Профессионально настроив его за считанные секунды, он начал играть. Магда слушала с благоговением. Ей казалось невероятным, что настолько крупный мужчина огромными мускулистыми руками мог так нежно прикасаться к струнам. Вероятно, он все же дразнил ее, поскольку играл почти все те же мелодии, которые только что исполнила она сама, но у него это получалось гораздо лучше!

Магда внимательно смотрела на Гленна, не переставая изучать его. Просторная голубая рубаша подчеркивала ширину его плеч. Рукава были закатаны до локтей, и она любовалась замысловатой игрой крепких мышц, пока Гленн легко перебирал тонкие струны. На руках Магда заметила множество шрамов — от запястий они зигзагами уходили вверх до самых локтей и там скрывались под тканью. Сперва она решила, что, наверное,

надо спросить его об этих шрамах, но потом все же подумала, что это будет с ее стороны нетактично.

А вот поговорить о некоторых песнях, которые он сейчас играл, казалось вполне уместным.

— Последнюю вещь вы сыграли неправильно,— заявила она, когда музыка смолкла.

— Это какую же?

— Я называю ее «Подруга каменщика». Я знаю, что в разных областях страны слова этой песни чуть-чуть отличаются, но мелодия всегда одна и та же.

— Не всегда,— возразил Гленн.— Сначала ее играли именно так.

— Откуда вам это известно? — Его самоуверенность снова задела Магду.

— Потому что та бабушка, которая напела мне эту мелодию в одной из местных деревень, была совсем старенькой и умерла уже много лет тому назад.

— А в какой именно деревне?

Магда негодовала. Ведь она посвятила своим поискам не один год. И кто он такой, чтобы поправлять ее?

— Деревня называется Крынич, недалеко от Су-чавы.

— А-а, так это уже Молдавия! Поэтому и мелодия у вас звучит иначе.— Магда подняла глаза и увидела, что Гленн пристально смотрит на нее.

— Вам, наверное, одиноко здесь без отца?

Она и сама уже давно думала об этом. Сперва ей действительно было очень одиноко, когда она оказалась в этой гостинице. Она даже представить себе не могла, как будет обходиться без его общества. Но сейчас ей было приятно оттого, что рядом с ней сидит Гленн, приятно слушать, как он играет, и даже — что самое странное! — приятно с ним спорить. Никогда раньше она не впустила бы к себе в комнату постороннего мужчину, даже если бы и дверь у нее была открыта. Но с ним почему-то Магда чувствовала себя спокойно и уверенно. И сам он был очень ей симпатичен. Особенно поражали его голубые глаза, хотя Магда и не сумела прочитывать в них многого.

— И да, и нет,— уклончиво ответила она.

Гленн рассмеялся:

— Какой чистосердечный ответ, и даже не один, а целых два!

Они замолчали, и Магда вдруг осознала, что этот человек — настоящий мужчина, с крепким костяком и мощными мускулами. От него так и веяло силой и благородством, чего раньше она не замечала ни в одном из своих знакомых. Прошлой ночью и сегодня утром она как-то не обратила внимания на эти его качества, но сейчас в крохотной гостиничной комнатке они сразу почему-то стали бросаться в глаза. Его вид приводил ее в очень странное состояние, пробуждая самые примитивные желания, но от этого ей тоже становилось приятно. Еще в детстве она слышала что-то насчет животного магнетизма. Наверное, именно его она сейчас и испытывает, рассматривая это крепкое тело. Или, может быть, все происходит от того, что он такой живой и... настоящий, что ли? Жизненная сила прямо струится от его мышц!..

— Вы замужем? — спросил Гленн, глядя на кольцо на безымянном пальце ее правой руки. Это было обручальное кольцо ее матери.

— Нет.

— Значит, у вас есть любимый?

— Ну конечно же, нет.

— А почему нет?

— Потому что...— Магда колебалась. Она не осмеливалась признаться в том, что мужчины давно уже являются ей только в сладких снах. Наяву же она вконец отчаялась связать свою судьбу с живым человеком. Все достойные молодые люди, которых она знала, уже поженились, а те, кто был еще свободен, либо сами решили остаться холостяками, либо обладали такими характеристиками, что ни одна уважающая себя женщина не захотела бы ни за кого из них выйти замуж. Но, разумеется, все они блекли по сравнению с тем, кто сидел сейчас в комнате напротив нее.— Потому что я уже вышла из того возраста, когда замужество имеет для женщины хоть сколько-нибудь существенное значение,— наконец высказалась Магда.

— Да вы же еще настоящий ребенок!

— А вы? Вы женаты?

— Уже нет.

— Значит, были женаты раньше?

— И много раз.

— Сыграйте еще что-нибудь! — раздраженно нахму-

рилась Магда. Этот Гленн, наверное, решил свести ее с ума своими издевательствами.

Но через некоторое время музыка опять смолкла и начались разговоры. О чем они только не говорили, и все было близко и интересно Магде. Она заметила, что Гленн специально выбирает такие темы, чтобы ей не было скучно: о музыке, о цыганах и румынских крестьянах, без которых она не мыслила себе фольклора, о ее давних мечтах и тайных надеждах. Сперва она немного смущалась, но чувствуя, что и Гленну тоже интересно, понемногу осмелела, и вот слова сами полились из сокровенных глубин души. Может быть, ей впервые в жизни доводилось так откровенно излить все наболевшее. А Гленн внимал с таким искренним участием, что Магда даже удивилась. Обычно все ее собеседники слушали просто из вежливости и при первом же удобном случае старались перевести разговор на себя. Гленн же, напротив, ничего о себе не рассказывал, а только как бы подталкивал ее к тому, чтобы она говорила дальше.

Так прошло несколько часов. Вокруг гостиницы незаметно сгустились сумерки. И наконец Магда устало зевнула.

— Простите,— сказала она.— Наверное, я вас уже утомила. Видите, мои разговоры даже мне самой наскучили. Расскажите лучше о себе. Откуда вы родом?

Гленн пожал плечами.

— Пока я рос, мне пришлось много путешествовать по всей Европе. Но, наверное, можно сказать, что я из Англии.

— Вы прекрасно говорите по-румынски, почти без акцента.

— Я часто бывал в этих местах, и иногда подолгу. Даже жил у румын в их домах и работал вместе с их семьями.

— Но если вы британский подданный, то не опасно ли вам находиться сейчас в Румынии? Особенно когда рядом нацисты?

Гленн на секунду задумался.

— Видите ли, на самом деле я теперь человек без гражданства. То есть у меня, конечно, имеется много документов из разных стран, подтверждающих, что я их гражданин, но родной страны у меня все-таки нет. Да и кто в этих горах будет спрашивать, где моя родина?

Человек без родины?.. Магда никогда еще не слышала, чтобы такое бывало. Но на чьей же он все-таки стороне?..

— Будьте осторожны, в Румынии не так уж много рыжеволосых людей.

— Это верно.— Он улыбнулся и провел рукой по своим волосам.— Но немцы не выходят из замка, а Железная Гвардия не любит соваться в горы — они прекрасно понимают, что им здесь тоже может nepоздоровиться. Так что я, наверное, могу за себя не беспокоиться. И к тому же я не буду здесь долго задерживаться.

Магда почувствовала горькое разочарование — ей было так хорошо рядом с ним.

— А когда вы уезжаете? — Она сразу же пожалела, что задала этот вопрос, но удержать себя никак не могла. Уж очень ей хотелось узнать, сколько продлится ее маленькое счастье.

— Я думаю, что еще до того, как Германия с союзниками объявят войну России.

— Но этого не может быть!

— Это неизбежно. И произойдет это скорее, чем вы думаете.— Гленн поднялся с табуретки.

— Куда вы? — испугалась Магда.

— Я хочу дать вам немного отдохнуть. Вам сейчас нужно поспать.

Гленн наклонился и бережно положил мандолину ей на колени. Когда Магда брала инструмент, на какое-то мгновение ее пальцы коснулись его руки, и она ощутила нечто, похожее на электрический разряд, от чего по всему телу побежали мурашки. Но она не отдернула руку, побоявшись, что чудесная дрожь пройдет, и она больше не почувствует этой сладкой истомы, теплом растекающейся по всему телу.

Она видела, что и Гленн испытывает нечто похожее.

Но вот он убрал свои руки и шагнул к двери. Ощущения сразу начали гаснуть, оставляя в ее теле какую-то непонятную слабость. Магда хотела остановить его, взять за руку и попросить остаться еще. Но она не могла на это решиться; ей даже страшно было подумать, что она осмелится когда-нибудь сделать такое, и оставалось только удивляться своим безумным желаниям. И эта неуверенность и новизна ощущений заставляли

Магду не торопиться с действиями. Но как же ей теперь управлять этими не знакомыми доселе чувствами?..

Когда Гленн ушел, она заметила, как тепло сменяется на знакомое уже ощущение пустоты. Еще несколько минут Магда сидела, боясь пошевелиться, но потом все же поняла, что так даже к лучшему. Ей, безусловно, необходимо сейчас хорошенько выспаться. Ведь этой ночью надо быть бодрой и готовой к действиям.

Она твердо решила, что сегодня отец не предстанет перед Моласаром один.

Глава двадцать первая

Застава.

Четверг, 1 мая.

Время: 17.22

Капитан Ворманн в полном одиночестве коротал время у окна своей комнаты. Он задумчиво наблюдал, как удлиняются тени во дворе, пока солнце медленно ползет к горизонту. И по мере того, как вырастали тени, росло и его напряжение. Но, разумеется, не из-за самих теней.

Итак, две ночи подряд прошли на заставе спокойно — никого не убили, и сейчас у него вроде бы не было причин волноваться. И все же капитана не покидало тревожное предчувствие чего-то дурного.

Солдаты тем временем немного воспрянули духом. Они вновь почувствовали себя победителями. Это было заметно и по их глазам, и по общему настроению. Да, их пытались запугать, некоторые даже погибли, но тем не менее они выстояли и продолжают удерживать крепость в своих руках. После того как убрали девушку и две ночи все проспали спокойно, между подчиненными Ворманна и Кэмпфера наступило нечто наподобие перемирия. Они, правда, по-прежнему не общались друг с другом, но все равно испытывали общее чувство победы. Ворманн же вынужден был отметить, что, к сожалению, не может разделить их оптимизма.

Он перевел взгляд на незаконченную картину. У него не было настроения ни работать над ней, ни тем более начинать новую. Капитан не мог даже заставить себя взять кисти и замазать это зловещее пятно, так напоминающее ему висельника. Напротив, все его внимание по-

глотило именно это пятно. Каждый раз, когда он смотрел на него, ему казалось, что тень повешенного проступает все более четко. Сегодня пятно стало еще темней, и уже можно было различить голову. Ворманн сильно зажмурился, потом снова открыл глаза и, наконец, решительно отвернулся от холста. Чепуха! Все это ему просто кажется.

Но, может быть, и не совсем чепуха... Все же скверные предчувствия никак не оставляли сознание капитана. Да, смертей нет вот уже двое суток, но замок остается таким же зловещим. Он нисколько не изменился за это время. Зло никуда не исчезло, оно просто... спряталось, что ли? Спряталось? Нет, не совсем так. Скорее замерло и выжидает. Разумеется, никуда оно не испарилось. Стены все так же продолжали давить на него, в воздухе висели напряжение и угроза. Солдаты шутили, весело похлопывая друг друга по плечам, и, казалось, начисто забыли обо всем происшедшем. Но Ворманн не мог вычеркнуть из памяти эти страшные события минувших дней. Стоило ему только бросить мимолетный взгляд на картину, как он сразу же понимал, что убийства не прекратились. Просто наступила какая-то пауза. Она может продлиться и несколько дней, а может и прерваться сегодня же ночью. Ничего они не добились — все в замке оставалось, как прежде. И поэтому ожидание смерти было вполне оправданным — ведь они никого не изгнали отсюда, ни над кем не одержали осязаемой победы. Видимо, убийца просто ждет подходящего случая, чтобы нанести свой коварный удар.

Ворманн расправил плечи и потянулся, пытаясь стряхнуть с себя неприятный осадок от всех этих раздумий. Да, вскоре снова что-то произойдет. Он чувствовал это всем своим существом.

Еще одну ночь... Продержаться бы только эту одну-единственную ночь!

И если смерть ни за кем не придет сегодня, то завтра утром Кэмпфер уедет в Плоешти. И тогда Ворманн установит здесь свои порядки — СС больше не будет ему мешать. И если вдруг неприятности повторятся, он сразу же выведет своих людей из замка.

Кэмпфер... Интересно, чем занят сейчас его любимый и несравненный Эрик? Давненько уже они не виделись.

Штурмбанфюрер СС Эрик Кэмпфер склонился над разложенной на кровати картой железных дорог Румынии и внимательно рассматривал район Плоешти. Солнце садилось, и он вынужден был напрягать глаза, чтобы разобрать сложные переплетения разноцветных линий. Сейчас было бы лучше оставить это занятие и продолжить потом, при свете ярких электрических ламп.

Кэмпфер выпрямился и устало потер глаза. По крайней мере день не прошел впустую. Изучив новую транспортную схему, он почерпнул для себя немало ценного. Ведь в Румынии все придется начинать буквально с нуля. А организация концлагеря возлагалась полностью на него одного, включая выбор строительной площадки. И ему показалось, что он нашел весьма подходящее место. В восточной части железнодорожного узла находилось множество старых складов. Если их сейчас не используют и не планируют задействовать в ближайшем будущем, то они могут стать неплохим «первым камнем» в основании нового лагеря. Забор с колючей проволокой можно поставить за считанные дни, а уж потом Железной Гвардии останется собрать только как можно больше евреев.

Кэмпферу не терпелось поскорее приступить к настоящему делу. Пусть гвардейцы Антонеску ищут пока первых «гостей», как им заблагорассудится. В это время майор займется необходимым строительством. А вот когда все уже будет готово, он посвятит основное время обучению румынских «специалистов» — им придется овладеть всеми тонкостями технологии СС по ликвидации нежелательных элементов.

Складывая карту, он еще раз подумал о всех выгодах и преимуществах такого лагеря, а также о том, как бы все эти выгоды обратить в свою пользу. Например, кольца, часы и драгоценности надо будет отбирать прямо сразу, а вот золотые зубы и волосы придется, очевидно, реквизировать немного позже. Коменданты почти всех лагерей и в Германии, и в Польше довольно быстро сколачивали себе приличные состояния, и Кэмпфер не видел причин становиться в этом смысле исключением и быть хуже других.

Но эти планы майора не ограничивались. Когда лагерная система заработает, как хорошо отлаженный механизм, он сможет отбирать для румынской промышленности довольно много еще здоровых и даже квалифици-

рованных работников. А в скором времени, когда будет приведен в исполнение план «Барбаросса», таких работников станет неизмеримо больше. Вермахт вместе с румынской армией захватят Россию, и оттуда хлынет неисчерпаемый поток свежей рабочей силы, которой так не хватает сейчас заводам. И Кэмпфер охотно поможет им с рабочими, а их заработок, разумеется, пойдет в карман начальнику лагеря,

Он давно уже знал назубок все пути и лазейки для обогащения. Гесс оказался неплохим учителем, и майор крепко усвоил в Освенциме его уроки. Не так уж часто выпадает возможность одновременно послужить Отечеству, улучшить генетический баланс человечества да еще неплохо заработать на этом. Да он же просто счастливчик!..

Кабы не эта проклятая застава!.. Но, кажется, и здесь уже дела начинают идти на лад. Если и сегодня все обойдется, то завтра утром он доложит в Берлин о своих успехах. И звучать это будет примерно так:

В первую же ночь после прибытия в замок он потерял в бою двух солдат, но затем принял эффективные контрмеры, после чего убийства прекратились. (Он не будет уточнять, как именно ему удалось остановить убийцу, но наверху всем сразу станет понятно, благодаря кому на заставе восстановился порядок.) И по истечении трехсуточного контрольного срока майор принял решение покинуть замок. Ему здесь больше нечего делать: помощь пехотинцам оказана, задание выполнено. А если после его отъезда снова что-нибудь произойдет, то это будет уже целиком по вине болвана и «сапсжника» Ворманна. И придется посылать сюда нового человека, который займется не только безопасностью, но и проверит компетентность беспартийного капитана. А Кэмпфер к тому времени уже вовсю начнет строительство крематория.

Магда проснулась от негромкого стука в дверь. Пришла Лидия и сообщила, что обед готов. Девушка умылась холодной водой из кувшина и через минуту уже

полностью стряхнула с себя остатки сна. Но голода она почему-то не чувствовала, будто недавно плотно поела. Она с удивлением обнаружила, что вряд ли сможет запихнуть в себя даже маленький кусочек хлеба.

Потом подошла к окну. В небе догорали последние отблески дня, но перевал уже потемнел. Ночь опустилась на замок, однако фонари во дворе еще почему-то не зажигали. В некоторых окнах горел свет, в том числе и в отцовском, и эти окна напоминали ей глаза зверя, тускло блестящие в темноте. Замок выглядел зловеще и уж никак не мог привлечь к себе внимание туристов, что бы там Гленн ни говорил по этому поводу.

Интересно, а сам Гленн уже спустился в столовую? И о чем он сейчас думает? Может быть, о ней? И ждет, когда она присоединится к нему? Или же он закрылся в своей комнате и трапезничает в одиночестве? Впрочем, какая разница!.. Сейчас ему ни в коем случае нельзя ее видеть. Один взгляд — и он сразу поймет, что она задумала, и еще, чего доброго, начнет отговаривать.

Магда попыталась целиком сосредоточиться на замке. Почему, в конце концов, она все время вспоминает этого Гленна? Уж кто-кто, а он наверняка сможет о себе позаботиться. И надо думать сейчас не о нем, а об отце и предстоящей миссии.

Но все равно непослушные мысли вновь возвращали ее к Гленну. Подробности их встреч уже стали стираться, но общее впечатление оставалось и было связано с приятными эротическими воспоминаниями. Что же с ней все-таки происходит?.. Никогда еще ни один мужчина не вызывал в ее душе таких чувств. Да, когда она была помолуже, за ней ухаживали многие симпатичные юноши. Они говорили ей массу комплиментов, и двое даже сумели понравиться. Но не более того. Не стал исключением и Михаил... И хотя они были очень нежны и откровенны друг с другом, у нее никогда не возникало желания отдаться ему.

Так вот в чем дело! Магда с испугом поняла, что в душе страстно хочет близости с Гленном, хочет, чтобы он...

Но это же абсурд! Она рассуждает сейчас, как наивная деревенская девушка, впервые встретившая умного и симпатичного городского парня, который сумел заговорить ей зубы, и вот уже она покорена и ждет не дождет-

ся, когда он овладеет ею. Нет, ни за что на свете она не будет принадлежать ни Гленну, ни какому другому мужчине. По крайней мере сейчас, когда отец в беде и нуждается в ее помощи. Как же он справится там один, запертый в своей каменной западне вместе с немцами и еще с этим... с этой тварью! Нет, особенно теперь отец должен быть для нее на первом месте. У него ведь никого больше нет, и она никогда его не оставит.

Да, но Гленн... Если бы на свете было много таких мужчин, как он! Ведь именно благодаря ему Магда заново осознала и смысл, и важность своей жизни, он заставил ее вновь почувствовать себя полноценным человеком, вернул ей ощущение собственной значимости и неповторимости. Она разговаривала с ним легко и свободно. И он не считал ее книжным червем и неудачницей, как многие другие.

В десять вечера Магда осторожно выбралась из гостиной. Из окна она заметила, что и Гленн тоже, крадучись, вышел наружу и, пройдя по тропинке, устроился в густом кустарнике на краю рва. Когда он подыскал себе удобное место и замер, наблюдая за замком, она спрятала волосы под косынку, взяла в ящике стола фонарь и тихо вышла из комнаты. На первом этаже никого не было, и девушка беспрепятственно нырнула в темноту ночи.

Но она не пошла к мосту, а повернула в другую сторону и направилась к чернеющей громаде скалы, с трудом отыскивая в тумане дорогу. Пока она не доберется до замка, включать фонарь слишком опасно — свет могут заметить часовые. Магда приподняла край свитера и сунула фонарь за пояс юбки, почувствовав, как холодный металл коснулся тела.

Она точно знала предстоящий маршрут. В западном конце рва образовался крутой склон из глины, валунов и щебня — все это скатывалось вниз в течение многих веков и постепенно сглаживало обрыв. Она заметила эту осыпь еще давно, когда впервые приехала в замок и по просьбе отца искала возможные тайники на дне ущелья. Ей неоднократно приходилось спускаться по этим булыжникам в ров, но, правда, всегда днем, при ярком солнечном свете. Сегодня же путешествие могло сильно усложниться из-за темноты и густого тумана. Даже лунный свет не поможет ей, так как луна взойдет не раньше

полуночи. Она затеяла очень рискованное дело, но почему-то была уверена в своих силах и продолжала двигаться к намеченной цели.

Магда добралась до того места, где ров заканчивался отвесной стенкой скалы. Крутая каменная осыпь, клинообразно расширяясь, шла из-под самых ее ног на шестьдесят футов вниз и там терялась на дне ущелья среди причудливого хаоса гранитных обломков.

Стиснув покрепче зубы, Магда глубоко вздохнула, потом еще раз, собралась с духом и начала долгий спуск. Она передвигалась очень медленно, осторожно пробуя ногой каждый камень, прежде чем перенести на него всю тяжесть тела, а затем делала следующий шаг, стараясь выбирать опору покрупнее. Она не торопилась. Времени еще было достаточно. Самое главное — осторожность. И полная тишина. Одно неверное движение — и она кубарем покатится вниз. А когда достигнет дна, будет уже в клочья изорвана острыми камнями. Но даже если падение окажется более удачным, шум, несомненно, привлечет внимание часовых. Так что надо быть предельно внимательной.

Фут за футом Магда одолевала коварный спуск, пытаясь отогнать подальше мысли о том, что на дне рва ее может подстергать Моласар. И вот, на ощупь двигаясь в сплошной темноте, она внезапно осознала, что для очередного шага опоры ей уже не найти. Магда беспомощно водила ногой в пустоте, держась за выпуклость покато́й каменной глыбы и наполовину свесившись в туманную бездну. Ей показалось вдруг, что в этот миг весь мир испарился, исчез куда-то, а она одна осталась висеть на этом скользком уступе. Но Магда быстро взяла себя в руки, успокоилась и, изогнувшись, чуть левее нащупала ногой надежный валун.

После этого спуск пошел быстрее, и очень скоро она достигла сырого каменистого дна. И все же самая трудная часть пути была еще впереди. Дно ущелья представляло собой заповедное царство камней и бурно разросшихся сорняков, в которых прятались глубокие ямы с обманчивыми краями из раскисшего дерна. Густой туман, извиваясь своими призрачными длинными щупальцами, хватал Магду за ноги и водоворотами крутился перед глазами. Камни здесь были очень скользкие, и идти приходилось с беличайшей осторожностью. Один неверный шаг — и можно упасть, сломав себе руку или

ногу. В тумане Магда ничего не видела перед собой, но упорно продолжала двигаться дальше. Уже прошла, казалось, целая вечность, и вот над головой повисла длинная полоса плотной тени. Девушка поняла, что находится сейчас под мостом. Значит, слева впереди скоро будет основание башни.

Она чувствовала уже, что подходит к нужному месту, как неожиданно ее левая нога ушла по щиколотку в ледяную воду. Магда тут же отдернула ногу, сняла туфли, теплые шерстяные чулки, а подол юбки подобрала и заткнула за пояс. Потом стиснула зубы и смело шагнула вперед, погрузившись в воду почти до колен. Ноги сразу заломило и свело, но через несколько секунд она привыкла уже немного к морозу, продиравшему ее до самых костей, и пошла дальше, стараясь сдержаться и не вынимать ступни из воды, чтобы плеск не смог привлечь к ней внимание часовых. Спешить было нельзя, хотя так хотелось побыстрее оказаться на сухом берегу!

Она уже вышла из воды, но осознала это только через добрый десяток шагов — ноги онемели от холода. Магда присела на большой валун и стала энергично растирать пальцы ног, чтобы к ним скорее вернулась чувствительность, потом надела чулки и туфли и продолжала свой нелегкий путь.

Через несколько шагов перед ней выросли огромные неотесанные гранитные глыбы — на этом фундаменте и покоился замок. Отсюда Магда без труда уже смогла попасть к тому месту, где основание башни упиралось в дно рва. Здесь камни были совсем другие — ровные прямоугольные блоки с довольно гладкой поверхностью, покрытой бархатным слоем многолетнего мха.

И вот под рукой, наконец, оказался тот камень, который был ей так нужен. Магда решительно толкнула его, и с еле слышным скрежетом он легко отошел назад, открыв чернеющий зев потайного хода. Девушка без колебаний извлекла из-за пояса фонарь и шагнула в кромешную темноту.

Чувство острой тревоги и нависшей опасности моментально захлестнуло ее, как только Магда переступила невидимую границу замка. На лбу выступила испарина, и сразу же захотелось все бросить и бежать назад, сквозь туман и ледяную воду, по острым режущим кам-

ням — лишь бы выбраться поскорее отсюда. Когда во вторник они приехали с отцом на перевал, ничего подобного она здесь еще не чувствовала. И даже сегодня, когда Магда отвозила отца назад и случайно зашла на территорию крепости, ощущения не были такими яркими. Что же произошло? Может быть, она стала просто более восприимчивой, или же это само зло в замке постепенно набирает силу?..

Медленно и бесцельно он бродил по самым темным и глубоким коридорам подвала, перебираясь от тени к тени и сам являя собой неотъемлемую часть этой зловещей темноты. Он был человеком по внешнему виду, но по сути уже давно лишился всех человеческих черт.

Внезапно он остановился, почувяв близость новой жизненной силы, которой раньше в подвале не было. Кто-то вошел в его подземные владения. Замерев на секунду, он напряг свои чувства и тут же понял, что в замке вновь оказалась дочь калеки — та самая, до которой он дотронулся две ночи назад. От нее так и веяло чистотой и добром, и его ненасытная страсть к живому разгорелась еще сильнее. Когда немцы изгнали ее из замка, он не на шутку разгневался.

И вот она вернулась назад.

Сливаясь с темнотой, он быстро двинулся дальше, но от бывлой неторопливости не осталось уже и следа. Теперь впереди возникла ясная цель.

Магда стояла в сплошной темноте и дрожала, не зная, что делать дальше. Вековая плесень и пыль взметнулись в воздух, потревоженные ее вторжением, и заставили девушку закашляться. Она чуть не задохнулась. Придется, видимо, возвращаться. Вся ее затея ока-

залась никчемной. Да и чем она сможет помочь отцу? Ведь как-никак он ждет встречи с нечистой силой, а не с простым человеком. И на что только она рассчитывала, решив пробраться сюда? Вот из-за такого идиотского «героизма» очень многие уже поплатились в свое время жизнью. Кто она, собственно, такая, чтобы возомнить о себе, будто...

Стоп!

Магда почти услышала, как отчаянно протестует ее душа. Ведь она рассуждает сейчас, как человек, потерпевший уже полное поражение. Такого раньше с ней никогда не бывало. Она обязательно что-нибудь сделает, она сможет помочь отцу! Правда, Магда еще не знала точно, как именно, но, во всяком случае, она будет с ним рядом, а эта моральная поддержка тоже значит немало. Она обязательно пойдет дальше.

Сперва в ее планы входило сразу закрыть за собой потайной ход, задвинув камень, висящий на петлях. Сделать это было нетрудно, но все же Магда решила, что будет чувствовать себя намного спокойнее, зная, что в случае чего ее отход уже ничто не задержит, и для верности оставила путь на свободу открытым.

Немного поразмыслив, она пришла к выводу, что пользоваться фонарем теперь уже не опасно, и включила его. Яркий луч пронзил темноту, осветив длинную лестницу без перил, взмывающую на страшную высоту через широкое основание башни. Бесконечная вереница ступенек крутой спиралью огибала внутренность пустого каменного цилиндра. Она направила свет повыше, но его сразу же поглотил густой мрак.

Однако выбора не оставалось — надо идти вверх по лестнице.

После трудного спуска на дно ущелья и путешествия через туман и ледяной ручей даже самые крутые ступеньки казались Магде настоящей роскошью. Она тщательно освещала их фонарем, желая убедиться в прочности каждого камня, прежде чем опустить на него ногу. Вокруг стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь ее собственными шагами. Сделав два полных витка внутри башни, Магда преодолела почти две трети подъема и остановилась передохнуть.

И вдруг слышала где-то справа неясный шум и ощутила легкое дуновение холодного сквозняка. Испуганно

сжавшись, она старалась изо всех сил напрячь слух. Звук напоминал шарканье чьих-то ног и шел откуда-то издалека. Он был неравномерным по силе и ритму, но все же ни на секунду не прекращался. Магда повернула луч в правую сторону и там увидела в стене узкий проем высотой футов в шесть. Она и раньше замечала его, когда исследовала замок во время предыдущих приездов сюда, но тогда не обратила на эту дыру большого внимания. Однако Магда прекрасно помнила, что раньше оттуда никогда не сквозило и уж тем более не доносилось таких странных звуков.

Девушка подошла ближе и осветила отверстие, одновременно надеясь не увидеть в нем ничего такого, чем можно было бы объяснить этот шум.

«Только бы не крысы! — думала она. — Господи, сделай так, чтобы там не было крыс!»

Однако за каменной аркой не обнаружилось ничего странного — обыкновенный земляной пол. Теперь она уже ясно различала глухой шаркающий звук — он шел откуда-то из глубины этой пещеры. А еще правее, на расстоянии пятидесяти футов, что-то тускло светилось, как окно, за которым горит свеча. Магда выключила свой фонарь, чтобы удостовериться в этом, и не ошиблась: вдалеке из непонятного источника лился бледный желтоватый свет. Девушка прищурилась, пытаясь разглядеть очертания освещенных предметов, и вдруг заметила там что-то похожее на контур лестницы.

Наконец она смогла сориентироваться и поняла, что эта арка, возле которой она стоит, — не что иное, как еще один вход в нижний подвал, только с восточной стороны, из башни. А свет проникает туда через пролом в полу верхнего подвала. Всего две ночи назад она стояла там на ступеньках, пока отец рассматривал трупы. И если сейчас эти ступеньки находятся справа от нее, значит, с левой стороны должны лежать восемь мертвых немецких солдат. И все же звук не прекращался: он неслился из дальнего угла подземелья — если, конечно, предположить, что оно где-то заканчивается и имеет углы.

Магду всю передернуло, но она решительно взяла себя в руки и продолжила свой нелегкий подъем. Оставалось преодолеть последний оборот лестницы. Она направила фонарь вверх, где ступеньки таяли в темноте, и, увидев заветную нишу, немного приободрилась. По-

толок, выхваченный лучом из мрака, был одновременно и полом первого этажа башни — этажа, на котором находился сейчас ее отец. И через лаз в этой нише она сможет попасть в его комнату.

Магда быстро преодолела последние ступеньки и, оказавшись на площадке, прильнула ухом к широкому камню справа. Он, как и подвижный блок в нижнем венце фундамента, был укреплен с помощью потайных петель. Из-за стены не доносилось ни звука. И все же Магда не торопилась, продолжая прислушиваться. Но все было действительно тихо — ни шагов, ни голосов людей. Значит, отец там сейчас один.

Магда толкнула камень рукой, надеясь, что он так же легко поддастся и откроет самый радостный последний участок пути. Но камень не сдвинулся с места. Тогда она уперлась в него плечом и всей своей тяжестью надавила еще раз. Безрезультатно. Девушка в смятении припала к полу, лихорадочно соображая, что же могло здесь произойти и как теперь выбраться из этой каменной западни. Пять лет назад этот блок поворачивался от одного ее прикосновения. Возможно ли, чтобы за эти годы замок настолько осел, что повредились замысловатые петли?

Ей очень захотелось постучать по стене фонарем — по крайней мере этот стук привлечет внимание отца. Ну, а что потом?.. Он ведь все равно ничем не сможет помочь ей. А вдруг этот звук распространится по камню вверх и взбудоражит часовых или, еще хуже, немецких офицеров? Нет, стучать, конечно, нельзя.

Но ей так необходимо попасть к отцу! На этот раз она уперлась в застрявший блок спиной, а ногами — в противоположную стену ниши и изо всех сил напрягла свои мышцы. Но камень не поддавался.

Подавленная и разочарованная, Магда в изнеможении присела на корточки рядом с упрямой глыбой, и вдруг ей в голову пришла спасительная мысль: ведь есть еще один способ пробраться в башню — через нижний подвал! Конечно, в этом случае ей надо как-то незаметно пересечь двор, и если там не будет охранников и не везде горит свет... Как много этих «если»!.. Но даже если что-то и помешает ей на пути, она в любой момент сможет повернуть назад и выйти отсюда точно так же, как и вошла. Разве нет? Почти бегом Магда

спустилась к темнеющей арке. Сквозняк сразу же напомнил о себе своим холодным дыханием. И вновь послышались те же самые неприятные звуки. Но, поборов страх, она шагнула в проем и, стиснув зубы, направилась туда, где через брешь в полу верхнего подвала маячил далекий свет. Магда крепко сжимала в руке фонарь и старалась не направлять его в левую сторону, где, по ее расчетам, должны были лежать восемь трупов.

Неуклонно продвигаясь вперед, она вдруг начала чувствовать, что идти становится все труднее, и ей приходилось уже буквально заставлять себя сделать каждый следующий шаг в глубину этого мрачного подвала. Ее вело сейчас только чувство долга и любви к отцу. Оно подталкивало девушку дальше и не давало остановиться. Но что-то другое внутри нее требовало немедленно повернуть назад. Инстинкт самосохранения и чувство близкой опасности неумолимо тормозили ее продвижение.

Но она упорно шла к лестнице, попирая все предупреждения разума и инстинкта. Теперь уже ничто не сможет остановить ее!.. Тени дьявольским хороводом прыгали вокруг ног, то сливаясь с темнотой, то принимая самые уродливые очертания, отчего на душе становилось тоскливо и жутко. «Это просто игра света, обман зрения,— упорно твердила себе Магда.— Надо только идти вперед, ни о чем не думая. И тогда все будет в порядке».

Она почти уже добралась до лестницы, как вдруг что-то серое метнулось из темноты и застыло на освещенной нижней ступеньке. Магда чуть не закричала от ужаса, когда увидела, что это такое.

Крыса!

Огромная толстая крыса уселась на сырой ступеньке, обернув вокруг себя мерзкий голый хвост, и принялась облизывать когти на передних лапках. Еле сдерживая подступившую тошноту, Магда остановилась и замерла. Она понимала, что не сможет больше сделать ни шага, пока эта тварь не уберется отсюда. Крыса приподняла мордочку, заметила девушку и неторопливо засеменила в темноту. Магда не стала ждать, пока она передумает и вернется, а сразу же рванулась вперед, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и лишь на полпути к выходу в верхний подвал остановилась, чтобы прийти в себя и перевести дух.

Наверху было тихо — она не услышала ни шагов, ни покашливания, ни голосов часовых. И только странный шаркающий звук продолжал тревожить девушку. Теперь он стал громче, но все же было понятно, что источник его находится где-то далеко в глубине подземелья. Магда попыталась заставить себя не обращать внимания на этот звук. Ей было совершенно непонятно, чем он вызван, но она и не старалась особо ломать над этим голову.

Магда еще раз обвела вокруг себя фонарем, чтобы убедиться, что крыс больше нет, и только после этого продолжила путь наверх. Теперь она двигалась неспеша и, прежде чем окончательно выбраться из подземелья, осторожно выглянула через пролом. С правой стороны шел широкий центральный коридор подвала, освещенный несколькими оголенными лампочками. Часовых не было видно. Магда вышла в этот светлый проход и снова на мгновение замерла, прислушиваясь, не раздадутся ли поблизости шаги.

Теперь ей предстояло пройти самый сложный и ответственный участок пути — по коридору до лестницы, ведущей прямо во двор. А потом через двор к дверям башни, и там уже...

«Главное — не спешить, — уговаривала себя Магда, — сначала надо преодолеть коридор. Сперва победи коридор, а потом думай о лестнице».

Она стояла возле пролома, все еще не решаясь предпринять эту дерзкую рискованную попытку. При свете ярких электрических ламп Магда чувствовала себя, как если бы стояла обнаженная в центре Бухареста в разгар солнечного дня. Но единственной альтернативой было вернуться и, ничего не добившись, отправиться к себе в гостиницу.

Наконец она собралась с духом и быстро пошла вперед. Она почти уже добралась до лестницы, как вдруг услышала наверху звук шагов. Кто-то шел ей навстречу. Но Магда предусмотрела и это и, не растерявшись, сразу же юркнула в темноту одной из ближайших боковых комнат.

Однако, сделав еще один шаг, замерла как вкопанная. Она ничего пока не слышала и не видела, ни до чего еще не дотронулась, но все равно уже поняла, что находится здесь не одна. Надо немедленно уходить! Но

тогда ее заметит тот, кто спускается сейчас в подвал. И вдруг сзади кто-то шевельнулся, и тут же грубая рука схватила ее за горло.

— Кто это тут у нас, а? — спросил неизвестный по-немецки. Этого уж она никак не могла предвидеть: часовой прятался именно здесь, в этом самом закутке! Немец грубо выволок ее в коридор. — Ну-ну! Давай-ка я как следует тебя разгляжу!

Сердце у Магды бешено колотилось, лоб покрылся холодным потом, и ей хотелось сейчас только одного — поскорее увидеть цвет формы этого солдата. Если она серая, то у нее еще есть шанс. Незначительный, но все же есть. А если черная...

Форма оказалась черной. И навстречу им бежал еще один солдат в таком же черном мундире.

— Да это же та самая еврейка! — с нескрываемой радостью воскликнул первый часовой. Он был без каски, и Магда заметила, что у него довольно заспанный вид и воспаленные припухшие глаза. Очевидно, он решил немного вздремнуть, а она невольно потревожила его, зайдя именно в эту комнату.

— Как она попала сюда? — спросил второй, подбегая ближе.

Оба эсэсовца уставились на нее такими голодными глазами, что Магде захотелось сжаться и исчезнуть в своей одежде, как прячется черепаха в собственном панцире.

— Понятия не имею, — сказал заспанный часовой и подтолкнул ее в сторону лестницы, ведущей во двор. — Но думаю, лучше всего показать ее майору.

Он отпустил наконец девушку и вернулся в комнату за своей каской, которую оставил там, когда устраивался на отдых. И в тот же миг второй вплотную придвинулся к Магде. Не раздумывая, она бросилась к пролому в стене, по дороге толкнув первого часового так, что тот кубарем влетел в темную боковую комнату. Встречи с майором она бы, наверное, уже не вынесла. Если ей удастся сейчас прорваться вниз, то это последняя возможность спастись — ведь только она знала этот тайный маршрут.

И вдруг ей будто обожгло затылок, и Магда чуть не повисла в воздухе. Второй солдат успел схватить ее за волосы как раз в тот момент, когда она повернулась,

чтобы бежать. Он с силой дернул девушку назад, но и этого ему было мало. Слезы брызнули из ее глаз, когда эсэсовец медленно подтащил ее за волосы к себе и, положив вторую руку между грудей, прижал Магду к стене.

От боли и ужаса у нее перехватило дыхание, и когда она почувствовала головой удар о холодный камень, то почему-то подумала, что сейчас обязательно должна потерять сознание. А все, что она слышала в следующие секунды, уже показалось Магде далеким и нереальным.

— Я надеюсь, ты ее еще не убил?

— Нет, с ней пока все в порядке.

— Она, кажется, забыла, где ее место!

— Наверное, ее давно уже не учили уму-разуму.

Потом голоса ненадолго смолкли, и Магда услышала еще одно только слово:

— Сюда!

Она барахталась в каком-то тумане, перед глазами все плыло, тело не слушалось. Немцы потащили ее за руки по холодному каменному полу, потом свернули куда-то за угол, подальше от света. Наконец Магда поняла, что лежит теперь в одной из маленьких боковых комнат. Но почему?.. Здесь солдаты отпустили ее, и Магда догадалась, что они закрывают дверь, так как в комнате сразу стало темно. Потом они, неуклюже толкаясь, навалились на нее всей своей тяжестью и начали поспешно готовиться получить удовольствие, при этом активно мешая друг другу, поскольку один пытался стащить с нее юбку, а другой, наоборот, задрать ее повыше, чтобы можно было добраться до трусов.

Она хотела закричать, но голос почему-то пропал, и сопротивляться уже не было сил — руки и ноги казались сделанными из свинца и больше не слушались ее. Магда даже не испугалась по-настоящему, потому что смысл происходящего доходил до нее сейчас с огромным трудом, преодолевая какую-то туманную толщу неверия и безразличия. Все было, как во сне. За плечами сгорбленных сопящих солдат она ясно видела светлый контур двери, и ей хотелось только выбраться туда, на свет.

И вдруг свет пропал, будто дверь закрыли плотной портьерой. Магда почувствовала, что там, в коридоре,

кто-то есть. И в тот же миг раздался оглушительный треск. Двухдюймовая дубовая дверь разлетелась в щепки, с ног до головы покрыв всех трюих мелкими обломками дерева. Чей-то мощный силуэт заслонил почти весь проем, преградив доступ свету из коридора.

«Гленн!» — мелькнуло у нее в голове, но эта надежда сразу погасла, как только в комнату пахнуло холодом, и чувство жуткой опасности сковало все ее существо.

Перепуганные насмерть эсэсовцы с громким криком отскочили в сторону. Темная фигура шагнула внутрь, и Магде показалось, что она растет на глазах, раздуваясь и увеличиваясь в объеме. Солдаты в панике рванулись за своим оружием, спотыкаясь по пути о распростертое на полу тело девушки. Но они были слишком нерасторопны. Незнакомец оказался куда проворнее — он наклонился и с невероятной ловкостью одновременно схватил обоих эсэсовцев за горло, а потом снова выпрямился во весь свой исполинский рост.

Увидев, что происходит, Магда начала постепенно понимать суть событий. И наконец вся полнота ужаса дошла до ее затуманенного сознания. Перед ней стоял сам Моласар — его гигантский черный силуэт заслонял свет из коридора, а вместо глаз горели как угли две ярко-красные точки. Он стоял, широко расставив перед собой руки, в каждой из которых держал по солдату — они беспомощно дергались, лягались и хрипели, задыхаясь в его железной хватке. Но вот их движения постепенно стали слабее, хрипы смолкли и через несколько секунд в руках чудовища повисли два бездыханных тела. И тут он с такой силой встряхнул их, что Магда ясно услышала, как хрустнули сломанные позвоночки, раздавленные его могучими руками. Потом Моласар швырнул трупы в дальний угол комнаты и исчез вслед за ними, растворившись в непроницаемой темноте.

Магда собрала остатки сил и, преодолевая боль и невероятную слабость, откатилась к противоположной стене, а потом медленно встала на четвереньки. Чтобы подняться на ноги, ей понадобилось еще несколько долгих минут.

Вдруг из дальнего угла донесся странный булькающий звук, от которого Магде стало не по себе. Она тут же вскочила на ноги и, оттолкнувшись от стены, пулей вылетела в коридор, прочь от этого кошмарного места.

Теперь ей надо было поскорее убираться отсюда. Ужас происшедшего в боковой комнате начисто вышиб из ее сознания все мысли об отце. Коридор плясал перед глазами, но Магда встряхнула головой и попыталась сосредоточиться. С трудом сохраняя равновесие, она дошла до пролома в стене и тут краем глаза заметила возле себя какое-то движение.

Моласар размашистыми шагами шел вслед за ней, плащ величественно развевался за его спиной, глаза горели, а по губам и подбородку стекали струйки свежей дымящейся на холоде крови.

Испуганно вскрикнув, Магда шагнула в темный пролом и сломя голову бросилась по ступенькам в нижний подвал. Конечно, скрыться от него было невозможно, особенно там, но Магда решила бороться до последнего. Она уже чувствовала за спиной его холодное дыхание, но не оглядывалась, а бежала дальше, углубляясь во тьму.

И тут ей под ноги попался какой-то скользкий булыжник, девушка не удержалась и стала падать. Могучие руки мгновенно подхватили ее сзади, одна — за талию, другая — под колени. Магда раскрыла было рот, чтобы завизжать, но от ужаса голос пропал, и она лишь беспомощно хватала ртом воздух. Мельком взглянув на Моласара, она увидела его жестокое, запачканное кровью лицо, длинные спутанные волосы и безумные, яростно горящие глаза. Потом заметила, как он пронесет ее в нижний подвал, и после этого они вступили в полную темноту. Моласар свернул за угол. Он нес ее к той самой лестнице в основании башни. Магда попробовала вырваться, но сразу же поняла, что одно его прикосновение легко сдержит все ее самые отчаянные попытки, и сдалась на волю судьбы. Надо беречь силы на тот случай, если представится более реальная возможность убежать.

Как и в прошлый раз, она чувствовала, что от ледяного прикосновения монстра немеет все ее тело, хотя одета она была довольно тепло. От Моласара исходил также какой-то тяжелый запах застарелой плесени. И хотя сам он с виду не казался грязным, этот запах навечно навевал мысли о нечисти.

Вскоре они оказались перед самым проходом в башню.
— Куда?.. — прохрипела Магда и поняла, что не в

силах выговорить весь вопрос. Страх снова сковал ее уста.

Ответа не последовало.

Пока они двигались по подвалу, Магда успела уже изрядно замерзнуть, теперь же, на лестнице, она услышала, как стучат ее зубы. Казалось, прикосновение Моласара вытягивает из ее тела последние остатки тепла.

Вокруг ничего не было видно, их окружала полная темнота, и тем не менее Моласар шел быстро и уверенно, переступая через несколько ступенек сразу. Наконец, замкнув полный виток спирали, он остановился на верхней площадке лестницы. Магда поняла, что они находятся в нише возле заклинившей гранитной створки, потом послышался скрежет камня, и вот в глаза ей ударил яркий свет, на мгновение ослепивший девушку.

— Магда!

Это был голос ее отца. Как только глаза немного привыкли, крепкие руки осторожно поставили ее на пол, а потом и совсем отпустили. Она неуверенно шагнула вперед и почувствовала, что коснулась подлокотника знакомого кресла. Магда схватилась за него с такой силой, как хватается утопающий за любую дощечку, плавающую в море после кораблекрушения.

— Что ты здесь делаешь? — спросил отец шепотом, не понимая еще, что происходит.

— Солдаты... — еле слышно проговорила девушка. Постепенно ее зрение пришло в норму, и наконец она увидела отца, изумленно разглядывающего ее.

— Они насильно привели тебя из гостиницы?

Магда отрицательно покачала головой.

— Нет. Я сама сюда забралась.

— Зачем ты это сделала? Это же безумие!

— Для того, чтобы ты не один с ним встречался. —

Она не стала указывать себе за спину, потому что и так уже было ясно, кого она имеет в виду.

Магда заметила, что сейчас в комнате немного темнее, чем было раньше, когда они с отцом впервые здесь оказались. Но она догадывалась, что может быть виной этому — где-то сзади в густой тени возле открытого потайного хода стоял сейчас Моласар. Однако девушка не решалась посмотреть в его сторону.

— Меня поймали два эсэсовца, — продолжала она. — И втащили в пустую комнату. Они хотели меня...

— Что?! — Отец широко раскрыл глаза.

— Нет, меня...— Магда бросила короткий взгляд в темный угол.— Меня спасли.

Отец не сводил с нее глаз, но теперь в них читалось уже что-то другое: не забота о ней, а скорее недоверие.

— Тебя спас Моласар?

Она кивнула и только теперь смогла заставить себя обернуться и открыто посмотреть на своего спасителя.

— Он убил их обоих!

Моласар стоял в глубине ниши, окутанный темнотой, как мрачный персонаж ночных кошмаров, каким-то чудом оказавшийся в реальной жизни. Лица его почти не было видно, только глаза злобно сверкали во мраке. Приглядевшись, Магда заметила, что крови на лице уже нет. Но казалось, что он не вытер ее, а будто впитал в себя. Девушку передернуло.

— Ты все испортила! — сердито крикнул на нее отец.— Теперь они найдут эти трупы, и тогда уж майора не остановит никто. Мне придется предстать перед ним. И все из-за тебя!

— Но я пришла, чтобы быть рядом с тобой,— попыталась оправдаться Магда. Ей стало очень обидно. Почему отец так кричит на нее?

— Я не просил тебя приходить! Я и раньше был против того, чтобы ты оставалась в замке, а теперь и подавно!

— Папа, прошу тебя!..

Но отец неумолимо вытянул вперед свой скрюченный палец и указал на проем в стене.

— Уходи, Магда! Я должен еще очень многое успеть, а ты оставила мне слишком мало времени! Скоро сюда явятся нацисты и начнут задавать вопросы насчет того, почему в замке снова появились жертвы. А я даже не знаю, что им ответить. Я должен успеть поговорить с Моласаром до их прихода!

— Отец...

— Уходи!

Но Магда стояла и молча смотрела на него. Почему он с ней так разговаривает? Ей захотелось самой закричать на него или, на худой конец, расплакаться, лишь бы как-нибудь привести его в чувство. Но это было выше ее сил. Она не смела противоречить ему, особенно в присутствии Моласара. Он был ее отцом, и хотя она

прекрасно понимала, что сейчас он неправ, ничего поделать с собой не могла.

Магда резко повернулась и мимо неподвижного Моласара шагнула в темный проем. Камень за ее спиной сразу закрылся, и она осталась в темноте совершенно одна. Девушка ощупала пояс и поняла, что потеряла где-то фонарь.

Теперь придется идти вниз в темноте. Конечно, можно еще вернуться к отцу и попросить у него лампу или свечу, но, поразмыслив немного, она решила не делать этого. Ей будет трудно выдержать еще одну встречу с ним. Отец обидел ее, оскорбил в самых искренних чувствах. Никогда раньше она не могла даже предположить, что он на такое способен. Какие-то изменения происходят в его душе. Он теряет уже способность понимать ее с полуслова, не чувствует, что у нее на сердце... А ведь раньше это было неотъемлемой частью их отношений. И вот сейчас он выгнал ее, будто она вообще была для него чужая. И даже не спросил, есть ли у нее фонарь!

Магда чуть не расплакалась от досады. Но нет, она ни за что не станет плакать. Но как же давит и гнетет это чувство полной беспомощности! И не только оно. Магда с горечью понимала, что ее в очередной раз жестоко предали.

Теперь ей не оставалось ничего другого, как подбру-поздорову убираться из замка. И очень медленно, на ощупь, девушка двинулась вниз по лестнице. Она ничего не видела перед собой, но твердо знала, что если будет все время держаться левой рукой за стену и осторожно делать шаг за шагом, стараясь не оступиться, то в конце концов окажется у подножия башни.

Через несколько минут спуска Магда приготовилась услышать из прохода в нижний подвал знакомый шаркающий звук. И она не ошиблась. Вскоре звуки действительно достигли ее ушей, но теперь они стали совсем другие — громче и значительно ближе. Однако девушка продолжала спуск, и наконец левая рука соскользнула с камня. Она подошла к самой арке, и здесь звук усилился.

Это снова были чьи-то шаги, но уже явно не одной пары ног. Создавалось впечатление, будто где-то совсем рядом взад-вперед ходят сразу несколько таинственных

тварей. От этого у Магды сразу пересохло во рту, и она испуганно сжалась. Это не крысы. Крысы не могут так тяжело ступать. Зловещий звук шел откуда-то слева. А справа она опять увидела вдалеке небольшое пятнышко света из пролома в верхнем подвале. Но слабенький отблеск далекой лампочки не освещал того места, откуда неслись эти леденящие душу звуки. Впрочем, Магда вовсе и не хотела увидеть тех, кто так настойчиво топчется в темноте.

Она протянула вперед обе руки, надеясь нащупать перед собой стену, однако несколько секунд только беспомощно хватала воздух. Наконец пальцы поймали край камня, и девушка зашпешила вперед. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, Магда задыхалась от страха, но все равно продолжала свой спуск, даже, может быть, излишне быстро. Но если те, кто создает этот шум, заметили ее и сейчас идут следом, то ей надо как можно скорее выбираться из замка, чтобы избежать еще одной страшной встречи.

На ощупь Магда методично перелезала со ступеньки на ступеньку, и эта лестница казалась ей бесконечной. То и дело девушка оборачивалась, тщетно пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в абсолютной тьме. Наконец знакомый прямоугольник тусклого света замаячил где-то внизу, и она, не чуя под собой ног, рванулась вперед, ежесекундно спотыкаясь и падая, и очень скоро ее окутал густой туман. Вот и свобода!.. Оказавшись снаружи замка, Магда сразу же задвинула за собой камень и только тогда, прислонившись к нему спиной, смогла отдышаться, в изнеможении закрыв глаза.

Но придя немного в себя, она заметила, что, даже ступив на землю, так до конца и не отделалась от неприятных гнетущих чувств. Ей казалось почему-то, что она по-прежнему находится под зловещим влиянием замка, даже будучи за его стенами. Сегодня утром граница зла еще совпадала с границами самой крепости, теперь же зло расползлось и за ее пределы. Спотыкаясь и пошатываясь, Магда медленно двинулась вперед, но лишь дойдя до ручья, стала чувствовать, что страх, тревога и холод понемногу отпускают ее.

И тут откуда-то сверху до ее слуха донеслись далекие крики, и туман прорезали лучи мощных прожекторов. Весь замок сразу же осветился. Вероятно, немцы обнаружили, наконец, два новых труппа.

Магда уверенно шла прочь от крепости. Свет не пугал ее — он не достигал того места, где она сейчас находилась, едва просачиваясь сюда, как солнце на дно глубокого мутного озера. Туман ловил и растворял все лучи, превращаясь в белесую мглу, которая скорее прятала девушку, чем выдавала. На этот раз Магда, не раздумывая, с ходу шагнула в ледяной ручей. Ей было некогда снимать туфли и чулки — следовало быстрее уносить отсюда ноги. Но вот над головой прошла расплывчатая тень моста, и очень скоро девушка выбралась к тому месту, где щебень, глина и валуны клали начало крутому каменистому склону. Передохнув немного, она стала карабкаться вверх и через минуту была уже выше уровня сплошного тумана, хотя теперь он поднялся и заполнил собой почти весь ров. Еще немного — и показался долгожданный край ровной земли.

Не теряя времени, Магда пригнулась и побежала к гостинице. Но едва достигнув кустарника, обо что-то споткнувшись, упала и сильно ударилась левой коленкой о камень. Невольно вскрикнув, она сразу же села, прижала ушибленное колено к груди и разрыдалась так жалобно, что этот плач никак нельзя было отнести на счет одной только боли. Это был выход переполняющих ее чувств: обиды на отца, радости от удачного побег из замка — реакция на все, что ей пришлось увидеть, услышать и пережить в этом чудовищном месте.

— Вы ходили в замок?

Конечно, это был Гленн! Но никого другого Магда не могла и пожелать сейчас встретить. Быстро вытерев рукавом слезы, она встала, вернее, попыталась встать. Острая боль пронзила всю ее ногу, и Гленн протянул ей ладонь, чтобы девушка не упала еще раз.

— Вы ушиблись? — Голос его звучал участливо.

— Ерунда, просто синяк.

Она хотела шагнуть вперед, но, наступив на больную ногу, поняла, что это будет не так-то просто. Не говоря ни слова, Гленн подхватил ее на руки и зашагал к гостинице.

За сегодняшнюю ночь это был уже второй случай, когда Магду несли на руках. Но сейчас все происходило совсем иначе: руки Гленна излучали тепло, растапливая упрямый холод, оставшийся после прикосновения Моласара. Магда доверчиво прильнула к нему и сразу почувствовала, как все ее страхи и тревоги, словно по вол-

шебству, куда-то уходят. Но как же он сумел так бесшумно подкрасться к ней? Или он все это время стоял здесь в кустах и ждал ее возвращения?

Девушка опустила голову на плечо Гленна, вполне уверенная в своей безопасности. Ах, если бы это могло длиться вечно!

Он пронес ее, как пушинку, через крыльцо гостиницы, пустой холл, потом вверх по лестнице, и наконец вошел в ее комнату. Осторожно усадив Магду на край кровати, Гленн тут же встал перед ней на колени.

— Давайте-ка посмотрим вашу ногу.

Немного поколебавшись, Магда подняла юбку чуть выше левого колена, оставив правую ногу полностью закрытой, и плотно обтянула грубую ткань вокруг обнажившегося бедра. Где-то в глубине души она сознавала, что не пристало ей сидеть так вот с голой ногой перед почти незнакомым мужчиной. И все же...

Через порванный темно-синий чулок виднелся свежий кровоподтек на коленной чашечке. Кожа здесь посинела и начала отекает. Гленн встал, подошел к тумбочке и, смочив холодной водой салфетку, приложил влажную ткань к ушибленному месту.

— Это должно вам помочь, — сказал он.

— Что же случилось с замком? — рассеянно спросила Магда, уставившись на огненно-рыжие волосы Гленна. Непонятное, но очень приятное тепло растекалось от его руки вверх по бедру. Магда наслаждалась этим ощущением, одновременно заставляя себя не обращать на него внимания.

Гленн поднял на нее глаза.

— Вы же сами только что там были. Может быть, теперь именно вы сумеете ответить на этот вопрос?

— Да, я была там, но все равно ничего не могу объяснить. Я просто не в силах понять того, что там происходит. Я знаю, что замок начал меняться с тех пор, как в нем проснулся Моласар. Но я всегда любила это место. А теперь боюсь. В нем что-то... не то. И это «не то» нельзя ни увидеть, ни потрогать, но все равно ощущаешь его присутствие. Как иногда не надо выглядывать из окна, чувствуя приближение ненастья. Оно просто висит в воздухе... и как бы проникает в вас через кожу.

— И что же такого необычного вы чувствуете в Моласаре? Что именно в нем «не то»?

— Он — зло. Я знаю, что это звучит очень расплывчато, но он — действительно — само ЗЛО. Чудовищное, древнее зло, которое разрастается и процветает на смерти, радуется всему, что пагубно для живого, а ненавидит и боится того, что мы любим и воспеваем. — Магда вздрогнула, почувствовав, что слишком уж разговори-лась. — Но именно так я и воспринимаю его. Наверное, это полная чушь?

Гленн одарил ее долгим внимательным взглядом, после чего, наконец, сказал:

— Вы, наверное, очень чувствительны, раз смогли все это понять.

— И все же...

— И все же там сегодня что-то случилось?

— Да. Моласар спас меня от двух человек, которые, по здравому рассуждению, должны бы быть в союзе со мной против него.

У Гленна расширились зрачки.

— Моласар спас человека?

— Да. Он меня спас и при этом убил двух немецких солдат. — Магда поморщилась, вспоминая об этом. — Это было ужасно... Но он не тронул меня. Странно, да?

— Весьма. — Отняв руку от колена девушки, Гленн в задумчивости провел пальцами по своим густым волосам. Магде так хотелось, чтобы он снова положил эту теплую руку назад, но Гленн, казалось, совсем позабыл о ней и теперь напряженно размышлял о чем-то. — И вы убежали от него?

— Нет. Он сам принес меня к отцу. — Магда заметила, что и это привело Гленна в некоторое замешательство, но потом он кивнул, будто нашел, наконец, разгадку. — Кстати, было и еще кое-что...

— Насчет Моласара?

— Нет. Там есть что-то кроме него. В нижнем подвале... Там кто-то движется. Может быть, именно из-за этого и раздаются те самые шаркающие звуки, которые я слышала, пока шла наверх.

— Шаркающие звуки? — тихо переспросил Гленн.

— Да, будто кто-то скребет ногами... Там, в самом конце нижнего подземелья.

Не говоря ни слова, Гленн встал, подошел к окну и замер возле него, уставившись на замок.

— Расскажите мне, пожалуйста, все, что с вами сегодня произошло — с того момента, как вы вошли в замок, и до того, как выбрались из него. И не упускайте ни единой детали!

Магда в мельчайших подробностях рассказала ему все вплоть до той самой минуты, когда Моласар опустился на пол в комнате отца. На этом месте она запнулась.

— И что там случилось?

— Ничего.

— А как чувствует себя ваш отец? — поинтересовался Гленн. — С ним все в порядке?

Несколько секунд горький ком в горле не позволял Магде говорить. Она прерывисто вздохнула.

— Да-да, все нормально.

Магда попыталась улыбнуться, но вместо этого на глаза вдруг сами собой навернулись слезы и тоненькими струйками потекли по щекам. Она никак не могла их сдержать.

— Он велел мне уйти... и оставить его наедине с Моласаром. Вы можете себе это представить?! После всего, что мне пришлось пережить, чтобы попасть к нему, он говорит мне «убирайся»!

Вероятно, горечь ее слов глубоко тронула Гленна, потому что он вышел, наконец, из состояния задумчивости и, отвернувшись от окна, с сочувствием посмотрел на несчастную девушку.

— Ему было плевать даже на то, что на меня напали двое нацистов и чуть не изнасиловали! Сволочи... Он даже не поинтересовался, больно ли мне. Единственное, что его волновало, — так это то, что из-за меня у него осталось меньше времени для бесед с этим вурдалаком. Ведь я — его дочь, а ему гораздо важнее теперь проводить время с этим чудовищем!

Гленн подошел к кровати и присел рядом с Магдой, потом нежно обнял ее одной рукой и тихонько придвинул к себе.

— Ваш отец находится в невероятном напряжении, вы не должны забывать об этом.

— А он должен помнить, что он — мой отец!

— Конечно, — тихо сказал Гленн. — Обязательно должен. — Он чуть-чуть повернулся, лег на спину и слегка потянул Магду за плечи. — Вот так. Ложитесь рядом и закройте глаза. Сейчас вы успокоитесь.

Магда почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце, и все же не стала сопротивляться, позволив ему уложить себя рядом в кровати. Она уже забыла про боль в колене и повернулась на бок лицом к нему. Так они и замерли поверх покрывала — Гленн продолжал обнимать ее, а Магда прижала голову к его плечу; тела их тоже почти соприкасались, а левой рукой она упиралась в крепкие мышцы его груди. Мысли об отце и обида на него сразу же растворились, и вместо них нахлынули совсем новые чувства. Никогда еще она не лежала рядом с мужчиной, но это было страшно и приятно одновременно. Исходящие от него волны силы и нежности каким-то дивным теплом обволакивали ее тело и заставляли кружиться голову. В тех местах, где Магда чувствовала его прикосновение, будто крошечные стрелы пронзали ее, как небольшие электрические разряды. Они проникали сквозь одежду... и эта одежда стала мешать ей.

Вдруг, повинуясь какому-то безудержному порыву, Магда приподняла голову и поцеловала его в губы. Гленн сразу же приник к ней, но через мгновение отстранился.

— Магда...

Она смотрела ему прямо в глаза и видела, как смешались там желание, сомнение и даже испуг. Гленн был удивлен не меньше ее самой. Но она ничего не имела в виду своим поцелуем. Просто у нее появилась такая потребность и терпеть больше не было сил. Ее тело действовало как бы отдельно от разума, и она не старалась остановить его. Такой момент может никогда больше не повториться. Все должно произойти сейчас. Она хотела, чтобы Гленн овладел ею, но не решалась произнести это вслух.

— Когда-нибудь, Магда,— сказал он, будто прочитав ее мысли. А потом нежно отвел ее голову и положил себе на плечо.— Когда-нибудь. Но не теперь. Не сегодня.

Он погладил девушку по волосам и сказал ей, чтобы она постаралась заснуть. Как ни странно, этого обещания оказалось вполне достаточно. Страсть и пыл сразу покинули ее, и вместе с ними ушли куда-то все воспоминания о страшных испытаниях этой ночи. Даже мысли об отце и о том, что с ним сейчас происходит, как будто смыло волной абсолютного спокойствия. Время

от времени какие-то отдельные вопросы еще слегка будоражили ее разум, но постепенно и они, как круги на воде, становились все незаметнее, растекаясь по ровной глади ее сознания. Вместо этого где-то вдали возник пленительный образ Гленна. Кто же он, на самом деле, такой, и как правильно она все-таки поступила, решив остаться с ним так близко наедине.

Гленн... Было похоже, что он знает о замке и Моласаре гораздо больше, чем старается показать. Магда припомнила, что когда разговаривала с ним об устройстве крепости, у нее сложилось впечатление, что он знаком с ним не хуже ее самой. Его несколько не удивил ее рассказ о потайной винтовой лестнице в основании башни и о проходе с этой лестницы в нижний подвал, и, по мнению Магды, здесь был всего один разумный ответ: он сам прекрасно знал об их существовании.

Хотя все это, конечно, были пустячные сомнения. Если ей удалось обнаружить скрытый вход в башню, то нельзя исключить, что то же самое мог сделать и любой другой. Но сейчас для Магды было главным не это, а то, что она впервые почувствовала себя в полной безопасности и тепле. И была желаемая.

И вскоре незаметно для себя она заснула.

Глава двадцать вторая

Как только каменная глыба за Магдой задвинулась, Куза повернулся к Моласару. Бездонные черные зрачки буравили его из темноты ледящим кровью взглядом. Всю ночь профессор ждал этого момента, когда сможет задать Моласару свои бесчисленные вопросы, чтобы развеять, наконец, все досадные противоречия, на которые указал утром этот самонадеянный рыжеволосый незнакомец. Но неожиданно Моласар появился, неся на руках его собственную дочь.

— Зачем вы это сделали? — спросил Куза, поднимая на своего гостя глаза.

Моласар сверлил его пристальным холодным взглядом и молчал.

— Почему? — не унимался профессор. — Я думал, что для вас она всего лишь очередной лакомый кусочек!

— Не испытывай моего терпения, калека! — Лицо Моласара побелело от гнева. — Я не могу спокойно

смотреть, как двое немцев пытаются надругаться над женщиной из моей страны! Точно так же, как и пять столетий назад не мог равнодушно наблюдать, как то же самое делают турки. Потому я и стал сподвижником Влада Тепеша! Но сегодня немцы зашли куда дальше турков — они пытались совершить акт насилия в моем собственном доме! — Неожиданно он успокоился и слегка усмехнулся. — И я получил немалое удовольствие, оборвав их никчемные жизни.

— Наверное, вы получали большое удовольствие и от общения с самим Владом?..

— Да. Его склонность к насаживанию на кол давала мне превосходную возможность удовлетворять свои потребности в пище, и в то же время оставаться в тени. Влад доверял мне. И в конце его жизни я был одним из немногих бояр, на кого он мог с уверенностью положиться.

— Я вас не понимаю.

— А я и не жду этого. Ты не способен понять меня, так как я нахожусь за рамками твоих привычных представлений о мире.

Куза попытался сосредоточиться. Мысли стали путаться в голове. Так много противоречий! Все выходит совсем иначе, чем он предполагал. Но больше всего тревожило профессора то, что безопасностью, а может, и жизнью своей дочери он обязан теперь представителю нечистой силы.

— В любом случае, я ваш должник.

Моласар не ответил.

Куза немного поколебался, но потом все же начал исподволь подводить Моласара к тому самому вопросу, который мучил его сильнее всех остальных.

— А есть еще такие же, подобные вам?

— Ты хочешь сказать, нечистая сила? Раньше было много. Как сейчас — не знаю. После пробуждения я почувствовал такое нежелание со стороны живущих признавать мое существование, что, полагая, всех остальных люди успели уже уничтожить за последние пять веков.

— А те, остальные, — они тоже боялись крестов?

Моласар напрягся.

— У тебя ведь его нет с собой, да? Смотри мне, иначе...

— Нет-нет, он уже далеко... Но я удивлен вашим страхом перед ним. — Куза жестом обвел стены комна-

ты.— Вы со всех сторон окружили себя крестами из меди и никеля — их здесь тысячи! — и тем не менее вас ввел в ужас один-единственный маленький серебряный крестик, который я вчера показывал.

Моласар приблизился к одному из крестов и спокойно положил на него руку.

— Здесь есть маленькая хитрость. Видишь, как высоко расположена горизонтальная планка? Настолько высоко, что это уже больше не крест. Такая форма не вызывает во мне отвращения и никак на меня не действует. Я построил тысячи таких крестов в стены этого замка, чтобы запутать своих преследователей, когда решил, что это будет мое убежище. Они не могли и предположить, что я способен существовать в постройке, стены которой везде покрыты какими-либо крестами. Но как ты потом узнаешь — если, конечно, я смогу тебе доверять, — именно такая фигура имеет для меня особое значение...

Куза упорно пытался найти хоть какое-нибудь несоответствие в страхе Моласара перед крестом, но это никак ему не удавалось. И вновь профессором стали овладевать сомнения. Ему требовалось хорошенько подумать. И в то же время нельзя было отпускать Моласара — следовало попытаться как можно дольше удержать его здесь и заставить говорить еще!

— А кто они такие? Кто вас преследовал?

— Тебе говорит что-нибудь слово «глэкен»?

— Нет.

Моласар сделал шаг к старику.

— Совсем ничего?

— Я уверяю вас, что никогда раньше не слышал такого слова.— «Почему это для него так важно?» — задумался Куза.

— Тогда, возможно, их уже больше нет,— пробормотал Моласар скорее для себя, чем обращаясь к профессору.

— Пожалуйста, объясните мне, кто такой или что такое «глэкен»?

— Глэкены — это секта фанатиков, которые начали свою деятельность от имени церкви еще в средние века. Поначалу эти безумцы насильственно насаждали православие, но при этом подчинялись только папе римскому. Однако немного погодя они изобрели свою собственную религию. Им удавалось проникать повсюду, где была

власть. Одну за другой они затягивали в свои сети целые королевские династии, желая привести весь мир к единой новой вере и заставить всех подчиняться только себе.

— Но этого не может быть! Я же специалист по европейской истории, особенно, по странам Восточной Европы; и никогда эта секта нигде не упоминалась!

Моласар придвинулся еще ближе к Кузе и оскалил зубы.

— Ты осмелился в моем же доме заподозрить меня во лжи? Несчастный! Да что тебе известно об истории! Что ты знал обо мне и о тех, кто подобен мне, пока я сам не предстал перед тобой? А много ли ты выяснил об истории этого замка? Ничего! Глакены — это тайное братство. Ни одна королевская семья никогда даже не слышала о них! А если церковь в более поздние времена и знала об их существовании, то никогда открыто не признавала этого.

Куза отвернулся от Моласара — его смрадное дыхание с запахом крови вызывало у старика тошноту.

— А как же вы сами узнали об их существовании?

— Были времена, когда все, что затевалось вокруг, не могло остаться тайной для тех, кого вы теперь называете нежитью. И когда нам стали известны планы глакенов, мы решили предпринять весьма активные ответные действия. — Моласар выпрямился, гордо расправив плечи. Видимо, ему было приятно вспоминать о прошедшем. — В течение нескольких веков мы успешно противостояли им. Нам было ясно, что конечная цель этой секты — покорить и уничтожить нас, поэтому мы всячески мешали им и срывали их планы. Мы лишали жизни всех, кто вольно или невольно попадал под их влияние.

Моласар возбужденно заходил по комнате.

— Поначалу глакены тоже сомневались в том, что мы действительно существуем. Но как только они убедились в этом, так сразу же объявили нам беспощадную войну. Один за другим мои братья погибали, встречая самую настоящую смерть. И когда наш круг начал сужаться, я отстроил этот замок и решил схорониться в нем, чтобы пережить глакенов с их безумными планами мирового господства. И похоже, что мне это удалось.

— Очень мудро,— согласился Куза.— Вы окружили себя фальшивыми крестами и впали как бы в зимнюю спячку. Но тем не менее я должен задать вам один вопрос, на который очень прошу мне ответить: почему все-таки вы боитесь креста?

— Я не склонен обсуждать это.

— Но вы должны рассказать мне! Ведь мессия... Был ли Иисус Христос...

— Нет! — Моласар покачнулся и тяжело прислонился к стене, сильно закашлявшись.

— Что с вами?

Глаза Моласара вспыхнули яростью.

— Если бы ты не был моим соотечественником, я бы уже вырвал тебе язык!

«Неужели одно упоминание имени Христа вызывает в нем ужас?» — изумился профессор.— Но я не мог даже предположить...

— Никогда не повторяй больше этого! Если тебе дорога моя помощь, которую я могу оказать, то никогда больше не произноси этого имени!

— Но это же просто слово.

— НИКОГДА! — Моласар с трудом заставлял себя сохранять видимое спокойствие.— Я тебя предупредил. Никогда больше — иначе твой труп будет брошен рядом с немецкими!

Куза почувствовал, что голова у него пошла кругом. Надо было срочно что-то предпринимать.

— А что вы скажете об этих словах: «Йитгадаш вей-иткадаш шемеи раба беальма дивера чиреутен, вейам-лих»?..

— Это еще что за тарабарщина? — нахмурился Моласар.— Какое-нибудь заклинание? Или молитва? Может, ты хочешь избавиться от меня? — Он начал угрожающе приближаться к профессору.— Уж не встал ли ты на сторону немцев?

— Нет! — еле вымолвил Куза, и голос его осекся. В голове застучала кровь. Он с силой сжал ручки кресла поledenевшими пальцами. Ему казалось, что комната переворачивается и пол перед ним встает дыбом. Жуткий страх охватил старика. Это порождение тьмы содрогалось при виде креста и теряло самообладание при одном упоминании имени Иисуса, а древние иудейские молитвы на иврите оказались для него лишь пустым на-

бором звуков! Это было непостижимо. Но, к его ужасу, именно так.

Теперь Моласар заговорил более спокойно, не обращая внимания на вихрь чувств, бушевающих его собеседника. Куза напряженно пытался не пропустить ничего из сказанного. Все, что говорил сейчас хозяин замка могло быть исключительно важным и для Магды, и для него самого.

— Мои силы уже понемногу восстанавливаются. Я чувствую, как новая энергия вливается в меня. Очень скоро — я думаю, самое большее, через пару дней — я смогу разделаться со всеми инородцами в этом замке.

Куза старательно пытался вникнуть в смысл его слов: силы... пару дней... разделаться... Но как он ни напрягался, другие слова ясно звучали в голове профессора: «Йитгада! вейиткадаш шемеи...» Бесполезность этой древней молитвы по усопшим не давала ему покоя.

А потом раздались громкие шаги: сапоги застучали у входа в башню, затем кто-то побежал вверх по лестнице, а со двора послышались голоса — испуганные и сердитые. Лампочка в комнате мигнула и немного притухла, и это значило, что во всем замке сразу зажегся свет.

Моласар довольно усмехнулся, обнажая желтоватые острые зубы.

— Похоже, они обнаружили двух своих соратников.

— И очень скоро придут сюда и обвинят меня в этом, — заметил Куза. Беспокойство за свою жизнь наконец вывело его из оцепенения.

— Ты ведь не глупец, калека, — сказал Моласар и, подойдя к стене, привычным жестом толкнул нужный камень. Тот легко отошел в сторону, отворяя дорогу. — Вот и воспользуйся своим умом.

Куза молча наблюдал, как Моласар растворился в темноте открывшегося прохода, жалея про себя, что сам не может точно так же покинуть комнату до прихода немцев. Как только каменная глыба вновь заняла свое место, он подкатил кресло к столу и, раскрыв пресловутый «Аль Азиф», притворно углубился в чтение. Руки его дрожали. Он весь превратился в ожидание.

Однако долго ждать ему не пришлось. Через несколько секунд в комнату ворвался разъяренный Кэмпфер.

— Ну что, жид! — заорал он, направив указательный палец в лицо профессору. Размашистой походкой он быстро приближался к столу, что в сочетании с обвиняющим жестом должно было, по мнению эсэсовца, одновременно означать его полную власть над этим человеком и смертельную угрозу. — Ты обманул нас! Я так и знал!

Куза сидел неподвижно, обратив к майору полный недоумения взгляд. Пока оправдываться было рано. Да и что он мог сказать в свое оправдание!.. К тому же сопротивляться уже просто не было сил. Он чувствовал себя больным и слабым — и душевно, и физически. От невыносимого напряжения нестерпимо болело все тело — каждый мускул, каждый сустав и каждая кость. После встречи с Моласаром разум тоже отказывался подчиняться. Он ничего не мог сообразить. Во рту давно уже пересохло, но он не осмеливался прикоснуться к воде, потому что при одном виде Кэмпфера у него сразу же заныл мочевой пузырь.

Нет, профессор просто не был создан для таких перегрузок. Он учитель, ученый, человек умственного труда. Он не знал и знать не хотел, как вести себя с этим нахальным щеголем, который имел сейчас над ним полную власть. Куза с радостью нанес бы ему ответный удар, но не смел на это даже надеяться. А может, и не стоит бороться за свою жизнь, раз она все чаще сводит его с такими людьми?

Сколько он еще способен вынести?..

Но у него была Магда. А для нее должна оставаться хотя бы маленькая надежда.

Два дня... Моласар говорил, что полностью его силы восстановятся через пару дней. Сорок восемь часов. «Но смогу ли я столько продержаться?» — с горечью подумал Куза.

Да, он заставит себя выстоять до субботы! Субботний вечер. Шабес... Хотя что для него теперь шабес? Все эти слова с недавних пор стали терять свой привычный смысл.

— Ты меня слышишь, еврей?! — взвился майор. Голос его почти срывался.

— Да он и понятия не имеет, о чем вы ему толкуете, — раздался вдруг второй голос.

В комнату вошел капитан. Куза сразу узнал его по вежливому тону — наверное, в армии это был большой

недостаток. Издержки хорошего воспитания. А у настоящего немецкого офицера всякое приличие теперь должно отсутствовать...

— Ничего, скоро узнает! — В два размашистых шага майор оказался рядом со стариком и так склонился над ним, что идеальное лицо «истинного арийца» оказалось всего в нескольких дюймах от носа старого еврея.

— Что-то случилось? — с притворным удивлением спросил профессор, в то же время пытаясь изобразить на лице страх и отчаяние. — Что я такого сделал?

— Ты не сделал НИЧЕГО, еврей! Две ночи ты сидел тут со своими паршивыми книгами и морочил нам голову, пользуясь временным затишьем. А сегодня...

— Я же никогда... — начал было Куза, но майор не дал ему закончить и со всей силой обрушил на шаткий стол свой тяжелый кулак.

— Молчать! В подвале только что убили двух моих солдат, и горло у них разорвано, как и у всех предыдущих!

Перед Кузой ясно, как в кино, предстали два трупа. После того как он увидел остальных убитых, эти новые жертвы ему нетрудно было представить себе в мельчайших подробностях. Он осознал, что ему даже немного приятно мысленно рассматривать их рваные раны. Ведь именно эти двое пытались изнасиловать его дочь — и они полностью заслужили такое наказание. И даже хуже. Хорошо, что Моласар не просто убил их, а еще и выпил всю кровь.

Но сейчас в опасности находился сам профессор. Это легко было понять по разъяренному лицу майора. Надо срочно что-то придумать, иначе он не доживет до субботнего вечера.

— Теперь мне ясно: в том, что мы две ночи спали спокойно, никакой твоей заслуги нет. Я не вижу ни малейшей связи между твоим приездом сюда и двумя сутками без смертей — просто для тебя это оказалось счастливым совпадением! Но ты обманул нас и заставил поверить, что именно ты так стараешься для нашей безопасности. Что еще раз доказывает справедливость истины, которую нам тысячу раз повторяли в Германии: никогда не доверяй еврею!

— Но я и не говорил вам, что это моя заслуга! Я даже не...

— Ты нарочно пытаешься задержать меня здесь?! — взревел Кэмпфер, сузив глаза. — Мне кажется, ты делаешь все, чтобы помешать моей работе в Пло-ешти!

Куза не мог понять слов майора. Слишком быстро тот переходил от одной темы к другой. Этот человек безумен... И, судя по всему, безумен не меньше, чем сам Абдул Альхазред, когда писал свою знаменитую книгу «Аль Азиф». Как раз сейчас она и лежала перед ним на столе...

И тут в голову профессору пришла блестящая мысль.

— Послушайте, господин майор! Я все-таки узнал кое-что из книг!

При этих словах капитан Ворманн сделал шаг вперед.

— Узнали? И что же вы узнали?

— Ничего он не узнал! — зарычал Кэмпфер. — Это еще одна его жидовская уловка! Просто он хочет в очередной раз оттянуть свою казнь.

«Как вы проникательны, майор!» — подумал Куза.

— О Господи, дайте же ему сказать! — заговорил Ворманн и повернулся к профессору. — Так что вы нашли в этих книгах? Покажите мне.

Куза указал на «Аль Азиф», написанную древней арабской вязью. Книга была создана в восьмом веке и не имела никакого отношения не только к замку, но и вообще к Румынии. Но профессор надеялся, что немцы никогда не узнают об этом.

Ворманн склонился над рукописью и тут же недовольно нахмурился:

— Я не понимаю эти каракули.

— Он все врет! — не унимался Кэмпфер.

— Но у автора этой книги нет причин вас обманывать, — спокойным голосом произнес Куза. Он выждал несколько секунд, молясь про себя, чтобы немцы не заметили разницы между турецкими и древнеарабскими буквами, а потом с увлечением окунулся в только что выдуманную легенду: — Эта книга была написана одним турком, который вместе с Мухаммедом Вторым вторгся в Румынию в пятнадцатом веке. В числе прочего здесь говорится о небольшом замке... И по описанию крестов я делаю вывод, что имеется в виду именно наша крепость. Так вот, в древности ею владели знатные боя-

ре из Валахии. И здесь сказано, что призрак первого усопшего хозяина замка позволяет ночевать в его доме только местным жителям, и их он не трогает. Но если сюда приходят иноземцы, он начинает убивать их по одному каждую ночь, пока те сами не уберутся из его дома по доброй воле. Теперь вы понимаете? То, что сейчас происходит здесь, случилось и с турецкими солдатами почти пятьсот лет тому назад!

Куза замолчал и внимательно посмотрел на немцев. Про себя профессор даже изумился, как ловко и складно получилась у него эта сказка, которую он придумывал почти на ходу, используя свои скудные познания о Моласаре. Конечно, в его рассказе были и некоторые несоответствия, но он надеялся, что офицеры не поймут этого.

— Какая чушь! — усмехнулся Кэмпфер.

— Не скажите! — вмешался Ворманн. — Сами подумайте: в те времена турки постоянно наведывались в эти места. А теперь пересчитайте трупы: если учесть два сегодняшних, то, начиная с двадцать второго апреля, когда я прибыл сюда, как раз и получается в среднем по одной смерти за ночь.

— Все равно... — Кэмпфер не закончил фразу, его уверенность стала таять, и он с сомнением посмотрел на Кузу: — Значит, мы здесь не первые?

— Нет. Во всяком случае, если верить этой рукописи.

Уловка удалась! Чудовищная ложь, которую профессор только что сочинил, срабатывала в его пользу! Немцы хватались за любую соломинку и готовы были поверить во все, что он скажет. Ему захотелось рассмеяться.

— Ну и как же им удалось разрешить эту проблему? — спросил Ворманн.

— Они просто покинули замок.

Наступила долгая пауза.

Наконец Ворманн повернулся к майору:

— Я же говорил вам, что следует...

— Мы не можем уйти отсюда! — оборвал его Кэмпфер. Он был на грани истерики. — Во всяком случае, до воскресенья. — Он повернулся к старику: — И если до того времени ты не найдешь выхода, то я прослежу, чтобы и ты, и твоя дочь сопроводили меня до Плоешти!

— А зачем?

— Это ты узнаешь на месте.— Кэмпфер задумался и добавил: — Нет, лучше рассказать тебе все прямо сейчас. Может быть, это придаст тебе новые силы в твоих поисках. Ты ведь наверняка слышал об Аусшвице и Бухенвальде?

От ужаса у Кузы перехватило дыхание.

— Да, это лагеря смерти.

— Ну, мы предпочитаем называть их центрами переселения. А вот в Румынии их до сих пор еще нет. И моя миссия как раз в том и состоит, чтобы ликвидировать это досадное упущение. Туда отправятся такие же, как ты, плюс цыгане и масоны. Вот что я собираюсь построить в Плоешти! Но если ты окажешься мне полезен, то я, пожалуй, отложу на какое-то время твой визит в этот лагерь, и, может быть, у тебя даже появится шанс умереть своей смертью. Но если ты попробуешь задержать меня здесь, то и ты, и твоя дочь станете нашими первыми гостями.

Куза обмяк в своем кресле. Он чувствовал, как шевелятся его губы и язык, но не мог произнести ни слова. То, что он только что услышал, потрясло его до глубины души. Это невероятно! Хотя злорадный блеск в глазах Кэмпфера подтверждал, что все это — чистая правда. Одно-единственное слово слетело с губ старика:

— Зверь!

Майор расплылся в самодовольной улыбке.

— Как ни странно, это оскорбление из уст еврея звучит для меня как комплимент. Из него можно сделать вывод, что я стою на верном пути.— Он направился к выходу, но возле самой двери обернулся.— Так что читай повнимательнее свои книги. И потрудись хорошенько. Ты должен найти ответ. От этого зависит не только твое благополучие, но и жизнь твоей дочери.

И он вышел из комнаты, высоко подняв голову.

Куза умоляюще посмотрел на Ворманна:

— Капитан?..

— Я ничем не могу вам помочь, господин профессор,— ответил тот полным сожаления голосом.— Могу только посоветовать: постарайтесь найти что-нибудь в этих книгах. Ведь вы уже обнаружили одно упоминание о заставе. Значит, есть шанс, что найдете и другое. И еще: посоветуйте своей дочери подыскать себе более надежное убежище, чем гостиница... Может быть, где-то в горах...

Куза не осмелился признаться капитану, что все, рассказанное им, было чистой воды вымыслом, если не сказать хуже. Не было в рукописях никакого упоминания о замке, и не оставалось никакой надежды, что его возможно найти. Что же касается Магды, то он слишком хорошо ее знал...

— К сожалению, моя дочь упряма. Она останется в гостинице.

— Я так и думал. Но кроме того, что я уже сказал, мне больше нечего добавить. Я теперь совершенно бессилен и уже не контролирую обстановку в крепости.— Тут лицо Ворманна исказилось.— Да наверное, и раньше не контролировал... Всего вам хорошего.

— Подождите! — Куза неуклюже сунул руку в карман и протянул капитану крестик.— Заберите его. Он оказался бесполезным.

Ворманн взял крестик и крепко сжал его в кулаке, заглянув профессору в глаза. Потом вздохнул и вышел из комнаты.

Куза остался один. Его охватила тяжелейшая депрессия. Положение казалось безвыходным. Если Моласар перестанет убивать немцев, то Кэмпфер сразу же отправится в Плоешти, чтобы начать там массовое уничтожение румынских евреев. Если же Моласар будет продолжать свою месть, Кэмпфер просто разрушит замок и заберет их с Магдой в свой страшный лагерь. Он представил себе, что будет, когда она попадет в руки нацистов, и еще раз вспомнил пословицу о том, что судьба порой бывает хуже смерти.

Он просто обязан найти выход! Ведь от этого зависит гораздо больше, чем его собственная жизнь и даже жизнь его дочери. На карту поставлены тысячи жизней, если не миллионы... Должен же быть какой-то способ остановить этого зверя!.. Нельзя допустить, чтобы он выполнил свою страшную миссию... По всему видно, что он собрался быть в Плоешти не позднее понедельника. А если он задержится?.. Возможно ли, что и строительство лагеря тогда тоже отложат? Если да, то для всех обреченных это будет означать хотя бы отсрочку.

А что если Кэмпфер вообще никогда не уедет отсюда? Не исключено ведь, что и его может настичь неумолимый рок... Но что способен сделать для этого старый больной профессор? Как остановить майора?

Внезапно Куза заплакал, осознав свою беспомощность. Он всего лишь калека-еврей, заточенный среди немецких агрессоров. Ему нужен постоянный уход. А еще больше ему был нужен сейчас совет. И чем быстрее, тем лучше. Но до завтрашней ночи еще так далеко!.. Он в отчаянии согнул непослушные пальцы и устало склонил голову над столом.

«Господи,— молился про себя профессор.— Помоги мне, твоему смиренному рабу! Помоги найти выход, чтобы спасти других таких же несчастных. Помоги мне и помоги им. Укажи путь, как сохранить эти жизни...»

Постепенно молитва перешла в забытие. Профессор был в отчаянии. Что толку от его молитв? Сколько уже тысяч невинных жертв точно так же просили Бога о помощи, возлагая на него свою последнюю надежду!.. И где сейчас все они? Погибли! А где окажется он сам, если так же беспомощно будет ожидать ответа на свой крик скорбящего сердца? Тоже погибнет. А что тогда случится с Магдой?..

Старик сидел, уронив голову на руки, и отчаяние все сильнее захлестывало его.

Но ведь есть еще где-то в подвале и Моласар...

Закрыв дверь в комнату Кузы, Ворманн не пошел сразу к себе, а какое-то время стоял молча на месте, погруженный в тревожные раздумья. Когда профессор рассказывал им о прочитанном в этой непонятной книге, Ворманн испытывал весьма противоречивые чувства. С одной стороны, казалось, что он не обманывает их; и все же что-то неуловимое в речи старика заставило капитана насторожиться. Странно. В чем же заключается его уловка?

Ворманн неторопливо вышел во двор и тут же поймал на себе озабоченные взгляды солдат. Да, не стоило им так оболящаться — слишком уж подозрительными казались ему эти две ночи без происшествий. Так что сам он не очень-то рассчитывал на такую же спокойную третью ночь.

Итак, снова все оказалось по-прежнему. Кроме разве что количества трупов, которое непрерывно росло. Теперь их уже десять. По одной смерти за ночь — а в общей сложности уже прошло ровно десять ночей. Потрясающая статистика!.. Если, конечно, этот таинственный «боярин из Валахии» успокоится теперь до завтра. А как было бы хорошо! Тогда, если убийств пока больше не будет, может быть, удастся уговорить Кэмпфера ехать спокойно по своим делам?.. И тогда уж Ворманн сразу выведет всех людей из этого проклятого замка. Но, похоже, дела сейчас оборачиваются так, что до выходящих им отсюда не выбраться. А впереди еще несколько ночей — пятница, суббота и воскресенье. Значит, теоретически, их ждет еще по крайней мере три смерти. Если не больше.

Ворманн повернул направо и пошел ко входу в подвал. Сейчас в этом импровизированном склепе у них должно было прибавиться два новых тела. Капитан решил проверить их и убедиться, что они действительно лежат там в надлежащем порядке. Даже эсэсовцам нельзя отказывать в праве бережного обращения с их останками после смерти.

В верхнем подвале Ворманн бегом оглядел комнату, где обнаружили жертвы. У них не просто были разорваны горла — головы несчастных держались буквально на ниточках. По какой-то неизвестной причине убийца решил еще и сломать им шеи, что явилось новой деталью в его «художествах». Сейчас в комнате было пусто, только у входа валялись обломки дубовой двери. Что же здесь произошло?.. Оружие убитых нашли рядом с ними — из него никто не стрелял. Может быть, они пытались запереться здесь, чтобы спрятаться от своего преследователя? Но почему никто не слышал их криков? Или они вообще не кричали?

Тяжело вздохнув, капитан вышел в коридор, и, пройдя к пролому в стене, услышал снизу приглушенные голоса. Уже на лестнице он столкнулся с солдатами, которые только что перенесли туда трупы, и направил их назад.

— Хочу проверить, как вы исполнили мое задание.

В нижнем подвале фонари и керосиновая лампа, которую держал один из солдат, выхватили из мрака десять фигур, накрытых белыми простынями.

— Мы тут немного их поправили,— пояснил рядовой в серой форме.— На них почему-то простыни смялись.

Ворманн внимательно оглядел помещение. Все, казалось, в идеальном порядке. Теперь предстояло решить вопрос об отправке убитых на родину. Очень скоро станет тепло и их придется убирать отсюда. Но куда и как?

И тут он радостно щелкнул пальцами. Ну, конечно же — вместе с Кэмпфером! Майор собрался уезжать в воскресенье, независимо от того, как развернутся дальше события. Значит, он и переправит трупы в Плоешти. А оттуда их доставят самолетом в Германию. Великолепно. Это вполне устраивало капитана.

Но тут он заметил, что левая нога у третьего с края убитого немного высунута из-под простыни. Он подошел к нему и нагнулся, чтобы поправить ткань, и вдруг заметил, что сапог на мертвеце грязный. Казалось, будто его притащили сюда за руки, а ноги в это время влокались по земле. Оба сапога были сплошь заляпаны грязью.

Ворманн почувствовал прилив ярости и подождал, пока злость немного утихнет. Какая теперь разница! Это ведь уже труп... стоит ли поднимать шум из-за каких-то грязных сапог? На прошлой неделе это, может быть, и имело смысл сделать. Но сейчас это была просто еще одна неприятная мелочь. Пустяк. И тем не менее эти грязные сапоги почему-то засели в его мозг. Он и сам не мог сказать, почему. Но капитану все же стало как-то не по себе.

— Ну, пойдёмте, ребята,— сказал, наконец, Ворманн, отворачиваясь от трупов. Из рта у него шел пар. Солдаты с радостью поспешили за своим командиром. В подвале действительно было очень холодно.

Дойдя до лестницы, капитан обернулся и еще раз посмотрел на мертвых. В тусклом свете уже едва различались их белесые очертания. И вновь он вспомнил про сапоги... Грязные сапоги со слипшимися комьями глины. Потом покачал головой и уверенно зашагал по крутым ступенькам.

Кэмпфер стоял у окна своей комнаты и рассеянно смотрел во двор. Он видел, как Ворманн зашел в подвал, потом вернулся оттуда. Но майор не изменил своей позы. Ему очень хотелось вновь почувствовать себя в безопасности, хотя бы на предстоящий остаток ночи. И это чувство уверенности уже почти вернулось к нему. Но, разумеется, не от того, что в караул сейчас был по тревоге выставлен весь личный состав гарнизона. Просто хозяин замка уже убил только что двух солдат и на сегодня, стало быть, свою кровавую программу закончил.

И тут майора сковал неописуемый страх, виной которому была внезапная жуткая догадка. Ведь до сих пор жертвами неизвестного убийцы становились лишь рядовые. Офицеров он почему-то не трогал. А почему?.. Конечно, может быть, просто потому, что рядовых было в замке гораздо больше — примерно двадцать солдат на одного офицера. И тем не менее Кэмпферу показалось, что убийца специально бережет их с Ворманном для какого-то особенно изощренного наказания.

Майор не мог объяснить, почему в голову ему пришла такая нелепая мысль, но был уверен, что в этом он не ошибся. Если бы он мог хоть с кем-нибудь поделиться своими мучительными раздумьями, то, может быть, снял бы с себя хотя бы часть этого тяжелого бремени. И тогда, возможно, сон сжалился бы над ним.

Но такого человека здесь не было.

И поэтому ему придется стоять так до самого рассвета, не смыкая от страха глаз, и ждать, когда лучи солнца разгонят, наконец, эти зловещие тени.

Глава двадцать третья

Застава.

Пятница, 2 мая.

Время: 07.32

Магда ждала у ворот, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Несмотря на то что утреннее солнце ярким светом заливало заставу, от стен замка веяло прохладой. И еще то ощущение зла, которое раньше чувствовалось лишь внутри крепости, теперь, казалось, разползлось за ее пределы и начало заполнять собой весь перевал. Прошлой ночью оно не отпускало Магду до тех

пор, пока она не ступила в холодную воду рва. Сегодня же неприятные ощущения начались с той секунды, как она шагнула на мост.

Широкие деревянные ворота были сейчас настежь распахнуты, и перед девушкой лежал короткий арочный проход, напоминающий небольшой тоннель. За ним открывалась панорама внутреннего двора крепости. Магда переводила взгляд с дверей башни, откуда должен был появиться отец, на противоположную стену замка, где как раз напротив главных ворот чернел сводчатый спуск в подвал. Несколько солдат разбирали там очередную грудку камней. Еще вчера их движения были довольно неторопливыми. Но сегодня солдаты работали быстро, молча и... как-то судорожно, а на лицах ясно читались страх и отчаяние. Они напоминали ей сумасшедших — причем насмерть перепуганных сумасшедших.

«Почему они не уезжают из замка?» — удивлялась Магда. Она никак не могла понять, зачем этим людям оставаться здесь, если все равно следующей ночью кто-то из них должен умереть. Это казалось ей полной бессмыслицей.

Но сейчас Магду больше волновало состояние отца. Что они сделали с ним, когда обнаружили тела двух эсэсовцев, которые чуть не изнасиловали ее в подвале? Еще выходя из гостиницы, она подумала, что немцы с легкостью могли убить не угодившего им еврея, и от страха у нее перехватило дыхание. Но вскоре эти сомнения рассеялись, поскольку часовой у ворот не удивился, услышав ее просьбу о свидании с отцом, и спокойно отправился за ним в башню. И вот теперь, когда первые страхи рассеялись, в голову полезли самые разные мысли.

Утром она проснулась от писка голодных птенцов в гнезде за окном, и еще от того, что сильно болело левое колено. Она обнаружила, что лежит в кровати одна, под одеялом, но полностью одетая. А ведь вчера она была такая беззащитная и доступная, что Гленн с легкостью мог бы воспользоваться этим. Но он не стал ничего предпринимать, хотя было совершенно ясно, что она и сама хотела близости с ним.

Магда внутренне сжалась, не понимая, что же такое на нее нашло вчера, и удивилась своей наглости и бесстыдству. К счастью, Гленн отверг ее притязания... Нет, это слишком сильно сказано! Просто он колебался,

и поэтому не тронул ее. Да, именно так. Магду раздирали противоречия: ей было приятно от того, что Гленн проявил благородство и не воспользовался ее слабостью, но в то же время и немного обидно, что он с такой легкостью преодолел соблазн.

Почему же он пренебрег ее телом?.. Правда, раньше Магда никогда не задумывалась, насколько привлекательна она для мужчин. Но теперь чутье подсказывало ей, что то ли в ее теле, то ли в поведении что-то не так, чего-то не хватает.

Хотя, возможно, сама она в этом несколько не виновата. А вдруг он из тех мужчин, которые... не любят женщин, а... ну, в общем, которые способны любить только других мужчин?.. Но Магда прекрасно понимала, что это не так. Она до сих пор вспоминала их единственный поцелуй, и от одного этого воспоминания приятное тепло растекалось по всему ее телу.

Ну и что? Все равно он не пошел навстречу ее желанию, отверг ее немую просьбу. Но, с другой стороны, как бы она сейчас смотрела ему в глаза, если бы он овладел ею? Униженная своим собственным распутством, она бы всячески избегала его, тем самым добровольно лишая себя его общества. А общество Гленна было ей сейчас крайне необходимо.

Что же касается прошлой ночи, то у нее, наверное, было просто какое-то временное помрачение ума. Чисто случайное стечение обстоятельств, совпадение, которое никогда больше не повторится. Теперь она начала понимать, что с ней все-таки произошло: физическая усталость, эмоциональное напряжение, встреча с немцами, которая чуть не закончилась для нее плачевно, потом спасение Моласаром, отказ отца от ее поддержки — все эти события наложились в ее сознании одно на другое, поэтому вовсе не удивительно, что она на время потеряла рассудок. Вчера ночью с Гленном лежала, разумеется, не Магда Куза. Это была совершенно другая личность, которую Магда даже не знала. Но больше такого уже не случится.

Когда сегодня утром она проходила мимо комнаты Гленна, прихрамывая от боли в колене, ей очень захотелось постучаться, чтобы поблагодарить его за заботу и извиниться за свое поведение. Но, прислушавшись, Магда решила не тревожить его и не будить, так как в комнате было тихо.

Поэтому она сразу же направилась к замку. Но не только для того, чтобы удостовериться, что с отцом все в порядке. Она решила сказать ему все: что он очень обидел ее, что не имел никакого права обращаться с ней так, и что теперь она, пожалуй, воспользуется его советом и укроется где-нибудь в горах, подальше от перевала Дину. Конечно, последнее было пустой угрозой, но Магде не терпелось хоть чем-то отомстить ему за свои мучения, чтобы он понял наконец, как был неправ и хотя бы извинился за свое бессердечное отношение к ней. Она даже потренировалась немного перед зеркалом, чтобы голос звучал серьезно, и тщательно продумала все слова. Теперь Магда полностью была готова к этой встрече.

Наконец немецкий солдат вывез из башни кресло, в котором она сразу же увидела отца. Но одного взгляда на его измученное лицо было достаточно, чтобы и обида, и гнев разом оставили ее. Отец выглядел ужасно. Создавалось впечатление, что за одну эту ночь он постарел по меньшей мере на двадцать лет. Магде казалось невероятным, чтобы отец мог выглядеть еще хуже, чем вчера, но, к сожалению, это было именно так.

«Сколько же страданий выпало на его долю! — сокрушалась она. — Ни один человек не заслуживает такого наказания. Всю жизнь ему приходилось противостоять своим научным оппонентам, потом сражаться с неодолимой болезнью, а теперь вот он попал в руки этих нацистов. Нет, я не могу сейчас злиться на него, я должна быть на его стороне».

Солдат, который подвозил отца, оказался более вежливым, чем вчерашний часовой. Он плавно остановил кресло около Магды и сразу же отошел. Не говоря ни слова, она быстро зашла сзади коляски и покатила ее по мосту. Но не успели они проехать и десяти шагов, как отец неожиданно поднял вверх руку.

— Останови здесь, Магда.

— Что случилось? — Ей очень не хотелось останавливаться, потому что и на мосту она не могла отделаться от неприятных ощущений, которые возникали у нее на территории замка. Но отец, казалось, вовсе не замечал этого.

— Этой ночью я даже глаз не сомкнул.

— Они не давали тебе спать? — встревоженно

спросила девушка, зайдя спереди и присев на корточки перед креслом. Она почувствовала, как в груди ее закипает злоба.— Неужели они пытали тебя?!

Куза взглянул на дочь, и в глазах его заблестели слезы.

— Нет, они даже не тронули меня. Но все равно мне сейчас очень, очень больно.

— Но что же произошло?

Профессор заговорил на цыганском диалекте, который Магда хорошо понимала:

— Послушай меня, доченька. Я выяснил, зачем приехали сюда эсэсовцы. Для них это только промежуточный пункт на пути в Плоешти. Там майор будет строить лагерь смерти — для людей нашей нации.

Магда почувствовала, как к горлу подкатывает комок.

— Нет, не может быть! Это неправда! Правительство никогда не позволит немцам...

— Но они уже здесь! Ты ведь знаешь, что немцы давно уже возводят укрепления вокруг нефтяного комплекса в Плоешти. Кроме того, они успешно обучают военному делу румынских солдат. А если так, то почему бы не поверить, что они столь же успешно обучат их и убивать евреев? Из того, что мне стало известно, я делаю вывод, что майор как раз и специализируется на такого рода убийствах. И он очень предан своему делу. Из него выйдет неплохой педагог, смею тебя уверить.

«Нет, этого просто не может быть!..» И тем не менее, разве сама Магда не считала до недавнего времени, что такие чудовища, как Моласар, тоже не могут существовать в реальности?.. В Бухаресте давно уже передавались шепотом слухи о нацистских концлагерях, о зверствах, творящихся за колючей проволокой, и о бесчисленных жертвах этой системы. Сначала подобным рассказам мало кто верил, но по мере того, как к легендам добавились и достоверные факты, в них поверили даже самые скептически настроенные евреи. Многие, правда, продолжали считать все это пустыми байками — особенно те, кому эти лагеря не грозили. Им нечего было бояться. Таким людям не надо было верить во все ужасы происходящего — они считали, что это может плохо сказаться на их нервной системе.

— А что, прекрасно выбранное место,— продолжал профессор усталым голосом, ровным и лишенным каких-либо эмоций.— Нас туда легко будет согнать. А если их враги решат разбомбить нефтеперерабатывающие заводы, то там начнется такой ад, что он вряд ли покажется кому-нибудь лучше, чем немецкие пытки. А может произойти и другое: если про лагерь узнает противник, то он еще подумает, стоит ли бросать бомбы на такой район. Хотя это сомнительно.

Куза замолчал, а потом с уверенностью произнес:

— Кэмпфера надо остановить.

Магда вскочила на ноги и тут же стиснула зубы от резкой боли в колене.

— Неужели ты считаешь, что ТЫ способен остановить его? Да у него и волосок с головы не успеет упасть, как тебя уже сто раз расстреляют!

— Но я должен найти какой-нибудь способ. Ведь теперь я волнуюсь не только за твою жизнь. Это уже тысячи жизней! И все они будут зависеть от Кэмпфера.

— Но даже если что-то и остановит его, на его место тут же пришлют другого!

— Да. Но на это потребуется время, а любая задержка сейчас пойдет людям на пользу. Вдруг как раз в этот период Россия нападет на Германию, или наоборот?.. Я не думаю, что два таких безумных пса, как Гитлер и Сталин, будут особенно долго ждать — кто-нибудь из них обязательно первым вцепится другому в глотку. И в этой новой войне про лагерь в Плоешти, может быть, позабудут.

— Но каким же образом ты собрался остановить майора? — Магда твердо решила вразумить отца. Он должен понять, что его затея неосуществима. Это настоящий бред сумасшедшего!

— Возможно, это сделает Моласар.

Магда не хотела верить в то, что сейчас услышала.

— Нет, отец! Только не это!

Профессор нетерпеливо поднял вверх руку, затаившую в перчатку.

— погоди немного. Моласар ведь уже намекал мне, что мог бы использовать меня, как своего союзника в борьбе с захватчиками. Не знаю, правда, чем я смогу быть ему полезен, но предстоящей ночью я это обяза-

льно выясню. А взамен попрошу его о небольшой ответной услуге: пусть он остановит майора Кэмпфера.

— Нет, ты не должен иметь дело с таким чудовищем! Ему нельзя доверять. Он же сам тебя первый и убьет, когда ты станешь ему больше не нужен!

— Мне плевать на мою жизнь! Я уже говорил тебе, что на карту сейчас поставлено гораздо большее. И кроме того, я почему-то доверяю Моласару. В нем есть нечто такое, что заслуживает уважения — прямота, патриотизм, гордость за свою страну. И за себя, конечно. Я думаю, ты не слишком права по отношению к нему. Ты ведь смотришь на него, как женщина, а не как ученый. А он — просто продукт своего времени. Ты вспомни, в какую кровавую эпоху ему довелось жить. Эти немцы, конечно, задели его национальную гордость. И я должен воспользоваться этим. К счастью, к нам он относится, как к своим соотечественникам, потому что мы тоже, как и он сам, родились, по сути, в Валахии. Разве он не спас тебя от немецких солдат, с которыми ты столкнулась вчера в подвале? А ведь он с легкостью мог бы сделать тебя своей третьей жертвой. Мы просто обязаны использовать его силу и власть! Впрочем, у нас нет иного выхода.

Магда молча старалась перебрать в уме все возможное, чтобы отыскать какой-нибудь другой путь. Но не могла найти ничего. И хотя все это было довольно жутко, Моласар все же действительно давал хоть какую-то надежду на спасение. Может быть, она и правда несправедлива к нему? Наверное, он кажется воплощением зла только потому, что он совсем не такой, как они сами; потому что слишком уж сильно он не стыкуется с привычными представлениями о человеке. Но, может быть, он гораздо ближе к элементам — простейшим духам стихий, чем к сознательно проявляемому злу? А майор Кэмпфер, если разобраться, пожалуй, еще больший злодей, чем любой представитель потусторонних сил. Магда старалась найти ответы на десятки вопросов, роящихся у нее в голове, но не находила.

— Ой, папа, не нравится мне все это... — только и смогла произнести она.

— А никто и не говорит, что это может понравиться. Но ведь нам и не обещали простого решения всех проблем. Даже вообще никакого решения никто еще не обещал, если быть более точным. — Профессор с трудом

подавил зевок.— А теперь мне пора назад в замок. Надо хорошенько выспаться для предстоящей встречи. Чтобы заключить сделку с Моласаром, я должен быть в хорошей форме, как следует все продумать и ничего не упустить из виду.

— Это сделка с дьяволом,— прошептала Магда. Голос ее дрожал. Сейчас она как никогда боялась за своего отца.

— Нет, милая. Настоящий дьявол ходит сейчас по замку в черной форме с серебряным черепом на фуражке и называет себя «штурмбанфюрер».

Магда нехотя отошла в сторону и молча наблюдала, как коляску с отцом откатили в башню. Потом она в смятении заторопилась в гостиницу. События развивались так бурно, что она не успевала даже толком обдумать происходящее. До сих пор ее жизнь текла очень размеренно, наполненная книгами и исследованиями, мелодичными песнями и черными значками нот на ровной белой бумаге. Нет, она явно не была создана для интриг. И сейчас у бедной девушки голова шла кругом от информации, которую она только что получила от отца.

Но Магда надеялась, что хотя бы он сам отдает себе отчет в том, что вознамерился предпринять. Она была решительно против союза с Моласаром, пока не заглянула отцу в глаза. В них светилась надежда — маленькая искорка той безудержной энергии, которой он обладал когда-то, благодаря чему ей всегда было так приятно находиться в его компании. По крайней мере теперь у него появилось дело. Он хотел действовать, а не беспомощно сидеть в коляске и наблюдать, как вокруг действуют другие. Он страстно желал быть полезным своему народу... Или хотя бы одной живой душе на этом свете. Нельзя было лишать его этой надежды.

Подходя к гостинице, Магда почувствовала, как холод и враждебность замка на глазах оставляют ее. Она обошла вокруг дома, надеясь найти Гленна. Возможно, он загорает сейчас под утренним солнцем где-нибудь непо-

далеку. Но его не было видно ни на улице, ни в столовой. Тогда Магда поднялась наверх и остановилась возле его комнаты, прислушиваясь к звукам за дверью. Но внутри было тихо. Однако девушка знала, что Гленн встает рано. Скорее всего, он лежит сейчас и читает.

Она уже протянула руку, чтобы постучаться, но потом передумала. Лучше встретить его как бы случайно где-нибудь в гостинице или рядом, чем так нахально заявляться к нему прямо в номер. Чего доброго, он еще подумает, что она бежит за мужчинами!

Вернувшись к себе, Магда сразу же услышала жалобный писк птенцов и подошла к окну, чтобы проверить гнездо. Она хорошо видела, как тянутся вверх их тонкие шейки в ожидании корма. Но матери-птички нигде поблизости не было. Магде захотелось, чтобы она поскорее прилетела к ним — уж слишком громко они пищали, требуя своей доли.

Она взяла в руки мандолину, но, сыграв несколько куплетов медленной цыганской песни, отложила инструмент в сторону. Магда нервничала, и писк птенцов все сильнее раздражал ее. Посидев немного в задумчивости, она вдруг почувствовала прилив решимости, встала и вышла в коридор.

Дважды постучав в дверь Гленна, девушка вновь прислушалась, но из комнаты по-прежнему не донеслось ни звука. Никаких признаков жизни. Немного поколебавшись, она толкнула дверь рукой, и та широко распахнулась.

— Гленн? — позвала Магда.

Никого. Комната была как две капли воды похожа на ее собственную. Магда хорошо знала эту гостиницу — именно в этом номере она останавливалась в прошлый раз, когда они с отцом приезжали на перевал. Но что-то неуловимо другое было сейчас в обстановке, чего раньше Магда не замечала. Она внимательно оглядела стены и наконец поняла, в чем дело. Над тумбочкой должно было висеть большое зеркало — а сейчас его зачем-то сняли. Вместо него на пожелтевшей выгоревшей штукатурке обозначился большой светлый прямоугольник. Очевидно, зеркало случайно разбили уже после ее отъезда и до сих пор не успели заменить на новое.

Магда шагнула внутрь комнаты и медленно обошла ее. Вот здесь он живет; а это кровать, на которой он

спит... Магда почувствовала странное возбуждение и спросила себя, что она скажет, если Гленн внезапно вернется и застанет ее одну в своей комнате. Как она будет оправдываться? Никак. Так что лучше всего побыстрее уйти отсюда.

Но, повернувшись к выходу, она вдруг заметила, что дверца шкафа слегка приоткрыта. Внутри лежал какой-то сверкающий предмет. Конечно, она рисковала; но что изменится, если она только одним глазком заглянет туда? Подойдя ближе, Магда решительно распахнула створку.

Зеркало, которое, несомненно, должно было висеть на стене, лежало почему-то в шкафу! Зачем Гленну понадобилось снимать его? Но, может быть, он вовсе его и не снимал? Может быть, оно само свалилось оттуда, а Юлью не успел еще вбить новые гвозди, чтобы повесить его обратно. Кроме зеркала в шкафу хранилась одежда Гленна и кое-что еще: в самом дальнем углу она увидела непонятный длинный футляр, почти в человеческий рост.

Сгорая от любопытства, Магда встала на колени и осторожно потрогала кожу футляра. Она оказалась сморщенной и очень грубой, будто ее изрядно потрепало время, или футляр совсем не берегли, и от этого он успел до срока испортиться. Магда не могла даже представить себе, для какого предмета он может быть предназначен. Она оглянулась. В комнате по-прежнему было пусто. Входную дверь она на всякий случай оставила приоткрытой, но в коридоре тоже никого пока не было. Магда подумала, что успеет сделать все очень быстро: ей понадобится всего пара секунд, чтобы расстегнуть футляр, заглянуть вовнутрь, снова закрыть его и исчезнуть из комнаты. Теперь она просто обязана была узнать, что там лежит. Чувствуя себя любопытной первоклассницей, которая нашла в доме тайник, куда ей не позволяют заглядывать, Магда протянула руку к медным застежкам и ловко открыла их. Металл заскрипел, будто в замочки попал песок. Затем девушка одним движением распахнула футляр, при этом петли так же противно скрипнули.

Поначалу она не могла сообразить, что за предмет предстал перед ее глазами. Он излучал холодный голубоватый блеск и был сделан из чего-то наподобие стали. Хотя Магда не могла точно сказать, что это за металл.

Сам предмет имел форму удлинённого клина, сильно заостренного на конце. Боковые его кромки были сплюснуты и заточены. Он напоминал чем-то меч. Ну, конечно же — это и был меч! Или палаш. Только у меча этого отсутствовала рукоятка, а тупой конец с почти прямыми углами имел длинный четырехгранный выступ, и было ясно, что как раз этим шипом он и должен вставляться в гнездо эфеса. И если соединить его с рукоятью, то получится очень мощное и грозное оружие.

Внимание Магды привлекли знаки, выгравированные на мече. Они были не просто нарисованы, а именно вырезаны в голубоватом металле. Девушка провела пальцем по замысловатым углублениям и почувствовала все извилины этих таинственных знаков. Они были похожи на руны¹, но таких ей прежде видеть не приходилось. Магда неплохо была знакома с древнегерманскими и скандинавскими рунами — ей попадались даже символы начала третьего века. Но эти, видимо, были еще старше. И namного. От них так и веяло стариной, и девушка извинулась: кто же и когда мог выковать этот меч?

И в этот момент дверь в комнату громко хлопнула.

— Ну что, вы нашли то, что искали?

Магда испуганно отскочила в сторону, и крышка футляра захлопнулась, закрыв страшное оружие. Девушка повернулась к вошедшему Гленну. Сердце ее бешено колотилось — она была до смерти перепугана. И еще ее мучили угрызения совести.

— Гленн, дело в том, что я...

Гленн негодовал.

— Я думал, вам можно доверять! Что вы надеялись отыскать здесь?

— Ничего... Я пришла, чтобы повидаться с вами.— Она не могла понять, что его так рассердило. Да, ему может быть неприятно, что она без спроса зашла в его комнату, но не до такой же степени!..

— Неужели вы решили, что я спрятался в этом шкафу?

— Конечно, нет! Я...— «А зачем я все это объясняю? — подумала вдруг она.— Любая моя отговорка

¹ Руны — алфавитные символы раннегерманской и скандинавской письменности, возникшей ок. 300 г. н. э. под влиянием древнегреческого языка (прим. перев.)

покажется сейчас глупой и неуместной». Разумеется, ей не следовало сюда приходить. И вот она стоит теперь перед ним в полной растерянности. Не зная, куда девать глаза от стыда. Застигнутая врасплох, пойманная на месте преступления. И потом, почему он так злится? Магда сама уже начинала сердиться на него и решила дать достойный отпор.— Мне захотелось узнать о вас побольше. И я пришла к вам, чтобы поговорить. Мне... мне нравится разговаривать с вами. Но я практически ничего о вас не знаю.— Тут она решительно замотала головой.— Нет, разумеется, больше этого не повторится.

Она шагнула вперед, твердо намереваясь уйти, раз уж ему так не терпится побыть наедине с собой. Но до двери Магда все-таки не дошла. Когда она проходила мимо хозяина комнаты, тот неожиданно схватил ее за руку. Не сильно, но она поняла, что Гленн не собирается так просто отпустить ее, и остановилась. Потом он осторожно повернул девушку лицом к себе, и их глаза встретились.

— Магда...— начал он и замолчал, притянув ее еще ближе, и вдруг прижался губами к ее пылающему лицу. Магда почувствовала, что хочет оказать ему сопротивление, крепко сжать кулаки и оттолкнуть его прочь. Но это был лишь слабый застарелый рефлекс, и он тут же погас, не успев претвориться в действия. В тот же миг ее разум и тело обожгло ослепительным огнем страсти, и она нежно обхватила его шею, еще сильнее прижимаясь к могучим мускулам его груди. Позабыв обо всем на свете и утопая в этой сладкой истоме, Магда доверчиво расслабила губы и закрыла глаза. Язык Гленна проник ей в рот, и она удивилась такой смелости — еще никто не целовал ее так! — и тут же Магда содрогнулась в приливе сказочного блаженства. Руки Гленна ласкали ее, нежно гладили через одежду спину и ягодицы, то и дело переходя к напряженной груди; и где бы они ни коснулись ее тела, оставалось приятное возбуждающее тепло. Потом эти руки поднялись к шее девушки, осторожно развязали косынку и отбросили ее в сторону, затем опустились ниже и начали медленно расстегивать пуговицы толстой вязаной кофты. Она не останавливала Гленна. Одежда мешала ей, душила и стягивала, а в комнате почему-то сразу стало нестерпимо жарко... Теперь ей просто необходимо было сбросить с себя эти удушающие путы.

Был момент, когда у Магды появилась возможность остановить его, прекратить все это и убежать к себе: когда кофта была уже снята, какой-то внутренний голос вдруг зазвучал в ее голове: «Неужели это я? Что со мной происходит? Это же безумие!» Но этот голос принадлежал старой, прежней Магде — той, что осталась один на один с жестоким миром после смерти матери. И его слабый призыв тут же был заглушен другой Магдой — восставшей на обломках сокрушенных принципов Магды прежней. И эту новую Магду пробудила к жизни неиссякаемая сила страсти, пылающей в сердце мужчины, который сейчас крепко обнимал ее. Все прошлое с его традициями и понятиями сразу же потеряло свой смысл, а завтрашний день казался таким далеким, будто до него невозможно было дожить. Сейчас для Магды существовало лишь настоящее — только эти сладкие мгновения. И еще Гленн.

Вслед за кофтой белоснежная блузка так же легко соскользнула с ее плеч. Там, где распущенные волосы касались ее оголенной кожи — на шее, плечах и спине — она ощущала сильный жар, будто ее жгло огнем. Гленн опустил ей на талию плотно облегающий лифчик, и упругая грудь будто выпрыгнула наружу. Не отрываясь от горячих губ девушки, он начал нежно ласкать эту грудь, водя пальцем вокруг сосков, отчего они сразу же затвердели, и Магда тихо застонала от наслаждения. Наконец он провел руками по ее шее, покрыл поцелуями ложбинку между грудей, а потом обвел языком вокруг каждого соска, оставляя влажные круги там, где только что его пальцы начертили теплые кольца. Магда вскрикнула и выгнулась, прижавшись грудью к его лицу, содрогаясь и чувствуя, как волны сладкого экстаза начали медленно подниматься внутри ее жаждущего тела.

Гленн легко поднял ее на руки и отнес на кровать, потом аккуратно снял всю оставшуюся одежду, одновременно лаская губами грудь. После этого разделся сам и склонился над ней. И руки Магды словно обрели свою отдельную самостоятельную жизнь — они ласкали Гленна, ощупывая каждый дюйм его кожи, будто она хотела убедиться в том, что он живой, настоящий, и действительно рядом с ней. И вот он начал осторожно проникать в нее, и после короткого болезненного удара вошел целиком. А все, случившееся дальше, было еще восхитительнее.

«Боже мой! — думала Магда, когда волны растущего наслаждения начали жадно поглощать ее тело. — Так вот что это такое! Значит, именно этого я была лишена столько лет? Неужели это и есть та самая страшная супружеская обязанность, о которой с таким отвращением говорят многие замужние женщины? Не может быть! Это слишком прекрасно! Но я ничего не упустила, ведь раньше я не знала Гленна, а с кем угодно другим никогда бы не достигла и сотой доли такого блаженства».

Он начал медленное движение внутри нее, и она подхватила его ритм. Приятные ощущения удвоились, потом утроились, и вскоре ей показалось, что ее плоть растворяется в Гленне. Потом тело Гленна напряглось, и внутри себя она тоже почувствовала, как с неизбежностью нарастает лавина безудержного экстаза. И вот долгожданный момент настал! Спина ее выгнулась, ноги сами собой еще сильнее разошлись в стороны, и весь мир перед глазами Магды неожиданно раскололся и исчез в невероятном взрыве ослепительного огня любви.

Но через некоторое время он постепенно начал вновь собираться в единое целое, и Магда с восхищением наблюдала это, еле переводя дыхание и распластав в изнеможении свое счастливое тело рядом с Гленном.

Весь день они провели на этой узкой кровати, перешептываясь, смеясь и исследуя друг друга до мельчайших подробностей. Гленн знал очень многое и многому обучил ее. Получалось, что именно он знакомит Магду с ее же собственным телом. И он был таким нежным, терпеливым и ласковым, что много раз еще заставлял ее подниматься на вершину сказочного блаженства. Это был первый мужчина в ее жизни, но она не сказала ему об этом — он и сам все прекрасно понял. Она же была у него далеко не первой, но сейчас этот факт показался ей настолько малозначительным, что не нуждался ни в каких комментариях. К тому же она почувствовала, что и Гленн испытал с ней громадное облегчение, будто у него уже очень долгое время не было женщин.

Его тело восхищало Магду. С точки зрения анатомии мужчины всегда были для нее белым пятном. И теперь она удивлялась, как близко к коже располагаются мужские мускулы. Может быть, так и у всех остальных мужчин?

На всем теле Гленна волосы были огненно-рыжие, и кроме этого Магда увидела на его животе и груди мно-

жество шрамов. Но это были старые шрамы — они пролегли белыми полосами по всему его телу, ярко выделяясь на смуглой коже. Когда она спросила о них Гленна, он ответил, что получил их в результате несчастного случая. Причем не одного, а сразу нескольких. А потом остановил этот поток вопросов, снова занявшись с ней любовью.

Когда солнце скрылось за западными хребтами, они оделись и вышли подышать свежим воздухом. Они шли, держась за руки, и ежеминутно останавливались, чтобы обменяться долгими поцелуями. Вернувшись в гостиницу, они увидели, что Лидия как раз накрывает стол к ужину. Магда почувствовала вдруг, что умирает с голоду; они тут же уселись рядом и принялись подкрепляться. При этом Магда старалась сосредоточиться на еде и не смотреть в сторону Гленна, потому что понимала, что, утоляя физический голод, разжигает внутри другой, ничуть не меньше, — это был многолетний голод любви. Новый мир раскрылся перед ней сегодня, и теперь ей не терпелось исследовать его дальше.

Оба поспешно поглощали еду, как школьники, которые торопятся поиграть, пока на улице не стало темно. Встав из-за стола, они бегом бросились наверх, Магда впереди. Довольная и смеющаяся, она на этот раз повела его уже в свой номер. На свою кровать. И как только дверь за ними закрылась, они стали яростно срывать друг с друга одежду, разбрасывая ее по всей комнате, а потом соединились в жарких объятиях и долго не разжимали их, до самого вечера предаваясь своему сладостному поединку.

Когда спустя несколько часов Магда, полностью удовлетворенная, лежала возле него в темноте, ощущая удивительную легкость и безмятежный покой, она поняла, что окончательно влюбилась. Магда Куза — старая дева, книжный червь и синий чулок — и вдруг влюбилась! Нигде и никогда не существовало больше такого замечательного человека, как Гленн. И она была желаемым им! Она любила его, хотя и не произнесла еще вслух этих слов. Как, впрочем, и он. Но Магда решила, что Гленн должен первый сказать ей о своей любви. Возможно, это произойдет не сегодня, но она была согласна и подождать. Магда безошибочно чувствовала, что он тоже любит ее, и сознания этого ей было вполне достаточно.

Она поуютнее устроилась рядом со своим возлюбленным. Одного сегодняшнего дня ей хватило бы на весь остаток жизни. С ее стороны было бы настоящим любовным обжорством мечтать о дне завтрашнем. Но тем не менее она с нетерпением ждала его. Магда была уверена, что еще ни одна женщина в мире не получала столько наслаждения — и физического, и духовного, — как она за один только сегодняшний день. Никто на свете! И сейчас она засыпала уже совсем другим человеком — это была совершенно не та Магда Куза, которая еще сегодня утром проснулась одна в этой же самой кровати. Как давно это было!.. Будто в какой-то другой жизни. И та старая Магда сейчас казалась странной и незнакомой. А новая — такая близкая и понятная. И еще влюбленная. Теперь все у нее будет хорошо!

Магда закрыла глаза. За окном послышался слабый писк голодных птенцов. Теперь они пищали гораздо тише, чем утром. Как показалось Магде, в их настойчивых просьбах о еде уже ясно звучали нотки отчаяния. Но Магда не успела подумать, что могло случиться с их матерью, как ее одолел сон.

Гленн пристально смотрел на нее в темноте. Лицо Магды было спокойным и безмятежным, и напоминало лицо спящего ребенка. Он крепче обнял ее, будто испугавшись, что она может исчезнуть.

Ему надо было держаться на расстоянии, и он с самого начала прекрасно осознавал это. Но его неодолимо влекло к ней, и он позволил Магде разворошить пепел его чувств, которые, как он считал, не оживить уже никому. Но именно Магда сумела найти под пеплом горящие угли. И вот сегодня жар гнева из-за того, что она прокралась в его комнату и залезла в шкаф, разогрел эти угли до такой степени, что они неожиданно вспыхнули и занялись ярким пламенем. Это была судьба. Неотвратимый рок. За свою долгую жизнь он повидал очень многое и немало пережил, прежде чем окончательно удостовериться, что очень часто все на самом деле быва-

ет predetermined. Много раз уже он пытался обмануть судьбу, и все же некоторые вещи никак нельзя было обойти. Конечно, на первый взгляд они могли показаться и незначительными, но в основном как раз они-то и оказывались наиболее важными.

И все же нельзя было позволять ей так влюбиться в него, ведь Гленн не мог даже сказать, уйдет ли он из этих мест живым и невредимым. Но, может быть, именно поэтому его так сильно и потянуло к ней? Он просто не мыслил себе одиночества в такую трудную минуту. И если уж ему суждено умереть здесь, то перед смертью он по крайней мере с благодарностью вспомнит о тех сладких мгновениях, которые провел рядом с ней. Сам же он никак не мог позволить себе без остатка отдаться своим чувствам и с головой окунуться в водоворот наслаждения. Ведь это только расслабит его, а ему предстоит смертельная схватка со своим давним врагом. И шансов выжить в ней у обоих противников не так уж много. Но даже если он и победит в этом бою, то захочет ли Магда остаться с ним рядом и принять его таким, какой он есть, когда узнает о нем всю правду?

Он заботливо поправил одеяло, укрыв ее плечи. Нет, он не должен потерять ее!.. И если существует какой-то способ удержать ее рядом с собой навсегда, то потом, когда все это кончится, он приложит все усилия к тому, чтобы этот способ найти.

Глава двадцать четвертая

Застава.

Пятница, 2 мая.

Время: 21.37

Ворманн сидел в своей комнате перед мольбертом. Еще недавно он собирался замазать, наконец, эту страшную тень, так похожую на силуэт повешенного. Но теперь, когда уже приготовил кисти и краску, это желание почему-то пропало. Пусть все остается, как есть, Какая разница!.. Все равно он бросит картину здесь, чтобы после отъезда ничто больше не напоминало ему о замке. Если, конечно, он уедет отсюда живым.

Во дворе за окном горели все лампы, часовые ходили парами, вооруженные до зубов и готовые стрелять при

первой же необходимости. Пистолет Ворманна лежал без кобуры на столе. Но капитан сейчас не думал о нем.

У Ворманна была своя собственная теория относительно замка. Он, конечно, не слишком серьезно относился к ней, но, по крайней мере, она лучше других объясняла происходящее и позволяла разрешить большинство вопросов. По его мнению, сам замок был живой. Вот почему никто ни разу не видел, что именно убивает солдат, и не смог поймать никакого убийцу. По этой же причине они там и не нашли убежище таинственного преступника, хотя разобрали уже почти все капитальные стены. Замок сам убивал людей.

Правда, эта теория обходила молчанием один факт, причем факт немаловажный: когда они прибыли сюда, замок еще не был таким зловещим. Во всяком случае, это не чувствовалось настолько остро. Конечно, птицы и тогда не гнездились здесь, но ничего более подозрительного Ворманн не ощущал вплоть до той первой ночи, когда была проломлена стена в подвале. После этого замок будто бы подменили. Он стал мрачным и кровожадным.

Но в то же время нижний подвал так и не был до конца исследован. Казалось, что для этого нет особо веских причин. Ведь солдаты постоянно дежурили возле пролома, что не мешало их товарищам погибать наверху, при этом никто из часовых еще ни разу не замечал, чтобы через дырку в полу какое-нибудь существо выходило из подземелья на улицу. Может быть, стоит серьезно заняться изучением этого подвала? Что если сердце замка как раз и находится там, захороненное в его темных закоулках? Вот где надо как следует поискать!.. Хотя нет — на это уйдет уйма времени, ведь некоторые из ходов могут тянуться на многие мили. И если быть до конца откровенным, то вряд ли у кого-нибудь возникнет желание путешествовать по катакомбам, в которых царствует вечная ночь. Как-никак, ночь теперь стала для них злейшим врагом. И только трупам было все равно, где ее проводить.

Трупы... Сразу же вспомнились грязные сапоги и запачканные землей простыни на мертвых солдатах. Они продолжали беспокоить капитана в самые неподходящие моменты. Как сейчас, например. Впрочем, и в течение всего дня эта грязная обувь не давала ему покоя,

пробуждая самые неприятные подозрения и вызывая сумятицу в мыслях.

Грязные сапоги... От этих раздумий Ворманну становилось не по себе. Проклятая грязь никак не укладывалась ни в одну из его теорий.

Он продолжал неподвижно сидеть у мольберта, уставившись на незаконченную картину.

Кэмпфер лежал на своей койке, положив ногу на ногу. Его «шмайсер» висел на стене рядом с ним. Майора била нервная дрожь. Он пытался успокоиться, но из этого ничего не выходило. Никогда раньше он даже не предполагал, насколько изнурительным может быть постоянное чувство страха.

Ему непременно надо выбираться отсюда!

Необходимо завтра же взорвать ко всем чертям этот замок. Именно так он и поступит. Сразу после обеда он заложит фугасы и срывает проклятую крепость с земель. Таким образом, уже в субботу он будет спокойно ночевать в Плоешти на настоящей кровати с настоящим матрасом и перестанет, наконец, вздрагивать при каждом шорохе и дуновении ветерка. И никогда больше ему не придется сидеть так и трястись, обливаясь холодным потом и все время думая, кто может красться по коридору за его дверью.

Хотя завтра, наверное, еще слишком рано. За это уж его точно по головке никто не погладит. В Плоешти ждут майора не раньше понедельника, и до тех пор надо постараться испытывать все возможные средства, чтобы решить проблему другим путем. Взрывать замок — самая последняя мера, и принимать ее допустимо лишь в том случае, если все остальные способы окажутся бесполезными. Наверное, армейское командование недаром разместило здесь эту заставу и велело тщательно охранять ее как важный стратегический пункт. Нет, разрушение замка — это последнее средство.

Тут Кэмпфер отчетливо услышал, как двое часовых в кованых сапогах прошли мимо его запертой двери. Он заблаговременно распорядился удвоить охрану в кори-

дорах и самолично проверил, чтобы это приказание было выполнено. Напротив своей комнаты майор выставил дополнительный усиленный пост, выбрав в качестве личной охраны троих самых крепких солдат из возглавляемой им спецкоманды СС. Конечно, он не рассчитывал, что свинцовый град из автоматов сможет остановить вездесущего убийцу, но надеялся, что в случае чего именно часовые станут первыми жертвами, и, таким образом, он продлит свое существование еще на одну ночь. А уж его телохранители будут как миленькие блюсти покой своего начальника — в этом Кэмпфер почти не сомневался, строго-настрого наказав подчиненным не спускать глаз с его двери, как бы сильно они ни устали за день. А сегодня он изрядно заставил их попотеть — все без исключения солдаты СС были заняты на разборке стен, особенно вокруг его комнаты. В результате этой работы была полностью исключена возможность спрятаться на расстоянии в пятьдесят футов по обе стороны от того места, где лежал сейчас съежившийся от страха майор. Впрочем, разборка стен ничего не дала. Никаких тайников и скрытых проходов обнаружено не было.

Кэмпфер снова вздрогнул, и его начало трясти пуще прежнего.

Как и прошлой ночью, темнота и холод одновременно проникли в комнату, но сегодня Куза чувствовал себя настолько разбитым, что не нашел даже сил развернуть свое кресло, чтобы быть лицом к Моласару. У него кончился кодеин, и боль теперь превратилась в нескончаемую пытку.

— Как вам удастся входить сюда и выходить, минуя двери? — спросил он, скорее из-за того, что не нашел просто лучшего вопроса. Профессор смотрел на закрытый потайной ход, рассчитывая, что Моласар появится именно оттуда. Но тот каким-то образом возник у него за спиной.

— У меня есть свои особые способы передвижения, и для них не требуется ни дверей, ни потайных хо-

дов. Но эти способы лежат за пределами твоего понимания.

— Как и многое другое...— согласился Куза, не скрывая своего отчаяния.

День сегодня выдался неудачный донельзя. Кроме непрекращающейся боли, профессора давило еще и горькое осознание того, что все его надежды на отсрочку в решении судьбы евреев были всего лишь химерой, пустой мечтой. Он задумал заключить сделку с Моласаром. Но что он может предложить ему взамен? И, главное, за что? За убийство майора? Да, Магда была глубоко права, когда говорила утром, что смерть Кэмпфера лишь ненадолго задержит неизбежный исход. А может быть, даже ухудшит и без того ужасную ситуацию. Несомненно, со стороны немцев последует ответный удар, и придется он прежде всего по румынским евреям. Еще бы! Погиб офицер, которого послали как раз для того, чтобы он выстроил для них в Плоешти лагерь смерти. И как погиб! Его жестоко убили! А эсэсовцы тем временем пришлют нового офицера. Может быть, через месяц, а может, и через неделю. Какое это имеет значение? У нацистов впереди много времени. Их армия оказалась непобедимой и теперь завоевывает одну страну за другой. Их невозможно остановить. И когда они захватят все государства, которые им нужны, они смогут не торопясь заняться претворением в жизнь безумных идей своего вождя о расовой селекции и очистке наций.

Короче говоря, старый и больной профессор-историк ничего не сможет сделать, чтобы хоть как-то изменить положение к лучшему.

Но хуже всего было то, что он без конца вспоминал о страхе Моласара перед крестом... Да, он на самом деле **БОИТСЯ КРЕСТА!**

Моласар бесшумно пересек комнату и остановился перед профессором, молча разглядывая его. «Как странно...— подумал Куза.— Либо я чересчур уж погрузился в свои собственные мысли, либо слишком устал, но мне кажется, что я начинаю постепенно привыкать к нему». И действительно, сегодня он не ощутил того ужаса, который раньше всякий раз охватывал его при появлении хозяина замка. Скорее всего, ему теперь просто уже все равно.

— Мне кажется, ты можешь умереть,— без предисловия заявил боярин.

Эти резкие слова вывели Кузу из состояния мрачного равнодушия.

— От ваших рук?

— Нет. От своих собственных.

Возможно ли, чтобы Моласар был способен читать мысли? Сегодня Куза и правда довольно долго размышлял об этом. Самоубийство могло бы разрешить очень многие проблемы: Магда наконец почувствовала бы себя свободной и без него легко могла бы спрятаться где-нибудь в горах, где нет ни Кэмпфера, ни Железной Гвардии, ни всех остальных. Да, такая мысль уже не раз закрадывалась ему в голову. Но он не знал, как осуществить этот план. К тому же ему не хватало решимости.

Куза отвел глаза в сторону.

— Возможно. Но даже если я и не умру от своей руки, то очень скоро это произойдет в лагере смерти майора Кэмпфера.

— Что еще за лагерь смерти? — Моласар нахмурился и придвинулся ближе к старику. Когда лампочка осветила его лицо, он изумленно поднял вверх брови.— Это место, где люди собираются, чтобы вместе умереть?

— Не совсем так. Людей туда свозят насильно и там убивают. И майор скоро выстроит такой лагерь недалеко отсюда, в Плоешти.

— Чтобы убивать валахов?! — Прилив ярости заставил Моласара обнажить свои непомерно длинные зубы.— Эти немцы пришли сюда, чтобы убивать мой народ?

— Да это не ваш народ,— с грустью заметил Куза, даже не пытаясь скрыть своей подавленности. Чем больше он думал об этом, тем ему становилось хуже.— Речь идет о евреях. Вы бы ни за что не согласились причислить себя к нашей нации.

— Я сам решу, к кому себя причислять! Но почему еврей? В Валахии нет никаких евреев. Во всяком, случае, не так много, чтобы они могли стать для кого-то проблемой.

— Да, раньше это действительно было так, когда вы строили этот замок. Но в следующем веке мы были вынуждены переехать сюда из Испании и других стран Западной Европы. Правда, большинство евреев обосно-

валось в Турции, но многие отправились в Польшу, Венгрию и Валахию.

— А почему ты говоришь «мы»? Разве ты тоже еврей? — удивился Моласар.

Куза кивнул, почти в полной уверенности, что древний боярин сейчас сразу же разразится какой-нибудь антисемитской речью. Но Моласар просто сказал:

— Нет, ты тоже валах.

— Но Валахия давно уже объединилась с частью Молдавии, и сейчас это государство называется Румыния.

— Это неважно. Название могло и поменяться. Но ты ведь родился на этой земле?

— Да, но...

— А те другие евреи, для которых задумали этот лагерь, — они тоже здесь родились?

— В основном да...

— Значит, и они мой народ! — Боярин стукнул кулаком по столу.

Куза чувствовал, что терпению Моласара приходит конец, но понимал, что должен закончить рассказ.

— Но их предки были переселенцами.

— Какая разница! Мой дедушка тоже приехал сюда из Венгрии. Ну и что? Разве я, который родился на этой земле, не принадлежу ей?

— Принадлежите, конечно. — Этот разговор становился явно бессмысленным, и пора было его кончать.

— То же самое и с твоими евреями, о которых ты тут толкуешь. Они все — мои соотечественники, а никакие не евреи! — Моласар выпрямился и гордо расправил плечи. — И ни один иноземец не вправе войти в мою страну и убивать мой народ!

«Как это похоже на славянских бояр! — усмехнулся про себя Куза. — Разумеется, он ничего не имеет против массовых казней местных крестьян, если только это делают его «соотечественники». Наверное, он спокойно относился и к развлечениям Влада, когда тот тысячами сажал на кол своих подданных. Валашская знать могла вытворять, что угодно. Но стоило только иностранцу поднять руку на местное население...»

Моласар сделал шаг в сторону и был тут же поглощен густой темнотой.

— Расскажи мне об этих лагерях смерти.

— Это очень тяжело. Это слишком...

— Рассказывай!

Куза вздохнул.

— Я скажу только то, что знаю наверняка. Первый лагерь построили не то в Бухенвальде, не то в Дахау примерно восемь лет тому назад. Но кроме них есть и другие: Флоссенбург, Равенсбрук, Нацвайлер, Аусшвиц и, наверное, еще много, о которых я пока не слышал. И скоро такой же лагерь откроют в Румынии — или, если угодно, в Валахии, — а потом и еще несколько в ближайšie год-два. Все эти лагеря служат одной-единственной цели: в них собирают миллионы определенных людей для пыток, унижения, непосильного труда и в конечном итоге для постепенного уничтожения.

— Миллионы?

Куза не разобрал интонации, с которой Моласар переспросил его, но понял, что тот сомневается в информации, которую профессор, скрепя сердце, выдавливал сейчас из себя. Моласар помрачнел и чуть не превратился в сплошную тень. Было видно, как он взволнованно ходит от стены к стене в дальнем конце комнаты.

— Да, миллионы, — с уверенностью подтвердил профессор.

— Я уничтожу этого германского майора!

— Но это не поможет. Таких, как он, тысячи, и они все равно будут приезжать сюда, один за другим. Вы можете убить одного, двух или нескольких, но и они, наверное, найдут со временем способ, чтобы убить вас.

— А кто их посылает сюда?

— Их вождь — человек по имени Гитлер. Он...

— Он король? Или принц?

— Нет... — Куза пытался найти какое-нибудь подходящее определение. — Наверное, самое близкое слово — это «воевода», чтобы вам было понятно.

— А, полководец! Так я убью его, и он никого больше не сможет прислать.

Моласар произнес это таким обыденным тоном, что весь смысл сказанного не сразу дошел до измученного мозга профессора. А когда это все же произошло, Куза в возбуждении переспросил:

— Что вы сказали?

— Насчет Гитлера? Я сказал, что когда мои силы до конца восстановятся, я с удовольствием выпью из него жизнь.

У Кузы было такое ощущение вплоть до этой секунды, что он весь день тщетно пытался выбраться со дна самого глубокого места в мировом океане и потерял уже всякую надежду когда-нибудь снова глотнуть воздуха. Но слова Моласара вернули ему силы, он в тот же миг рванулся к поверхности и, прорвав свод пучины, начал жадно вдыхать свежий ветер надежды. Но надо быть осторожней, иначе запросто можно опять очутиться на самом дне!..

— Но это невозможно! Его надежно охраняют! И к тому же он слишком далеко — в Берлине.

Моласар снова шагнул на свет. Его зубы сверкнули в лучах тусклой лампочки, но сейчас это напоминало скорее улыбку, нежели хищный оскал.

— Эта охрана защитит его не лучше, чем все меры предосторожности, которые пытались принять здесь, в моем собственном доме, его лакеи. И если я только захочу, его не спасут никакие двери и никакая стража. И неважно, как далеко отсюда он будет прятаться, — как только я наберусь сил, я достану его хоть из-под земли!

Куза с трудом сдерживал радостное возбуждение. Наконец-то блеснул луч реальной надежды! О таком он не мог даже мечтать.

— А когда это произойдет? Когда вы будете в состоянии отправиться в Берлин?

— Скорее всего завтра ночью. Тогда я уже буду достаточно сильным — особенно после того, как перебью здесь всех захватчиков до последнего.

— Тогда хорошо, что они не послушались моего совета. Я ведь предлагал им поскорее покинуть замок.

— Что предлагал? — грозно спросил Моласар.

Куза не мог отвести глаз от кулаков боярина, казалось, тот готов вцепиться в старика и вытрясти из него душу, но сдерживает себя только благодаря огромной силе воли.

— Простите меня! — взмолился профессор, прижимаясь к спинке кресла. — Я ведь думал, что вы хотите именно этого...

— Ну уж нет! Теперь мне нужны их жизни! — Моласар постепенно успокаивался. Он опустил кулаки. — А когда мне понадобится что-либо другое, я сразу оповещу тебя, и ты сделаешь все именно так, как я тебе прикажу!

— Конечно-конечно! — На самом деле Куза сильно сомневался, что ему придется по душе поручение Моласара, но в его положении было бы крайне неразумно противоречить боярину или как-то иначе высказывать свое недовольство. Он дал себе слово постоянно помнить о том, что перед ним все-таки не человек, а существо совершенно иного рода. Моласар не потерпел бы никаких отговорок. Он привык, что все должно происходить так, как это задумал он. Ведь в те давние времена никто не смел перечить ему. Все, что расходилось с его собственным мнением, было для него неприемлемо, непостижимо и, скорее всего, наказуемо.

— Вот и хорошо. Потому что мне понадобится помощь смертного. Так было испокон веков. Ведь я могу действовать только в темноте. А днем кто-то должен готовить для меня дорогу и делать другие вещи, которые можно выполнять только при свете. Так было еще в те времена, когда я строил этот замок. Тогда я ведь тоже нанял смертных, чтобы они следили за его сохранностью. И так же, видимо, будет всегда. Правда, в былые времена я пользовался в основном услугами бродяг, разбойников и прочих изгоев. Аппетиты у них были, конечно, не столь велики, как у меня, но в чем-то мы были схожи — люди тоже не воспринимали их как равных. И я платил им тем, что помогал удовлетворять их материальные и прочие запросы. Но что касается тебя, то, если я правильно понимаю, твоя цена как раз и будет тем, что я сам собираюсь сделать. Здесь наши желания полностью совпадают, и поэтому цель у нас будет общая.

Куза неуверенно поглядел на свои изуродованные болезнью руки.

— Наверное, вам надо найти себе более здорового помощника, чем я.

— То, о чем я тебя попрошу, несложно выполнить. В замке есть один предмет, который представляет для меня несравненную ценность. Его надо будет вынести отсюда и надежно спрятать где-нибудь в горах. Если я буду уверен в том, что эту вещь не обнаружит никто посторонний, то я спокойно смогу проследовать в любую точку планеты, чтобы уничтожить тех, кто собрался убивать моих соотечественников.

Перед глазами Кузы как наяву предстала чудовищная картина, от которой ему, как ни странно, сделалось

необычайно хорошо: Гитлер и Гиммлер, сначала сжавшиеся в ужасе перед могучим властным Моласаром, а потом их тела — изуродованные, безжизненные и, что еще приятней, обезглавленные — выставлены напоказ у ворот пустого концлагеря. Это означало бы одновременно и конец войны, и спасение для его народа. Причем не только для румынских евреев, а вообще для всей нации! И тогда у Магды тоже появилось бы будущее. Это положило бы конец и Антонеску с его Железной Гвардией. И, может быть, его бы даже восстановили в университете.

Но вскоре он вынужден был вернуться к реальности, спустившись с радужных высот желаемого, назад в инвалидное кресло. Каким образом он вынесет хоть что-то с территории замка? Как он спрячет эту вещь в горах, если его сил хватает только на то, чтобы развернуть свое кресло и доехать на нем до двери комнаты!

— Вам понадобится здоровый человек, — срывающимся голосом сказал профессор. — А такой инвалид, как я, практически бесполезен.

Куза скорее почувствовал, чем увидел, как Моласар обошел стол и приблизился к нему. Потом ощутил тяжесть на правом плече — Моласар положил на него свою могучую руку. Профессор испуганно поднял глаза. Хозяин замка пристально смотрел на него и... улыбался!

— Ты еще не знаешь, насколько разнообразны мои умения и возможности, — уверенно произнес Моласар.

Глава двадцать пятая

Гостиница.
Суббота, 3 мая.
Время: 10.20

Радость и ликование.

Именно такие эмоции переполняли Магду. Она никогда раньше не представляла себе, как это замечательно — проснуться утром в объятиях любимого человека. Душа ее пела, не зная никаких забот. И день казался светлым и праздничным, потому что она знала, что сегодня Гленн будет рядом с ней.

Они лежали на кровати лицом к лицу. Гленн еще спал, и хотя Магда не хотела тревожить его, она никак не смогла удержаться, чтобы не дотронуться до его тела. Девушка нежно провела ладонью по плечам любимого, пробежала пальцами шрамы на его груди и пригладдила растрепанные огненные волосы. Потом придвинула к нему свою обнаженную ногу. Под одеялом было так тепло и уютно, и так приятно оттого, что они лежали столь близко, прикасаясь друг к другу всеми частями тела. Внутри Магды начала разгораться страсть, и теперь она с нетерпением ждала, когда Гленн, наконец, проснется.

Она пристально смотрела на него, ожидая, что он вот-вот начнет шевелиться. Ей предстояло еще так много узнать об этом человеке!

Откуда он родом? Каким было его детство? Что он делает в этом месте? Зачем привез с собой тот страшный клинок? И почему, наконец, он сам так прекрасен?! Она чувствовала себя, как маленькая любопытная школьница, и сама удивлялась этому. Никогда в жизни она не испытывала еще такого счастья.

Ей хотелось, чтобы и отец познакомился с ним поближе. Они быстро подружатся. Хотя еще неизвестно, как он отнесется к их внезапно разгоревшимся чувствам. И к тому же Гленн не еврей... Она, правда, не знала, какой он национальности, но что не еврей — это точно. Разумеется, для нее самой это не имело никакого значения, но отец на этот счет был весьма консервативным.

Отец...

Внезапно чувство вины накрыло Магду холодной волной и смыло ее разгорающуюся страсть. Ведь пока она безмятежно спит в объятиях Гленна, упиваясь экстазом, отец сидит совершенно один в пустой холодной комнате среди голых каменных стен, окруженный дьяволами в человеческом обличье, да еще ждет встречи с существом из ада. Ей должно быть стыдно за себя!

А впрочем, почему она должна отказывать себе в удовольствии? Она ведь не бросила отца и не забыла о нем. Она никуда не сбежала из гостиницы. Он сам прошлой ночью отказался от ее помощи и не захотел уезжать из замка, даже если бы представилась такая возможность. Хотя, если бы отец согласился тогда провести с ней этот день в гостинице, она не зашла бы уже

в комнату Гленна, и они не лежали бы сейчас рядом в этой уютной теплой постели.

Странно, как иногда поворачивается человеческая жизнь...

Магда твердила себе, что на самом деле вчерашний день ничего существенного не изменил. «Изменилась я сама,— думала она.— А все трудности остались такими же, как и прежде. Мы с отцом по-прежнему находимся в руках немцев — точно так же, как вчера и позавчера. И точно так же мы для них всего лишь евреи. А они — нацисты».

Магда осторожно выскользнула из-под одеяла и встала с кровати, прикрывшись тонкой накидкой. Подойдя к окну, она обмотала ее вокруг туловища. Нет, все-таки многое изменилось в ней! Многие запреты свалились с плеч, как отпадают куски присохшей земли со старинных бронзовых ваз, найденных при раскопках... Но все равно стоять средь бела дня перед окном обнаженной она не собиралась.

Магда почувствовала злобное дыхание замка еще до того, как подошла к окну. За одну только ночь его влияние распространилось до самой деревни!.. Будто Мола-сар протягивал к ней свои волосатые руки. Замок гордо возвышался на гранитном утесе — серое чудовище под хмурым, пасмурным небом, затянутым плотными облаками. Фундамент крепости еще окутывал постепенно рассеивающийся туман. Центральные ворота были открыты, а по верхним галереям стен ходили бдительные часовые. И вдруг Магда заметила, как из ворот появился какой-то предмет и начал быстро приближаться по мосту к гостинице. Она близоруко прищурилась, пытаясь разглядеть, что же это такое.

Не веря своим глазам, Магда увидела вскоре инвалидное кресло, а в нем... своего собственного отца! Но только никто не толкал это кресло сзади. Он ловко справлялся с ним сам. Быстрыми сильными движениями, будто боясь куда-то опоздать, отец с довольно приличной скоростью двигался по настилу моста.

Это казалось невероятным, но с каждой минутой старик-калека все ближе подъезжал к гостинице без всякой посторонней помощи!

Наскоро растолкав Гленна, Магда начала собирать свои разбросанные по всей комнате вещи и торопливо

убирать все «следы преступления». Гленн рассмеялся, увидев, как неуклюже она одевается, и стал помогать ей отыскивать различные предметы туалета. Магда же, напротив, не находила в происходящем ничего забавного. В каком-то отчаянии она, наконец, привела себя в порядок и рванулась вниз по лестнице, надеясь встретить отца еще у входа в гостиницу

Для Теодора Кузы сегодняшний день тоже стал настоящим праздником.

Он выздоровел! Ему больше не надо было укутывать больные руки с искалеченными суставами. Он смело подставил их свежему утреннему ветру и с легкостью направил кресло к гостинице. И при этом он не испытывал ни малейшей боли или какого-то иного неудобства. Впервые за долгие годы Куза проснулся с ощущением невероятной легкости в членах. Суставы опять безукоризненно слушались его, повинаясь малейшему желанию. Но перестали болеть не только конечности,— повертев головой, он понял, что и позвонки шеи не издают больше того противного скрипа, который мучил его уже несколько лет. Создавалось впечатление, будто все его тело хорошенько смазали, и теперь оно напоминало отлаженный механизм, готовый верой и правдой служить своему хозяину. Язык был влажным — во рту вполне хватало слюны, чтобы можно было свободно глотать, не прибегая к надоевшей кружке с водой. При этом проглоченное свободно проходило по пищеводу, не вызывая ровным счетом никаких болезненных ощущений. Добрая мягкая улыбка, от которой всем окружающим становилось тепло на душе, тоже вернулась к старику, заменив гримасу боли и отчаяния, заставлявшую людей содрогаться и неловко отворачиваться.

Куза не переставал улыбаться; он хохотал, как полумный, и никак не мог остановиться. Здоровье вернулось к нему! Наконец-то он сможет принести пользу обществу — ведь проклятая склеродерма не сковывает больше его движений, и, значит, он очень на многое теперь способен!

Слезы! В его глазах появились настоящие слезы! Когда-то, еще в самом начале болезни, ему часто приходилось плакать. Рано осознав, что болезнь вскоре возьмет свое, он часами рыдал, уткнувшись в подушку, но постепенно и слезы исчезли, а потом перестали работать и слюнные железы. Теперь же настоящие слезы вновь лились по его щекам, но это были слезы радости и упоения жизнью. Он, не стесняясь, плакал всю дорогу до гостиницы.

Поначалу Куза не понял, что хотел сделать с ним Моласар, когда положил свою тяжелую руку ему на плечо. Но постепенно ему стало казаться, что внутри его тела начались какие-то перемены. Он не знал еще, что это такое, но Моласар приказал ему ложиться спать, пообещав, что утром все будет по-другому. И профессор неплохо выспался. Обычно ему приходилось просыпаться по нескольку раз за ночь, чтобы смочить пересохший рот. На этот же раз он встал с постели позже обычного.

Встал!.. Вернее, воскрес, потому что раньше считал себя настоящим живым трупом. С первой же попытки он сел на шинели, а потом поднялся в полный рост, и ему не пришлось даже хвататься за стул или стену, чтобы не упасть. Теперь у него не оставалось никаких сомнений в том, что он сможет отплатить своей помощью Моласару. И он, безусловно, сделает все, что от него требуется. Абсолютно все.

Конечно, были в его положении и кое-какие трудности. Во-первых, следовало помнить, что никто из немцев не знает о его чудесном исцелении. Во-вторых, нужно было по-прежнему изображать из себя несчастного калеку и не слишком торопиться, управляя коляской. Часовые у ворот с любопытством осмотрели старика, но не стали ему мешать — офицеры разрешили профессору навещать дочь в любое время. К счастью, на мосту немцев не оказалось, а те, что дежурили на верхних галереях стен, не обратили особого внимания на его чересчур ловкие движения. Да к тому же и сам профессор старался по памяти изображать все мучения, связанные с его болезнью.

Но вот замок остался позади, и перед Теодором Кузой открылся путь на свободу. И тогда он из всех сил начал работать окрепшими мускулами. Магда должна увидеть это своими глазами! Пусть она узнает, что сделал Моласар для ее отца.

В конце моста коляска резко подпрыгнула, наткнувшись на камешек, и старик чуть не вылетел из нее головой вперед. Но он не остановился, а так же ловко продолжил движение. На грязной проселочной дороге скорость немного уменьшилась, но разве в этом сейчас было дело! Он ощущал, как с каждой минутой набирают силу его мышцы, хотя длительная болезнь до предела истощила его, и некогда крепкие руки постепенно ослабли. Он подкатил кресло к парадному входу, но затем передумал и, свернув налево, обогнул здание и оказался на заднем дворике с южной стороны гостиницы. Сюда выходило одно-единственное окно — из столовой. Он пододвинул кресло как можно ближе к стене и таким образом оказался в очень выгодном для себя положении — здесь его никто не мог увидеть ни из замка, ни из гостиницы. Ему не терпелось проверить еще раз свои дикий физические возможности.

Поставив колеса на тормоза, профессор ловко поднялся, не прибегнув для этого даже к помощи подлокотников. Не пришлось ему опираться и на стену гостиницы. Несколько секунд он стоял неподвижно и молча наслаждался этим. Он снова полноценный человек! Теперь он любому сможет прямо взглянуть в глаза, а не снизу вверх, как это было раньше. Ведь до сих пор он видел весь мир в лучшем случае с уровня глаз беспомощного малолетнего ребенка. И, по правде говоря, все и обращались с ним, как с больным ребенком. А теперь он сможет вытянуться во весь рост... Как приятно вновь почувствовать себя мужчиной!

— Папа!

Магда стояла возле гостиницы и с изумлением смотрела на него.

— Какое чудесное утро, не правда ли? — с улыбкой произнес профессор и широко расставил руки, ожидая принять ее в свои объятия. Какое-то время девушка стояла в нерешительности, а потом бросилась ему навстречу.

— Папочка! — еле слышно проговорила она, сразу уткнувшись в толстые складки его теплого свитера. — Ты можешь стоять!

— И не только это! — Освободившись от дочери, он обошел вокруг инвалидного кресла. Сперва осторожно, придерживаясь правой рукой за спинку, потом все более уверенно, начав понимать, что не нуждается

больше ни в какой опоре. Теперь он чувствовал себя еще крепче, чем утром. Он мог самостоятельно передвигаться! Ему казалось, что он сумел бы сейчас даже пробежаться или станцевать какой-нибудь бойкий танец. В порыве безудержной радости он попробовал даже изобразить какой-то особой сложности пируэт, чуть не свалившись при этом, но все же удержал равновесие и совсем по-детски залился смехом, глядя на изумленное лицо дочери.

— Папа, что произошло? Это же просто чудо!

Все еще переводя дух от смеха, он в радостном возбуждении взял Магду за руки:

— Да, это чудо. В самом прямом смысле слова.

— Но каким образом?..

— Это сделал Моласар. Он полностью исцелил меня. Он вылечил мою склеродерму — избавил меня от нее, будто я никогда и не болел!

Глаза Магды наполнились слезами, но это были сладкие слезы радости за отца. Она часто заморгала, но все равно две тоненькие струйки неумолимо побежали по ее щекам. Казалось, она счастлива еще больше, чем сам профессор. Однако, приглядевшись к дочери повнимательнее, Куза заметил, что в глазах ее светится и нечто большее, к чему напрашивалось лишь одно определение — это было настоящее счастье. Он, конечно, мог бы расспросить ее о причине такой радости, но сейчас, когда он сам был вне себя от восторга, профессор подумал почему-то, что все это не так уж и важно. Главное, он снова ожил!..

Неожиданно краем глаза Куза заметил какое-то движение возле гостиницы и, проследив за его взглядом, Магда поняла, кого он увидел. Ее глаза радостно загорелись.

— Гленн! Ты только посмотри! Представляешь, Моласар вылечил моего отца!

Рыжеволосый молодой человек со смуглой кожей не двинулся с места. Он пристально смотрел на профессора своими голубыми глазами, будто пытался определить, что в эти мгновения происходит в его душе. Магда щебетала без умолку и тянула Гленна к отцу. Казалось, она просто опьянела от счастья.

— Это чудо! Это настоящее чудо! Теперь мы сможем выбраться отсюда, пока не...

— И какую цену он потребовал за исцеление? — тихо и серьезно спросил Гленн, не обращая внимания на восторженную болтовню своей подруги.

Куза напрягся, но, как ни старался, все же не смог выдержать пристального взгляда пронзительных голубых глаз Гленна. И в этих глазах он видел горькое отчаяние и какую-то граничащую с разочарованием грусть.

— Он не назначал мне никакой цены, а сделал это просто из сострадания к своему соотечественнику.

— На этом свете мало что делается бесплатно, — с сомнением покачал головой Гленн.

— Ну, хорошо. Допустим, он попросил меня о небольшой услуге, которую я должен буду оказать ему после того, как он покинет замок. Он ведь не может активно действовать в дневное время.

— А что же именно вы должны будете сделать?

Профессору начинал уже надоедать подобный допрос. «Какое право имеет этот молодой человек задавать мне вопросы? — с возмущением подумал он. — Ничего я ему не скажу». — А вслух добавил: — Он еще не говорил мне.

— А вам это не кажется странным? Вы даже не знаете, о чем он может вас попросить и какие услуги вам придется ему оказывать. То есть не обговорили, по сути, никаких условий — а уже приняли плату.

— Это вовсе не плата! — убежденно заговорил профессор. — Просто в нездоровом виде я не смог бы реально помочь ему. А никаких сделок мы с ним не заключали — да в них и не было необходимости. Наши цели и так совпадают: это уничтожение немцев на территории Румынии, а затем уничтожение самого Гитлера. Мы сотрем нацизм с лица Земли!

Глаза Гленна раскрылись так широко, что Куза чуть было не рассмеялся.

— Так вот что он вам обещал!

— И это не пустое обещание! Когда я рассказал ему о концлагере в Плоешти, который собирается построить Кэмпфер, он буквально рассвирепел. А когда он узнал, что в Германии есть некто Гитлер, который стоит за всеми этими лагерями, Моласар тотчас же согласился уничтожить его, как только его сил будет достаточно, чтобы покинуть замок, хотя я и говорил ему, что Гитлер — глава государства, его охраняют, и все

такое прочее... Так что ни сделок, ни платы здесь и быть не может — у нас с ним просто ОДНА ОБЩАЯ ЦЕЛЬ!

Наверное, он слишком громко кричал, потому что Магда испуганно отступила назад, схватила Гленна за руку и, прижавшись к нему всем телом, с тревогой посмотрела на отца. У профессора все внутри пошло-лодело, но он старался говорить как можно спокойнее:

— А чем же ты занималась весь вчерашний день, после того как мы расстались, дитя мое?

— О... я почти все время была вместе с Гленном.

Больше ей ничего не пришлось добавлять. Старик сразу все понял. Разумеется, она была с Гленном! Куза критически оглядел дочь, которая с таким распутством обнималась сейчас с этим незнакомцем, да еще и позавывала надеть косынку, так что теперь ее пышные волосы свободно развевались по ветру.

Да как она посмела связаться с ним! Прешло всего два дня, как их разлучили, и за это время его дочь не нашла ничего лучшего, как пристать к первому встречному варвару. Это надо решительно прекратить! Конечно, не прямо сейчас. Но в ближайшем будущем. А пока у него и без нее хватает забот. Но как только они завершат свою миссию в Берлине, он лично позаботится о том, чтобы этот нахал никогда больше не смотрел на него своими обвиняющими голубыми глазами.

«Позаботится?..» — переспросил себя Куза. Он и сам до конца не понял, что подразумевал под этим словом, но в то же время отметил, что этот человек стал ему очень неприятен буквально с первого взгляда.

— Папа, разве ты не понимаешь, что мы сейчас можем сделать? — Магда пыталась успокоить разбушевавшегося старика. — Мы же можем уехать отсюда! Теперь ты без труда спустишься вниз с перевала. Тебе не надо больше возвращаться в замок! А Гленн поможет нам в этом, верно Гленн?

— Конечно. Но я думаю, сначала надо спросить самого твоего отца, захочет ли он уезжать отсюда.

«Проклятье! — подумал Куза, глядя в умоляющие глаза дочери. — Похоже, этому типу известно не так уж мало».

— Папа...— начала девушка и оборвала себя на полуслове. Одного взгляда на его решительное лицо было достаточно. Она уже знала ответ.

— Я должен вернуться,— ответил он.— Но не ради себя. Я успел уже пожить на этом свете. Я пойду туда ради всего нашего народа. Ради нашей культуры. Ради всего человечества! Сегодня Моласар наберется сил, чтобы окончательно разделаться с Кэмпфером и остальными нацистами, потом я выполню одну его просьбу, и нам не придется больше прятаться ни от СС, ни от отрядов Железной Гвардии. А когда Моласар покончит с Гитлером...

— Неужели он в состоянии сделать даже это? — Магда не верила своим ушам.

— Я и сам не раз задавался этим вопросом. Но потом вспомнил, как ему удалось до такой степени запугать солдат, что они чуть не начали стрелять друг в друга. Сам же Моласар лишь развлекался этим, убивая их поодиночке и наводя ужас на всю заставу.— Профессор гордо протянул руку по ветру и немного поработал пальцами, наслаждаясь их второй жизнью и гибкостью суставов.— И последнее: после всего, что он сделал для меня, я перестал сомневаться в его бесконечных возможностях.

— Но разве можно ему довериться? — взволнованно спросила Магда.

Куза с удивлением оглядел дочь. Этот самый Гленн, похоже, успел уже и ее заразить своими сомнениями. Это совсем не понравилось профессору.

— А как же мне ему не доверять? — спросил он после короткой паузы.— Дитя мое, неужели ты не можешь понять? Ведь для всех нас снова начнется нормальная жизнь. И никто больше не будет преследовать наших друзей цыган, стерилизовать их и заставлять непосильно трудиться, как настоящих рабов. А нас, евреев, перестанут выгонять из собственных домов и отказывать в работе, у нас никто не будет отбирать то, что накоплено поколениями наших предков. Наконец, исчезнет страх за то, что сама наша нация будет полностью уничтожена! Ну как же мне после этого не доверять Моласару?

Магда молчала. Ей нечем было возразить ему или опровергнуть эти слова.

— А что касается лично меня,— продолжал упрямый старик,— то я снова вернусь в университет.

— На свою работу? — Магда ничего не понимала.

— Да. Признаться, первое, о чем я подумал,— так это о своей любимой работе. Но раз уж я теперь полностью выздоровел, то почему бы мне не стать ректором университета?

Магда с удивлением посмотрела на отца.

— Да... но тебя ведь никогда не прельщала административная работа.

И это действительно было так. Он был прекрасным ученым, преподавателем... Но теперь все становилось совсем иначе...

— Это раньше. А то сейчас. Если я помогу избавиться Румынию от фашистов, пока они окончательно не разрушили всю страну, то, как ты считаешь, разве такая должность будет для меня слишком большой наградой за это?

— Но, кроме того, вы выпустите на свободу Мола-сара,— наконец произнес Гленн, долгое время молча слушавший их диалог.— И вот тогда награда может оказаться совсем не такой, на которую вы рассчитываете.

Куза стиснул зубы. Почему этот чужак до сих пор еще не ушел по своим делам?

— Да он УЖЕ на свободе! Я же просто буду помогать ему прокладывать путь к нашей общей победе. И, кроме того, ведь даже с ним можно прийти к какому-нибудь... соглашению. От него человечество узнает много нового — это же уникальное создание! И ему есть что предложить людям. Вдруг он способен исцелять и от множества других болезней, которые медицина до сих пор считала неизлечимыми? Да за одно только спасение от нацизма мы будем перед ним в неоплатном долгу! И я считаю своей первейшей обязанностью приложить все усилия, чтобы договориться с ним об этом на приемлемых условиях.

— Условиях? — переспросил Гленн.— Ну, и какие же условия вы готовы ему предложить?

— Уж я что-нибудь придумаю!..

— А что, если не секрет?

— Ну, не знаю пока... Для начала пусть он оборвет жизни этих нацистов, которые развязали войну и выстроили лагеря смерти. А там посмотрим.

— А когда нацисты у вас кончатся — кто будет на очереди? Не забывайте, что Моласара невозможно насытить. Ему постоянно нужны будут средства к существованию. Кто же следующий?

— Прекратите допрашивать меня подобным образом! — взорвался вдруг Куза. Его терпению пришел конец. — Выход обязательно будет найден! Если целая нация прекрасно уживается рядом с Адольфом Гитлером, то уж с Моласаром мы как-нибудь сумеем поладить!

— С чудовищами нельзя жить, — покачал головой Гленн. — Ни с нацистами, ни с вампирами, ни с самим дьяволом. Простите, мне пора.

Он резко повернулся и зашагал прочь. Магда молча наблюдала, как он уходит. А старик смотрел на нее и понимал, что хотя она и не бросилась вслед за этим красавчиком, но мысленно, безусловно, находится сейчас рядом с ним. Он потерял свою дочь.

Осознание этой страшной истины должно было тяжело ударить по его отцовскому сердцу. Но, как ни странно, он не почувствовал ни боли, ни горечи утраты. Одно раздражение. И еще злость на этого самоуверенного туриста, который так вот походя лишил его дочери.

Хотя теперь это было ему почти уже безразлично.

Когда Гленн скрылся за углом гостиницы, Магда снова повернулась к отцу. Наблюдая за сердитым выражением его глаз, она хотела понять, что сейчас происходит в его сознании и что за смятение начинается в ее собственной душе.

Отец выздоровел, это прекрасно. Но какой ценой?..

Да, он очень сильно изменился. Но не только физически, а и духовно. Казалось, будто перед ней сейчас стоит совсем другой человек. В его голосе появились высокомерие и надменность, чего раньше Магда никогда за ним не замечала. И еще одно оставалось непонятным: почему он с такой самоотверженностью защищает

Моласара? Отца будто разобрали на составные части, а потом снова сложили, скрутив невидимой тонкой проволокой и забыв при этом поставить на место некоторые важные струны его души.

— Ну, а ты чего ждешь? — ехидно осведомился отец. — Разве ты не уходишь вместе с ним?

Магда ответила не сразу. Отец казался ей чужим и далеким.

— Конечно, нет, — тихо произнесла она, стараясь, чтобы голос не выдал ее страстного желания немедленно кинуться вслед за Гленном. — Но...

— В чем еще дело? — Старик, как кнутом, хлестнул ее этой фразой.

— Ты действительно хорошо подумал над тем, какую сделку может предложить тебе Моласар?

Лицо профессора исказилось, и Магда сама уже была не рада, что спросила его об этом. Губы старика скривились в злобной усмешке.

— Теперь мне все ясно! Твой любовничек сумел-таки обратить тебя не только против отца, но и против всего твоего собственного народа! Я угадал? — Слова, как камни, сыпались на несчастную девушку. Затем Куза издевательски засмеялся: — Как же тебя легко переубедить, дитя мое! Пара очаровательных голубых глаз и мускулистое тело — вот и все, что нужно, чтобы заставить тебя позабыть о жизни тысяч таких же, как ты сама!

Магда покачнулась, будто на нее налетел внезапный порыв штормового ветра. Нет, это не отец стоит сейчас перед ней и обвиняет ее во всех грехах. Он никогда в жизни не был таким жестоким ни с ней, ни с другими. Как же он изменился! Из-за всех сил Магда сдерживалась, чтобы не дать ему достойную отповедь.

— Я просто хотела тебе помочь, — сказала она, стараясь, чтобы он не заметил ее трясущихся от обиды губ. — Как ты не понимаешь того, что Моласару ни в коем случае нельзя доверять!

— А откуда тебе это известно? Ведь это не ты говорила ночи напролет, не ты видела, как он зол на немцев за то, что они посмели вторгнуться в его дом, стоящий на его собственной земле!

— Да, но я все же успела почувствовать его прикосновение, — сказала девушка, невольно начиная дрожать под пригревающим солнцем. — И не один раз, а

целых два. И ничто теперь не убедит меня в том, что ему жаль евреев, или вообще хоть одну живую душу на этом свете.

— Да, но я ведь тоже знаком с его прикосновением,—возразил упрямый старик и демонстративно прошелся вокруг пустого кресла, не прилагая к этому никаких усилий.—Посмотри сама, как подействовали на меня его руки! Что же касается намерений Моласара спасти наш народ, то я не питаю на этот счет никаких иллюзий. Ему, конечно, наплевать на евреев. Но не на всех, а только на живущих в других странах. Судьба же этой земли его очень волнует, и поэтому румынские евреи заботят Моласара ничуть не меньше всех остальных местных жителей. Ведь он был в этой стране боярином и до сих пор считает себя таковым. Можешь назвать это как угодно: национализмом, патриотизмом — не в этом дело! Главное, что он твердо решил изгнать всех немцев с той территории, которую он по старинке называет Валахией. И будь уверена — уж в этом он не отступится от своих замыслов. А нашему народу это будет только на пользу. Поэтому я и собираюсь помочь ему в осуществлении его планов.

Все, о чем говорил отец, казалось Магде довольно правдоподобным. Она никак не могла понять, в чем же именно заключена здесь коварная хитрость Моласара. Вероятно, отец действительно считает, что занялся благородным делом, и верит в это совершенно искренне. Ведь сейчас, например, ничего не мешает ему скрыться в горах и спасти тем самым ее и себя. Но вместо этого он намерен вернуться в замок, чтобы принести пользу гораздо большему числу людей. Да, он рискует собой ради высокой цели. Наверное, именно так и следует поступать. Во всяком случае, Магда очень хотела бы убедить себя в этом.

Но, к сожалению, ей это не удавалось. Ледянящий холод прикосновения Моласара оставил в ее душе неизгладимый след недоверия. Было и еще кое-что. Этот странный взгляд отцовских глаз. Дикий взгляд...

— Я просто хочу, чтобы с тобой ничего не случилось,—только и смогла произнести она.

— Я тоже хочу, чтобы с тобой все было в порядке,—отозвался он неожиданно потеплевшим голосом, и на секунду будто снова стал прежним заботливым родителем, которого она знала всю жизнь.—И не надо

больше встречаться с этим Гленном. Он плохо на тебя влияет.

Магда отвела взгляд в сторону и угрюмо уставилась на далекие горы. Нет, с этим она никогда не согласится.

— Лучше него я никого еще не встречала,— тихо, но твердо произнесла она.

— В самом деле? — Лицо профессора вновь приобрело жестокое выражение.

— Да,— почти шепотом ответила Магда.— Он заставил меня заново осмыслить всю жизнь! Да я, можно сказать, и не жила раньше по-настоящему.

— Как трогательно! Прямо Шекспир! — презрительно ухмыльнулся отец.— А ты, часом, не забыла, что он не еврей?

Магда давно ждала этого выпада.

— А мне все равно! — выпалила она, глядя ему прямо в глаза. Девушка прекрасно понимала, что и для отца это теперь не имеет уже большого значения. Он просто хотел лишний раз оскорбить ее, сыграв на религиозных чувствах.— Гленн прекрасный человек. И если мы выберемся отсюда живыми, то я останусь с ним навсегда! И он, я уверена, тоже этого хочет.

— Ну, это мы еще посмотрим.— В голосе старика зазвучала угроза.— А пока я считаю, что наш разговор окончен.— С этими словами он тяжело опустился в кресло.

— Отец?

— Отвези меня назад в замок!

Магда вспыхнула от негодования.

— Сам себя довезешь!

Она, правда, тут же пожалела об этой сорвавшейся с языка грубости. Никогда в жизни она не смела еще так разговаривать с ним. Но хуже всего было то, что отец, казалось, даже не расслышал ее слов. А если и расслышал, то не придал им ровным счетом никакого значения.

— С моей стороны и так было довольно неразумно приехать сюда без посторонней помощи,— заговорил он, будто и не слышал вовсе того, что она только что в порыве гнева бросила ему в лицо.— Но я не мог ждать, пока ты придешь за мной. Теперь же мне надо быть вдвойне осторожным. Нельзя допустить, чтобы у немцев возникли подозрения относительно моего настоя-

щего состояния здоровья. Иначе ко мне могут приставить дополнительную охрану. Поэтому становись сзади и начинай толкать.

Магда нехотя исполнила то, о чем просил ее отец. Но, по крайней мере, сейчас ей уже не было так тяжело оставлять его одного у ворот крепости.

Матей Степанеску был очень зол. Ярость кипела в его груди, как расплавленный вар. И, что самое странное, он объяснить даже не мог, почему это происходит. Недовольный и напряженный, он сидел на терраске своего крошечного домика в самом южном конце деревни. На столе перед ним лежала круглая буханка хлеба и стояла нетронутая чашка с чаем. Он размышлял сейчас об очень неприятных вещах, и его раздражение постепенно росло.

Матей думал об Александру и его сыновьях, возмущенный несправедливостью того, что этим лентяям удалось заполучить под охрану замок, и теперь они на всю жизнь обеспечены золотом. Сам же он вынужден был каждый год пасти на перевале коз, а когда они вырастут, продавать их за гроши или выменивать на вещи, нужные его семье. Раньше он никогда не завидовал Александру, но сегодня ему с самого утра почему-то не давала покоя мысль, что именно это благополучное семейство и является причиной всех его бед.

Потом Матей вспомнил о своих собственных сыновьях. Сейчас они особенно были нужны ему здесь. Ведь Степанеску уже немолод — зимой ему стукнуло сорок семь, волосы поседели, а в руках пропала былая ловкость и сила. Да еще стала мучить боль в опухших суставах... И где же теперь его любимые отпрыски?.. Два года назад они бросили отца и смылись в Бухарест в поисках легкого счастья. И даже не подумали, что отцу с матерью будет трудно управляться самим на старости лет. С тех пор эти негодяи ни разу не дали о себе знать! А вот если бы ему досталась работа в замке, то, скорее всего, сыновья тут же пронюхали бы об этом и

были бы уже здесь. И тогда самому Александру пришлось бы искать счастья в Бухаресте.

С каждым годом жизнь в этом мире становилась для Матей все труднее и хуже. А сегодня даже собственная жена не позаботилась о том, чтобы вовремя встать и заняться завтраком. Хотя раньше не было случая, чтобы Ивонна забыла приготовить ему что-нибудь вкусненькое. Но сегодня все шло как нельзя хуже. Нет, она не заболела, а просто продолжала валяться в постели, крикнув ему полусонным голосом: «Приготовь-ка себе что-нибудь сам!» И вот Матей встал, налил себе невкусного холодного чаю и поставил чашку перед собой. Потом взял длинный кухонный нож и ощутимым усилием отрезал от буханки толстый ломоть. Но, лишь попробовав его, тут же скривился и выплюнул неразжеванный хлеб.

— Черствый! — остервенело гаркнул он на весь дом, а затем изо всех сил ударил кулаком по крышке стола.

На этом его терпение кончилось. Не выпуская ножа из рук, Степанеску решительно прошествовал в спальню к жене, которая все так же продолжала нежиться под одеялом.

— Хлеб черствый! — повторил он.

— Ну так испеки себе свежий, — пробормотала дородная супруга, никак не желая окончательно просыпаться.

— Да какая же ты после этого хозяйка! — злобно выпалил он. Его ладонь вспотела, сжимая жирную рукоятку ножа, и Матей понял, что больше терпеть не в силах.

Ивонна отбросила одеяло в сторону, встала в кровати на колени и, вызываяще подбоченившись, заорала на мужа, встряхивая косматой головой, отчего спутанные сальные волосы почти полностью закрыли ее одутловатое лицо:

— Тоже мне, мужик в доме нашелся!

Матей замер как вкопанный. Какое-то время он не мог даже сообразить, что происходит. Ивонна никогда еще не говорила ему подобных слов. Они всегда любили друг друга. Но сейчас он нестерпимо захотел зарезать ее.

Что же случилось?.. Будто в воздухе витали невидимые пары, возбуждающие в них все плохое, что до по-

ры до времени скрывалось в самых темных закоулках души.

И вот Матей сбросил с себя оцепенение и, кипя от злости, двинулся с ножом к жене. Ни о чем больше не размышляя, он взмахнул рукой и с силой вонзил лезвие в тело супруги, а потом услышал, как она громко закричала от боли и ужаса. Матей повернулся и вышел из комнаты, даже не посмотрев, куда пришелся его удар, и осталась ли Ивонна в живых после этого.

Застегивая воротник своего кителя, прежде чем спуститься в столовую на обед, Ворманн выглянул из окна и увидел, что к замку приближаются по мосту профессор с дочерью. Он удовлетворенно улыбнулся. Скольких неприятностей удалось избежать именно благодаря тому, что он вовремя принял правильное решение. Девушку нельзя было оставлять в замке, хотя днем они могли видаться с отцом сколь угодно долго и свободно обсуждать любые свои проблемы. Солдаты уже успокоились, а девушка оказалась порядочной и не удрала в горы, хотя к ней и не было приставлено никакой специальной охраны. Капитан не ошибся в ней: это была преданная дочь, до конца верная своему слову. Приглядевшись повнимательней, он заметил, что отец и дочь о чем-то возбужденно беседуют.

Немного позже капитан обнаружил нечто странное в одежде профессора. Он еще раз пригляделся и понял, что у Кузы на руках не хватает перчаток, к которым все уже успели привыкнуть. Никто еще не видел рук профессора, не облаченных в эти перчатки, ставшие чуть ли не второй кожей для его больных пальцев. Но еще более странным показалось капитану то, что и сам Куза немного подталкивал колеса, чего раньше тоже никогда не случалось.

Ворманн пожал плечами. Наверное, старик просто неплохо себя сегодня чувствует. Он заспешил вниз, на ходу пристегивая на ремень кобуру.

Во дворе царил беспорядок. Возле машин, генераторов и ящиков с боеприпасами возвышались груды бумажника и крупные гранитные блоки, появившиеся здесь после начала разборки задней секции замка. Солдат не было видно — они временно прекратили работу и сейчас обедали в своих казармах. Сделать сегодня они успели не так много, как за вчерашний день. Но это и понятно — ведь ночь опять не принесла новых жертв, а ничто теперь не подстегивало солдат так сильно, как смерть одного из их товарищей.

У ворот слышались голоса, и капитан обернулся. Часовой спокойно нес службу, а профессор и его дочь продолжали о чем-то спорить. Ворманн не знал румынского языка, но по интонации понял, что евреи явно недовольны друг другом. Девушка держалась более спокойно, но, судя по всему, продолжала упорно настаивать на своем. Ворманн одобрительно посмотрел на нее. Старик в глазах капитана был деспотом и тираном, который использует свою болезнь лишь для того, чтобы превратить это юное создание в бесправную вечную сиделку.

Но сегодня профессор вовсе не выглядел безнадежно больным. Его голос звучал громко и отчетливо и был полон энергии. Да, скорее всего, болезнь давала иногда калекую-то передышку.

Ворманн отвернулся и направился в столовую. Но очень скоро замедлил шаг и остановился, с сомнением глядя вправо. Там виднелась зияющая глотка проклятого входа в подвал.

«Чертовы сапоги... — снова вспомнилось ему. — Почему же у них грязные ноги?..»

Эта грязь никак не хотела уходить из его памяти, будто нарочно поддразнивая капитана каждый раз, когда его взгляд падал на вход в подвальное помещение. Необходимо еще раз все перепроверить. Но этот раз уже точно будет последним.

Ворманн торопливо спустился вниз и зашагал по длинному коридору. Не было никаких причин растягивать это «удовольствие». Он только взглянет разок на трупы — и сразу наверх, туда, где свет и тепло. Капитан поднял фонарь, который на всякий случай стоял на полу поблизости от пролома, зажег его и продолжил свой путь в ненавистную темноту нижнего подземелья.

На самой последней ступеньке лестницы сидели три крупные крысы, увлеченно обнюхивавшие липкую грязь на стене подвала. Сморщившись от омерзения, он машинально схватился рукой за свой «люгер». Крысы с любопытством смотрели на непрощенного гостя, но после первого же выстрела юркнули в темноту, уступив капитану дорогу.

С пистолетом в руке Ворманн быстро подошел к тому месту, где в длинный ряд были уложены накрытые простынями трупы. Больше крыс он не встретил, но о грязных сапогах как-то сразу забыл, и теперь его начало волновать совсем другое. Если крысы так спокойно разгуливают по подвалу, то в каком же состоянии могут оказаться эти несчастные мертвецы? Не дай Бог, с ними что-то случилось, тогда он в жизни не простит себе того, что так долго откладывал их отправку на родину...

Однако все оказалось на своих местах. Трупы лежали нетронутыми. Ворманн приподнял по очереди все простыни и лично убедился в том, что грызуны не испортили лица покойных. Потом он осторожно потрогал окоченевший ледяной лоб одной из жертв. Вероятно, такое мясо даже для крыс казалось неаппетитным.

И все же их присутствие здесь сильно расстроило капитана. Завтра с утра он первым делом должен отправить этих несчастных домой. Они и так уже ждут слишком долго. Ворманн выпрямился и собрался уже уходить, как вдруг его взгляд упал случайно на руку одного из солдат, по какой-то причине высунувшуюся из-под простыни. Он снова присел на корточки, чтобы накрыть эти мертвые пальцы, но, едва дотронувшись до них, в ужасе отдернул свою руку в сторону. Кисть убитого покрывали глубокие свежие раны.

Проклиная всеми словами крыс, он поднес лампу ближе, чтобы получше рассмотреть, насколько велик ущерб от их острых мелких зубов. То, что увидел капитан, заставило его испуганно вздрогнуть. На пальцах и на ладони покойника налипли свежие комья грязи. Ногти на руке почти все были сорваны, а сами пальцы разбиты почти до костей.

Ворманн почувствовал, что его начинает тошнить. Однажды ему уже приходилось видеть точно так же изуродованную руку. Она тоже принадлежала мертво-

му солдату, и случилось это очень давно — во время Первой Мировой войны. Бедняга получил ранение в голову, а его ошибочно сочли погибшим и похоронили заживо. Очнувшись в гробу, он ногтями процарапал сосновую крышку, а потом из последних сил сумел голыми руками прорыть еще пять или шесть футов сырой земли. Но несмотря на усилия, ему так и не удалось выбраться на поверхность живым. Однако в самый последний момент, когда он выпускал уже дух, одна рука все-таки появилась над землей.

И эта рука, на которую смотрел сейчас Ворманн, была как две капли воды похожа на ту.

Капитана трясло. Он невольно попятился назад к ступенькам. Ему не хотелось больше видеть ни мертвецов, ни крыс, ни что-либо другое в этом страшном подвале. Никогда.

Он повернулся и со всех ног бросился вверх по лестнице.

Магда сразу же прешла в свою комнату, намереваясь провести в одиночестве хотя бы пару часов. Ей предстояло слишком многое обдумать, и для этого требовалось побыть одной. Но мысли никак не шли в голову. Комната словно сохраняла в себе присутствие Гленна, возбуждая приятные воспоминания о прошедшей ночи. И неубранная постель то и дело отвлекала девушку.

Она в задумчивости побрела к окну. Вид замка, как и прежде, притягивал ее к себе. Но сейчас от одного взгляда на башню Магде стало нехорошо, как если бы зловещее дыхание крепости, которое раньше теряло свою силу за ее стенами, теперь простерлось до самой гостиницы. Замок гордо восседал на вершине скалы и походил на мерзкую осклизлую морскую тварь, протянувшую во все стороны свои смердящие щупальца.

Девушка отвела взгляд в сторону и случайно наткнулась глазами на птичье гнездо. Сегодня его маленькие обитатели, как ни странно, молчали. После пронзительного писка, который мучил ее несколько дней, ти-

шина за окном была до крайности непривычной. Может, они наелись и теперь спят? Или уже вылетели из гнезда?.. Но хотя Магда мало знала о птицах, ей почему-то казалось, что они еще слишком малы для самостоятельной жизни.

Обеспокоившись за судьбу малюток, она пододвинула к окну табуретку, встала на нее и заглянула в гнездо. Птенцы лежали внутри, но они были мертвые. Их остекленевшие безжизненные глаза и беспомощные пушистые тельца расстроили девушку еще сильнее. Ей стало нестерпимо жаль эти крошечные существа. Она спрыгнула с табуретки и в недоумении облокотилась на подоконник. Казалось, никто не причинил вреда этим птенчикам. Они погибли сами. Может, заболели? Или умерли голодной смертью? Наверное, их мать поймала и съела деревенская кошка... А может, она просто бросила своих птенцов?..

Больше Магде не хотелось уже быть здесь одной.

Она вышла в коридор и негромко постучала в комнату Гленна. Не дождавшись ответа, Магда толкнула дверь и вошла. Никого. Тогда она подошла к окну и выглянула наружу в надежде увидеть его во дворе. Погода сегодня была неплохая — вдруг он решил позагорать немного на заднем дворике? Но и там Гленна не оказалось.

Где же он может быть?

Магда спустилась вниз. Вид небруанных грязных тарелок в столовой сильно озадачил ее. Магда хорошо знала, что Лидию все считали лучшей домохозяйкой в деревне. И в гостинице всегда было чисто и прибрано. Тем не менее тарелки напомнили ей о том, что она еще сегодня даже не завтракала, а уже близилось время обеда.

Магда вышла на улицу и там сразу же наткнулась на Юлию, который напряженно вглядывался куда-то вдаль, в противоположный конец деревни.

— Доброе утро, — улыбнулась девушка. — Вы не знаете, обед сегодня не приготовят пораньше?

Юлию резко повернул голову и окинул ее таким недоброжелательным взглядом, будто считал ниже своего достоинства не только отвечать на подобные вопросы постояльцев, но и просто здороваться с ними. Презрительно фыркнув, он опять отвернулся.

Магда проследила за его взглядом и поняла, куда он смотрит. У одного из домов собралось несколько местных жителей.

— Что там случилось? — спросила она.

— Посторонних это не касается, — мрачно процедил владелец гостиницы, но потом, видимо, передумав, добавил: — Хотя вам это, наверное, интересно будет узнать. — Он как-то нехорошо улыбнулся и злорадно сообщил: — У Александру подрались сыновья. Один еще при смерти, а второй уже на том свете.

— Какой кошмар! — ужаснулась Магда. Она хорошо знала и Александру, и его сыновей, часто беседовала с ними о замке во время своих предыдущих приездов. Оба брата были очень дружны между собой. Но теперь она не могла даже понять, что все-таки поразило ее больше: смерть человека или то злорадство, с которым сообщил ей об этом несчастье Юлью.

— Ничего кошмарного в этом нет, госпожа Куза. Александру со своими ребятами давно уже начал считать себя выше всех остальных в нашей деревне. Но, как видно, напрасно он задирает нос. Так ему и надо! — Глаза Юлью сузились до щелочек. — Они получили по заслугам. Кстати, это хороший урок и для городских, которые приезжают сюда и тоже думают, будто они лучше нас.

Заслышав в словах Юлью угрозу, Магда невольно отступила назад. Он ведь всегда был таким мирным, безобидным мужчиной! Что это на него нашло?

Она молча повернулась и обошла вокруг гостиницы. Сейчас ей особенно хотелось, чтобы Гленн оказался рядом. Но того нигде не было видно. Тогда она решила пойти к мосту и поискать его в кустах на том месте, где он обычно прятался, наблюдая за жизнью в замке. Но и там его тоже не было.

Он будто бы испарился.

Обеспокоенная и подавленная, Магда вернулась в гостиницу. Но, подойдя уже к самой двери, вдруг заметила странную сгорбленную фигуру женщины, бредущую к гостинице со стороны деревни. Было похоже, что женщина передвигается с большим трудом, будто она сильно ранена.

— Помогите! — раздался жалобный голос.

Магда сразу же рванулась к несчастной, но тут в дверях возник Юлью и преградил ей путь.

— Не суйтесь не в свое дело! — грубо бросил он Магде, а потом крикнул раненой женщине: — А ты, Ивонна, лучше убирайся отсюда!

— Мне очень больно! — плакала та. — Меня Матей ударил ножом!

Магда увидела, что левая рука Ивонны болтается, как плеть, а вся одежда — а это была скорее всего ночная рубашка — залита кровью от плеча до самых колен.

— Не лезь ко мне со своими бедами! — пригрозил Юлью. — У нас и без тебя забот хватает!

Но женщина продолжала ковылять дальше.

— Умоляю вас, помогите!

Юлью отошел от двери, нагнулся и подобрал с земли камень размером с крупное яблоко.

— Нет! — закричала Магда и бросилась ему наперерез.

Но Юлью свободной рукой отодвинул ее в сторону, размахнулся и что есть силы швырнул камень в Ивонну, радостно хрюкнув при этом. К счастью для женщины, он не успел хорошенько прицелиться, и камень просвистел над ее головой. Но цели своей он все же достиг: женщина всхлипнула еще раз, повернулась и зашагала прочь, прихрамывая на левую ногу.

Магда кинулась вслед за ней:

— Подождите! Я помогу вам!

Но Юлью больно схватил ее за руку и затолкал на крыльцо гостиницы. Там Магда споткнулась и упала.

— А вы лучше занимайтесь своими делами! — заорал он. — Я не терплю тех, кто приносит в мой дом несчастье. Поднимайтесь к себе и сидите там тихо, чтобы вас и не слышно было!

— Да как вы можете... — начала Магда, но запнулась, увидев, как Юлью шагнул к ней, оскалив зубы, и уже поднял руку. Она резко вскочила на ноги и бросилась вверх по лестнице.

Что же на него нашло? Его будто подменили! Да и вся деревня словно попала под какое-то дурное влияние. Люди режут и убивают друг друга, и никто не протянет руку помощи даже своему ближайшему соседу. Что все-таки происходит?

Поднявшись наверх, Магда сразу пошла в комнату Гленна. Она, конечно, не могла проморгать его возвра-

шение, но на всякий случай решила все же проверить. Вдруг он проскользнул к себе как-нибудь незаметно.

Но нет, комната по-прежнему была пуста.

Да где он, наконец?!

В задумчивости девушка ходила по номеру Гленна. Затем открыла шкаф и проверила вещи — все было так же, как и вчера: одежда, футляр с блестящим клинком и зеркало. Почему-то зеркало вызывало у нее особенную тревогу. Магда перевела взгляд на стену над тумбочкой. Гвоздь был на месте. Потом просунула руку за зеркало и обнаружила, что проволока там тоже не порвана. Значит, оно не падало со стены, а кто-то намеренно его снял и положил сюда. Гленн? Но зачем ему это?

Закрыв шкаф, она вышла из комнаты, но на душе теперь стало еще беспокойнее. Однако вскоре Магда решила, что, наверное, недобрые слова отца и непонятное исчезновение Гленна просто наложились друг на друга, и от этого все вокруг начинает теперь казаться ей подозрительным и зловещим. Нужно взять себя в руки. Надо верить, что с отцом все будет в порядке, что Гленн скоро вернется и они будут вместе, а жители деревни наконец-то опомнятся и начнут вести свою прежнюю добрососедскую жизнь.

Гленн... Ну, куда он запропастился? И почему? Ведь вчера они целый день провели вместе, не расставаясь ни на минуту, а сегодня она не может даже придумать, где его искать. Может быть, он просто воспользовался ее телом, да и бросил? Получил свое — и забыл о ее существовании? Нет, в это она отказывалась верить.

Казалось, он был очень расстроен сегодня утром словами ее отца. Возможно, этим и объясняется его долгое отсутствие? И тем не менее Магду все сильнее пугала мысль: а вдруг он действительно решил бросить ее?

Когда солнце стало клониться к вершинам гор, Магдой овладело подлинное отчаяние. Она была безутешна. Вернувшись в свою унылую комнату, девушка подошла к окну, выходящему на замок. Стараясь не вспоминать о затихшем гнезде с умершими птенцами, она внимательно рассматривала кусты возле рва, пытаясь подметить хоть что-то, что помогло бы ей определить, куда мог деться ее любимый.

И вот чуть правее моста она уловила в зарослях легкое движение листьев. Не раздумывая ни секунды, Магда тут же бросилась к выходу. Это Гленн! Кто же еще? Там обязательно окажется Гленн!

Юлью внизу не было, и она беспрепятственно покинула гостиницу. Подойдя к кустарнику, Магда начала высматривать среди зелени огненно-рыжие волосы. Сердце бешено колотилось, радостное волнение переполняло ее душу, и она сразу же позабыла о тех долгих мучениях, которые ей пришлось переживать на протяжении всего дня.

Гленна она нашла достаточно быстро. Он притаился за большим камнем среди густых ветвей и внимательно наблюдал за замком. Ей захотелось одновременно обнять его и залиться слезами радости, потому что он жив и здоров, и в то же время отругать его за то, что он исчез так внезапно на целый день, не сказав ей об этом ни слова.

— Где же ты пропадал? — спросила Магда, подходя сзади. Она прилагала немалые усилия к тому, чтобы голос ее звучал спокойно.

Гленн ответил, не поворачивая головы:

— Гулял. Мне надо было многое обдумать, поэтому я решил совершить долгую прогулку по дну ущелья. Очень долгую прогулку...

— Я скучала без тебя.

— Я тоже тосковал. — Он протянул руку, приглашая ее сесть рядом. — Смотри, тут хватит места и на двоих. — И улыбнулся, хотя улыбка эта была не очень широкой. Очевидно, его до сих пор терзали какие-то сомнения.

Магда без дальнейших уговоров прижалась к нему. Как хорошо рядом с ним! Так уютно чувствуют себя, наверное, только черепахи в своих панцирях — тепло и надежно.

— Скажи, что тебя так тревожит? — ласково спросила она.

— Многие вещи. Например, эти листья. — Он сорвал несколько листьев с ближайшей ветви и смял их в кулаке. Они с хрустом рассыпались — Они засыхают и умирают. А ведь сейчас только май. А уж что касается деревенских жителей...

— Это все из-за замка, да?

— Ты тоже это чувствуешь?.. По-моему, чем дольше остаются здесь немцы и чем сильнее они разрушают стены, тем дальше и дальше распространяется его злое влияние. По крайней мере, мне так кажется.

— Мне тоже, — тихо отозвалась Магда.

— И еще проблема с твоим отцом...

— Да, он и меня беспокоит все больше. Я боюсь, что Моласар просто использует его в своих целях, а потом... — Магда с трудом выговаривала слова, ей стало страшно. — А потом поступит так же, как и с остальными.

— С человеком могут произойти вещи и похуже того, что случилось с немецкими солдатами. Лишиться своей крови — далеко не самое страшное.

Серьезность, с которой Гленн сказал это, еще сильнее встревожила Магду.

— Ты ведь уже говорил это один раз, помнишь? Когда впервые встретил моего отца. А что может быть хуже?

— Он может потерять свое «я».

— Самого себя?

— Нет. Именно свое «я». То, кем он являлся на самом деле, за что боролся и ради чего жил, — все это может безвозвратно исчезнуть.

— Гленн, я что-то не понимаю. — Магда действительно ничего не могла сообразить. А может, и не старалась вникнуть в смысл его слов. Ее настораживал задумчивый и отрешенный вид Гленна.

— Давай на минуту допустим следующее, — наконец сказал он. — Предположим, что вампиры, как о них говорится в легендах, — мертвые, но оживающие временами духи, которые днем должны прятаться в темных местах, а ночью встают из могил или просто гробов, чтобы пить живую человеческую кровь, — так вот, предположим, что все это только сказки, как ты, впрочем, и сама раньше считала. Просто старинные рассказчики пытались как-то постичь то неведомое, что происходило вокруг них и одно из таких явлений облекли в миф о вампирах. А причиной послужило создание, которое питается не такой банальной вещью, как кровь, а человеческими страстями. Это существо набирает силу за счет жестокости, сумасшествия и боли людей, оно процветает тем сильнее, чем больше в мире нищеты, страха и деградации.

Его многозначительный взгляд и серьезность тона не на шутку встревожили Магду:

— Гленн, что ты такое говоришь! Это же ужасно! Как можно питаться болью или чужим несчастьем? Неужели ты хочешь сказать, что Моласар...

— Пока я просто делаю предположение.

— В таком случае, ты ошибаешься,— убежденно заявила девушка.— Я знаю, что Моласар — зло. Возможно даже, что он безумен. Все это так. Но то, о чем ты только что рассказал, просто невозможно. Это невероятно! Ты сам подумай: перед тем, как мы приехали сюда, он спас десятерых местных жителей, которых майор взял заложниками. А как он поступил со мной, когда я попалась тем двум эсэсовцам? — Магда на секунду закрыла глаза, вспомнив об этом кошмаре.— Он спас мне жизнь. Хотя что для меня могло быть более унижительным, чем изнасилование двумя нацистами? Наверное, тот, кто питается страхом и разложением, мог бы с радостью использовать это, чтобы устроить себе небольшой праздник. Но Моласар оттолкнул их от меня и убил.

— Да. Причем довольно жестоко. Я помню, как ты описывала это.

Магду затошнило. Ей с особой живостью вспомнились булькающие звуки из глоток солдат, захлебывающихся кровью, хруст переломанных шейных позвонков и их дергающиеся в конвульсиях тела, беспомощно visiщие в руках Моласара.

— Ну и что из этого следует?

— Только то, что он все-таки получил некоторое удовольствие.

— Но если это доставляет ему такое удовольствие, он мог бы и меня сделать своей жертвой. А вместо этого отнес к отцу.

— Вот именно! — Глаза у Гленна победно засверкали.

Удивленная таким ответом, Магда, однако, не остановилась, а продолжала свой монолог:

— Что же касается моего отца, то несколько последних лет стали для него настоящим адом. Он был несчастен и неизлечимо болен. А теперь полностью выздоровел, будто и не болел никогда в жизни! Если несчастье и боль питают Моласара, то он должен был на-

слаждаться его страданиями, а не облегчать их. Зачем же лишать себя такого «питания»?

— Действительно, зачем?

— Ох, Гленн! — Магда вздохнула и крепче прижалась к нему. — Не запугивай меня еще сильнее, чем есть. Я не хочу с тобой спорить — у меня и так был очень напряженный разговор с отцом. Если я и с тобой еще рассорюсь, то, наверное, просто не вынесу этого!

Гленн нежно обнял ее за плечи:

— Ну, хорошо. Вот подумай: твой отец сейчас даже здоровее, чем был до болезни. Физически. А что творится у него в душе?.. Тот ли это человек, который приехал сюда ровно четыре дня назад?

Именно этот вопрос мучил Магду весь день, и она не находила на него ответа.

— Да... Нет... Не знаю! Я думаю, он и сам не во всем еще разобрался. Как, кстати, и я. Но я уверена, что с ним все будет в порядке. Он же сейчас будто в шоке. Ты представь только — ведь эта болезнь считается неизлечимой, и вдруг он полностью выздоравливает. Я думаю, и любой другой на его месте запутался бы в происходящем и начал бы вести себя очень странно. Но это не навсегда. Это пройдет. Подожди, и сам убедишься.

Гленн ничего не ответил, и она была благодарна ему за это. Это значило, что он тоже не хочет с ней ссориться. Магда наблюдала, как туман начал медленно подниматься со дна ущелья, а солнце скрылось за вершинами гор. Приближалась ночь.

Ночь. И этой ночью, как говорил отец, Моласар покончит со всеми оставшимися в замке немцами. Но хотя это должно было окрылить ее и вселить в душу новую надежду, предстоящие события почему-то пугали девушку. И даже рука Гленна, нежно обнимающая ее, не до конца растворяла этот страх.

— Пойдем в гостиницу, — наконец сказала она.

Но Гленн отрицательно покачал головой.

— Нет. Я хочу посмотреть, что там сегодня произойдет.

— Ой, Гленн, эта ночь без тебя, наверное, покажется мне целой вечностью!

— Да. Возможно, и в моей жизни это будет самая длинная ночь, — ответил он, не глядя на Магду. — Бесконечная ночь...

Она внимательно посмотрела на него, заметила в его глазах какую-то грусть и задумалась: «Что же так разрывает его изнутри? Почему он не хочет до конца довериться мне?..»

Глава двадцать шестая

— Ты готов?

Куза даже не вздрогнул, услышав эти слова.

После того как погасли последние лучи солнца, он с нетерпением ожидал прихода Моласара. И сейчас со звуком его страшного голоса профессор поднялся со своего кресла, гордый и благодарный своему спасителю за избавление от долгого недуга. Весь день он только и ждал того часа, когда солнце скроется, наконец, за горами, беспрестанно проклиная дневное светило за то, что оно так медленно перемещается по небосклону.

Но вот долгожданный момент настал. Сегодняшняя ночь будет принадлежать только им, и никому более. Куза долго терпел и ждал. Но сейчас его время пришло. Теперь никто уже не сможет ему помешать.

— Готов! — сказал он и повернулся так, чтобы видеть силуэт Моласара, чернеющий возле самого стола в тусклом свете единственной свечи. Куза предварительно вывинтил лампочку под потолком. Мерцающее пламя свечи успокаивало его, и он чувствовал себя как-то более уверенно. И еще ему казалось, что естественный свет огня сближает его с Моласаром. — Благодаря вам я теперь в состоянии стать настоящим помощником.

Моласар заговорил ровным и спокойным голосом, никак не выражая своих эмоций:

— Мне ничего не стоило залечить раны, вызванные твоей болезнью. Если бы я был сильнее, на это ушло бы всего несколько секунд. Но пока что я еще слаб, поэтому для исцеления потребовалась целая ночь.

— Но ни один врач не смог бы сделать это и за всю свою жизнь! Да и двух жизней ему не хватило бы!

— Пустяки! — заметил Моласар и пренебрежительно махнул рукой, останавливая словоохотливого старика. — У меня огромная власть вызывать смерть, но и

не меньшие способности исцелять недуги. Везде и во всем существует равновесие. Это закон Вселенной.

Сегодня Моласар был явно настроен пофилософствовать. Но профессор спешил — ему хотелось действовать, а не рассуждать:

— Так что мы теперь будем делать?

— Мы будем ждать, — ответил Моласар. — Еще не все готово.

— А что потом? — Куза никак не мог сдерживать своего нарастающего любопытства. — Потом-то что?

Моласар степенно прошествовал к окну и оглядел темнеющие вершины величественных гор. Он долго молчал и вдруг заговорил неожиданно тихо:

— Сегодня ночью я доверю тебе источник моей силы и энергии. Ты должен взять его, вынести из замка и надежно спрятать где-нибудь в расщелине гор. Ты не должен никому передавать этот предмет. Ни один человек не должен притрагиваться к нему и знать, где он находится.

Куза был в недоумении.

— Источник вашей энергии? — Он силился что-то вспомнить. — Но я был уверен, что у представителей потустороннего мира ничего подобного не бывает.

— Это потому, что мы всегда тщательно скрывали это от людей, — ответил Моласар и повернулся к профессору. — Все мои силы проистекают из него, но одновременно он является и самым уязвимым для меня местом. Этот предмет дает мне жизнь, но если он попадет в посторонние руки, то с его помощью меня можно будет и уничтожить. Вот почему я всегда держу его при себе — он лежит где-нибудь в тайнике поблизости, чтобы я мог надежно его охранять.

— А что это? И где...

— Это нечто вроде талисмана, и находится он глубоко в нижнем подвале. Но если мне придется на какое-то время покинуть замок, я уже не смогу оставить его там не защищенным от посторонних. Но еще опаснее брать его с собой в Германию. Поэтому я должен передать эту вещь тому, кому смогу полностью доверять. — Моласар придвинулся ближе к старику.

Куза почувствовал, как холод пронизывает его до костей — Моласар заглянул ему в глаза, и бездонные пропасти его зрачков заставили кровь старика застыть

в жилах. Однако он продолжал стоять перед ним, стараясь не выдать своего ужаса.

— Вы можете доверять мне. Я запрячу его так, что даже горные козы не смогут до него добраться. Клянусь!

— Ты уверен? — Моласар сделал еще шаг к профессору, и теперь его меловое лицо осветилось пламенем свечи. — Имей в виду: это будет самым ответственным заданием, которое тебе когда-либо приходилось выполнять.

— Теперь я смогу это сделать, — уверенно кивнул Куза и сжал кулаки, ощутив от этого прилив сил вместо привычной боли. — Никто не отберет у меня этот талисман.

— Скорее всего, никто и не попытается это сделать. Но даже если такое и случится, то, я думаю, ни один из живущих сейчас на Земле не сможет найти способ, как применить его против меня. Но, с другой стороны, он сделан из золота и серебра. И если кто-то обнаружит его и вздумает переплавить...

Куза на секунду задумался, а потом произнес:

— Но ничто нельзя спрятать навечно...

— А в этом и нет необходимости. Только на то время, пока я буду разбираться с воеводой Гитлером и его приспешниками. Его надо сохранить только до тех пор, пока я не вернусь назад. А уж там я снова о нем сам позабочусь.

— Он БУДЕТ в безопасном месте! — К профессору неожиданно вернулась уверенность. Уж он-то найдет в этих горах надежный тайник на несколько дней. — А когда вы вернетесь, он будет ждать вас в целости и сохранности. Гитлер умрет — какой это будет великий день! Свобода Румынии, избавление для евреев. А для меня — полное оправдание!

— Какое еще оправдание?

— Перед дочерью — ей почему-то кажется, что я не должен вам до конца доверять.

Моласар прищурил глаза.

— С твоей стороны было очень опрометчиво обсуждать это с кем бы то ни было, даже с собственной дочерью.

— Нет, она не меньше моего хочет, чтобы Гитлер умер. Просто ей почему-то не верится, что вы со мной искренни. Она попала под влияние одного молодого че-

ловека, который, как мне кажется, стал ее любовником...

— Что еще за человек?

Кузе показалось, что Моласар вздрогнул, а его и без того бледное лицо теперь стало белым, как полотно.

— Я мало что могу о нем рассказать. Зовут его Гленн, и похоже, что он очень интересуется этим замком. А что касается...

Неожиданно профессор очутился в воздухе — Моласар мощной рукой схватил его за ворот свитера и с легкостью оторвал хрупкое тело от пола.

— Как он выглядит? — грозно спросил владелец замка, стиснув оскаленные зубы.

— Он... такой высокий... — хрипло пробормотал Куза, насмерть перепуганный невероятным холодом, веющим от ледяных рук, вцепившихся ему почти в самое горло. А от вида длинных желтых зубов, всего в нескольких дюймах от его лица, профессора чуть не стошнило. — Он почти такой же высокий, как вы, и...

— Волосы! Какого цвета у него волосы?

— Рыжие!

Одним движением руки Моласар швырнул старика на пол, где тот беспомощно распластался, боясь поднять голову. И в тот же миг из горла боярина вырвался душераздирающий вопль, в котором профессор с трудом различил уже знакомое слово:

— Глэкен!!!

Сильно ударившись при падении, Куза несколько минут лежал, не в силах пошевелиться. Когда же туман перед глазами рассеялся, он заметил на лице Моласара то, чего ни разу не видел раньше: настоящий страх.

«Глэкен... — вспоминал профессор, медленно поднимаясь с пола и не решаясь произнести хоть слово. — Не об этой ли секте рассказывал мне две ночи назад Моласар? Ну, конечно! Фанатики, которые все время преследовали его... И ведь именно из-за них он и выстроил этот замок, чтобы укрыться в нем».

Моласар подошел к окну и уставился на деревню. По его лицу профессор не мог определить, о чем размышляет сейчас разгневанный владелец замка. Наконец тот повернулся к старику и сквозь зубы процедил:

— Сколько времени он уже здесь?

— Три дня — он приехал в среду вечером. — Тут Куза не удержался и спросил: — А что, разве это так важно?

Моласар ответил не сразу. Он медленно зашагал по темной комнате, то появляясь в кругу света маленькой свечки, то вновь растворяясь в тени — три шага вправо, потом три влево. Он напряженно о чем-то думал. Потом неожиданно остановился возле стола.

— Значит, секта глэкенов до сих пор еще существует, — тихо выговорил он. — Надо было иметь это в виду! Они вечно были цепкими и живучими. Настоящие фанатики своей идеи — как же! Они ведь вознамерились установить мировое господство. Глупо было бы предположить, что за какие-то пять веков они вымерли все до последнего. Теперь я начинаю кое-что понимать... Нацисты... И этот твой Гитлер. Ну, конечно!

Куза почувствовал, что настало самое время спросить Моласара о его подозрениях:

— Так что же вы начали понимать?

— Секта глэкенов всегда действовала как бы в тени, за ширмой. Они не выставляли себя напоказ, а очень умело использовали популярные движения и крупных лидеров всех эпох. Их, собственно, никто и не видел, равно как и их настоящего оружия. — Моласар стоял у стола, отбрасывая гигантскую тень на стену и возмущенно вознеся вверх руки, сжатые в могучие кулаки. — И теперь я все понял: Гитлер и его приспешники — это лишь ширма, за которой успешно скрывается секта глэкенов. Каким же я был глупцом! Я должен был сразу их раскусить, как только ты поведал мне об этих лагерях смерти и о том, что они там вытворяют. И еще этот скрученный крест, который нацисты где только не изображают — это же настолько очевидно! Ведь они сами когда-то были частью церкви!

— Но Гленн...

— Да он один из них! Не марионетка, конечно, как эти военные, а самый настоящий глэкен из их тайного общества. Причем один из главарей этой секты фанатиков и убийц.

У Кузы от страха перехватило дыхание.

— Но откуда вам это известно?

— Глэкены веками тщательно растили и отбирали

своих главарей. Это особая порода — у них у всех должно быть несколько обязательных признаков: голубые глаза, смуглая кожа и ярко-рыжие волосы. Их тренируют долгие годы, и в искусстве убивать им нет равных. Но, помимо всего прочего, их обучают убивать и нас, бессмертных. Этот парень, который называет себя Гленном, приехал сюда специально. Он не выпустит меня из замка. Во всяком случае, приложит к этому все усилия.

Куза прислонился к стене. Ноги подкашивались и переставали слушаться. Только представить себе! Его Магда находится сейчас в руках человека, который и есть реальная сила и власть в гитлеровской империи! В это невозможно было поверить! Но что самое страшное, никаких противоречий в словах Моласара не было — все факты сходились. Неудивительно, что Гленн так расстроился, узнав, что профессор решил помочь Моласару избавить мир от Гитлера и фашистов. И становилось понятным, почему он подвергает сомнению любые действия и слова Моласара. Он хочет добиться того, чтобы старик перестал ему доверять. Вот почему Куза сразу же инстинктивно возненавидел этого рыжеволосого. На самом деле чудовищем оказался не Моласар, а Гленн! И в эти секунды Магда была, естественно, вместе с ним! Это надо немедленно прекратить!

Профессор выпрямился и посмотрел на Моласара. Нет, он не должен поддаваться панике. Ни в коем случае. Но прежде чем на что-то решиться, требовалось получить дополнительную информацию.

— И как же он может остановить вас?

— Он знает, как!.. Его секта столетиями только тем и занималась, что пыталась выжить нас с этой планеты. Так что его одного будет вполне достаточно, чтобы использовать мой амулет против моей жизни. Если талисман попадет в его руки, то я погиб. Он уничтожит меня.

— Уничтожит...— Куза все еще находился в каком-то тумане, не совсем понимая, что говорит ему сейчас Моласар. Получалось так, что если Гленн убьет Моласара, то немцы выстроят еще больше концлагерей. Смерть не будет знать границ! Гитлер завоюет все оставшиеся страны, а это означает только одно — полное уничтожение еврейского народа.

— Его нужно обезвредить,— сказал Моласар.— Я не могу оставлять здесь свой талисман, пока этот негодяй живой и невредимый будет разгуливать вокруг замка. Это слишком рискованно.

— Так в чем же дело? — изумился Куза.— Убейте его, как вы сделали со многими другими!

Но Моласар отрицательно покачал головой.

— Я еще недостаточно силен, чтобы сразиться с ним. По крайней мере, за пределами замка. Внутри крепости я чувствую себя более уверенно. Если бы удалось под каким-нибудь предлогом заманить его сюда, то, возможно, я бы вызвал его на поединок. И уж тогда я бы обязательно позаботился о том, чтобы он никогда больше не попадался мне на пути.

— Я придумал! — Идея, простая, как все гениальное, мелькнула в голове профессора.— Его приведут сюда силой!

Моласар недоверчиво посмотрел на старика, но мысль заинтересовала его:

— И кто же именно?

— Сам майор Кэмпфер! Причем с большим удовольствием.— Куза расхохотался и сам вздрогнул при первых звуках собственного смеха. А почему бы, собственно, и не повеселиться немного? Ему было смешно даже подумать о том, что майор СС поможет ему в уничтожении нацизма и освобождении от него всего разумного человечества.

— А зачем ему это делать?

— Целиком положитесь на меня. Я все улажу.

Куза сел в свое кресло и покати́л его по направлению к двери. Мозг его лихорадочно заработал. Ему следует убедить майора в том, что Гленна непременно надо доставить в замок, причем сделать это лучше всего немедленно. Раздумывая о своем коварном плане, профессор выехал из башни во двор.

— Стража! Стража! — закричал он что было сил. К нему тут же подбежал сержант Остер, за ним еще два солдата.— Позовите майора! — продолжал старик, притворно переводя дыхание, будто ему очень тяжело и он сильно взволнован.— Я должен немедленно переговорить лично с ним!

— Я сообщу ему об этом,— сказал сержант.— Но только не ждите, что он бросится бегом на ваш вы-

зов.— При этих словах два других солдата слегка ухмыльнулись.

— Скажите ему, что я выяснил кое-что весьма важное о замке, и действовать лучше прямо сегодня, потому что завтра может быть уже слишком поздно.

Сержант окинул взглядом одного из рядовых и кивнул в сторону задней секции замка.— Быстро туда! — скомандовал он, а второму указал на инвалидное кресло.— Давайте позаботимся о том, чтобы майору не пришлось слишком далеко идти на свидание с профессором, если нашему старику и в самом деле есть что сказать.

Кузу отвезли через двор до того места, где начинались кучи щебня от разобранных стен, и там кресло остановили. Он сидел спокойно, все время повторяя про себя, что именно он должен сейчас сказать. Через несколько минут, показавшихся профессору целым часом, из дальних дверей, наконец, появился Кэмпфер. Он был без головного убора и выглядел раздраженным.

— Что ты хотел мне сообщить, еврей? — грозно спросил он.

— Это дело чрезвычайной важности, господин майор,— ответил Куза, нарочно говоря почти шепотом, чтобы Кэмпферу приходилось напрягать слух.— И не для посторонних ушей.

Майору пришлось пробираться через кучи щебня и мусора. По дороге губы его шевелились — очевидно, он крепко ругался про себя.

Куза даже представить себе не мог, насколько приятно ему будет наблюдать это зрелище.

Наконец Кэмпфер добрался до инвалидного кресла и жестом приказал остальным отойти.

— Смотри, жид! Если ты посмел разбудить меня из-за пустяка, то...

— Мне кажется, я нашел очень важный источник информации об этом замке,— заговорил Куза тихим конфиденциальным тоном.— В гостинице остановился новый постоялец. И сегодня я с ним познакомился. Он очень живо интересуется всем, что происходит сейчас на заставе. Причем слишком уж сильно интересуется, вы меня понимаете? Утром он всеми средствами пытался вытянуть из меня то, что мне известно.

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Дело в том, что некоторые его слова буквально поразили меня. Причем настолько, что, вернувшись в свою комнату, я тут же вновь углубился в изучение тех старинных запрещенных рукописей и действительно нашел там подтверждение его слов.

— Каких еще слов?

— Сами по себе они не столь уж важны. Главное то, что он знает о замке гораздо больше, чем пытается показать. Я почти уверен, что он связан с теми лицами, которые платят за содержание замка.

Куза сделал паузу, чтобы смысл его слов дошел до майора. Он не хотел перегружать мозг Кэмпфера избытком информации. После этого он добавил:

— На вашем месте, господин майор, я бы пригласил этого постояльца к себе для милой беседы. Возможно, он будет настолько любезен, что сообщит вам немало ценного.

Кэмпфер рассердился:

— Ты еще не на моем месте, еврей! Я не собираюсь уговаривать всяких олухов зайти ко мне на разговор, и тем более не собираюсь ждать до утра.— Он повернулся и подозвал к себе Остера.— Быстро пришлите сюда четырех автоматчиков!— Потом обратился к Кузе:— Ты поедешь с нами и покажешь этого парня, чтобы я был уверен, что мы арестовали именно того, кого надо.

Куза едва сдерживал улыбку. Вот как все иной раз бывает просто — чертовски просто!

— Еще одно возражение моего отца состоит в том, что ты не иудаист,— продолжала Магда. Они все еще сидели в кустах среди засыхающей листвы и, не отрывая глаз, следили за замком. Стало совсем темно, и во внутреннем дворе зажгли свет.

— Что ж, в этом он прав.

— А какая у тебя религия?

— Никакой.

— Но твои родители должны же были ходить в какую-то церковь?

Гленн пожал плечами.

— Наверное. Но это было так давно, что я уже все забыл.

— Как о таком можно забыть?

— Очень даже легко.

Магда начинала нервничать. Он опять отказывался утолить ее вполне естественное любопытство.

— Гленн, а ты сам веришь в бога?

Он повернулся и одарил ее такой ослепительной улыбкой, которая не могла ее не растрогать.

— Я верю в тебя. Разве этого не достаточно?

Магда крепче прижалась к нему.

— Да. Наверное, ты прав.

Она не знала, как должна вести себя с человеком, столь непохожим на нее саму, но которого она так безумно любит. Гленн производил впечатление человека образованного, глубоко эрудированного, но она не могла себе представить его, например, за чтением книги. Сила и энергия так и струились из его тела, а с ней он был до того нежен!..

Гленн являл собой настоящий клубок всевозможных противоречий. И все же Магда чувствовала, что нашла именно того человека, с которым хотела бы связать свою дальнейшую жизнь. А жизнь с Гленном, наверное, сильно отличалась бы от всего того, что она была способна вообразить себе еще неделю тому назад. Кончились бы спокойные дни, заполненные переписыванием нот и доскональным изучением старинных книг. Зато главной частью их будущего, несомненно, стали бы безумные, ослепительные ночи — слитые воедино тела и обжигающая безудержная страсть. Если ее жизни не суждено оборваться на этом перевале, то она хотела бы продолжить ее только вместе с Гленном.

Ей было непонятно, как он умудрился за такой короткий срок так сильно привязать ее к себе. Она только знала, что любит его, и все... И ей отчаянно хотелось всегда находиться с ним рядом, не расставаясь ни на секунду. Быть как бы одним существом. Прижиматься к нему по ночам, рожать ему детей и видеть его счастливую улыбку — точно такую же, как она видела только что.

Но сейчас улыбка уже покинула его лицо. Он снова внимательно смотрел на замок. Что-то мучило, постоянно терзало его — Магда прекрасно чувствовала это. Ей очень хотелось разделить с ним его заботы, взять на

себя хоть какую-то часть этой непонятной внутренней боли и тревоги. Но она была беспомощна. Гленн не посвящал ее в свои тайны. Может быть, сейчас для этого как раз и настал подходящий момент?

— Гленн, — нежно начала она, — почему ты на самом деле приехал сюда?

Вместо ответа он указал на замок:

— Смотри, там что-то происходит.

Магда взглянула туда, куда указывал Гленн, и в свете, полившемся из внезапно открывшихся главных ворот, увидела шесть фигур. Одна из них принадлежала, по всей видимости, ее отцу — он сидел в инвалидном кресле.

— Куда его везут? — спросила Магда, чувствуя, как тревожно забилось сердце.

— Скорее всего в гостиницу. По крайней мере, это единственное место, куда они могут добраться без помощи своих машин.

— Они идут за мной, — предположила Магда. Никакое другое объяснение не приходило ей в голову.

— Нет, вряд ли. Если бы они захотели перевести тебя назад в замок, то едва ли для этой цели стали бы брать с собой твоего отца. Нет, они задумали что-то другое.

Закусив от волнения нижнюю губу, Магда наблюдала, как необычная процессия из шести темных фигур двинулась через мост, утопая в поднимающемся тумане. Замелькали лучи фонарей. Когда до их укрытия в кустах осталось не более двадцати футов, Магда возбужденно зашептала:

— Давай сидеть тихо, пока не выясним, что им здесь нужно.

— Если они не обнаружат тебя в гостинице, то могут подумать, что ты сбежала и, чего доброго, решат еще выместить свой гнев на отце. А если начнут искать нас здесь, то обязательно найдут — мы же в ловушке между ними и краем пропасти. Деваться некуда. Лучше тебе, наверное, выйти отсюда и пойти им прямо навстречу.

— А как же ты?

— Если я тебе понадоблюсь, ты найдешь меня здесь. Но пока, я думаю, чем меньше они обо мне знают, тем лучше.

Магда нехотя поднялась и начала продираться сквозь густые заросли колючих кустов. К тому времени, как она выбралась на дорогу, группа из пятерых военных и ее отца направлялась уже к гостинице. Девушка ощутила какую-то неясную тревогу. Она ничего пока не говорила, а только молча смотрела на них, стоя на краю тропинки. Магда никак не могла понять, что же именно так взволновало ее, но отделаться от этого тревожного щемящего чувства так и не смогла. Вскоре среди идущих она различила майора СС. Сопровождающие солдаты тоже были эсэсовцами, но, несмотря на это, отец чувствовал себя в их компании вполне уверенно, и даже о чем-то тихо беседовал с ними. Словом, казалось, что с ним все в порядке.

— Папа?

Все солдаты, включая даже того, который толкал отцовское кресло, разом обернулись, и стволы их автоматов в тот же миг нацелились на Магду. Отец быстро заговорил с ними на немецком:

— Не стреляйте, прошу вас! Это моя дочь! Позвольте мне сказать ей пару слов.

Магда подбежала к отцу, боязливо обогнув страшную пятерку в черных формах, и заговорила с ним на цыганском диалекте:

— Зачем они тебя сюда привезли?

Отец отвечал тоже по-цыгански:

— Я потом тебе объясню. Где Гленн?

— В кустах возле рва,— не задумываясь, ответила девушка. В конце концов об этом спрашивал ее собственный отец.— А зачем тебе это?

Отец моментально повернулся к майору и сразу перешел на немецкий:

— Вон там! — И указал именно на то место в кустах, о котором ему только что сообщила Магда. Четверо рядовых тут же встали полукругом и, взяв «шмайсеры» на изготовку, начали двигаться в направлении кустарника, неумолимо подбираясь к тому месту, где сидел сейчас Гленн.

Магда задохнулась от возмущения. Ей и в голову прийти не могло, что отец способен на столь подлое предательство.

— Папа! Что ты наделал?! — Она бросилась было к кустам, но он успел схватить ее за руку.

— Все в порядке, — тихо заговорил он опять на цыганском наречии. — Несколько минут назад я выяснил, что твой Гленн — один из наших врагов!

Магда ответила по-румынски. В такой жуткий момент она могла соображать лишь на родном языке:

— Нет! Это...

— Он принадлежит к тайной группировке, которая управляет нацистами, и использует их в своих мерзких корыстных целях. Да он даже хуже, чем обычный фашист!

— Да это гнусная ложь! — «Очевидно, отец тронулся умом», — подумалось Магде.

— Нет, это правда! И мне очень неприятно, что именно я должен сообщить ее тебе, но лучше ты услышишь это сейчас от меня, чем сама узнаешь потом, когда будет уже слишком поздно.

— Они же убьют его! — закричала Магда. Ее начал охватывать панический ужас. Но отец крепко держал ее. Его руки, ставшие теперь сильными, не выпускали ее, и в то же время он продолжал нашептывать ей страшные, невозможные вещи:

— Нет! Они его ни за что не убьют. Они просто заберут его с собой на допрос, и там, чтобы спасти свою шкуру, он выложит им про свою связь с Гитлером. — Глаза у отца неестественно блестели, голос возбужденно дрожал. — И вот тогда, Магда, ты еще скажешь мне спасибо! Ведь я все это делаю для твоего же блага!

— Для своего собственного! — взвизгнула девушка, тщетно пытаясь избавиться от его цепкой хватки. — Ты просто ненавидишь его, потому что...

В кустах раздались крики, потом послышался шум возни, и вскоре двое солдат вывели на дорогу Гленна, наставив на него свои автоматы. Двое других сразу обыскали его, и теперь все четверо по первому же приказу майора были готовы уложить Гленна на месте.

— Оставьте его! — крикнула Магда, бросаясь вперед. Но отец по-прежнему крепко удерживал ее за руку и не отпускал.

— Магда, не подходи! — строго приказал Гленн. Он был мрачен и смотрел прямо в глаза профессору. — Даже если тебя застрелят, это ничего не изменит.

— Как это благородно! — с издевкой заметил майор Кэмпфер, стоящий за спиной Магды.

— Вот и все дела! — с облегчением вздохнул отец.

— Отвести его в замок и приготовить к допросу! — скомандовал майор.

Солдаты начали подталкивать Гленна к мосту стволами своих уродливых автоматов. Его темная фигура почти сливалась с кустами, освещаемая лишь далеким бледным прямоугольником открытых ворот крепости. Гленн спокойно дошел до моста, а потом будто споткнулся и упал вперед. Магда ахнула, но сразу же поняла, что он не упал, а намеренно прыгнул на край деревянного настила. Что он задумал? И тут она поняла — он хотел слезть вниз под мост, чтобы потом выбраться по ущелью, если удастся.

Магда снова рванулась вперед. Господи, дай ему уйти живым! Если он доберется до края рва, они потеряют его из виду и не смогут уже найти в темноте и поднимающемся тумане. Пока они раздобудут веревки, чтобы преследовать его, он успеет уже спуститься на самое дно и уйдет дальше по воде. Только бы он не поскользнулся и не разбился насмерть!..

Магда была уже в нескольких шагах от солдат, когда услышала громкий сухой щелчок. Потом еще и еще. Первый «шмайсер» подхватили все остальные, осветив ночь короткими яркими вспышками, оглушая и ослепляя ее. Она застыла на месте и, затаив дыхание, в ужасе наблюдала, как разлетаются в щепки толстые дубовые доски. Гленн был уже на самом краю моста, когда его настигла первая пуля. Его тело дернулось, и тут же он был весь буквально прошит смертельными алыми стежками. Кровавые пятна появлялись на его теле одно за другим — на ногах и руках, на спине и животе, а он все держался за край моста, извиваясь от невыносимой боли. Но вот его движения стали слабее, и он безвольно повис над бездной. А потом разжал пальцы и рухнул в пропасть.

Следующие секунды были для Магды настоящим кошмаром. Она стояла как вкопанная, еще не в силах осознать случившееся. В глазах мелькали разноцветные вспышки — но это были лишь отблески выстрелов, медленно гаснущие на сетчатке глаз. Гленн не мог погибнуть, нет... Как же он может умереть?.. Это ведь невозможно! Он же такой живой... Он не может быть мертвым! Просто это страшный сон, но очень скоро

она проснется и вновь окажется в его объятиях. Она должна убедиться, что это только дурной сон. Надо лишь заставить себя подойти к черному ущелью и сильно закричать, чтобы проснуться...

Воздух почему-то стал плотным и липким, и из груди ее вырвался нечеловеческий вопль:

— Нет! Нет!! Не-е-ет!!!

Она ничего не могла сообразить — все мысли куда-то исчезли, а вместо них в голове осталось одно тупое отчаяние.

Солдаты уже подошли к краю рва и светили вниз фонарями, надеясь увидеть сквозь туман следы беглеца. Она подбежала к ним, но, заглянув в белесую мглу, ничего не смогла заметить. Ей захотелось прыгнуть вслед за Гленном в этот молочный омут, но вместо этого она повернулась к солдатам и, сжав кулаки, налетела на первого попавшегося из них, ударив его по груди, а потом в лицо. Его реакция была чисто механической. Плотно сжав губы, как бы в знак предупреждения, он развернул свой автомат и сильно стукнул ее прикладом по голове.

Весь мир закружился перед глазами, и Магда потеряла сознание. Она упала на землю, и дыхание ее остановилось. Откуда-то издали еще смутно слышался голос отца, зовущего ее по имени. В глазах было темно, но она переборолла невероятную слабость и сумела все-таки разглядеть, как его увозят на кресле назад в замок. Он повернулся к ней лицом и кричал:

— Магда! Все будет в полном порядке — вот увидишь! Все будет хорошо, ты сама скоро убедишься в этом! И тогда ты еще скажешь мне спасибо. Не презирай меня, Магда!

Но Магда презирала его. Она поклялась, что будет ненавидеть его до конца своей жизни. Это была ее последняя мысль, а потом она лишилась чувств окончательно. И на этот раз надолго.

Неопознанный мужчина при сопротивлении аресту был застрелен и свалился в пропасть. Ворманн видел довольные рожи эсэсовцев, возвращающихся в замок. И еще он заметил страх и смятение на лице профессора. И то, и другое легко было объяснить: эсэсовцы застрелили безоружного человека, что им и раньше приходилось делать не так уж редко, а профессор, наверное, впервые в жизни стал свидетелем такого бессмысленного убийства.

И только злое и расстроенное выражение лица Кэмпфера не поддавалось никаким объяснениям. Они встретились на середине двора.

— Всего один человек? Из-за этого столько стрельбы?

— Люди нервничают, они уже на пределе,— пояснил Кэмпфер, из чего следовало, что он и сам едва сдерживался.— Не надо ему было пытаться бежать.

— А зачем он вам так понадобился?

— Еврей считает, что он много знал о замке и скрывал это.

— Мне кажется, вы забыли предупредить его, что собираетесь только допросить.

— Все равно была попытка к бегству!..

— И конечный результат таков, что сейчас вы ни на йоту не приблизились к разгадке всех тайн. Вы, наверное, перепугали бедолагу до смерти. Естественно, что он бросился от вас наутек. Зато теперь он вам ничего уже не расскажет. И ни вы, ни ваши люди никогда ничего не узнаете.

Кэмпфер повернулся и зашагал по направлению к своей комнате, так и не удостоив капитана ответом. На этот раз презрение и злость, которые испытывал Ворманн при встрече с ним, так и не выплеснулись наружу. Капитан был сейчас на удивление спокоен. И еще ему хотелось подать в отставку.

Он стоял и наблюдал, как солдаты, не занятые на постах, постепенно разбредаются по своим казармам. Всего несколько минут назад, слышав стрельбу возле замка, он быстро привел их в боевую готовность и расставил по огненным точкам. Но никакого боя не последовало, и теперь они, казалось, были даже расстроены. И это можно было понять. Ему и самому хотелось настоящего боя с настоящим врагом из плоти и крови,

которого видно и слышно, в которого можно стрелять и попадать, если как следует целиться. Но их враг оставался невидимым и неуловимым.

Ворманн повернулся и решительно направился к лестнице, ведущей в подвал. Сейчас он должен снова спуститься туда. Последний раз. И при этом один.

Братъ с собой никого нельзя — никто не должен быть посвящен в его страшные подозрения. Особенно теперь, когда в мозгу прочно засела мысль об отставке. Нелегко было прийти к такому решению, но он, похоже, сделал свой выбор: он уйдет в отставку и не будет больше иметь никакого отношения к этой войне. Наверное, того же хотят и его партийные начальники из Генштаба ОКХ. Но если кто-нибудь хоть краем уха услышит о его подозрениях относительно того, что происходит в нижнем подвале, его уволят, как душевнобольного. Но он не позволит этим нацистам запятнать его имя безумием!..

Грязные сапоги и разбитые пальцы... Сапоги и пальцы.. Да, похоже, разум действительно начинает оставлять его. Но, с другой стороны, в глубине этого подземелья действительно скрывалось нечто, не поддающееся никакому разумному объяснению. Иногда капитану казалось, что он догадывается, в чем тут дело, но он боялся даже произнести это вслух или хотя бы мысленно представить себе то, что могло открыться ему в нижнем подвале. Его мозг просто отказывался рисовать ему подобные картины, и мысленные образы того, что скорее всего предстояло увидеть, расплывались, будто он наблюдал их через бинокль со сбитой фокусировкой.

Капитан вошел в арку и начал медленно спускаться вниз по знакомым ступенькам.

Слишком долго он смотрел сквозь пальцы на вермахт и на всю эту войну, которая, не успев начаться, уже изжила себя. Но проблемы, с которыми он столкнулся в последние годы, без посторонней помощи уже никак себя не изживут и никуда не исчезнут. Это стало теперь вполне очевидно. Сейчас он прекрасно осознавал, что все зверства, которые ему приходилось видеть на этой войне, были не просто временным помрачением рассудка. Но ему страшно было признаться себе в том, что в этой новой войне несправедливо буквально все.

Теперь он понимал это, и ему было мучительно стыдно, что он позволил вовлечь себя в грязную бойню.

Спасение лежало в разгадке тайны нижнего подвала. Он должен увидеть все своими глазами. Лишь когда он выяснит, что здесь творится, его совесть позволит ему хоть немного подняться в своих собственных глазах. Иначе ему не видать покоя. И только после этого, когда он смелым и нужным делом вернет себе честь настоящего солдата Германии, он сможет приехать в свой родной город к Хельге. И тогда он станет достойным отцом своему Фрицу. И уж, конечно, не позволит ему путаться с ублюдками из гитлер-югенда, пусть даже для этого ему придется переломать обе ноги.

Часовые, которые должны были стоять в коридоре, еще не вернулись со своих боевых позиций. Тем лучше. Во всяком случае, его никто не увидит и не будет навязываться в провожатые. Ворманн поднял с пола фонарь, зажег его и остановился в нерешительности перед проломом, глядя вниз в манящую темноту.

И тут ему пришло в голову, что он, наверное, действительно сошел с ума. Как он может подавать в отставку? Ведь он столько времени закрывал глаза на всякую мерзость! Так почему бы ему сейчас не закрыть их совсем и не перестать думать о разной чепухе? А потом ему вспомнился вдруг незаконченный пейзаж, который стоял сейчас у него в комнате на мольберте. Когда он осматривал в последний раз силуэт повешенного, ему показалось, что у висельника стал немного отвисать живот, будто тот успел поправиться за каких-то несколько часов. Да, скорее всего он все-таки спятил. Не надо бы ему спускаться вниз. Во всяком случае, в одиночку. А тем более — после захода солнца. Почему бы не подождать, в самом деле, до утра?

Ну, а грязные сапоги?.. А разбитые пальцы?..

Нет. Идти надо сейчас. И только сейчас. Конечно, он не явится туда безоружным. При нем, как всегда, его верный «люгер», а еще он прихватил с собой тот самый серебряный крестик, который недавно одалживал профессору.

Ворманн вздохнул и сделал первый шаг вниз.

Он прошел уже больше половины лестницы, когда вдруг услышал этот шум. Капитан остановился и напряг слух. Казалось, будто кто-то отчаянно скребется или роет землю где-то справа, немного подальше, в са-

мом дальнем углу подвала. Крысы? Он осветил фонарем ступеньки, но не заметил ни одной мохнатой твари. Те три паразитки, которых он встретил на этой лестнице сегодня днем, больше не показывались. Так ничего и не увидев, он заспешил к тому месту, где лежали трупы солдат, но, едва сделав последний шаг, остолбенел от ужаса.

Трупов на месте не было.

Как только профессор очутился в своей комнате и услышал за спиной звук захлопнувшейся двери, он тут же вскочил с кресла и подошел к окну. Напрягая зрение, он пытался разглядеть на мосту потерявшую сознание Магду. Но даже при свете луны, высоко уже поднявшейся над гребнем гор, Куза видел все очень неясно. Хотя, наверное, Юлью и Лидия уже заметили ее из гостиницы и помогли добраться до комнаты. Старик очень хотелось верить в это. Ему пришлось терпеть изо всех сил, чтобы продолжать сидеть в кресле и не рвануться на помощь дочери, когда та немецкая скотина ударила ее по голове. Но ему надо было сидеть и притворяться все тем же беспомощным калекой. Если бы немцы узнали о его чудесном исцелении, то сразу бы рухнул весь план, задуманный Моласаром и им. А этот план был сейчас для профессора делом всей его жизни. Уничтожение Гитлера, конечно, куда важнее безопасности одной-единственной женщины, пусть даже его собственной любимой дочери.

— Где он?

Услышав за спиной грозный голос, Куза сразу же обернулся. В словах Моласара звучали тревога и недовольство. Профессор не знал, когда появился в комнате ее истинный владелец — только что, или он находился здесь все это время, пока они путешествовали по мосту на ту сторону.

— Погиб,— коротко ответил старик, пытаясь определить, где сейчас стоит Моласар. Вскоре он почувствовал его приближение.

— Но это же невозможно!

— К счастью, это действительно так. Он попытался бежать, и эсэсовцы буквально изрешетили его пулями. У него, наверное, помутился рассудок, когда он представил себе, что с ним может случиться, если немцы доставят его сюда, в замок.

— Где тело?

— В ущелье.

— Его обязательно надо найти! — Моласар приблизился к старику, и в лунном свете, пробивающемся через пыльное окно, стало видно его злобещий оскал. — Я должен быть абсолютно уверен в его смерти!

— Да он точно мертв! Ни один человек не выжил бы после такого количества пуль. Их хватило бы, чтобы уложить на месте и десяток таких героев. Он был мертв еще до того, как свалился в ров. А уж после падения... — Куза только покачал головой, вспомнив страшную картину, всего несколько минут назад представшую перед его взором. В другое время и при других обстоятельствах он, наверное, не выдержал бы такого зрелища. Но сейчас все было совсем иначе. — Теперь он даже более чем мертв, — еще раз подтвердил он.

Однако Моласар, казалось, все еще сомневался в словах профессора.

— Мне нужно было самому убить его. Я хотел почувствовать, как жизнь покидает его проклятое тело!.. Я всегда считал, что он должен умереть только от моей руки. Тогда, и только тогда я был бы до конца уверен, что он не встанет больше на моем пути. Но теперь мне и в этом придется довериться тебе и считать его трупом заочно.

— Да тут и доверяться нечего! Если вы сомневаетесь — можете убедиться в этом сами. Он лежит на самом дне ущелья. Почему бы вам не отправиться туда и не проверить лично?

Моласар медленно кивнул.

— Да... Пожалуй, я так и поступаю... Потому что я должен сам в этом убедиться. — Он шагнул в сторону, и сразу же темнота поглотила его громадную фигуру. — Когда все будет готово, я вернусь за тобой.

Куза бросил последний взгляд на гостиницу, потом отошел от окна и уселся в свое кресло. Когда Моласар узнал о присутствии рядом глэкена, это потрясло его до такой степени, что профессор понял: избавить мир

от Гитлера будет не так-то просто, как он предполагал вначале. Но попытаться все же следовало. Обязательно!

Он сидел в темноте и не стал даже зажигать свечу, надеясь про себя, что с Магдой сейчас все в порядке.

В висках капитана стучало. Он продолжал беспомощно водить фонарем в темноте адского помещения, и луч выхватывал из мрака простыни, под которыми не было ничего — только грязная и холодная земля. Еще там находилась голова рядового Лютца с открытым ртом и выпученными, будто в ужасе, глазами. Она лежала на левой щеке. Остальных трупов, как и туловища самого Лютца, нигде поблизости не было. Впрочем, Ворманн так и предполагал и не считал себя застигнутым врасплох. Но, даже ожидая увидеть в нижнем подвале нечто подобное, он не смог избежать страшного потрясения.

Куда же они делись?

Вокруг стояла полная тишина, которую нарушали лишь странные скребущие звуки, идущие из правого дальнего конца подземелья.

И Ворманн понял, что ему придется идти на этот звук, чтобы установить его источник. Необходимость оправдания своей воинской чести не позволяла ему поступить иначе. Но сперва... Он опустил пистолет в кобуру, а из нагрудного кармана кителя достал тот самый серебряный крестик. Капитану почему-то казалось, что эта вещица сейчас способна защитить его куда лучше, чем «парабеллум».

Выставив крестик перед собой, капитан медленно двинулся в сторону, откуда доносились скребущие звуки. Гранитный свод подземелья вскоре начал сужаться, и вот уже узкий извилистый тоннель повел Ворманна под самый дальний конец замка. По мере продвижения вперед звук стал усиливаться. Потом в поле зрения появились крысы. Сперва их было немного — толстые се-

рые зверьки сидели кое-где на скользких каменных выступах и провожали его презрительным взглядом своих маленьких нахальных глазок. Но вскоре их стало значительно больше — сотни хвостатых тварей теснились в узком проходе, пока, наконец, капитану не показалось, что весь пол соткан из их свалывшихся грязных шкурок. Они разбегались врассыпную при его появлении, струились между ногами и так же злобно сверкали глазами-бусинками. Но, едва сдерживая тошноту, он упрямо шел дальше. И хотя крысы пока уступали ему дорогу, по их поведению было видно, что они не испытывают страха перед людьми. Ворманн подумал о пистолете, но потом решил, что «люгер» вряд ли надолго оградит его от этих паразитов, если им придет в голову наброситься на него всей стаей.

Через несколько ярдов коридор резко уходил вправо, и капитан остановился, еще раз прислушавшись. Скребущие звуки усилились. Теперь они были настолько близкими, что Ворманн приготовился встретить их источник уже за следующим поворотом. А это значило, что именно сейчас надо быть особенно внимательным и осторожным. Как увидеть то, что издает этот звук, и остаться самому незамеченным?..

Наверное, придется на время потушить фонарь. Но Ворманну нелегко было это сделать. Огромные полчища крыс на полу и выступах стен заставляли его опасаться темноты. Этот шевелящийся пол мог кого угодно привести в замешательство. Что если они ведут себя так смиренно именно потому, что их пугает свет? Вдруг, когда он выключит фонарь... Впрочем, сейчас об этом некогда было думать. Капитану предстояло до конца выяснить истину. Мысленно он подсчитал, что до поворота остается не больше пяти широких шагов. Ему придется сделать их, а потом повернуть налево и пройти еще три таких же шага. Если в этом пространстве ничего подозрительного не обнаружится, то он снова включит фонарь и уже при свете продолжит путь дальше. В душе Ворманн надеялся, что именно на этом отрезке пути ничего опасного ему не встретится. Близость источника звуков могла оказаться и простым акустическим обманом туннеля. Не исключено, что ему предстоит преодолеть не меньше ста ярдов. А может быть, и нет.

Капитан выключил фонарь, хотя на всякий случай оставил палец на кнопке — вдруг крысы захотят что-

нибудь предпринять. Но ничего нового он не слышал и не чувствовал. Стоя в темноте и ожидая, пока глаза немного свыкнутся с ней, он вдруг осознал, что звуки теперь стали громче, будто сама темнота каким-то не постижимым образом усилила их. Из-за угла не было видно никакого света, даже слабого отблеска. Но ведь то, что производит этот звук, чем бы оно там ни занималось, должно делать это при свете. Например, при свече. Или нет?..

Он медленно двинулся вперед, хотя каждый мускул и нерв его тела молитвенно взывал повернуть назад и скорее бежать отсюда. Но он должен знать правду! Он обязан выяснить, откуда взялись эти странные звуки. Может быть, тогда ему удастся, наконец, победить этот дьявольский замок. Его долг — узнать все до конца. Его долг...

Сделав пятый, и последний, шаг, он повернул налево и сразу же потерял равновесие. Левая рука с фонарем инстинктивно вытянулась вперед, чтобы сбалансировать тело, и тут же наткнулась на пушистое существо, которое пронзительно пискнуло и, прежде чем ударить, больно резануло его по пальцам своими острыми, как бритва, зубами. Боль ударила по ладони и помчалась вверх до самого плеча. Ворманн потряс рукой и крепко сжал зубы, ожидая, когда станет немного легче. Через несколько секунд острое жжение почти прошло, и он снова взял фонарь в левую руку.

Скребущие звуки, ставшие теперь совершенно отчетливыми, неслись прямо навстречу ему. Но все равно нигде не было даже слабого намека на свет. Сколько ни напрягал капитан зрение, все было тщетно. Он уже не на шутку вспотел и стал чувствовать, как постепенно все его внутренности сковывает неподдельный животный страх. Должен же быть впереди свет!..

Он сделал еще шаг вперед — уже не такой большой, как раньше — и замер.

Звуки шли откуда-то прямо из-под его ног, скребущие, царапающие...

Чем бы они ни были вызваны, создавалось впечатление, будто кто-то впереди и внизу усердно и довольно согласованно трудится, однако эта работа не сопровождалась дыханием людей или животных, что было бы вполне логично. Кроме этих леденящих кровь звуков,

Ворманн слышал лишь собственное прерывистое дыхание и противный стук крови в висках.

Еще один шаг — и он включает фонарь! Капитан уже поднял ногу, но тут понял, что просто не сможет заставить себя шагнуть в неизвестность. Тело отказывалось слушаться. Нет, он должен прямо сейчас увидеть, что происходит там, впереди.

Ворманн дрожал, обуреваемый страстным желанием незамедлительно бежать отсюда. Нет, ему больше не хотелось узнать, что ждет его впереди. Ничто, поддающееся разумному объяснению и законно живущее в этом мире, не могло существовать и действовать в такой дьявольской тьме. Поэтому лучше ему и не знать никогда всей правды. Но трупы солдат... Нет, придется довести дело до конца.

Он вздохнул, и этот вздох был похож на всхлипывание, а потом зажмурился и нажал кнопку фонаря. Лишь доля секунды потребовалась, чтобы глаза капитана привыкли к внезапно вспыхнувшему свету, а потом последовала долгая пауза, прежде чем его мозг смог осознать весь ужас представшей перед глазами картины.

Ворманн пронзительно закричал, и иступленный вопль смертельного ужаса гулким эхом разнесся по бесконечным коридорам подвала. В ту же секунду капитан повернулся и бегом бросился обратно к выходу. Он несся, не разбирая дороги и не обращая внимания на многочисленных крыс, и те из них, что не успевали отскочить в сторону, были жестоко раздавлены сапогами. До конца туннеля оставалось не больше десяти ярдов, когда он вдруг замедлил свой бег и в нерешительности остановился.

Там, впереди и наверху, был еще кто-то, кроме него.

Ворманн направил луч на огромную фигуру человека, преградившего ему путь, и увидел бледное восковое лицо, черный плащ за плечами, длинные прямые волосы и две бездонные пропасти безумия — его глаза. И тогда капитан понял все. Перед ним был настоящий хозяин замка.

Несколько секунд Ворманн стоял, пораженный и зачарованный увиденным, а потом, придя, наконец, в себя, вспомнил, чему его научили четверть века военной службы, и приказным тоном выпалил: «Позвольте пройти!» — при этом осветив фонарем серебряный

крестик, зажатый в правой руке. Он был уверен, что это оружие сейчас подействует достаточно сильно, и, выставив крест перед собой, громогласно потребовал:

— Во имя Господа Бога Иисуса Христа, девы Марии и всех святых — пропустите меня!

Но вместо того, чтобы в страхе отпрянуть, великан двинулся вперед и подошел к Ворманну настолько близко, что теперь тот без труда смог разглядеть его желтоватое бледное лицо. Он улыбался — и от этой кровожадной хищной улыбки ноги у капитана стали ватными, а протянутые вперед руки затряслись.

Его глаза!.. Боже мой, его глаза... Ворманн стоял как прикованный, не в силах пошевелиться. Назад он не мог бежать из-за жуткой картины, которую лишь минуту назад видел собственными глазами, но и вперед идти тоже не мог — путь был отрезан.

Он продолжал освещать стиснутый в руке крест и отчаянно сражался со страхом, подобного которому никогда еще не испытывал.

«Бог мой, если ты есть, не покидай меня! — молил капитан. — Это же крест! Вампиры боятся крестов!..»

Но тут невидимая рука протянулась к нему в темноте и выхватила крест из дрожащей ладони. Потом существо зажало крест между большим и указательным пальцами и, поднеся к самому лицу Ворманна, начало медленно сгибать его, без особого труда сложив пополам. Ворманн в ужасе наблюдал это, не смея отвести глаз. Хозяин замка еще сильнее сжал крест в кулаке, после чего продемонстрировал на раскрытой ладони исковерканный до неузнаваемости кусочек серебра. Он смахнул его на пол и медленно растоптал, как самый обыкновенный окуроч.

Громадная рука потянулась к Ворманну, и тот принял отчаянную попытку проскочить мимо оскалившегося гиганта. Но его движения оказались недостаточно быстрыми...

Глава двадцать седьмая

Магда медленно приходила в себя, чувствуя, что кто-то пытается снять с нее кофту. Почему-то сильно

болела правая рука. Она с трудом открыла глаза, но звезд в небе не увидела — кто-то стоял над ней и тянул ее за рукав.

Где она? И почему так сильно болит голова?

И тут к ней постепенно стала возвращаться память. Гленн... Мост... Стрельба... Пропасть...

Он погиб! Это уже не сон — **ГЛЕНН ПОГИБ!**

Она застонала и села, закрыв лицо руками, и тот, кто пытался раздеть ее, испуганно вскрикнул и бросился бежать к деревне. Когда головокружение немного прошло, Магда потрогала рукой вспухшее место возле правого виска и, едва коснувшись его, застонала опять. Потом почувствовала, как пульсирует от боли безымянный палец правой руки, и поняла, что кто-то из деревенских, вероятно, приняв ее за мертвую, пытался стащить с пальца кольцо — обручальное кольцо ее матери, а когда у него это не вышло, решил поживиться хотя бы одеждой городской девушки. Но неожиданно она пришла в чувство, мародер испугался и убежал.

Магда с трудом поднялась на ноги, и сразу же земля перед ней накренилась и поплыла, а все вокруг стало вращаться, как на карусели. Она подождала еще немного, пока почва перестала ходить под ногами, шум в голове стал более-менее сносным, а тошнота улеглась, и только после этого осторожно пошла вперед. Каждый шаг болью отдавался в голове, но она упорно продолжала идти в сторону замка и вскоре добралась до кустарника. По темному небу, пересеченному длинными узкими облаками, проплывал полумесяц. До начала тех страшных событий его еще не было видно. Сколько же она пролежала без сознания? Надо обязательно найти Гленна!

«Он живой, — твердила себе Магда. — Он не может умереть!» Она была не в силах поверить в это. Хотя как он мог выжить после всего случившегося? Разве можно уцелеть, получив такое количество пуль, а потом еще свалившись в ущелье?..

Магда заплакала. И оттого, что ей было жаль Гленна, и потому, что сама она понесла такую страшную потерю. Да, она презирала себя за этот эгоизм, но ничего поделать с собой не могла. Она вспомнила, как хорошо им было вдвоем, и с отчаянием осознала, что никогда больше у нее не будет таких минут счастья.

В тридцать один год она наконец-то нашла человека, которого смогла по-настоящему полюбить. Они провели вместе всего один день — двадцать четыре незабываемых часа, открывших ей подлинную красоту и смысл жизни — и вот его так жестоко отобрали у нее и убили.

Это несправедливо!..

Магда дошла уже почти до дальнего конца рва, где начинался узкий клин каменной осыпи, и стала вглядываться в поднимающийся со дна ущелья туман. Можно ли ненавидеть сооружение из камня?.. Но она ненавидела замок. Он стал для Магды олицетворением зла. И если бы она обладала достаточной силой, то заставила бы это гранитное чудовище сию же секунду провалиться в ад со всеми, кто в нем находится. Даже — да-да! — вместе с ее отцом!

Но замок медленно плыл по холодному призрачному морю тумана, молчаливый и жестокий, освещенный изнутри и темный снаружи, игнорируя все ее проклятия и несчастья.

Магда решила спуститься в ров, как делала это две ночи назад. Две ночи... Теперь ей казалось, что с тех пор прошла уже целая вечность. Туман поднялся почти до самых краев ущелья, и это делало спуск намного опасней. Было также настоящим безумием пытаться отыскать на дне тело Гленна. Она рисковала своей собственной жизнью. Но сейчас эта жизнь уже не имела для Магды того значения, как всего несколько часов назад. Она должна найти его... Должна дотронуться до его смертельных ран, прижаться к похолодевшей груди и не услышать в ней стук любимого сердца... Она должна убедиться, что никакая помощь уже не сможет вернуть его к жизни. А до тех пор ей не будет покоя.

Магда свесила ноги вниз и начала медленно спускаться с обрыва, подыскивая для опоры надежные уступы каменных глыб. И вдруг услышала, как где-то рядом скатились вниз несколько маленьких камушков. Сначала она решила, что это под тяжестью ее ноги оторвался и упал кусок глины. Но через секунду звук повторился. Девушка замерла и прислушалась. И вскоре сумела различить еще кое-что — чье-то тяжелое дыхание. Кто-то карабкался из пропасти ей навстречу!

Испугавшись, Магда тут же повернула назад и, выбравшись на поверхность, спряталась в кустах недалеко

от ущелья. Затаив дыхание, она наблюдала, как из тумана на краю обрыва появилась рука, сразу же судорожно вцепившаяся в рыхлую землю, за ней вторая, а потом и голова. Эту голову она узнала бы из тысячи.

— Гленн!

Но казалось, что он не слышит ее, из последних сил пытаясь вылезти на ровную землю. Не теряя ни секунды, Магда бросилась ему на помощь. Подхватив Гленна под мышки и ощущая в себе прилив сил, о существовании которых она раньше и не подозревала, очень быстро Магда помогла ему выкарабкаться на траву, где он бессильно распластался ничком и, зарывшись лицом в сырую землю, захрипел, начав задыхаться. Она встала перед ним на колени, не зная, что делать дальше.

— Ох, Гленн, ты... — Мокрые от его крови руки девушки жирно блестели в тусклом свете луны. — Ты сильно ранен! — Это было более чем очевидно, и слова звучали на редкость глупо и неуместно, но ничего другого в голову ей не пришло

«Я думала, что ты умер!» — хотелось крикнуть Магде, но она сдержалась. Если она не произнесет это вслух, то, может быть, этого и не случится, и он еще будет жить?.. Но вся одежда Гленна была насквозь пропитана кровью, и новая кровь струилась из бесчисленных ран на его слабеющем теле. Уже то, что он до сих пор продолжал дышать, было самым настоящим чудом. А что он самостоятельно сумел выбраться со дна рва, казалось просто невероятным. Но вот он здесь, израненный и обескровленный, лежит перед ней на траве. И он жив!.. Но если он продержался так долго и не погиб, то может быть...

— Я позову врача! — сказала Магда и сразу же осеклась, сообразив, что ничего глупее придумать уже нельзя. В этих местах на десятки миль вокруг не было ни одного медика. — Я сбегая за Юльей и Лидией! Мы отнесем тебя в гостиницу.

Гленн что-то пробормотал, но Магда не смогла разобрать слов и поэтому прильнула ухом к самым его губам.

— Иди в мою комнату, — еле слышно прошептал он, и Магда ощутила запах крови из его рта. «Боже мой, у него внутреннее кровотечение!» — с ужасом подумала она.

— Сейчас мы тебя перенесем туда. Я только сбегаю за Юлью.— «Но станет ли он помогать?» — мелькнуло у нее в голове.

Гленн слабеющими пальцами схватил ее за рукав кофты.

— Послушай меня . Достань футляр... Ты его видела вчера... Тот, где клинок.

— Но зачем он тебе? Тебе сейчас нужен врач!

— Ты **ДОЛЖНА** это сделать! Больше меня ничего уже не спасет!

Магда выпрямилась, все еще продолжая колебаться, но потом повернулась и со всех ног бросилась бежать к гостинице. В голове опять больно застучало, но теперь уже она почти не замечала эту дробную боль. Гленн жив, и ему нужен его клинок. «Конечно,— думала Магда,— это совершенно бессмысленно», но все же в его голосе слышалась убежденность... Он просил ее... И просил достать этот клинок как можно быстрее. Значит, она принесет ему то, о чем он просил.

Магда не замедлила бега и у дверей гостиницы и стрелой взлетела на второй этаж, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Она остановилась передохнуть, лишь оказавшись в темном номере Гленна. Решительным шагом девушка направилась к шкафу и вынула из него длинный футляр. Но неожиданно петли скрипнули, и он раскрылся — ведь она забыла застегнуть замки, когда Гленн застал ее здесь вчера днем. Клинок выпал из футляра прямо на зеркало, отчего оно сразу же разлетелось на миллионы осколков. Магда нагнулась, уложила лезвие меча на место, проверила все застежки и после этого встала, удивившись тяжести ноши. Она собралась уже в обратный путь, но вдруг спохватилась и сняла с кровати Гленна одеяло. Потом зашла к себе в комнату за вторым одеялом.

Юлью и Лидия, встревоженные ее шумными действиями, проснулись и, стоя у основания лестницы, с удивлением и интересом наблюдали за ней.

— Не вздумайте меня останавливать! — крикнула Магда, пробегая мимо них. Ее голос прозвучал неожиданно грозно, и супруги расступились, пропустив ее на улицу без единого возражения.

Спотыкаясь и сгибаясь под тяжестью футляра и двух одеял, постоянно цепляясь за колючие ветви густого кустарника, Магда спешила к любимому, молясь

про себя, чтобы он был еще жив. Гленн лежал уже на спине, но голос его стал еще тише.

— Клинок...— одними губами прошептал он, когда она склонилась над его обессиленным телом.— Вынь из футляра.

На какое-то мгновение Магде вдруг показалось, что сейчас он попросит ее нанести ему из милосердия смертельный удар. Конечно, для Гленна она могла бы сделать все, что угодно, но только не это. Хотя вряд ли человек, сильно раненный, стал бы карабкаться наверх из глубокого ущелья только для того, чтобы потом просить кого-то о смерти. Магда открыла футляр. Внутри оказались два случайно попавших туда осколка зеркала. Она отшвырнула их в сторону и обеими руками медленно приподняла холодный темный клинок, сразу почувствовав, как выгравированные на нем руны приятно прижимаются к ладоням.

Она протянула клинок Гленну и тут же чуть не выронила его, увидев, как от прикосновения к его пальцам по всему лезвию пробежало голубое пламя, похожее на огонь газовой сварки. Магда опустила клинок, и по лицу Гленна прошла волна облегчения. Он успокоился, будто боль сразу же отпустила его израненное тело... Теперь у него был вид усталого странника, который вернулся наконец в родной теплый дом после долгого пути по заснеженной морозной равнине.

Гленн положил клинок вдоль своего испещренного кровавыми отверстиями тела, при этом острый конец располагался у его лодыжек, а штырь, на который должна была надеваться рукоятка, почти достигал подбородка. Скрестив руки поверх клинка на груди, он со вздохом закрыл глаза.

— Тебе не следует оставаться здесь,— еле слышно произнес он.— Приходи немного попозже.

— Нет, я не брошу тебя одного.

Гленн ничего не ответил. Его дыхание стало не таким глубоким, но более ровным. Казалось, что он заснул. Магда внимательно разглядывала его. Призрачный голубой свет от клинка начал расходиться по всему телу. Тогда Магда накрыла его своим одеялом, чтобы ему было теплее, а также для того, чтобы злое влияние замка не смогло коснуться его. Потом она отошла на несколько шагов, накинула второе одеяло себе на плечи и, прислонившись спиной к большому валуну,

приготовилась ждать. Миллионы вопросов, которые до сих пор лишь подсознательно волновали ее, теперь выплескивались наружу, не давая Магде покоя.

Кто же он, на самом деле, такой?.. Кем он может быть, если его не убили пули, которых хватило бы, чтобы расстрелять целый взвод солдат? И после этого он еще взбирается израненный по почти отвесному склону, когда это не под силу даже бывалым спортсменам, находящимся в гораздо лучшей форме и добром здравии!.. Зачем ему прятать в шкафу зеркало, да еще вместе со старинным мечом, у которого нет рукоятки?.. Кто он — который держит сейчас на своей груди этот странный меч и лежит перед ней на земле на грани жизни и смерти? Как могла она доверить ему свою жизнь и любовь, не зная о нем решительно ничего?..

Потом ей вспомнились злобные выкрики отца: «Он принадлежит к тайной группировке, которая управляет нацистами!.. Использует их в своих мерзких корыстных целях!.. Он даже хуже, чем обычный фашист!..»

Неужели отец прав? Неужели она была так ослеплена своей безрассудной страстью, что даже не замечала этого? Гленн, разумеется, не простой смертный. И у него есть свои тайны — он рассказал ей далеко не все. Но возможно ли, чтобы он оказался врагом, а Мола-сар — настоящим союзником?

Магда поежилась и плотнее укуталась одеялом. Ей ничего не оставалось, как только ждать.

Потом веки ее отяжелели — после всех волнений этого дня ровное дыхание Гленна постепенно начало убаюкивать ее. Сперва она пыталась бороться с наступающей дремотой, но потом перестала. «Я только посплю минуточку... — думала она сквозь неумолимо разливающийся сон. — Отдохну немного, и все...»

Клаус Ворманн знал, что он мертв. И в то же время... мертв не совсем.

Он отчетливо помнил, как умирал в темноте нижнего подвала, задушенный с жестокой медлительностью при слабом свете своего собственного фонаря, который

он выронил из слабеющих рук. Ледяные пальцы с невероятной силой сомкнулись на его горле, перекрыв доступ воздуха, и вскоре кровь оглушительно застучала у капитана в ушах, и над ним сомкнулась холодная темнота.

Но это была не тьма вечного забвения, а нечто другое...

Сперва он никак не мог привыкнуть к тем, что продолжает осознавать все происходящее вокруг него. Он лежал на спине, глаза были открыты и неподвижно смотрели в темноту. Но он не мог определить, сколько времени пролежал таким образом. Время потеряло для него всякий смысл. Если не считать способности созерцать происходящее, в остальном он был как бы отделен от своего тела, будто теперь оно принадлежало кому-то другому. Ворманн ничего не чувствовал — ни каменистую почву под спиной, ни холодный воздух, обдувающий его лицо. И ничего не слышал. Он не дышал. И не мог пошевелиться — даже двинуть мизинцем. Когда по его лицу пробежала крыса и волосатым брюшком проползла прямо по глазам, он не смог даже моргнуть.

Он был мертв. Но мертв как-то... не до конца.

Навсегда исчезли боль и страх, и теперь у капитана оставалось лишь одно чувство — глубочайшее сожаление. Ведь он пришел сюда, чтобы вернуть себе доброе имя и утраченную офицерскую честь, а нашел здесь только нечеловеческий ужас и смерть. Свою собственную смерть.

Неожиданно Ворманн осознал, что его куда-то перемещают. Хотя он по-прежнему ничего не чувствовал физически, ему удалось понять, что его грубо волокут по полу, ухватив за воротник кителя. Сначала через какие-то темные помещения, потом — на свет.

Ворманн видел все с точки зрения своего обмякшего тела. Когда его тащили по коридору, он бесстрастно обозревал гранитные стены и очень скоро понял, что приблизился к тому самому месту, где на стене когда-то были написаны кровью таинственные слова на непонятном ему древнем языке. Стену с тех пор вымыли, но коричневатые разводы так и остались на камне.

На этом месте его движение прекратилось. Прямо над собой капитан увидел широкий пролом в потолке — это была та самая часть замка, где солдаты произ-

водили разборку стен и перекрытий в поисках тайников и секретных проходов. Кроме этого отверстия он не замечал пока ничего — вокруг была глубокая темнота. Потом Ворманн увидел, как в воздух змеей взвилась веревка и обхватила одну из балок в разобранным перекрытии. Другой конец веревки, на котором была сделана петля, начал коварно приближаться к его лицу, и вот капитана опять потащили — на этот раз вверх.

Очень скоро его ноги оторвались от пола, а безжизненное тело начало беспомощно раскачиваться из стороны в сторону, развеваемое легким потоком воздуха. Громадный силуэт появился в дверях, а затем исчез окончательно, оставив капитана болтаться в петле в полном одиночестве.

Ему хотелось кричать и молить Бога о помиловании. Потому что теперь он наконец понял, что мрачный и суровый хозяин замка вел беспощадную войну не только против жизни людей, без спроса вторгшихся в его владения, но и против их разума и самих душ.

С горечью и отчаянием осознал капитан, в какой роли использовал его этот страшный боярин: вместо доброго имени он уготовил ему позорную славу самоубийцы. Ведь теперь его солдаты будут полностью уверены в том, что их командир повесился добровольно! И это окончательно деморализует всех тех, кто еще сохранял в себе остатки бодрости духа. Кадровый офицер, человек, который столько раз вел их за собой под огнем и в которого они свято верили, — повесился. Это крайняя степень трусости; это хуже, чем дезертирство!

Нет, этого нельзя допустить. Но он никак не мог изменить ход событий — он же мертв!..

Может быть, таким образом он наказан за то, что слишком долго закрывал глаза на всю чудовищность этой войны? Но если так, то эта расплата чересчур уж несправедлива и жестока! Висеть здесь и видеть, как один за другим начнут подходить его солдаты и эсэсовцы, чтобы поглазеть на труп покончившего с собой капитана, — какой позор и бесчестье! Ведь здесь обязательно будет стоять и его злейший враг майор Кэмпфер — стоять и злорадно ухмыляться!

Может быть, именно для этого его и оставили так болтаться на грани жизни и полного забвения, чтобы он стал свидетелем своего собственного унижения?

Если бы он только мог хоть что-нибудь предпринять! Хотя бы самую малость, лишь бы вернуть себе коварно отнятую честь солдата и элементарное мужское достоинство — и больше в этой жизни он ничего не попросит! Только чтобы никто не усомнился в его мужестве и увидел хоть какой-то смысл в его смерти.

Ну хоть что-нибудь!

Но он продолжал лишь висеть, раскачиваясь от дуновения ветерка и, мертвый, ждал, когда его обнаружат.

Как только скрежет камня о камень заполнил комнату, Куза поднял глаза. Медленно поворачивался гранитный люк потайного хода из основания башни. Когда все стихло, из темноты открывшейся ниши раздался голос Моласара:

— Все готово!

Ну, наконец-то! Ожиданию, казалось, не будет предела. Оно становилось уже просто невыносимым. Час проходил за часом, и Кузе даже стало казаться, что Моласар вообще уже не появится. Профессор и раньше-то не отличался большим терпением, а сегодня каждая минута ожидания превращалась для него в мучительную бесконечность. Он пытался как-то отвлечься и начал было думать о Магде, о том, как она теперь себя чувствует, ведь удар, нанесенный ей по голове немцем, был достаточно сильным... Но у профессора ничего не вышло. Мысль об уничтожении Гитлера сметала все остальные раздумья и не давала сосредоточиться ни на чем другом. Куза уже много раз исходил вдоль и поперек обе комнаты. Его просто бесило, что теперь он, полный сил и энергии, способный, наконец, стать полезным всему человечеству, вынужден так бесцельно мерить шагами комнаты в ожидании, когда появится Моласар и скажет ему, что именно он должен сделать.

Но вот Моласар появился. Куза сразу же юркнул в открывшийся лаз, навсегда оставляя в комнате не нужное ему больше инвалидное кресло, и почувствовал, что

Моласар вкладывает ему в ладонь какой-то прохладный металлический цилиндр.

— Что это? — спросил профессор и увидел в своей руке фонарик.

— Тебе это пригодится.

Куза тут же включил фонарь. Такими пользовались немецкие офицеры. Стекло немного треснуло. Он задумался, кому бы мог принадлежать этот светильник, но Моласар прервал его размышления:

— Следуй за мной.

Уверенными размашистыми шагами боярин направился к винтовой лестнице. Казалось, ему не нужен был никакой свет — он прекрасно ориентировался в этой кромешной тьме, чего нельзя было сказать о профессоре, и поэтому тот старался не отставать от Моласара, тщательно освещая фонарем ступени. Но ему очень хотелось хоть на минуту остановиться и как следует оглядеться по сторонам. Куза давно уже мечтал исследовать это таинственное основание башни, ведь все, что он знал о нем, исходило только от Магды, которая много раз уже успела здесь побывать. Однако сейчас, видимо, было не до науки. «Когда все это закончится, — обещал себе старик, — я обязательно вернусь сюда еще раз и внимательно все рассмотрю».

Через некоторое время они подошли к узкому пролому в стене. Вслед за Моласаром Куза прошел через это отверстие, и они оказались в нижнем подвале. Боярин ускорил шаг, и старику пришлось почти бежать за ним, чтобы не отстать окончательно. Но он не жаловался на такой темп, потому что был счастлив уже оттого, что просто может теперь ходить без посторонней помощи, может подставлять руки холоду подвала, не опасаясь, что его подведет кровообращение и больные суставы несколько часов подряд не будут давать покоя. Да он сейчас просто великолепно себя чувствовал и радовался этому, как мог.

Чуть правее они увидели слабый свет, проникающий сюда из коридора через пролом в полу верхнего подвала. Куза направил луч фонаря влево. Трупы солдат исчезли. Вероятно, немцы уже отправили их на родину. Странно только, что саваны они оставили здесь, небрежно свалив их в кучу.

К звуку торопливых шагов профессора начал примешиваться другой, — будто рядом кто-то царапал ног-

тями землю. Следуя за Моласаром из большого центрального зала подземелья по более узким проходам, напоминающим городские туннели, Куза стал замечать, что этот звук постепенно усиливается. Он молча семенил за своим провожатым. После многочисленных поворотов хозяин замка круто свернул налево и сразу же остановился, жестом приглашая профессора подойти ближе. Скребуший звук достигал здесь наибольшей громкости и эхом разносился во все стороны по бесконечному лабиринту подземных галерей.

— Приготовься,— с бесстрастным выражением на лице произнес Моласар.— Я тут некоторым образом использовал останки мертвых солдат, так что то, что ты увидишь сейчас, может даже показаться тебе каким-нибудь оскорблением или кощунством. Но благодаря этому я теперь смогу вручить тебе свой талисман. Конечно, можно было найти и другие способы, но этот показался мне наиболее удобным... и приятным.

Куза сомневался, что Моласар и в самом деле сумел распорядиться с нацистами так, что это способно будет оскорбить его, но возражать не стал.

Они прошли в большую полукруглую комнату с грязным полом и ледяным потолком, стены которой образовывали естественные шершавые глыбы горных пород. Кто-то изрядно потрудился здесь, выкопав в центре пола довольно глубокую яму. И все же царапающий звук не прекращался. «Кто же его производит?» — недоумевал Куза. Он осмотрелся, обведя вокруг себя фонарем, но увидел лишь блестящие кремнием стены и заиндеветший потолок помещения. В остальных местах слабый луч сразу же поглощала непроглядная темнота.

Но вот возле своих ног он почувствовал какое-то движение, а потом заметил, что и по всему периметру ямы что-то тоже слабо шевелится. Приглядевшись, профессор испуганно вскрикнул. Крысы! Сотни крыс расселись вокруг ямы, теснясь и расталкивая друг друга в каком-то неестественном возбуждении. Они будто ждали чего-то...

И вот на одной из стенок этого странного колодца, в котором, очевидно, производились какие-то раскопки, Куза заметил предмет, намного превосходящий размерами крысу. Он шагнул вперед и направил в яму луч фонаря. И тут же чуть не выронил фонарь из затряс-

шихся рук. Ему показалось, что он смотрит прямо в один из кругов Ада. Почувствовав внезапную слабость, профессор отпрянул назад и прислонился плечом к холодной блестящей стене, боясь потерять сознание. Он закрыл глаза и задышал, как загнанный пес в жаркий августовский день, одновременно пытаясь успокоиться, преодолеть нарастающую тошноту и свыкнуться с тем, что все, увиденное в этой яме, вполне реально и не является плодом его больного воображения.

А увидел профессор десять мертвых солдат, некоторые из которых были в серых формах, другие в черных, и все они непрерывно двигались. причем один был даже без головы!

Очень медленно Куза снова раскрыл глаза. В адском полумраке, царящем в этой страшной комнате, профессор увидел, как один из трупов будто клешней зачерпнул своей распухшей ладонью горсть земли и вышвырнул ее из ямы наружу, а потом сразу же спустился на самое дно за следующей порцией.

С великим трудом Куза заставил себя отойти от стены и приблизиться к краю ямы, чтобы еще раз взглянуть на происходящее.

Казалось, этим работникам не нужны были глаза, так как они не смотрели на то, что делают, и куда кидают землю, врываясь в нее голыми руками. Их мертвые суставы действовали медленно и неуклюже, будто сопротивляясь той силе, которая принуждала их трудиться. И тем не менее они работали без усталости и толкотни, в полной тишине и порядке, организованно и удивительно быстро, несмотря на видимую затрудненность их неловких движений. Шарканье сапог, звуки скребущих по холодной земле ногтей — все это эхом разносилось по подвалу, а тем временем яма становилась все шире и глубже. Сопровождающие работу звуки казались особенно жуткими и нелепыми в этой пустой комнате со скользкими стенами и ледяным потолком, который только усиливал их.

Неожиданно шум прекратился, будто его и вовсе никогда не было. Все мертвецы, как по команде, замерли. Никто из них больше не шевелился.

За спиной Куза услышал голос Моласара:

— Мой талисман зарыт здесь на самом дне. До него осталось всего несколько дюймов. Ты должен будешь извлечь его из земли.

— А они разве не могут этого сделать? — боязливо спросил профессор. При одной мысли о том, что ему придется спуститься в яму с десятью трупами, его отчаянно затошнило.

— Они слишком неуклюжи.

Куза умоляюще посмотрел на Моласара и, заикаясь, спросил:

— А в-вы сами н-не могли бы его отрыть? А я потом отнесу его в любое место, куда вы прикажете.

Глаза Моласара гневно сверкнули.

— Это часть твоей задачи! И довольно простая! У нас столько поставлено на карту, а ты гнушаешься испачкать себе руки?

— Нет-нет! Дело не в этом, а просто...— Он снова обвел глазами застывшие трупы.

Моласар проследил за его взглядом. Он не издал ни звука, не сделал ни единого жеста, но все мертвецы, как по команде, повернулись в затылок друг другу и, начав двигаться за направляющим, один за другим вылезли из ямы. Выбравшись оттуда, они смирно встали по периметру комнаты. Крысы тут же засуетились вокруг их неподвижных ног. Моласар вновь поглядел на Кузу.

Не ожидая, пока его попросят дважды, профессор начал осторожно спускаться вниз и очень скоро очутился на самом дне глубокого котлована. Положив рядом зажженный фонарь, он стал усердно отгрести в сторону рыхлую землю в указанной Моласаром самой нижней точке ямы. Ни холод, ни грязь теперь не доставляли его пальцам никаких неудобств. Сначала ему было неприятно касаться той же земли, которую только что рыли покойники, но постепенно он пришел к мысли о том, что ему даже нравится вновь осознавать себя полноценным человеком, способным выполнять пусть даже такую простую и лакейскую работу. И все это только благодаря Моласару! Ему было бесконечно приятно, не испытывая боли, погружать пальцы в мягкую податливую почву и пригоршнями выгребать ее. Он прибодрился и через несколько минут уже работал быстро, даже с некоторым вдохновением.

Но вот его руки наткнулись на что-то более твердое, чем холодная сырая земля. Он потянул за край этого предмета и вытащил из грунта прямоугольный

сверток около фута в длину и ширину и в несколько дюймов толщиной. Сверток оказался чрезвычайно тяжелым. Он содрал внешний слой полусгнившей материи и обнаружил под ним вторую обертку — на этот раз из добротной мешковины.

Внутри лежало что-то блестящее и довольно увесистое. У Кузы перехватило дыхание — с первого же взгляда ему показалось, что это крест. Но это оказалось не совсем так: предмет, лишь отдаленно напоминающий крест своими очертаниями, в точности повторял те эмблемы, которыми были увешаны все стены замка. И тем не менее, ни одна из них не могла сравниться вот с этим. Это был оригинал, образец, с которого впоследствии скопировали все остальные «кресты». Верхняя часть вертикальной планки толщиной около дюйма была слегка закругленной, почти приближаясь к цилиндрической форме, и имела на торце небольшую прорезь. А сделана эта планка была из цельного куска золота. Поперечную же перекладину, похоже, выковали из чистого серебра. Некоторое время профессор рассматривал этот необычный предмет, осветив его фонарем, но не смог обнаружить на нем ни каких-либо надписей, ни других древних символов.

Талисман Моласара — ключ к его силе и могуществу. Куза смотрел на него с благоговейным трепетом. Да, эта вещь, несомненно, обладала магической силой, и профессор даже чувствовал, как с поверхности металла в его руки вливается свежая энергия. Наконец, он приподнял свою находку над головой, желая продемонстрировать ее Моласару, и вдруг ему показалось, что талисман вспыхнул голубоватым огнем, на мгновение осветив все вокруг. Хотя, может быть, это было просто отражение фонаря от влажной стены или чего-то еще.

— Я нашел его! — радостно крикнул Куза.

Но Моласара нигде поблизости не было. Зато профессор заметил, что трупы начали отступать, когда он поднял крестообразный предмет над собой.

— Моласар! Вы меня слышите?

— Да.— Голос звучал откуда-то издалека, будто из глубины туннеля.— Теперь вся моя сила полностью в твоих руках. Тщательно оберегай этот талисман! Смотри, чтобы он не попал в чужие руки, и спрячь его в надежное место!

Куза в возбуждении прижал тяжелую ношу к своей груди.

— Когда я должен спрятать его? И как мне выйти из замка?

— Это произойдет меньше чем через час. За это время я управлюсь со всеми захватчиками. Теперь они сполна заплатят за то, что нарушили мой покой и пришли сюда без приглашения.

В дверь сильно стучали и громко звали майора. Голос был, кажется, сержанта Остера, но звучал он как-то истерично. Однако Кэмпфер никому уже так просто не доверял. Поднявшись с постели, он первым делом схватился за свой «парабеллум».

— Кто там? — с раздражением спросил он. За сегодняшнюю ночь его беспокоили уже второй раз! Первый раз — из-за нелепой вылазки на мост с этим несчастным евреем, и вот теперь снова. Майор посмотрел на часы: почти четыре утра, скоро уже светать начнет! Кому он мог понадобиться в такое время? Может быть, опять кто-то умер?

— Это сержант Остер, господин майор.

— Ну, и что у тебя на этот раз? — грозно спросил Кэмпфер, приоткрыв дверь.

Одного взгляда на побледневшее лицо Остера было достаточно, чтобы майор понял: случилось что-то из ряда вон выходящее. Скорее всего, опять смерть, но теперь уж какая-нибудь совсем необычная.

— Капитан, господин майор. Капитан Вормани!..

— Его убили? Ворманна? Офицера?!

— Он сам покончил с собой, господин майор.

Кэмпфер туло уставился на сержанта и несколько секунд молчал, очень медленно приходя в себя и с трудом осознавая услышанное.

— Жди здесь. — Кэмпфер закрыл дверь, наскоро надел брюки, сапоги, накинул поверх рубашки форменный китель, даже не удосужившись застегнуть его, а потом вышел к сержанту. — Где труп?

Следуя за Остером по направлению к разобранным части замка, майор все лучше понимал, что самоубийство Ворманна беспокоит его куда сильнее, чем если бы ему просто сообщили, что капитан убит точно так же, как и все остальные. Это совсем не было похоже на Ворманна. Да, люди с годами меняются, но Кэмпфер не мог представить себе этого бесстрашного бойца, который в шестнадцать лет в одиночку обратил в бегство целую роту англичан, так внезапно кончающим жизнь самоубийством, несмотря ни на какие обстоятельства, о которых майор мог и не знать.

И тем не менее, Ворманн мертв. Единственный человек, который с полной ответственностью мог указать на него пальцем и обвинить в трусости, теперь сам замолчал навеки. Конечно, Кэмпферу это только на руку — теперь ему будет намного легче. Слишком уж много оскорблений ему пришлось снести от капитана с тех пор, как он приехал сюда на помощь. И потому именно такая смерть Ворманна доставляла майору особое удовлетворение. В очередном рапорте ему ничего уже не придется скрывать: он с радостью доложит о том, что капитан Клаус Ворманн малодушно покончил с собой. Бесславная, унижительная, позорная смерть. Хуже дезертирства. Кэмпфер многое отдал бы, чтобы посмотреть на лица жены капитана и двух его сыновей, которыми он так гордился, когда они узнают об этом. Ведь сыновья, в свою очередь, тоже восхищались отцом, считая его героем и идеалом, достойным всяческого уважения и подражания. Вот так новость они скоро получат!

Но вместо того, чтобы провести майора через двор в комнату Ворманна, сержант круто свернул направо, и они пошли по нескончаемым коридорам туда, где в первую ночь своего пребывания на заставе Кэмпфер заточил местных жителей. Последние несколько дней здесь усердно трудились солдаты, разбирая стены и перекрывая потолков. Еще один поворот — и перед ними предстал мертвый Ворманн.

Он висел с затянутой на шее петлей, слегка покачиваясь, будто от легкого ветерка. Это казалось особенно странным, поскольку никакого сквозняка здесь не было. Вокруг стояла полная тишина. Веревка была перекинута через обнажившуюся потолочную балку и привязана к ней крепким узлом. Майор не заметил побли-

зости никакой подходящей подставки и удивился, как же Ворманну удалось повеситься. Вероятно, он залез на груды камней, а потом спрыгнул.

И тут он обратил внимание на глаза капитана. Они почти вылезли из орбит, и вдруг Кэмпферу показалось, что зрачки чуть-чуть шевельнулись, когда он приблизился к труп. Лишь усилием воли майор заставил себя поверить в то, что это была просто игра света и тени, обычный обман зрения, ведь коридор здесь освещался довольно скудно.

Он остановился рядом с безвольно повисшим телом своего бывшего однополчанина. Пряжка ремня Ворманна была всего в нескольких дюймах от лица майора. Он посмотрел вверх, на его налитое кровью лицо, опухшее и побагровевшее, словно готовое вот-вот лопнуть.

И снова Кэмпфера поразили эти выпученные мертвые глаза. Они будто бы наблюдали за ним с того света. Он отвернулся и увидел на стене тень, которую отбрасывало тело Ворманна, сразу же узнав в ней знакомый контур — именно такие очертания были у повешенного, изображенного капитаном на его незаконченной картине.

Кэмпфера передернуло.

Что это — предчувствие судьбы? Неужели Ворманн мог предвидеть свою собственную смерть? Или, может быть, мысль о самоубийстве уже давно не давала ему покоя?

И тут ликование штурмбанфюрера начало стремительно угасать. Только теперь он до конца осознал, что остался единственным офицером на заставе. И, значит, вся ответственность за происходящее ложится отныне исключительно на него. Кроме того, вполне возможно, что именно он намечен следующей жертвой невидимого убийцы. Что же ему теперь делать?..

Внезапно со двора послышались выстрелы.

Вздрогнув от неожиданности, Кэмпфер резко обернулся и увидел, как встревоженно посмотрел сержант в глубь коридора, а потом снова на него. Но недоумение на лице Остера превратилось в гримасу ужаса, когда он поднял глаза на какой-то предмет, находящийся над головой майора. Кэмпфер хотел уже оглянуться и лично посмотреть, что так сильно перепугало сержанта, как в ту же секунду ледяные пальцы крепко схватили его за горло и стали беспощадно душить.

Майор попытался вырваться, начав отчаянно брыкаться ногами в надежде ударить и оттолкнуть того, кто мог стоять сейчас за его спиной, но все его выпады не достигали цели — ноги били только по воздуху. Тогда он широко раскрыл рот, чтобы закричать о помощи, но из горла вырвался лишь едва слышный хрип. Вцепившись в эти резиновые пальцы, по каплям выдавливающие из него жизнь, Кэмпфер начал раздирать их ногтями, но все было бесполезно. Однако он сумел все же повернуться, чтобы посмотреть, кто так дерзко нападает на него столь неожиданным образом. В каком-то дальнем уголке его помрачившегося сознания уже мелькала страшная догадка, и теперь ему оставалось лишь воочию убедиться в этом. Майор изо всех сил повернул шею и увидел серый форменный рукав убийцы, после чего стал медленно поднимать свои полные ужаса глаза вверх по этому рукаву: его душил Ворманн!

Но он же умер!...

В жутком отчаянии Кэмпфер извивался и царапался, пытаясь избавиться от рук удавленника, стиснувших его горло. Но ничего не помогало. Мертвый капитан начал медленно тащить его вверх, и вскоре Кэмпфер уже стоял на цыпочках, едва удерживаясь на земле. Наконец ноги его оторвались от пола. Он иступленно размахивал руками, беззвучно призывая на помощь Остера, но тот стоял, как соляной столп, не в силах пошевелиться. Лицо его превратилось в окаменевшую маску ужаса, а сам он будто влип в гранитную стену и, не сводя глаз с невероятной картины, начал бочком медленно отодвигаться в сторону, прочь от этого страшного места. Казалось, он даже не видит майора, — остановившийся взгляд сержанта был прикован к Ворманну, его недавнему непосредственному начальнику. Мертвому... и одновременно совершающему на его глазах убийство старшего офицера СС.

Какие-то обрывочные воспоминания и смутные образы стали проноситься в мозгу Кэмпфера, звуки и яркие цветные пятна слились в невероятный коктейль, все в голове путалось и постепенно становилось бессмысленным с каждым следующим ударом его затихающего сердца.

Со двора продолжала нестись беспорядочная стрельба вперемешку с криками боли и ужаса. Остер, как во сне, медленно брел по коридору, не замечая в несколь-

ких шагах перед собой двух марширующих навстречу мертвецов, одним из которых был рядовой СС Флик, погибший в самую первую ночь своего пребывания на заставе. Слишком поздно увидел их Остер и не успел уже сообразить, в какую сторону ему надо бежать... А во дворе разразился уже настоящий ураган огня... и, ничего не понимая, Остер разрядил в мертвецов свой «шмайсер», разорвав длинной очередью тишину коридора. Поначалу пули отбросили ходячих покойников немного назад, повредив в нескольких местах их измазанную землей форму, но в целом их движения почти не замедлили.

Подойдя к Остеру, трупы растянули его за обе руки и, не обращая внимания на пронзительные вопли сержанта, с размаху стукнули головой о каменную стену. Крик оборвался, раздался глухой удар, и голова Остера разлетелась вдребезги...

Перед глазами майора все поплыло. Звуки смешались, теряя остаток смысла. В мозгу всплыла и тут же потухла последняя отчаянная мольба: «Господи! Прощу тебя, не дай мне умереть! Я сделаю все, что ты попросишь. Только оставь мне жизнь...»

Раздался треск, и капитан с майором упали на пол: веревка не выдержала веса двух тел. Но пальцы Ворманна не разжались и продолжали давить с прежней силой. Сознание стало путаться. В гаснущем свете жизни майор успел разглядеть мертвого сержанта Остера с разможенной головой, который поднялся и, слегка пошатываясь, двинулся во двор вслед за своими убийцами. А уже в самом конце агонии Кэмпфер еще раз увидел искаженные черты мертвого лица Ворманна.

Капитан улыбался.

Во дворе царил полный хаос.

Ожившие трупы бродили повсюду, убивая солдат прямо в постелях и на постах. Пули не причиняли им никакого вреда — они и так уже были мертвы. Их насмерть перепуганные товарищи, еще оставшиеся в живых, то и дело натывались на все новых покойников, и

казалось, этому не будет конца. Но что самое страшное — когда совершалось очередное убийство, свежий труп почти сразу же вскакивал на ноги и присоединялся к армии нападающих.

Двое отчаявшихся солдат в черных формах сняли засов с главных ворот и хотели открыть их, но им не суждено было покинуть заставу — два мертвеца с ножами тут же напали на них сзади. А уже через несколько секунд только что убитые снова твердо стояли на ногах и вместе с другими трупами через открытые ворота строго следили за тем, чтобы на волю не проскочил ни один живой человек.

Неожиданно во всем замке погас свет — кто-то дал очередь по генераторам.

Один эсэсовский капрал забрался в офицерский «опель и даже успел завести его, надеясь в машине протаранить себе путь на свободу, но он слишком быстро включил сцепление, и мотор, не успевший еще прогреться как следует, тут же заглох. А прежде чем он попробовал еще раз включить стартер, несколько мертвецов уже вытащили его из машины и совокупными усилиями отгрызли голову.

Последний эсэсовец был задушен собственной шинелью, пока лежал на койке, содрогаясь от ужаса. Убил его безголовый солдат, который когда-то был рядовым Лютцем.

Очень скоро стрельба начала понемногу стихать. Сплошной шквал огня распался на отдельные очереди, а потом и вовсе стали слышны лишь редкие одиночные выстрелы. Крики перешли в тоскливое завывание еще оставшихся в живых и запершихся в казармах солдат. Но вскоре смолкли и эти звуки. Наступила полная тишина. И в этой тишине по всему двору стояли неподвижные кадавры, будто ожидая от кого-то дальнейших приказов.

Неожиданно и почти беззвучно все они, за исключением двух, одновременно упали на землю и замерли в самых нелепых позах. Оставшаяся пара, неуклюже загребая ногами, направилась прямым ходом к подвалу, оставляя в самом центре двора лишь одинокую темную фигуру — бесспорного хозяина замка, вернувшего себе свой дом.

В открытые ворота клубами заструился туман, поднимаясь все выше по влажным стенам и затягивая гу-

стой пеленой неподвижные трупы солдат во дворе. Моласар повернулся и величественно зашагал в подземелье вслед за скрывшейся там последней парой живых мертвецов.

Глава двадцать восьмая

Магда проснулась от выстрелов в замке и вздрогнула. Сначала она испугалась, решив, что немцы раскрыли планы отца и теперь казнят его за соучастие в убийствах. Но эта страшная мысль тут же исчезла. Доносящаяся из крепости стрельба не была стройным залпом по команде офицера. Это были звуки стремительного и ожесточенного боя.

Однако сражение оказалось на редкость коротким.

Съежившись под одеялом на сырой земле, Магда заметила, как потускнели звезды на светлеющем небе. Последние одиночные выстрелы очень скоро растаяли в прохладном предрассветном воздухе. Кто-то или что-то одержало в замке победу, и Магда могла поклясться, что победителем вышел именно Моласар.

Она поднялась и подошла к Гленну. Дыхание его было частым, на лице выступили мелкие капли пота. Девушка сняла одеяло, чтобы проверить раны, и тихо вскрикнула: все тело Гленна было окутано нежным голубым сиянием, исходящим от клинка, который он по-прежнему крепко прижимал к груди. Магда осторожно коснулась его рукой. Пламя было совсем не горячим, но на пальцах оставалось приятное ощущение тепла. Вдруг под разорванной рубашкой Гленна она почувствовала какой-то маленький тяжелый предмет, напоминающий по форме наперсток, и тихонько вынула его.

В тусклом утреннем свете ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что же именно за предмет катался сейчас по ее ладони. Это был маленький кусочек свинца — пуля.

Магда снова провела руками по телу Гленна и обнаружила еще много таких же свинцовых кусочков. А ран теперь было уже значительно меньше. Большинство из них успели зарости, и на их месте остались лишь крошечные шрамы, там где раньше зияли рваные кровавые дыры от пуль. Насупав на животе Гленна небольшую твердую опухоль, Магда приподняла над ней

рубашку и увидела растущую на глазах выпуклость, вокруг которой исходящее от клинка сияние было особенно ярким. Через несколько секунд выпуклость прорвалась, и из образовавшейся ранки медленно выпала еще одна пуля. Зрелище было настолько же необычным, насколько и прекрасным. Клинок своим голубоватым пламенем вытягивал из Гленна смертоносный металл и тут же залечивал раны! Магда с благоговением продолжала наблюдать за этим.

Наконец сияние стало гаснуть.

— Магда...

Услышав его голос, она тут же вскочила на ноги. Сейчас он звучал более уверенно, чем когда она укрывала своего возлюбленного одеялом. Но Магда снова укутала его, подоткнув одеяло со всех сторон. Глаза Гленна были открыты — он смотрел в сторону замка.

— Отдохни еще немного,— прошептала она.

— Что там происходит?

— Там была стрельба — и довольно сильная.

Гленн застонал и сделал попытку подняться. Но Магда легко уложила его назад. Он был еще слишком слаб.

— Мне надо идти в замок... чтобы остановить Расалому.

— А кто такой Расалом?

— Тот, кого ты и твой отец называете Моласаром. Он просто переставил буквы в своем имени... А настоящее его имя — Расалом. И я должен остановить его!

Он снова попытался встать, но Магда опять воспрепятствовала этому.

— Уже почти рассвело. А вампиры не выходят никуда после восхода, поэтому...

— Да он боится света не больше, чем мы с тобой!

— Но ведь вампиры...

— Никакой он не вампир, Магда! И никогда им не был! А если бы был,— в голосе Гленна зазвучали нотки отчаяния,— мне бы даже в голову не пришло его останавливать.

Магда почувствовала, как холодная лапа ужаса поползла по ее спине.

— Как не вампир?

— Он лишь источник легенды о вампирах, их далекий прообраз. Но то, чем он питается на самом деле,

не так просто и очевидно, как человеческая кровь. Легенды рассказывают об этом только потому, что так легче понять это зло, ведь кровь можно и увидеть, и потрогать. А то, чем питается Расалом, невидимо и неосознано.

— Так ты именно об этом хотел рассказать мне перед тем как... пришли солдаты? — Ей не хотелось вспоминать весь этот кошмар.

— Да. Он гнет силы из человеческой боли, жестокости и несчастья. Он, конечно, может кормиться и агонией тех, кого убивает сам, но ему гораздо приятней наблюдать, как один человек совершает насилие над другим.

— Но это же смешно! Как можно питаться такими вещами? Они ведь... такие нематериальные!

— Но и солнечный свет тоже «нематериальный», а цветок растет в его лучах. Поверь мне — Расалом действительно питается тем, что невидимо и неосознано. Он питается злом.

— То есть, он похож на змея-искусителя?

— Ты имеешь в виду дьявола? Сатану? — Гленн чуть заметно улыбнулся. — Оставь на время все известные тебе религии. Здесь не в них дело. Расалом появился гораздо раньше.

— Я не могу поверить...

— Он живет еще с доисторических времен. Он говорит, что ему пятьсот лет и что он вампир, потому что это подходит и к истории замка, и к легендам этой страны. А еще потому, что такие рассказы сразу же вызывают страх — и он наслаждается этим. На самом же деле он гораздо старше, чем утверждает. Все, о чем он поведал твоему отцу, — абсолютно все! — это чистая ложь. Кроме одного: сейчас он действительно еще слишком слаб и должен восстанавливать свои силы.

— Неужели все? Но ведь он спас меня! И вылечил отца! А как же те деревенские жители, которых майор взял заложниками? Их бы наверняка расстреляли, если бы он не спас и их тоже!

— Никого он не спасал. Ты рассказывала мне, что он только убил тех двоих солдат, которые охраняли заложников. Но разве это он освободил их и выпустил из замка? Нет! В это время он развлекался, послав двух мертвых эсэсовцев прямо в комнату их майора, в результате

чего тот чуть не сошел с ума от страха. Заодно Расалом пытался спровоцировать этим Кэмпфэра: он надеялся, что после убийства часовых все заложники будут тут же расстреляны. А от такого зверства майора его силы сразу бы удвоились. Ведь после пятисотлетнего заточения ему надо было побыстрее прийти в нормальную форму. Но, к счастью, обстоятельства сложились так, что все заложники остались в живых.

— В заточении? Но он рассказывал отцу...— Магда не договорила.— Неужели это тоже ложь?

Гленн кивнул.

— Расалом не строил этот замок, как он, кажется, утверждает. И, разумеется, он в нем не прятался. Замок был выстроен специально для того, чтобы заманить его туда, как в ловушку, и навсегда запереть. Кто же мог пятьсот лет назад предполагать, что именно эта крепость или что-либо другое в таком месте, как перевал Дину, будет в двадцатом веке представлять интерес для военных? Или что какой-то идиот сорвет печать с его тюрьмы? А теперь, если только ему удастся выбраться из замка на волю...

— Но он уже свободен.

— Нет. Еще не совсем. Это тоже его обман. Он просто хотел, чтобы твой отец поверил в то, что он свободен. Но на самом деле кое-что еще удерживает его здесь — вторая часть вот этого меча.— Гленн сдвинул одеяло и указал на штырь наверху клинка.— Рукоять этого меча — единственное, чего боится Расалом. Она одна имеет над ним реальную власть. Она связывает его силы. Рукоятка — вот ключ к разгадке всей его тайны. Она запирает Расалома внутри замка. Сам по себе клинок бесполезен, но, соединенный с рукоятью, он может уничтожить его навеки.

Магда потрясла головой, силясь вникнуть в смысл этих слов. С каждой минутой все, сказанное Гленном, становилось все более загадочным и невероятным.

— А где же находится эта рукоятка? И на что она похожа?

— Ее образ ты видела тысячи раз на стенах самого замка.

— Кресты! — У Магды закружилась голова. Так, значит, это и не кресты вовсе! Да, действительно, они совсем и не похожи на кресты, а сделаны именно в фор-

ме рукояти меча — вот почему горизонтальная планка расположена так высоко! Много лет она смотрела на них, и ей даже в голову не приходило, что это такое на самом деле. А если Моласар — или, вернее, Расалом, потому что это и есть его настоящее имя — действительно стал источником легенд о вампирах, то вполне понятно, что его страх перед рукояткой меча преобразился в народных преданиях в страх перед крестом. — Но где же...

— Она закопана глубоко в нижнем подвале. Покуда рукоять остается там, внутри замка, Расалом не сможет выйти за его пределы.

— Но ведь ему надо всего-навсего раскопать ее и выкинуть.

— Он не может ни дотронуться до нее, ни даже близко подойти.

— Значит, он заперт в этом замке навечно?

— Нет. — Глядя Магде прямо в глаза, Гленн неожиданно понизил голос: — У него есть твой отец.

Магде захотелось что есть силы закричать «Нет!», ей стало даже физически плохо, но она молчала. Эти негромкие слова Гленна отняли у нее дар речи. Но это были слова правды — она не посмела бы отрицать этого.

— Позволь, я расскажу тебе, что, скорее всего, произошло, — сказал Гленн в затянувшейся паузе. — В первую же ночь, как только в замок въехали немцы, кто-то из них выпустил Расалома из подвала. Но тогда он был еще слишком слаб и не мог убивать больше одного человека за ночь. После этого он немного отдохнул и начал трезво оценивать обстановку. Поначалу, я полагаю, он решил убивать их по одному и питаться агонией умирающих и страхом, постоянно растущим среди оставшихся в живых. Это постепенно восстанавливало бы его силы. Он был аккуратен и последователен: убивал солдат только по одному и ни в коем случае не трогал офицеров, иначе все их подчиненные могли бы сразу же разбежаться. Возможно, он рассчитывал на то, что произойдет что-то одно из двух: либо немцы впадут в конце концов в такую панику, что просто взорвут замок и тем самым уже окончательно выпустят его на свободу, либо они будут вводить в крепость все новых и новых людей, таким образом отдавая ему их жизни, что будет через страх и агонии продолжать питать его силы. Но

есть еще и третий путь: среди людей всегда можно найти невинного человека, которого удастся переманить на свою сторону.

— Это мой отец? — Магда почти не слышала своего голоса.

— Или ты сама. Из того, что ты мне рассказывала, я понял, что первоначально Расалом собирался выбрать в помощники именно тебя. Но капитан перевел тебя в гостиницу, куда он проникнуть уже не мог. Поэтому ему пришлось изменить свои планы и сосредоточиться на твоём отце.

— Но он с таким же успехом мог бы использовать и одного из солдат!

— Видишь ли, наибольшую силу он получает именно тогда, когда разрушается внутри человека добро. Если ему удастся испортить светлую душу достойного человека, то это питает его во сто крат сильнее, чем тысяча убийств таких подонков, как эти фашисты. Для него это настоящее торжество! А солдаты были в этом смысле практически бесполезны. Они успели уже повоевать в Польше, и на их счету немало жестоких убийств во имя их фюрера. Поэтому они не представляли для Расалома особой ценности. Те же, кто приехал им на подмогу, — вообще будущие служители лагерей смерти! В этих созданиях уже заведомо не оставалось ничего чистого, что можно было бы еще разрушить. Поэтому немцев он мог использовать только для извлечения пищи — то есть, предсмертной агонии и нарастающего страха, но ведь это все мелочи! А еще они служили ему землеройными инструментами.

— Землеройными?

— Да, чтобы выкопать рукоятку. Я думаю, что те звуки шаркающих ног, которые ты слышала в нижнем подвале, когда отец отказался от твоей помощи и выгнал тебя, издавали как раз мертвые солдаты, возвращающиеся после работы под свои саваны.

Живые мертвецы!.. Сама мысль об этом казалась невероятной, и разум отказывался верить в возможность их существования. Но Магда хорошо помнила рассказ майора о том, как к нему в комнату самостоятельно вошли два солдата, хотя они были мертвы уже несколько минут.

— Но если он обладает такой силой, что может заставлять мертвых ходить и даже рыть землю, то поче-

му он не прикажет одному из них достать для него эту рукоятку?

— Это невозможно. Рукоятка нейтрализует его силу и власть. Труп, который передвигается под воздействием воли Расаломы, при одном только прикосновении к рукоятке становится недвижим.— Гленн немного помолчал и потом добавил: — Рукоятку вынесет из замка твой отец, Магда.

— Но если отец дотронется до нее, не может ли получиться так, что Расалом потеряет контроль и над ним?

Гленн грустно покачал головой.

— Ты должна понять, что сейчас он по своей доброй воле содействует Расалому... И делает это с большим воодушевлением и охотой. Твой отец легко справится с этим заданием, потому что поступает вполне сознательно.

Магда почувствовала, что сердце у нее леденеет от страха.

— Но ведь отец ничего не знает! Почему же ты ничего ему не рассказал?

— Потому что он все уже решил для себя и никого больше не хотел слушать. И потом, я не мог рисковать — ведь тогда Расалом узнал бы, что я здесь, рядом. Но в любом случае твой отец вряд ли поверил бы мне — он предпочитал меня ненавидеть... Расалом неплохо потрудился над тем, чтобы как следует обработать его, мало-помалу уничтожая все положительные свойства его личности, слой за слоем снимая его веру и разрушая все то, что раньше было для него свято. Оставлял же он в нем только одно — корысть и самолюбие.

И это тоже было правдой. Магда своими глазами видела, что творилось с ее отцом, и теперь она не могла не согласиться, что как раз это и было той горькой истиной, в которой она даже боялась себе признаться.

— Но ты мог бы помочь ему!

— Возможно. Хотя я и сомневаюсь в этом. Ведь вместе с Расаломом он и сам вел жестокую борьбу против самого же себя. И в конце концов против зла надо выступать в одиночку — никто не может покаяться за другого человека. Твой же отец сперва сквозь пальцы смотрел на многие отрицательные черты Расаломы, извиняя его ссылками на то, что этот «владелец» замка является

просто продуктом средневековья, а потом Расалом стал постепенно ответом на все его вопросы. И начал он с религии твоего отца Расалом НЕ БОИТСЯ креста, но притворился, что боится, и, таким образом, очень сильно подорвал его веру. Для него стало бессмысленным все духовное наследие вашей нации, все то, что он раньше считал святыней. Потом он спасает тебя от тех двух солдат, которые чуть не обесчестили тебя в подвале — кстати, это еще раз доказывает, как быстро Расалом адаптируется к меняющейся обстановке, — и вот у отца уже новые козыри в его пользу. После этого Расалом дает ему обещание покончить с нацизмом и, таким образом, спасти ваш народ. И, наконец, последний, завершающий удар — он излечивает его от страшной болезни, которая мучила старика долгие годы. Теперь он заполучил добровольного раба, который сделает для него все что угодно. Заметь при этом, что он не только уничтожил в нем все то, что раньше и было в совокупности твоим настоящим отцом, отчего уже получил немалую выгоду, но еще и превратил его в безотказный инструмент, созданный специально для того, чтобы выпустить на свободу самого страшного врага всего человечества. — Гленн с трудом поднялся и сел на траве. — Я должен остановить его раз и навсегда!

— Лучше оставь его. Пусть идет, куда хочет, — махнула рукой Магда, все еще раздумывая над тем, что теперь стало с ее отцом, и в какое страшное создание превратил его Расалом. Вернее, она думала о том, как же отец допустил, чтобы все это с ним случилось. Интересно, а смог бы кто-нибудь другой — например, она сама — противостоять воздействию Расаломы и сохранить всю чистоту своей души? — Может быть, тогда его влияние на моего отца прекратится, и мы сможем все вместе вернуться домой к своей нормальной жизни.

— Если Расалом выйдет на свободу, у вас уже не будет нормальной жизни.

— Но сейчас, когда в мире правят Гитлер и Железная Гвардия, что нового и еще более ужасного может сделать этот Расалом?

— Ты меня просто плохо слушала, — сердито сказал Гленн. — Когда Расалом окажется на свободе, Гитлер станет для него лишь товарищем по детским играм, которым они, может быть, какое-то время даже будут предаваться вместе.

— Нет, никто не может быть хуже Гитлера,— уверенно заявила Магда.— Никто и ничего!

— Расалом может. Неужели ты не понимаешь, что какое бы зло ни нес Гитлер, в мире все же остается хоть какая-то надежда? Ведь Гитлер — всего-навсего смертный человек. Когда-нибудь он умрет, или его убьют... Может быть, завтра, а может, через тридцать лет, но все равно его век рано или поздно закончится. Он же, в сущности, контролирует лишь незначительную часть земли и совсем уж смехотворный отрезок времени. И хотя сейчас он действительно кажется непобедимым, ему ведь предстоит еще сразиться с Россией... Не сдалась еще и Британия. И, наконец, остается Америка! А уж если американцы решатся временно повернуть свое производство и людей на войну, то ни одна страна, даже гитлеровская Германия, не сможет им долго противостоять. Так что, как ты сама можешь видеть, даже в такие мрачные дни нашей жизни все равно остается еще надежда.

Магда медленно кивнула. То, что говорил сейчас Гленн, без труда находило отклик в ее сердце.

— Но Расалом...

— Расалом, как я уже объяснял тебе, питается человеческим несчастьем и страхом. А этого сейчас как никогда много именно в Восточной Европе. Пока рукоятка остается в замке, Расалом не только будет заточен там, но и не сможет питаться всем этим горем и отчаянием побежденных народов. Если же убрать рукоятку из замка, то представляешь, сколько энергии хлынет сразу же к Расалому? Как много появится у него новых источников силы — смерть солдат, пытки и убийства в Бухенвальде, Дахау, Освенциме и других лагерях... Он как губка впитает в себя все зверства и ужасы этой войны. Он начнет жадно всасывать все самое чудовищное, что творится вокруг, и очень скоро станет непобедимым. Его силы увеличатся до невероятных размеров, и тогда уже действительно никто не сможет ему противостоять. Никогда! Но он не остановится на этом. Ему потребуется еще больше, и он начнет перебираться из одного государства в другое, убивая их правителей и свергая власти, а народы превращая в толпы запуганных животных. Какая армия будет в состоянии сражаться с легионом живых мертвецов, который он создаст себе за считанные часы?..

И скоро все вокруг поглотит сплошной хаос. Вот тогда-то и начнется настоящий кошмар! Ты говоришь, нет ничего страшнее Гитлера? А ты представь себе на минутку, что весь мир превратился в один сплошной лагерь смерти!..

Магда отказывалась поверить в то, о чем говорил сейчас Гленн.

— Нет, этого не может быть!

— Почему же? Ты думаешь, мало найдется добровольцев, которые захотят служить в лагерях смерти, организованных Расаломом? Нацисты прекрасно доказали, что в мире больше чем достаточно людей, готовых с радостью убивать своих соплеменников. Но и это еще не все! Ты видела, что творилось сегодня с жителями деревни? Все плохое, что было спрятано в самых темных уголках их сознания, теперь начало всплывать на поверхность и одерживать верх. У них не осталось ничего, кроме злобы, ненависти друг к другу и жажды насилия.

— Но как это произошло?

— Под влиянием Расаломы. Гуляя по замку, он постепенно окреп, кормясь смертью и страхом немцев, да еще медленным разложением личности твоего отца. Одновременно с этим солдаты понемногу разрушали сам замок, делая заслон от зла с каждым днем все слабее. Они методично крушили стены и перекрытия этажей, ставя под угрозу целостность всей системы. И поэтому день ото дня сила Расаломы распространялась все дальше за пределы крепости.

Ведь замок был выстроен по старинному образцу, и изображения рукояти меча располагались на его стенах именно таким образом, чтобы заточить Расалому внутри и надежно сдерживать его силу, как бы наложить печать на его энергию. Теперь же вся система нарушена, и в результате за это вынуждены расплачиваться ни в чем не повинные жители деревни. Но стоит Расалому вырваться из замка и начать питаться злом повсеместно, расплачиваться придется уже всему человечеству! Потому что когда дело дойдет до выбора жертв, Расалом не будет столь щепетильным, как Гитлер: для него сгодятся люди любых рас и наций. Никакая религия не помешает ему убивать. Он уравнивает перед собой буквально всех — богатые не смогут выкупить у него свою жизнь, благоче-

стивые не вымолят пощады; ни хитрецам, ни смельчакам не удастся избежать страшной кары. Пострадают все. А сильнее всего — женщины и дети. Ведь люди будут рождаться лишь для того, чтобы жить в вечном горе; все дни их существования наполнятся безысходным отчаянием, а умирать они будут в страшных муках. Поколение за поколением, все будут страдать для того, чтобы питать Расалом.

Гленн остановился, перевел дыхание и продолжил:
— И что хуже всего, Магда,— тогда уже не останется НИКАКОЙ надежды! И этому не будет конца! Расалом сделается всесильным, непобедимым, бессмертным... Если он освободится сейчас, его никто уже не остановит. В прошлом его мог сдерживать только меч. Но сейчас, когда весь мир находится в таком состоянии... даже если соединить рукоятку с клинком, его сила вряд ли ослабнет. ЕГО НЕЛЬЗЯ ВЫПУСКАТЬ ИЗ ЗАМКА.

Магда поняла, что Гленн собирается идти туда.

— Нет! — закричала она и обхватила его обеими руками, загораживая дорогу. Она ни за что не пустит его в замок.— Ты еще очень слаб, он уничтожит тебя! Неужели это не может сделать кто-нибудь другой?

— Только я! Никто другой не может! В конце концов это моя вина, что Расалом до сих пор еще существует, и я должен сам ее искупить.

— Почему твоя?

Гленн не отвечал. Тогда Магда решила поставить вопрос иначе:

— А откуда Расалом появился?

— Он был человеком... когда-то. Но потом отдался во власть темных сил, и они полностью изменили его.

Магда почувствовала, что во рту у нее пересохло.

— Но если Расалом служит темным силам, тогда кому служишь ты?

— Другим силам.

Она заметила, что он отвечает неохотно, но тем не менее продолжала настаивать:

— Это силы добра?

— Возможно.

— И давно?

— Всю свою жизнь.

— Но как же так получилось?...— Магда боялась слышать ответ.— Как это может быть твоей виной, Гленн?

Он отвернулся в сторону.

— Мое имя не Гленн, меня зовут Глэкен. И я так же стар, как и Расалом. Это я выстроил замок.

С тех пор как Куза спустился в яму за талисманом, он больше не видел Моласара. Сначала старик услышал, как тот пообещал пойти рассчитаться с немцами за то, что они без спроса ворвались в его дом — при этом голос его доносился уже откуда-то издалека — а потом бас боярина смолк совсем. В это время трупы снова зашевелились, и, выстроившись в колонну по одному, послушно двинулись вслед за своим повелителем, каким-то чудесным образом управляющим ими на расстоянии.

И вот Куза остался один среди холода и крыс, рядом с таинственным талисманом. Ему захотелось поскорее выбраться отсюда, но он терпел, потому что главным сейчас было выждать, пока все они — и рядовые, и офицеры — наконец-то погибнут. И в то же время профессор чувствовал, что ему очень хочется увидеть, как будет мучительно умирать майор Кэмпфер, испытывая на себе весь тот ужас, через который он заставлял пройти сотни и тысячи невинных и беззащитных людей.

Но Моласар велел ему ждать здесь. Со двора слышались приглушенные звуки выстрелов, и Куза догадался, почему боярин велел ему оставаться пока в подвале. Он не мог рисковать его жизнью: ведь в руках у профессора был сейчас источник его силы и власти, и любая шальная пуля могла помешать осуществлению их грандиозного плана. Через несколько минут стрельба стихла, и, оставив талисман на время внизу, Куза выбрался с фонарем из ямы, сразу же оказавшись в кольце бесчисленных крыс. Но они больше не беспокоили профессора — он был слишком возбужден, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Сейчас Куза с нетерпением прислушивался к звукам снаружи, ожидая возвращения Моласара.

И вот сверху денеслись знакомые тяжелые шаги. Но было ясно, что Моласар идет не один. Профессор направил луч фонаря в глубь туннеля, откуда шел звук, и увидел майора Кэмпфера, медленно бредущего прямо к нему. Куза вскрикнул и от испуга чуть не свалился обратно в яму, но потом его внимание привлекли остекленевшие глаза майора и застывшее на его лице безразличное отсутствующее выражение. Тогда только профессор понял, что эсэсовец уже мертв. За ним неуклюже ковылял и капитан Ворманн, тоже мертвый и с веревкой на шее.

— Я думал, может быть, тебе приятно будет посмотреть на эту парочку,— усмехнулся Моласар, прошествовав в комнату вслед за немцами.— Особенно вот на этого, который собирался построить лагерь смерти для моих соотечественников-валахов. Теперь остается найти твоего Гитлера и точно так же разделаться с ним и его подручными.— Он немного помолчал.— Но сперва надо позаботиться о моем талисмане. Ты должен подыскать для него в горах самое укромное и безопасное место. Только тогда я смогу спокойно использовать свою энергию, чтобы избавить мир от нашего общего врага.

— Да! — Куза почувствовал, как в радостном возбуждении затрепетало его сердце.— Он пока внизу.

Профессор снова спустился в яму, взял талисман и, сунув его под мышку, начал подниматься наверх. В этот момент Моласар отвернулся и отошел к стене.

— Заверни его! — потребовал он.— Он ведь сделан из драгоценных металлов и будет привлекать ненужное внимание, если вдруг кто-то заметит его у тебя.

— Конечно! — Куза достал со дна ямы старую холщовую обертку.— Я его заверну получше, когда выберусь отсюда на свет, а то мне здесь плохо видно. Не беспокойтесь, я уж позабочусь о том, чтобы...

— Сейчас же закрой его! — Приказ громом пронесся по пустой комнате.

Куза удивленно замер, не понимая, что могло привести Моласара в такое бешенство. Он считал несправедливым подобный приказной тон именно сейчас, когда они делали общее дело. Но в конце концов Моласар был боярином пятнадцатого века, и поэтому ему кое-что можно было простить.

— Хорошо-хорошо!..— Профессор вздохнул и присел на корточки в глубине ямы, потом аккуратно растелил на земле ткань и обернул ею талисман, а сверху прикрыл его вторым слоем помятой и полусгнившей материи.

— Молодец! — прогремел голос где-то позади профессора. Куза выглянул наверх и увидел, что Моласар перешел уже в другой конец комнаты, подальше от входа.— А теперь поспеши! Чем раньше я буду уверен в полной безопасности моего талисмана, тем скорее отправлюсь в Германию.

Куза заторопился. Как можно быстрее он выбрался из ямы и чуть не бегом бросился по извилистым коридорам подвала, а потом наверх, туда, где его ждал новый день. Причем новый не только для самого профессора и его народа; это был новый день для всего мира!

— Это очень долгая история, Магда... Она тянется уже много веков. И я думаю, что сейчас у меня совсем не осталось времени, чтобы рассказать тебе все от начала до конца.

Магде показалось, что его голос стал звучать как-то глухо и будто бы издалека. Гленн сказал, что Расалом даже старше, чем иудаизм... А потом добавил, что они с ним одногодки... Но это невероятно! Мужчина, который так страстно любил ее, просто не мог быть каким-то реликтовым осколком прошлого. Он живой и реальный — настоящий человек из плоти и крови!

Вдруг какое-то движение отвлекло ее от размышлений и вернуло в реальность. Гленн попытался подняться на ноги, используя в качестве опоры клинок меча. Ему удалось встать на колени, но он был еще слишком слаб и дальше подняться не смог.

— Так кто ты? — спросила Магда, уставившись на него так, будто видела впервые в жизни.— И кто такой Расалом?

— Эта история уходит корнями в очень давние времена,— сказал Гленн, слегка покачиваясь и покрываясь

каплями пота, но все же продолжая держаться за свой клинок.— Это было еще задолго до эпохи фараонов, до Вавилона, даже до расцвета Месопотамии. Тогда была другая цивилизация, совсем другой мир...

— Доисторическая эпоха? — улыбнулась Магда.— Я помню, ты уже упоминал о ней...— Ей и раньше доводилось встречаться с такими понятиями. Когда она помогала отцу в работе, ей часто приходилось иметь дело с самыми разными теориями, всплывающими на страницах исторических и археологических научных журналов. Одна из них гласила, что все, что мы знаем сейчас о человеческой истории, относится лишь ко второй цивилизации. А давным-давно была будто бы и совсем другая эра, когда на месте современной Европы и Азии существовала некая процветающая цивилизация, впоследствии исчезнувшая. Некоторые защитники этой идеи верят даже в то, что именно к тем временам и относится существование легендарной Атлантиды и Лемурии, но весь этот древний мир был, по их утверждению, полностью разрушен в результате каких-то глобальных катаклизмов.— Но эту гипотезу многие ученые ставят под сомнение,— сказала Магда, хотя голос ее почему-то дрожал.— А все известные современные историки и археологи считают ее просто бредовой выдумкой.

— Да, мне это тоже известно,— ответил Гленн и грустно улыбнулся.— Но не те ли это самые «знаменитости», которые насмеялись и над верой в существование Трои, пока Шлиманном не были найдены неоспоримые доказательства этого?.. Но я не собираюсь сейчас спорить об этом и что-либо доказывать. Просто эта теория верна, и я действительно родился именно в то время.

— Но каким же образом...

— Позволь мне побыстрее закончить,— прервал ее Гленн.— Времени у нас мало, а я хочу, чтобы ты успела кое-что узнать и понять, прежде чем я отправлюсь сражаться с Расаломом. В той доисторической цивилизации все было по-другому. Это была постоянная битва между двумя...— Казалось, он не мог найти подходящего слова.— Я не хочу сказать «богами», потому что ты сразу начнешь воспринимать их как нечто размытое и лишенное четкой индивидуальности... Просто в те времена были две громадные, могущественные силы, претендующие на власть на Земле. Одна из них, темная си-

ла, в переводе на современный язык называлась Хаос; она упивалась и наслаждалась всем, что было враждебно и пагубно для человечества. Другая же сила...

Он снова замолчал, и Магда не могла удержаться, чтобы не выпалить:

— Ты имеешь в виду светлую силу? Силу добра?..

— Нет, все не так просто. Мы, правда, действительно называли ее Светом. Но главным было то, что она постоянно находилась как бы в оппозиции к Хаосу. Итак, наша цивилизация постепенно разделилась на два лагеря: на тех, кто искал покровительства Хаоса, и тех, кто противостоял им. Расалом был тогда уже сильным колдуном и позволял себе довольно часто прибегать к помощи темной силы. Со временем он полностью посвятил себя ей и стал борцом за процветание и могущество Хаоса.

— А ты избрал другой путь и сражался на стороне Света — силы добра? — Магда очень хотела, чтобы он ответил ей «да».

— Нет... Я не избирал своего пути. И я не могу сказать, что та сила, которой я служил, была полностью силой добра или абсолютным Светом. Я был... мобилизован, говоря современным языком. Обстоятельства тогда складывались весьма непросто, все было слишком сложно и запутанно, и вот получилось так, что я оказался заодно с силами Света. Довольно быстро я обнаружил, что не смогу оставаться в стороне от этой борьбы, что связан с ней навечно. И вскоре меня выдвинули на самый передний край, я встал во главе наших сил. Мне дали меч. Его клинок и рукоятку изготовил народ, которого давно уже не существует на этой планете. Но он был создан для единственной цели — уничтожить Расалома. И вот настал день последней схватки противостоящих сил, и все битвы слились в одну. По библейским понятиям, это был Армагеддон, судный день, конец света. В результате начались страшные катаклизмы — землетрясения, извержения вулканов, цунами — и они стерли с лица Земли все следы нашей могучей цивилизации. Остались лишь очень немногие, кто смог начать строить мир заново.

— А что случилось с великими силами?

Гленн пожал плечами.

— Они существуют и поныне, но после той катастрофы довольно сильно изменились. Для них мало что

осталось на этой планете. Выжившие сделали жестокими первобытными людьми, как вы их теперь называете. Они пошли другими путями, а я и Расалом столетиями продолжали нашу борьбу. Менялись эпохи, но ни один из нас не одерживал верх на длительное время. Мы не старели и не теряли своих сил. И вот на этом пути — уже трудно сказать, когда именно это произошло — мы оба кое-что потеряли...

Он посмотрел на кусок разбитого зеркала, который выпал случайно из футляра и лежал теперь на земле у его ног.

— Поднеси это к моему лицу, — попросил он Магду.

Она подняла осколок и приблизила его к самой щеке Гленна.

— Ну, и как я в нем выгляжу? — спросил он.

Магда посмотрела в кусочек зеркала и, вскрикнув, выронила его из рук. Никакого отражения в нем не было! То же самое отец говорил и о Расаломе!

Человек, которого она так любила, не отражался в зеркале!

— Наши отражения забрали те силы, которым мы служим. Может быть, для того, чтобы это было постоянным напоминанием и Расалому, и мне, что наши жизни больше не принадлежат нам самим... — На секунду он задумался и отвлекся: — Ты знаешь, как странно смотреть в зеркало или в воду и не видеть там себя? К этому невозможно привыкнуть. — Гленн печально улыбнулся. — По-моему, я уже забыл, как я выгляжу на самом деле.

У Магды, глядя на него, просто разрывалось сердце.

— Гленн?..

— Но я никогда не переставал преследовать Расалому, — сказал он, гордо встряхнув головой. — Заслышав о массовых убийствах и зверствах, творящихся где-либо, я сразу же спешил туда, находил его и прогонял подальше от человеческого жилья. Но цивилизация постепенно восстанавливалась, люди, как и прежде, начали держаться вместе, и Расалом стал более изобретательным в своих методах распространения зла. Он повсюду сеял горе и смерть, как только мог, и в четырнадцатом веке, путешествуя из Константинополя по Европе, не забывал в каждом городе оставить по несколько крыс, зараженных чумой...

— Черная Чума?!

— Да, если бы не «помощь» Расалома, эпидемия не вспыхнула бы с такой ужасающей силой. Но, как ты знаешь, она стала одной из самых страшных катастроф средневековья. И тогда я понял, что его необходимо уничтожить, пока он не придумал для человечества ничего более страшного и смертоносного. И если бы я выполнил свой план до конца, нас бы здесь сейчас уже не было.

— Но как ты можешь винить себя в этом? Кто же мог предвидеть его побег? Ведь Расалома выпустили на свободу немцы!

— Он давно уже должен был умереть! Я мог убить его еще пятьсот лет назад, но не сделал этого. Тогда я приехал в эти места, разыскивая Влада Тепеша, сажаящего на кол». Я слышал о его многочисленных зверствах, и они очень напоминали мне действия Расалома. Я даже считал, что это именно он стал называть себя Владом. Но на этот раз я ошибся. Влад был просто безумцем, попавшим под влияние Расалома; он питал его силы, жестоко убивая тысячи невинных людей. Но даже в лучшие свои годы Влад не совершил и десятой доли тех злодеяний, которые творятся сегодня в лагерях смерти. Тогда я выстроил этот замок, обманным путем заманил Расалома внутрь и запечатал его рукояткой меча в подвале, где он и должен был остаться навеки.— Гленн тяжело вздохнул.— По крайней мере я очень надеялся, что это будет именно так. Я ведь мог бы убить его тогда — и должен был убить! — но не сделал этого.

— Почему?

Он закрыл глаза и долго молчал, прежде чем продолжить рассказ.

— Это нелегко объяснить... Я просто испугался. Видишь ли, я существую как бы в противоположность Расалому. Но что произойдет, если я одержу над ним окончательную победу и уничтожу его? Если ему придет конец, то что тогда случится со мной?.. Я ведь живу уже тысячи лет, но никогда не уставал от жизни. В это, может быть, трудно поверить, но в жизни всегда появлялось что-то новое.— Он повернулся и посмотрел Магде прямо в глаза.— Всегда. Но я боюсь, что с течением лет мы с Расаломом стали представлять собой

как бы неделимое целое, единство борющихся противоположностей, и поэтому зависим друг от друга, как Инь и Ян: одно без другого не существует... А я еще не готов умирать.

Вопрос помимо желания слетел с губ Магды:

— А ты можешь умереть?

— Да. Меня очень трудно убить, но я все же могу умереть. Раны, которые я получил сегодня, могли бы уничтожить меня, если бы ты не принесла вовремя этот клинок... Я получил слишком сильные повреждения, и без тебя я бы умер.— Он несколько секунд продолжал смотреть на нее, а потом перевел взгляд на замок.— Наверное, Расалом считает, что я погиб. Это может пойти мне на пользу.

Магде захотелось обнять его и прижаться к его груди, но она почувствовала, что сейчас не сможет этого сделать. Теперь она поняла, почему так часто на его лице она видела непонятное ей чувство вины.

— Не ходи туда, Гленн.

— Называй меня Глэкен,— тихо произнес он.— Меня так давно уже никто не называл моим настоящим именем!..

— Хорошо... Глэкен.— Слово было очень приятным на слух, и Магде показалось, что, называя его так, она еще сильнее сближается с ним. Но оставалось еще немало тревожащих ее вопросов.— А откуда взялись в замке эти старинные запрещенные рукописи? Кто их там спрятал?

— Я. В дурных руках они могли бы натворить много бед, но я не мог позволить себе уничтожить их. Любые знания — особенно относительно зла — должны быть сохранены.

Магде хотелось задать еще один вопрос, но она колебалась. Слушая историю Глэкена, она поняла, что ей совершенно неважно, сколько ему лет, потому что он все равно остался тем единственным человеком, которого она любит. Но как он сам относится к ней?..

— А что со мной? — наконец спросила она.— Ты никогда не говорил мне, что...— Магда хотела узнать, не является ли она для него всего лишь «перевалочным пунктом», еще одной мимолетной победой. Может быть, любовь, которую она видела в его глазах, была всего лишь притворством, к которому он привык за долгие века существования? Может ли он любить до сих

пор? Способен ли еще на настоящие чувства?.. Но она не могла произнести этого вслух. Даже думать о таких вещах ей было боязно.

Но казалось, что Глэкен читает ее мысли.

— А ты бы поверила мне, если б я ответил тебе и на этот вопрос?

— Но вчера...

— Я люблю тебя, Магда,— сказал он и взял ее за руку.— Я так долго был одинок!.. Но ты тронула мою душу и сердце. Уже давно никому это не удавалось. Да, я гораздо старше всех и всего, что ты можешь себе представить, но я все-таки мужчина! Этого у меня никто не отнял.

Магда медленно обняла его за плечи, нежно, но крепко сжимая в своих объятиях. Она хотела удержать его здесь, прямо на этом месте, и оградить от страшного замка.

Прошло немало времени, и наконец он шепнул ей на ухо:

— Помоги мне подняться на ноги. Надо остановить твоего отца.

Магда понимала, что должна помочь ему, хоть и очень сильно боялась за его жизнь. Она взяла Глэкена под руку и попыталась поднять, но колени у него дрожали и беспомощно подгибались. Наконец, он тяжело опустился на землю и изо всех сил ударил по ней кулаком.

— Проклятье! Я еще слишком слаб!

— Я сама пойду,— твердо сказала она, даже удивившись своему голосу.— Я могу встретить отца у ворот.

— Нет! Это слишком опасно!

— Я поговорю с ним. Он меня послушает.

— Вряд ли. Он потерял уже свой рассудок и волю. И теперь будет слушать одного Расаломы.

— Все равно я должна попробовать. У нас нет сейчас другого выбора.

Глэкен молчал.

— Так я иду.— Ей хотелось гордо встряхнуть головой, показывая этим, что она совсем не боится. Но на самом деле Магда была перепугана до смерти.

— Только не входи во двор,— предупредил Глэкен.— Что бы ты ни делала, не смей заступать на территорию замка — там теперь царствует Расалом!

«Я знаю,— думала Магда, пока бежала по тропинке к мосту.— Но как же я тогда смогу помешать отцу перешагнуть на эту сторону, если он будет держать в руках рукоятку меча?..»

Куза надеялся погасить фонарь сразу же, как только выберется в верхний подвал, но и там почему-то все лампочки были выключены. Однако он обнаружил, что в коридоре все-таки не совсем темно. На стенах повсюду виднелись какие-то горящие пятна. Он пригляделся и понял, что это светятся копии крестообразного талисмана, вставленные в камень. Они загорались сильнее при его приближении, а потом затухали, когда он отходил от них, как бы переключаясь с драгоценным предметом в руках профессора.

Теодор Куза шел по коридору в состоянии благоговейного страха. Никогда еще ему не приходилось так близко сталкиваться со сверхъестественными явлениями. Но теперь он уже не сможет смотреть на жизнь так, как раньше. Куза вспомнил, с какой ребяческой самоуверенностью он полагал, будто сумел познать все устройство этого мира, и не допускал даже мысли о том, что на самом деле его глаза зашорены и он, по сути, ничего не знает об истинной природе вещей. Но теперь шоры сняты, и он видит наконец мир таким, каков он и есть на самом деле.

Профессор шел, бережно прижимая талисман к груди, и чувствовал себя причастным к настоящему волшебству. Но одновременно и далеким от Бога. Хотя что в конце концов сделал Бог для своего «избранного народа»? Сколько тысяч и миллионов евреев погибло только за последние годы, слезно призывая его на помощь?.. Но их молитвы так и не были услышаны!

Ну, ничего... Спасение уже идет, и помогает в этом не кто иной, как сам Теодор Куза.

Поднимаясь по лестнице во двор, он вдруг почувствовал какую-то тревогу и в нерешительности остано-

вился на полпути. Мысли путались, и, пытаясь в них разобраться, профессор молча наблюдал, как струится со двора вниз по ступенькам густой туман, словно парное молоко заливая коридоры подвала.

Скоро, очень скоро пробьет час его победы, его триумфа! Наконец-то он совершит нечто важное — сыграет существенную роль в уничтожении нацизма. Но почему же тогда его сердце охватывает эта странная тревога? Почему ему вдруг стало не по себе?.. Наверное, все же еще какие-то сомнения относительно Моласара продолжали подспудно грызть его душу. Конечно, ничего особенного, но все-таки...

А может, и нет вовсе никаких сомнений... Просто ему показалась странной сама форма талисмана — слишком уж сильно он напоминал профессору крест, а ведь Моласар так боится крестов! Но, возможно, это было задумано специально: Моласар приблизил форму своего амулета к священному кресту, чтобы сбить этим с толку своих преследователей — ведь точно такими же крестами он украсил и все стены замка. И еще: почему Моласар отказался помочь профессору достать свой талисман со дна ямы и сразу же потребовал, чтобы Куза завернул его понадежней?.. И, наконец, если этот предмет действительно представляет для него такую ценность, если это и есть настоящий источник его силы и энергии, то почему он сам не хочет найти для него надежный тайник?

Медленно, почти механически, Куза миновал несколько последних ступенек и оказался во дворе. Здесь он невольно прищурился в предутреннем полумраке и сразу же нашел ответ на свои вопросы: солнечный свет! Ну, конечно! Ведь Моласар не может сам действовать при свете дня, и поэтому ему был нужен помощник. Какое же облегчение испытал профессор, когда рассеялись его последние сомнения — все это только из-за дневного света!

Когда глаза Кузы немного привыкли к серому сумраку, он оглядел затянутый туманом двор и заметил у ворот какую-то фигуру. По всей видимости, человек ждал кого-то. На мгновение сердце старика замерло: он подумал, что, возможно, это один из солдат, каким-то чудом оставшийся в живых. Но потом понял, что для солдата такая фигура слишком мала и стройна.

У ворот стояла Магда! Окрыленный этим радостным открытием, он поспешил ей навстречу.

Стоя у ворот замка, Магда смотрела во двор. Было тихо и пустынно, но повсюду виднелись следы недавнего боя: пулевые пробоины в брезенте и металле автомобилей, разбитые стекла, выбоины в каменных стенах, сизый дымок, поднимающийся от сгоревших генераторов... Нигде не было заметно никакого движения. Туман доходил ей почти до коленей, и Магда могла лишь догадываться о том, какое кровавое зрелище он скрывает сейчас под собой на земле крепостного двора.

Потом девушка задумалась о чем-то далеком и наконец спросила себя, что же она делает сейчас здесь, стоя у ворот и дрожа от утренней прохлады в ожидании отца, который в любую минуту может возникнуть перед ней, неся в руках будущее всего мира. Сейчас у нее было немного времени, чтобы спокойно обдумать все, рассказанное ей Гленном — вернее, Глэкенем. И сомнения начали коварно вкрадываться в ее мозг. С наступлением дня все слова, произнесенные шепотом ночью, теряли свою силу, и смысл их казался теперь таким далеким!.. А как легко было верить Глэкену, глядя ему в глаза и слыша его милый добрый голос. Но теперь его рядом не было, она стояла здесь одна... ждала и чувствовала себя уже не столь уверенно.

Магде вспомнились описанные им невидимые, непостижимые силы: Свет... Хаос... Их противостояние и борьба за право управлять человечеством... Абсурд! Это походит больше на безумные фантазии воспаленного сознания наркомана.

И все же...

Моласар существовал на самом деле. Или Расалом — короче, неважно, каково его настоящее имя. Главное, что это не сон, и он — явно нечто большее, чем простой человек. Во всяком случае, Магда никогда такого раньше не видела и не хотела бы снова встретиться с чем-либо подобным ему. И разумеется, он воплощал в себе зло. Это она поняла сразу же, как только он впервые к ней прикоснулся.

И еще существовал Глэкен — если только это его настоящее им, — который не казался воплощением зла, но мог быть просто безумцем, обыкновенным сумасшедшим. Он тоже был совершенно реальным — хотя и не отражался в зеркале! — и носил с собой меч, от которого исходило голубое сияние, способное излечивать раны и извлекать из тела пули в таком количестве, что их хватило бы для убийства доброго десятка человек, если не больше. И все это она видела своими собственными глазами...

А не может ли быть так, что это именно она сошла с ума?..

Или все-таки не сошла? Если мир действительно стоит на грани разрушения, и решается все это именно здесь, на далеком горном перевале... то кому же из них доверять? Поверить Расалому, который утверждает (и Глэкен тоже не отрицает это, что провел в некоем поддании заточения пять веков, а теперь, выбравшись на свободу, может уничтожить Гитлера и положить конец всем его зверствам? Или довериться рыжеволосому мужчине, который стал ее возлюбленным, но так тщательно ее обманывал, что даже не называл поначалу своего настоящего имени, и которого ее собственный отец обвинил в том, что он сотрудничает с нацистами?..

«Почему все эти проблемы возлагаются сейчас именно на меня?» — в отчаянии думала Магда.

Почему именно она должна теперь делать выбор, когда все вокруг и без того запуталось до невозможности? Кому из них доверять — отцу, которого она знает с рождения и которому до сих пор верила, или Глэкену, открывшему ей ту часть ее собственного существа, о которой она никогда раньше даже не подозревала? Нет, это несправедливо по отношению к ней!

Магда вздохнула. Никто ведь и не говорил ей, что все в жизни должно совершаться по справедливости.

Надо принимать решение. И немедленно!

Ей вспомнились последние слова Гленна: «Только не входи во двор... Не смей заступать на территорию замка — там теперь царствует Расалом!» Но она знала, что ей придется шагнуть вовнутрь. Атмосфера зла вокруг крепости и так заставила ее напрячь все силы, чтобы преодолеть мост. Теперь же Магде предстояло выяснить, что происходит во дворе самого замка. Может быть, это ускорит ее решение.

Она осторожно вытянула вперед одну ногу и тут же отдернула ее. Холодный пот сразу прошиб все тело девушки. Ей очень не хотелось проводить такой страшный эксперимент, но другого выхода не было. Крепко стиснув зубы, Магда закрыла глаза и шагнула во двор.

Зло взрывной волной встретило ее у самого входа, дыхание перехватило, живот сжался в тугую комок. Магда покачнулась и чуть не потеряла сознание. Теперь ощущение опасности и тревоги возросло до невероятной степени. Она не могла даже представить себе, что зло способно так разрастись за столь короткий срок. Магда колебалась, ее решимость была почти уже сломлена, и отчаянно хотелось поскорее убежать отсюда. Но она собрала в кулак всю свою волю и стала ждать, пока стихнет эта буря ужаса, вызванная засм, бушующим в замке. Даже сам воздух, который Магда вдыхала сейчас, подтверждал правильность решения, уже принятого ею на каком-то подсознательном уровне. Она всегда знала: никакое добро не может исходить из такого страшного места.

И именно здесь, внутри двора, она должна встретиться со своим отцом и остановить его, если он вздумает вынести за ворота рукоятку меча.

Вдруг какое-то движение во дворе привлекло внимание девушки. Из подвала появился отец. Он постоял немного у арки, потом заметил ее и побежал вперед. Магде непривычно было видеть его так резво бегущим, но удивляло ее не только это: вся одежда отца была перепачкана сырой глиной. В руках он держал какой-то сверток — очевидно, довольно тяжелый.

— Магда! Он у меня! — задыхаясь, крикнул отец на бегу и вскоре остановился возле нее.

— Что там у тебя? — Магда не узнала своего голоса. Он был каким-то неестественно спокойным. Она боялась услышать ответ.

— Талисман Моласара — источник его силы!

— Ты украл его?

— Нет. Он сам дал его мне. Я должен найти тайник и спрятать его, пока Моласар будет в Германии.

У Магды все внутри похолодело. Отец собирался вынести рукоятку из замка. Именно об этом и предупредил ее Глэкен.

Теперь ей надо было увидеть, как она выглядит.

— Дай мне посмотреть.

— Сейчас на это нет времени. Я должен...

Отец сделал шаг в сторону, чтобы обойти ее, но девушка твердо преградила ему путь к воротам.

— Ну, пожалуйста,— стала упрашивать она.— Покажи мне!

Куза колебался, с сомнением глядя на дочь, но потом развернул ткань и продемонстрировал ей то, что он называл «талисманом Моласара».

Магда чуть не задохнулась. У нее оборвалось сердце. О Боже! Предмет был действительно увесист и как две капли воды походил на загадочные кресты, покрывающие все стены замка. А на верхней его части имелась прорезь, которая как раз подходила для штыря на клинке Глэкена.

Это была рукоятка его меча! Ключ от замка. Единственная вещь, охраняющая мир от Расалома.

Магда стояла и молча разглядывала ее, а отец в это время что-то торопливо говорил ей, но она не слышала его слов. Они просто не доходили до ее сознания. А в ушах звучали слова Глэкена о том, что случится с миром, если Расалом вдруг вырвется на свободу. Все внутри Магды протестовало против того, что ей предстояло сейчас сделать. Но другого выхода не было. Надо любой ценой остановить отца.

— Иди назад, папа,— сказала она, пристально глядя ему в глаза и пытаясь отыскать в них хоть слабый отблеск души того человека, которого она знала уже так много лет.— Оставь это в замке. Моласар все время лгал тебе. Это не источник его силы—это единственное, что может противостоять ей! А сам он—враг всему доброму, что есть на этой земле. Ты не освободишь его!

— Как забавно! Да ведь он уже на свободе! Пойми, он сейчас наш союзник. Посмотри, что он сделал для меня—я же теперь могу ходить!

— Он сделал это только для того, чтобы ты смог вынести эту вещь за ворота. Он не может покинуть замок, пока этот предмет остается здесь!

— Ложь! Моласар собирается убить Гитлера и навсегда покончить со всеми лагерями смерти!

— Нет, папа. Он кормится горем и смертью, которые царят в этих лагерях.— Сейчас Магде казалось, что она обращается к глухому.— Хотя бы один раз в жизни

послушай меня! Поверь мне! Сделай то, о чем я прошу!
НЕ ВЫНОСИ ЭТУ ВЕЩЬ ИЗ ЗАМКА!

Но отец не обратил на ее слова ни малейшего внимания, а лишь сделал еще один шаг вперед:

— Дай мне пройти!

Магда уперлась руками ему в грудь. Ей было мучительно больно, ведь сейчас она стояла против того человека, который воспитал ее, выучил и сделал для нее столько хорошего...

— Послушай же меня, отец!

— **НЕТ!**

Магда изо всех сил толкнула его назад, он оступился и чуть не упал. Она сейчас ненавидела себя за все это, но другого выхода не было. Следовало забыть, что он когда-то был инвалидом, — теперь это сильный и здоровый человек. К тому же, как и она сама, полный решимости и уверенный в своей правоте.

— Ты ударила своего отца?! — угрожающе зарычал он. Удивление и ярость одновременно появились на его лице. — Так вот во что ты превратилась после одной ночи в постели со своим рыжим любовником! Я твой отец! И я приказываю тебе уйти с дороги и дать мне выйти отсюда!

— Нет, папа. — Слезы ручьями побежали по ее щекам. Никогда раньше она не смела послушаться его, но теперь ей предстояло выстоять до конца — ради них обоих и ради всего белого света.

Слезы дочери привели Кузу в замешательство. На секунду черты его лица смягчились, будто он снова стал прежним добросердечным человеком. Он открыл рот, чтобы сказать ей что-то примирительное и доброе, но тут же снова закрыл его, при этом громко щелкнув зубами. Рыча от злости, отец рванулся вперед и угрожающе занес рукоятку над ее головой.

Расалом ждал в подземелье, окруженный полной темнотой, и тишина вокруг него нарушалась лишь шелестом крысиных хвостов и лап — животные с интересом обследовали трупы немецких офицеров. Когда калека наконец убрался отсюда с этой проклятой рукояткой,

он позволил кадаврам отдохнуть немного в грязи. Скоро ненавистная ему вещь исчезнет из замка — и он снова окажется на свободе!

И не за горами уже то время, когда его голод будет полностью утолен. Если все, что говорил ему старик, — правда, то Европа сейчас стала просто кладезем человеческого горя и страданий. Да и то, что ему удалось подслушать из разговоров немецких солдат, пока они были еще живы, вполне подтверждало слова старика. А это значило, что после бесчисленных поражений в борьбе с Глэкенем он возьмет наконец долгожданный реванш, и удача повернется к нему лицом — на этот раз уже окончательно. А то он чуть было не решил, что Глэкен, заманивший его в эту каменную тюрьму, сумел-таки победить его... Но в конечном счете все оказалось совсем не так: человеческая алчность выпустила его из этой тюрьмы, где он провел в заточении без малого пять столетий, а теперь человеческая ненависть и жажда власти дадут ему столько силы, что очень скоро он станет настоящим хозяином всей этой планеты.

Он ждал. Но почему-то голод его оставался по-прежнему острым и никакого притока свежих сил до сих пор не чувствовалось. Что-то случилось там, наверху. За это время калека мог бы уже дважды добежать до ворот. Даже трижды!

Очевидно, что-то не так. Он напряг свои чувства и понял, что в замке находится сейчас еще и дочь старика. И вся задержка происходит, по всей вероятности, именно из-за нее. Почему? Ведь не могла же она знать... Если, конечно, Глэкен не успел ей рассказать все про рукоятку, пока был еще жив.

Расалом слегка шевельнул левой рукой, и позади него в темноте начали неуклюже подниматься трупы майора Кэмпфера и капитана Ворманна. Встав на ноги, они застыли по стойке «смирно», ожидая дальнейших приказов.

В ярости Расалом мерным шагом направился из подземелья во двор. Ну, с этой дочкой он легко справится. Оба трупа, спотыкаясь, послушно двигались по его стопам. За ними следовали полчища крыс.

Магда в ужасе наблюдала, как серебряно-золотая рукоятка с таким размахом занеслась над ее головой, что одного удара хватило бы, чтобы разmozжить ей череп. Никогда в жизни она не могла даже подумать, что отец будет способен поднять на нее руку или как-то иначе причинить ей боль. И тем не менее он со всей решимостью собирался разбить ей голову. Только инстинкт самосохранения спас Магду — в последний момент она резко отпрянула, а потом сразу же бросилась на отца, сбив его с ног, пока он пытался восстановить равновесие после страшного удара по воздуху. Она всем телом навалилась на него сверху, обеими руками схватилась за серебряную перекладину и выкрутила рукоятку из отцовских рук.

Лишившись своей драгоценной ноши, он, вконец обезумев, как зверь, вцепился в Магду ногтями и, расцарапывая кожу на ее предплечьях, стал тянуть дочь к себе, пытаясь отобрать рукоятку назад.

— Отдай мне его! Отдай! — иступленно кричал старик. — Ты все испортишь!

Но Магда вскочила на ноги и отступила к арке ворот, поудобнее перехватив рукоятку за золотую часть. Она была уже совсем близко к выходу и на этом месте чувствовала себя очень стесненно, однако рукоятка все же оставалась на территории замка.

Отец поднялся с земли и бросился к ней, пригнув голову и растопырив в обе стороны руки. Магда уклонилась от его удара, но он, пробегая мимо, умудрился как-то схватить ее за локоть и развернуть лицом к себе. А потом набросился на нее с кулаками, начав бить по голове и лицу и хрипло выкрикивать какие-то невнятные ругательства.

— Отец, остановись! — в ужасе закричала Магда, но он не слышал ее. Все больше озверевая, он тянул уже свои грязные пальцы с обломанными ногтями прямо к ее глазам, и тогда она размахнулась и ударила его рукояткой по голове. Магда не думала, что сейчас делает — движение было чисто автоматическим. — Прекрати! — еще раз крикнула девушка.

Глухой удар металла по черепу отца болью отозвался в ее собственном сердце. Опешив, она молча стояла и наблюдала, как закатились глаза за стеклами его очков, как он грузно осел на землю и больше не шевелил-

ся, а клубы тумана медленно обволакивали его неподвижное тело.

«Что я натворила!» — в отчаянии думала Магда.

— Ну почему ты заставил меня ударить тебя? — закричала она, обращаясь к уже бесчувственному телу. — Неужели ты не мог хоть раз поверить мне? Всего один раз!

«Его надо срочно уносить отсюда!» — мелькнула короткая мысль. До выхода из подворотни оставалось всего несколько футов. Но сперва нужно положить куда-то рукоятку, чтобы все это время она продолжала оставаться внутри замка. И только тогда она сможет помочь отцу и вытащить его за ворота.

В противоположном конце двора чернел вход в подвал. Можно пока бросить рукоятку туда. Не долго думая, Магда побежала к подвалу, но на полпути резко остановилась. Кто-то поднимался оттуда во двор.

Расалом!

Казалось, что он не идет, а выплывает из-под земли, как поднимается огромная дохлая рыба со дна зловонного гнилого пруда. При виде девушки глаза чудовища превратились в бездны ненависти, пронзающие ее яростью и лютой злобой. Направляясь к ней сквозь пелену тумана, он грозно оскалил зубы.

Но Магда не отступила. Глакен говорил, что рукоятка сдерживает силы Расалома. Поэтому она чувствовала себя уверенно. Она сможет достойно встретить его.

Когда Расалом подошел ближе, она заметила, что за ним движется и еще кто-то. Из подвала показались двое мужчин. Их лица были неестественно бледны, а движения сильно замедленны. Они шли за Расаломом, как бы повторяя его шаги, и Магда сразу узнала их: это были капитан Ворманн и тот самый мерзкий майор. Но ей не надо было вглядываться в их лица, чтобы определить, что они уже мертвы. Однако Глакен успел рассказать ей и о ходячих трупах, поэтому она была почти готова встретить здесь нечто подобное. Но все равно кровь застыла у нее в жилах при виде этого зрелища. И тем не менее Магда продолжала чувствовать себя в безопасности.

Расалом остановился шагах в десяти от нее, медленно поднял руки и развел их в стороны так, что

они стали похожи на крылья огромной черной птицы. Несколько секунд ничего не происходило. А потом Магда заметила, как за клубился туман сразу во многих местах двора. Повсюду вокруг нее из дымки начали высовываться окровавленные руки, за ними появились головы, а потом и туловища многочисленных мертвецов. Как отвратительные грибы, прорастающие из заплесневелой почвы, немецкие солдаты, еще недавно занимавшие замок, начали один за другим восставать из мертвых.

Магда увидела их обезображенные лица, изуверченные тела, и все же продолжала твердо стоять на месте. Она лишь крепче сжимала рукоятку меча. Ведь Глэкен говорил, что эта рукоятка останавливает их и мешает Расалому управлять их движением. И она верила ему. Ей сейчас нельзя было в это не верить!

«Наверное, они боятся рукоятки,— думала Магда, а тем временем сердце ее замирало от страха.— Может быть, они не смогут подойти ближе?»

И тут она заметила сквозь туман странное движение возле ног трупов. Она пригляделась и через дымку различила многочисленные маленькие силуэты — серые и коричневые. Крысы! Ее затошнило, и мурашки побежали по всему телу. Магда невольно попятилась. Крысы шли прямо на нее. Правда, не сплошной стеной, а шаркаясь из стороны в сторону, напoлзая друг на друга, сталкиваясь и вновь разбегаясь во всех направлениях. Она могла выдержать что угодно — даже живых мертвецов, но только не крыс!

Увидев, как злорадная улыбка победно расползается по лицу Расалома, Магда поняла, что он достиг желаемого — ненавистная ему рукоятка вместе с ней самой постепенно отступает к воротам замка, и она ничего с этим не может поделать: она уже пыталась остановиться, заставить свои ноги стать неподвижными, но они будто обрели свою собственную волю и, не подчиняясь приказам разума, продолжали нести ее к выходу.

Наконец, темные стены окружили ее с обеих сторон — Магда вошла в подворотню. Еще пол-ярда — и она окажется на границе замка... Расалом будет выпущен на свободу.

Магда закрыла глаза и отчаянным усилием воли перестала двигаться.

«До этого места я дошла,— говорила она себе.— Но дальше ни шагу!.. Ни шагу...» — И повторяла эти слова снова и снова, пока что-то пушистое не прошмыгнуло мимо нее, задев за лодыжку и тут же скрывшись в тумане. Что-то маленькое и мерзкое. Потом еще раз. И еще. Она закусила губы, чтобы не завизжать. Рукоятка не срабатывала! Крысы нападали на нее! Скоро они расправятся с ней!

Магда в ужасе широко раскрыла глаза. Расалом подошел еще ближе, его бездонные ледяные зрачки буравили ее острыми иглами ненависти, проникающими в самое сердце девушки; за спиной чудовища выстроился целый легион мертвецов, а впереди шествовали тысячи крыс. Он приказывал этим тварям наступать на нее, заставляя их напоздать на ноги и щекотать лодыжки. Магда поняла, что не выдержит больше ни секунды и вот-вот бросится бежать отсюда. Она чувствовала, как внутри нее нарастает неуправляемый ужас, готовый в любой момент полностью захватить ее сознание, парализовать волю и смыть последние остатки решимости... Рукоятка не действует!.. Магда почти уже повернулась к выходу и вдруг снова застыла как вкопанная. Да, крысы касались ее кожи своими пушистыми тельцами, но при этом не царапались и не кусались. Они лишь мимолетом пробегали по ногам и сразу же бросались в разные стороны. Это из-за рукоятки! Она держала ее в руках, и Расалом терял контроль над крысами, как только они прикасались к ней. Магда начала успокаиваться и продолжала твердо стоять на месте.

«Они не могут укусить меня,— убеждала себя девушка.— Они не в силах прикасаться ко мне дольше одного мгновения». Больше всего Магда боялась, что они начнут карабкаться вверх по ее ногам. Но теперь она поняла, что этого не случится, и стойко сохраняла свою позицию.

Очевидно, Расалом почувствовал это. Он нахмурился и сделал еще одно движение руками.

Снова зашевелились мертвецы за его спиной. Они расступились, обошли его с обеих сторон и вновь сомкнули свои ряды, став сплошной стеной из мертвой плоти. А потом, шаркая ногами и переваливаясь, неуклюже направились к Магде и остановились всего в нескольких дюймах от ее лица, тупо уставившись на де-

вушку своими невидящими остекленевшими глазами. В их движениях не было ни злобы, ни ненависти, ни какой-то определенной цели. Это была просто мертвая плоть. Но они подошли так близко! Если бы они были живы, она уже почувствовала бы их дыхание. Сейчас же от некоторых из них уже начинало исходить удушливое трупное зловоние, и Магда хорошо его ощущала.

Она снова закрыла глаза, сражаясь с подступающей тошнотой. Колени ее дрожали, но она по-прежнему крепко прижимала к себе заветную рукоятку.

«Ни шагу назад! — повторяла она. — Ни дюйма!.. Ради Глэкена, ради меня, ради того, что осталось от отца... ради всех живых... — больше ни шагу!»

И вдруг на нее навалилось что-то тяжелое и холодное. Магда пошатнулась и вскрикнула от страха и неожиданности. Трупы, стоящие к ней ближе других, начали один за другим обмякать и валиться на девушку. Вот упал еще один — и она снова чуть не потеряла равновесие, но увернулась, и тело грузно опустилось на землю возле самых ее ног. Магда поняла замысел Расалома — если он не смог выгнать ее из замка страхом, то он просто вытолкает ее силой, заставляя мертвецов сваливаться на нее, чтобы не оставить ей места. И пока что у него это получалось. До границы крепости оставалось уже несколько дюймов — буквально полшага.

И как только еще несколько трупов начали заваливаться на нее, Магда совершила отчаянный поступок. Она крепко ухватила за золотую ручку и описала рукояткой широкую горизонтальную дугу, коснувшись мертвой плоти ближайших солдат.

При касании к мертвым телам появлялись яркие вспышки, слышалось шипение, и в нос ей ударяли струйки кислого желтоватого дыма. А трупы дергались, будто в конвульсиях, и падали в разные стороны, как марионетки, которым обрезали нитки. Магда сделала шаг вперед и вновь размахнулась рукояткой — на этот раз уже смелее. И опять увидела эти вспышки, услышала уже знакомое шипение, и солдаты, обмякнув, упали.

И даже Расалом отступил на шаг!

Магда позволила себе слегка улыбнуться. По крайней мере, теперь перед ней образовалось некоторое пространство, и в нем она могла свободно дышать. У нее

было надежное оружие, и она училась владеть им. Тут девушка заметила, что Расалом пристально смотрит куда-то влево, и повернулась, чтобы увидеть, что привлекло там его внимание.

Отец! Он уже пришел в себя и теперь стоял, пошатываясь, под самой аркой ворот. Магде стало больно и стыдно — она увидела, как по его щеке стекает с виска тоненькая струйка крови от удара, нанесенного ею.

— Ты, несчастный! — грозно взревел Расалом, тыча пальцем в отца. — Отбери у нее талисман! Она присоединилась к нашим врагам!

И тут Магда увидела, как отец отрицательно покачал головой. Сердце ее забилося с новой надеждой.

— Нет! — Голос у отца был еще слабый, но он эхом разнесся по всему каменному мешку двора. — Я все видел! Если то, что она держит в руках, и есть источник твоей силы, то не надо просить меня отбирать его. Возьми его сам!

Магда поняла, что еще никогда так не гордилась отцом, как в этот момент, когда он смело выступил против существа, пытавшегося украсть у него душу и почти уже победившего его здравый рассудок. Она вытерла слезы и улыбнулась отцу, понимая, что теперь он вновь обрел свою душевную силу.

— Неблагодарный! — прошипел Расалом, и лицо его исказилось от ярости. — Ты предал меня! Ну, хорошо; тогда — добро пожаловать назад в мир боли. Наслаждайся теперь своими страданиями!

В тот же миг отец упал на колени, едва сдерживая мученический стон. Он вытянул вперед руки и с болью и ужасом увидел, как они прямо на глазах синеют и скрючиваются, превращая его в прежнего беспомощного калеку. Позвоночник его резко согнулся, и отец замычал, закатывая глаза. Постепенно все его тело, дергаясь и извиваясь от боли, посылаемой каждым нервом, скрутилось в уродливый жгут, и, наконец, он беспомощно замер в позе человеческого зародыша, тихо плача уже без слез.

Магда рванулась к нему с отчаянным криком:

— Отец! Что с тобой?!

Она не верила своим глазам, и ей казалось, что в этот миг она сама испытывает не меньшую боль.

А он лежал, не шевелясь, и не просил ни помощи, ни пощады. И это еще сильнее разозлило Расалома. С яро-

ственным писком крысы бросились на беспомощного инвалида, за считанные секунды покрыв его сплошной серо-коричневой массой, и начали разрывать его тело миллионами крошечных зубов, острых, как бритвы.

Магда забыла о своем отвращении к этим маленьким гадам и кинулась на помощь отцу, хлестая их свободной рукой и пытаясь разгрести рукояткой.

Но на место тех нескольких, которых ей удавалось отбросить в сторону, тут же набегало вдвое больше, они остервенело прыгали на отца, и их шкурки тут же окрашивались его кровью. Позабыв всякую гордость, Магда громко рыдала и призывала на помощь Бога на всех известных ей языках.

Но единственным, кто ее слышал, был Расалом. Позди себя Магда различила его ядовитый злорадный шепот:

— Выкинь рукоятку через ворота — и ты спасешь его! Убери эту вещь из замка — и он будет жить!

Магда заставляла себя не слушать его, но где-то в глубине души уже понимала, что проклятый монстр победил... Она не могла больше смотреть на этот кошмар — мерзкие маленькие твари пожирали ее отца заживо! И она была не в силах его спасти. Она проиграла. Придется ей сдаться.

Но все же оставалась еще надежда — ведь крысы кусали только отца, а ее не трогали!..

И тогда Магда распростерла свое тело поверх увешанного крысами отца, накрыв собой эту кишашую массу, а рукоятку зажала между своим и его животом.

— Он умрет! — шептал за спиной ненавистный голос. — Он умрет, и в этом будешь виновата только ты! Это ты его сейчас убиваешь! А все, что тебе нужно...

Расалом не закончил фразу, оборвав себя на полуслове, и вдруг его зловеющий шепот перерос в громогласный вопль, полный злобы, нечеловеческой ярости и одновременно страха. Он будто не мог поверить в то, что увидел:

— Ты-ы-ы?!!

Магда повернула голову и посмотрела наверх. Рядом с ней стоял Глэкен — все еще слабый, бледный, с запекшейся кровью на одежде, — он тяжело опирался на дубовую створку распахнутых ворот замка всего в не-

скольких шагах от нее. Никого в мире она не хотела бы сейчас увидеть больше, чем его.

— Я знала, что ты придешь,— чуть не плача, прошептала она.

Но вид у Глэлена был до крайности изможденный, и казалось просто чудом, что он сумел самостоятельно проделать весь путь по мосту до замка. «Но ведь он не сможет в таком состоянии противостоять Расалому!» — с ужасом подумала Магда.

Однако Глэлен вполне уверенно стоял перед ним. В одной руке он держал клинок, а другую протянул к Магде. Никаких слов ей не потребовалось. Она знала, зачем он пришел сюда, и что она должна сейчас сделать. Девушка приподнялась, вынула рукоятку и вложила ее в ладонь Глэлена.

Где-то позади нее раздался душераздирающий вопль Расалома:

— Не-е-е-ет!!!

Глэлен улыбнулся ей, а потом одним движением руки, быстрым и точным, поставил клинок вертикально и на торчащий из него штырь насадил рукоять. Она села на свое место с приятным звонким щелчком, и одновременно все увидели вспышку, ярче, чем блеск солнца,— невыносимо яркую, которая превратилась в огненный шар и брызгами разлетелась от Глэлена и его меча, отражаясь в тысячах крестообразных символов, покрывающих стены замка.

Этот свет проник в самое сердце Магды, как волна тепла из горящей печи, и она поняла, что так может согревать лишь огонь добра и чистоты, побеждающий зло и дающий надежду. Тени мгновенно исчезли, и несколько секунд все вокруг было залито этим добрым сиянием. Туман сразу рассеялся, будто его никогда здесь и не было, крысы с жалобным писком бросились врассыпную. Свет как косой прошелся по стоящим трупам, сваливая их на землю, словно вызревшие колосья пшеницы. Даже Расалом отшатнулся при этой вспышке, закрыв обеими руками лицо.

Вернулся настоящий хозяин замка.

Но вскоре свет начал постепенно угасать, втягиваясь обратно в меч, и через мгновение Магда уже ясно видела все вокруг. Перед ней стоял Глэлен. Одежда его была по-прежнему изорвана и окровавлена, но сейчас это был уже совсем другой человек — вся его слабость и оста-

вавшиеся раны бесследно исчезли. Теперь от него исходила спокойная благородная сила и неумолимая решимость. А глаза так яростно горели непреклонной готовностью к бою, что Магда про себя поблагодарила Бога за то, что перед ней стоит друг, а не враг. Этот человек был вождем сил Света в войне против Хаоса много тысячелетий тому назад... И этого человека она любила сейчас!

Глэкен гордо держал перед собой собранный меч, и по всей длине клинка, ослепительно сверкая, переливались древние руны. Его небесно-голубые глаза излучали мягкий добрый свет, когда он повернулся к Магде и отсалютовал ей этим мечом.

— Благодарю тебя, дама моего сердца,— нежно произнес он.— Я знал, что тебе хватит мужества, но не знал, что его потребуется так много...

Лицо Магды осветилось счастьем.

«Дама моего сердца... Он назвал меня дамой своего сердца!» — проносилось у нее в голове.

Глэкен кивнул в сторону отца:

— Вынеси его за ворота. Я буду охранять вас, пока вы не доберетесь до безопасного места на мосту.

Когда Магда вставала, колени у нее еще дрожали. Она быстро огляделась вокруг и увидела на земле кучи мертвых тел. Но Расалом исчез.

— А где же... — начала она.

— Я отыщу его,— заверил ее Глэкен.— Но сначала я должен убедиться, что вы находитесь в безопасности.

Магда нагнулась, взяла отца под мышки и потащила его жалкое, почти невесомое тело через ворота на мост. Он уже еле дышал. Вся его кожа была покрыта тысячами крошечных кровоточащих ранок, и Магда начала осторожно прикладывать к ним ткань своей юбки.

— Прощай, Магда! — это был голос Глэкена, в котором она сразу же уловила глубокое сожаление и печаль. Она испуганно взглянула на него и увидела в его глазах бесконечную грусть, граничащую с тоской обреченности.

— Прощай? Ты куда-то уходишь?..

— Я уйду, чтобы положить конец той войне, которая должна была прекратиться еще много столетий тому назад.— Он запнулся.— Как жаль...

Магду охватили страх и отчаяние.

— Но ты же еще вернешься ко мне, правда?

Глэкен повернулся и зашагал в глубь двора.

— Глэкен! — закричала она ему вслед.

Но он уже исчез в чреве башни.

И тогда крик Магды перешел в безутешный над-
рывный плач:

— Глэ-эке-ен!!!

Глава двадцать девятая

Внутри башни царила полная темнота. Но темнота не простая — это была та самая непроглядная черная мгла, которую мог навеять только сам Расалом. Она обволакивала Глэкена, но он не был перед ней беззащитен. Как только он вступил в башню, руны на его мече заиграли нежным голубым огнем. Образы рукоятки, которыми были выложены все стены, моментально откликнулись на свет меча и начали пульсировать бледно-желтыми лучами, будто поддерживая ритм огромного волшебного сердца.

Голос Магды преследовал Глэкена и внутри башни, и теперь он стоял у подножия лестницы в глубине первого этажа, стараясь вычеркнуть из своего сознания ту безысходность и боль, которые звучали в этом голосе, зовущем его назад. Он знал, что если начнет прислушиваться, то это лишь ослабит его. Сейчас о Магде надо забыть, как и обо всем остальном, что находится за стенами замка.

Теперь во всем мире есть только Расалом и он сам. И их тысячелетний бой должен закончиться сегодня здесь — а ему предстоит позаботиться об этом.

Глэкен выждал немного, чувствуя, как энергия меча вливается в его тело. Ему было приятно держать его в руках, будто он вновь соединился с потерянной когда-то частью собственного тела. Но даже сила меча не могла заглушить до конца то глубокое отчаяние, которое он испытывал в эти минуты.

Сегодня ему не видать торжества. Даже если он сумеет убить Расалома, это придется оплатить наивысшей ценой... Ведь победа над ним уничтожит и цель его собственного существования на Земле. Он станет ненужным для сил, которым служил столько лет.

Если ему суждено поразить Расалома...

Он постарался отбросить эти мрачные мысли. Нет, так не начинают бой. Надо обязательно настроиться на победу — иначе никогда не выиграть сражения. А он **ДОЛЖЕН** на этот раз выиграть.

Глэкен огляделся и почувствовал, что Расалом сейчас находится где-то наверху. Но почему? Там ведь ему никуда уже не уйти!

Он взбежал по ступенькам на второй этаж и остановился, напряженно прислушиваясь к своим чувствам. Да, Расалом определенно сейчас где-то сверху, и все же плотный холодный воздух даже здесь таил в себе какую-то скрытую угрозу. Отражения рукояток пульсировали в темноте, как крестообразные маяки в густом черном тумане. Невдалеке справа он увидел смутные очертания лестницы, ведущей на третий этаж. Никакого движения в башне по-прежнему не было.

Тогда Глэкен направился к следующему пролету и здесь снова остановился. Неожиданно вокруг него что-то медленно зашевелилось. Он отступил к стене и стал внимательно наблюдать, как неуклюжие темные фигуры стали одна за другой с большим трудом подниматься с холодного пола. Окинув помещение молниеносным взглядом, он насчитал в нем не меньше дюжины полурастерзанных солдатских трупов.

«Так, значит, Расалом был не один, когда скрылся в башне...» — размышлял он.

Как только мертвецы начали свое медленное шествие по направлению к нему, Глэкен занял удобную позицию на лестнице, прислонившись спиной к стене, и приготовился достойно их встретить. Они не могли напугать его — он прекрасно знал размах возможностей Расалома и был хорошо знаком со всеми его уловками. Эти ожившие куски мертвой плоти были не в силах причинить ему никакого существенного вреда.

Зато они серьезно озадачили его. Чего же хотел достичь Расалом таким гнусным трюком?..

Совершенно механически Глэкен встал в боевую стойку — слегка расставив ноги, правая чуть позади левой — и выставил меч перед собой, крепко сжимая его обеими руками. Трупы продолжали наступать. Но с ними не надо было сражаться; он знал, что сможет спокойно пройти через их ряды, просто касаясь этих тва-

рей мечом,— и они сразу же повалятся от одного легкого прикосновения. Но этого ему было недостаточно. Инстинкт воина повелевал наносить врагу жестокие удары. И Глэкен с удовольствием подчинялся этому инстинкту. Он с ненавистью бил по всему, что было связано с Расаломом. Эти мертвые немцы должны зажечь в нем огонь, который будет так необходим ему для последней встречи с их хозяином.

Трупы к тому времени набрали уже приличный темп наступления, и теперь полукруг их темных фигур почти сомкнулся возле него. Мертвецы угрожающе тянули вперед руки со скрюченными пальцами, будто хотели разорвать его своими обломанными ногтями. Как только первый кадавр подошел на достаточно близкое расстояние, Глэкен начал орудовать мечом, рубя им направо и налево и отсекая бесчувственные руки и головы. При каждом соприкосновении с мертвецом по всей длине клинка проходила вспышка белого пламени, раздавалось короткое шипение и меч с легкостью срезал части трупов, а уже потом от их тел поднимались струйки желтоватого дыма, кадавры оседали и один за другим валились на пол.

Глэкен яростно махал мечом, со свистом описывая клинком широкие дуги. Дикость развернувшейся перед ним кошмарной картины заставляла его крепко стискивать зубы. Но не бледные безразличные лица наступающих покойников так поражали его, и даже не адская вонь, исходящая от них, а полная тишина вокруг. Не было слышно ни команд офицеров, ни криков боли и ярости, ни кровожадных призывов. Только звук неуклюже шаркающих ног, его собственное дыхание и свист меча.

Это было не сражение, а какая-то рубка мяса. Он лишь вносил свой заключительный вклад в ту резню, которую учинил здесь Расалом всего несколько часов назад. Но трупы продолжали наступать, холодные и безразличные, задние подталкивали передних, и круг все сильнее сужался.

Когда половина кадавров уже лежала у его ног, изрезанная и расчлененная, он вслепую сделал шаг назад, чтобы освободить себе побольше пространства, и, наступив при этом на мертвеца, покачнулся, теряя равновесие. Сразу же где-то сверху за его спиной началось неожиданное движение. Глэкен оглянулся и уви-

дел, как два трупа падают на него с верхних ступенек лестницы. Под их тяжестью он не смог уже устоять и повалился рядом с кучей поверженных тел. Но прежде чем он успел скинуть с себя этих двух мертвецов, другие начали вставать и наваливаться на него, очень быстро пригвоздив его к полу массой в добрых полтонны.

Однако Глэкен продолжал сохранять спокойствие, хотя ему становилось уже трудно дышать под их весом. К тому же он давился от невыносимого зловония — смеси запахов обгорелой плоти, запекшейся крови и экскрементов, который особенно сильно шел от покойников с повреждениями в кишечнике. Откашливаясь и пытаясь задержать дыхание, он напрягся и мощным толчком высвободился из-под давящей массы смердящей плоти.

С трудом встав на четвереньки, он вдруг почувствовал, как прямо под ним завибрировали каменные блоки. Он не мог сообразить, ни чем это вызвано, ни какая угроза может скрываться за этим — Глэкен знал лишь одно: ему надо как можно быстрее выбираться из этого места. Собрав остатки сил, он стряхнул с себя последних мертвецов и одним прыжком очутился на лестнице.

Сзади послышался страшный скрежет камня о камень. Стоя на безопасных ступеньках, он обернулся и увидел, что часть пола, на которой он только что лежал, прижатый кучей покойников, провалилась, унося с собой вниз немало кадрамов. Раздался страшный удар, и камни вперемишку с останками солдат образовали жуткую грудку на полу первого этажа.

Потрясенный Глэкен прислонился к стене, чтобы перевести дыхание и прочистить ноздри от засевшего в них невыносимого зловония. Видимо, у Расалома были какие-то причины, чтобы оттягивать начало битвы — он никогда ничего не делал без умысла. Но только зачем ему все это понадобилось именно сейчас? Поднимаясь на третий этаж, Глэкен снова заметил движение на полу. На верхней ступеньке появилась отрубленная рука в черном эсэсовском манжете, которая быстро подползла к нему, помогая себе пальцами и обручком плеча. Ничего не понимая, он продолжил свой путь вверх, пытаясь припомнить все ухищрения и уловки Расалома и гадая, что он замыслил на этот раз. Но на половине пути Глэкен почувствовал, что на лицо ему начинает сыпаться пыль. Не глядя наверх, он сразу же прижался к стене—

и в тот же миг мимо пролетела огромная гранитная глыба и с грохотом раскололась на том самом месте, где он стоял всего секунду назад.

Глэкен поднял глаза и увидел, что следующий камень тоже изменил свое первоначальное положение — он был сдвинут ровно настолько, чтобы свалиться ему прямо на голову. Очередная пакость Расалома?.. Но неужели он все еще надеется покалечить или обезоружить его? Ведь он должен прекрасно понимать, что все его трюки лишь немного задержат неизбежную схватку.

Но что касается исхода этого боя... — здесь обязательно произойдет именно то, что предначертано судьбой еще много веков назад. У Расалома было гораздо больше возможностей, которыми его наделили темные силы, поэтому раньше он так часто одерживал верх. Основными его достоинствами считались контроль над светом и тьмой и способность подчинять своей воле животных и неодушевленные предметы. Кроме того, Расалом был неуязвим для любого оружия, кроме меча Глэкена с древними рунами.

У самого же Глэкена не было таких преимуществ. Хотя он никогда не болел и был неподвластен времени, обладая при этом сверхъестественной силой и жизнеспособностью, его тело могло быть повреждено в результате простого механического воздействия. Ведь он чуть не погиб вчера в ущелье!.. Никогда еще за все время своего существования он не чувствовал так близко дыхание смерти. На этот раз ему удалось выжить только с помощью Магды.

Но теперь силы противников были почти равны. Рукоятка и клинок соединились — и этот меч находился в руках Глэкена. У Расалома же оставалась его власть над стихиями, но в стенах замка он лишался большой свободы маневра и не мог уже отступить отсюда, чтобы встретиться с Глэкеном в другое время. Значит, все произойдет сегодня. Сейчас!

Глэкен осторожно поднялся на третий этаж. Здесь было пустынно — ничто не двигалось, никто не прятался в темноте. Но, подходя к следующему пролету, он почувствовал, как задрожала вся башня. Лестница закачалась. Треснула и площадка, на которой он стоял, а потом обвалилась почти под самыми его ногами, оставив Глэкена стоять на узком выступе прижатым к стене. С осторожностью глянув вниз, он увидел, как камни па-

дают и разбиваются о пол первого этажа, поднимая огромные облака пыли.

«Теперь уже близко,— думал он, переводя дыхание.— И все же еще не совсем».

Глэкен внимательно изучил вызванные Расаломом разрушения. Они затронули только лестничную площадку. Комнаты третьего этажа оставались на своих местах за стеной, к которой он сейчас был прижат. Тогда он повернулся к стене лицом и дюйм за дюймом начал боком пробираться по образовавшемуся узенькому карнизу к следующему пролету лестницы. Но когда он достиг двери, ведущей в смежные комнаты этажа, она неожиданно распахнулась — и перед Глэконом возникли еще два мертвеца, готовые в любой момент свалиться на него и столкнуться вниз. Однако едва коснувшись меча, они тут же обмякли. И все же их тяжести оказалось достаточно, чтобы Глэкен покачнулся немного назад. Лишь ухватившись свободной рукой за дверной косяк, он сумел избежать страшного падения и повис на раскачивающейся двери над пропастью, в которую чуть было не угодил.

Оба трупа, которым уже не за что было схватиться, тяжело рухнули вниз на каменные обломки.

После этого Глэкену удалось забраться в дверной проем, и здесь он решил немного передохнуть. «Сейчас даже слишком близко»,— подумал он, облегченно вздохнув.

Но теперь, по крайней мере, он мог хотя бы предположить, что задумал его давний враг.

Наверное, он решил сбросить его вниз, а потом обрушить на него всю внутреннюю часть башни. Ведь даже если бы эти тонны камней и не убили его до конца, то он по крайней мере лежал бы под ними, как в западне.

«Да, это у него могло получиться»,— думал Глэкен, осматривая помещение в поисках очередных трупов, поджидающих своей очереди. И если бы Расалому удался этот план, то потом он использовал бы трупы, чтобы они расчищали каменные обломки, пока меч не окажется на виду. А тогда ему осталось бы только подождать, пока в замке появится какой-нибудь путник или даже местный житель, которого он без труда смог бы уговорить вынести этот меч из замка. Тем более, что

в нем столько золота! Да, такой план вполне мог сработать, но все же Глэкен чувствовал, что на этом коварство Расалома еще не исчерпало себя.

С замиранием сердца Магда смотрела, как Глэкен исчезает в дверях башни. Ей страстно хотелось броситься вслед за ним и преградить ему путь, не пускать его туда. Но она была нужна отцу — и нужна сейчас больше, чем когда бы то ни было. Она заставляла себя не думать пока о Глэкене, а приложить все силы к тому, чтобы хоть как-то помочь отцу и облегчить его страдания.

Раны были страшные. Несмотря на все ее усилия остановить кровотечение, багровые струйки не иссыкали, и скоро возле отца образовалась большая лужа крови, которая начала уже просачиваться через дощатый настил моста и капать вниз в ров.

Неожиданно отец заморгал и с усилием открыл глаза. Лицо его теперь было бледным, как полотно, и напоминало неподвижную гипсовую маску.

— Магда,— позвал он. Она еле слышала его голос.

— Не надо разговаривать, папа. Береги силы.

— Мне больше нечего беречь... Прости меня...

— Ш-ш-ш! — Магда закусил нижнюю губу. «Нет, он не должен умирать! Я не дам ему умереть!..» — в отчаянии кричала она себе.

— Я должен сказать тебе все сейчас... У меня больше не будет времени.

— Это не...

— Я хочу, чтобы все встало на свои места. Я не хотел сделать тебе больно и не желал зла. Я хочу, чтобы ты знала...

Его голос потонул в страшном грохоте камня, донесшемся изнутри башни. Мост угрожающе затрясся, и Магда увидела клубы пыли, вырвавшиеся из окон второго и третьего этажей. «Глэкен?..» — пронеслось у нее в голове.

— Я был глупцом,— продолжал отец, а голос его делался все слабее.— Я предал нашу веру и все, что было для меня свято — даже собственную дочь! И все из-за его жи... И это тоже моя вина — что человек, которого ты полюбила, чуть не погиб.

— Все в порядке,— успокоила его Магда.— Он жив! И сейчас он там, в замке. Он положит конец этому ужасу раз и навсегда!

Отец попытался улыбнуться.

— Я по твоим глазам вижу, как ты к нему относишься... Если у вас будет сын, назовите его...

Раздался грохот падающего камня — еще сильнее, чем в первый раз. Теперь пыль и обломки полетели уже из всех окон башни. Чья-то одинокая фигура появилась на самом краю крыши. Когда же Магда повернулась к отцу, его глаза уже остановились и сердце навеки замерло.

— Отец? — Она потрясла его, потом с силой начала колотить по груди и плечам, отказываясь верить своим глазам.— Отец, очнись! Очнись!..

Она вспомнила, как ненавидела его только вчера, как желала ему смерти. А теперь... Как ей хотелось вернуть его назад, чтобы он слышал ее, хотя бы на одну минутку, чтобы узнал, что она простила его, что она любит его и чтит, как и прежде, и что ничего не изменилось в их отношениях. Он не может умереть, не дав ей рассказать об этом!

Глэкен! Глэкен подскажет ей, что надо делать! Она посмотрела на верх башни и увидела, что сейчас на зубчатом парапете стоят уже два человека лицом друг к другу.

Глэкен ринулся вверх, на пятый этаж, уклоняясь от падающих камней и перескакивая через огромные дыры в полу. Отсюда по короткой, почти вертикальной лестнице он выбрался через люк на крышу башни.

Расалом стоял на зубце парапета в противоположном конце крыши, его плащ тяжело свисал с плеч и был неподвижен в предрассветном затишьи. За спиной

Расаломом расстился внизу туманный перевал Дину, а дальше виднелись хребты гор, уже освещенные солнцем, которое вот-вот должно было появиться над горизонтом.

Двигаясь вперед, Глэкен удивлялся, отчего Расалом так спокоен и невозмутим в столь ответственный и тревожный момент. И понял он это только тогда, когда крыша начала крошиться и уходить у него из-под ног. Мощным прыжком он преодолел образовавшийся провал и свободной рукой ухватился за выступ карниза. К тому времени, как ему удалось подтянуться и встать на зубец, вся внутренняя часть башни — все перекрытия и стены третьего, четвертого и пятого этажей — рухнула вниз и раскололась там с таким тяжким грохотом, что затрясся весь замок. Пол первого этажа тоже провалился — и Глэкен с Расаломом остались на краю гигантского полого цилиндра из камня. Но Расалом ничего больше не мог сделать с башней: изображения рукояти меча, вделанные во все камни ее внешних стен, сводили его силу на нет.

Глэкен пошел против часовой стрелки к Расалому, ожидая, что он начнет отступать.

Но вместо этого тот заговорил на давно забытом языке.

— Ну что ж, варвар, вот мы и опять с тобой встретились, а?

Глэкен не отвечал. Он накапливал злость, стараясь почувствовать то, что должна была испытывать Магда, находясь в лапах этого чудовища. Ему нужна была неистовая ярость, чтобы нанести свой последний удар. Он не мог сейчас позволить себе ни думать, ни сомневаться, ни прислушиваться к голосу интуиции. Он и так проявил слабость пять столетий назад, когда заточил Расаломом в этом замке вместо того, чтобы убить его. Теперь он такой оплошности не допустит. На сей раз вопрос будет решен окончательно.

— Послушай, Глэкен, — начал вдруг Расалом тихим заговорщицким тоном, — не пришла ли пора прекратить нашу войну?

— Да! — ответил Глэкен сквозь стиснутые зубы. Он посмотрел вниз на мост и увидел там крохотную фигурку Магды, склонившейся над умирающим отцом. Старая ненависть с новой силой вспыхнула в нем, и ноги сами понесли его навстречу врагу. Двумя руками он

высоко занес меч, чтобы решительным ударом отсечь ему голову.

— Перемирие! — вскрикнул Расалом и, пригнувшись отступил, изменив, наконец, свою гордую позу на позу поверженного.

— Никакого перемирия!

— Полмира! Я предлагаю тебе полмира, Глэкен! Мы разделим его пополам, и на своей половине ты соберешь всех, кто тебе нужен. А на остальной части буду царствовать я.

Глэкен остановился, но затем снова поднял клинок.

— Нет! На этот раз — никаких полумер!

Тогда Расалом решил перехитрить Глэкана, нажимая на его единственное слабое место — страх:

— Тогда убей меня и подпиши этим свой собственный приговор!

— А где он написан? — Несмотря на всю прежнюю решимость, в душу Глэкана опять начало закрадываться сомнение.

— Его не нужно нигде записывать. Это и так ясно! Ты продолжаешь жить только для того, чтобы сражаться со мной! Уничтожь меня — и ты сразу же уничтожишь причину своего собственного существования. Убей меня — и ты убьешь сам себя.

Да, это действительно было так очевидно!.. Глэкен боялся этого момента с той самой минуты в Тавире, когда понял, что Расалом вырвался на свободу из своего заточения. И все же, всякий раз вспоминая об этом, он надеялся, что убийство Расалома, в конечном счете, не станет его самоубийством.

Но надежда была очень слабой. И Глэкен прекрасно понимал это. Итак, перед ним два пути: или нанести удар и закончить эту вечную войну, или начать думать о перемирии.

А почему бы и нет? Полмира — все же лучше, чем смерть. По крайней мере он останется в живых... И рядом с ним будет Магда.

Расалом, очевидно, разгадал его мысли.

— Мне кажется, тебе понравилась эта девчонка, — сказал он, глядя вниз в сторону моста. — Ты можешь оставить ее себе. Как же ты будешь без нее? Она ведь такое милое и храброе насекомое, правда?

— Ах, вот кто мы все для тебя! Насекомые?

— «Мы»? Неужели ты настолько романтичен, что готов поставить себя на один уровень с НИМИ? Ты же выше их во сто крат — мы почти что боги, мы для них непостижимы! И поэтому должны объединиться и действовать сообща, вместо того чтобы вести эту бесполезную вечную войну!

— Я никогда не буду отделять себя от них. Я всегда старался жить, как обычный человек.

— Но ведь ты не обычный человек! Они умирают, а ты продолжаешь жить. Уже только поэтому ты не можешь стать одним из них. Даже не пытайся! Будь тем, кто ты есть — выше их. Присоединись ко мне — и мы будем править ими. Убей меня — и мы погибнем вместе!

Глэкен сомневался. Ему требовалось время, чтобы все хорошенько обдумать. Но времени больше не было... Он очень хотел покончить навсегда с Расаломом. Но сам он не хотел умирать. Особенно теперь, когда нашел Магду. Он не мог даже подумать о том, что она останется без него. Ему страстно хотелось быть с ней

Магда... Глэкен не осмелился посмотреть вниз, но он чувствовал, что ее взгляд сейчас прикован к нему. Он ощутил в груди тяжесть. Всего несколько минут назад она рисковала всем, что у нее есть, чтобы не выпустить Расалому из замка, а ему самому дать еще время для отдыха. Будет ли он достоин ее, если не сделает больше, чем она? Он вспомнил ее сияющие глаза, когда она передавала ему рукоятку: «Я знала, что ты придешь».

Борясь с собой, Глэкен не заметил, как опустил меч. Увидев это, Расалом улыбнулся. И эта улыбка послужила последним толчком к бою

«За Магду!» — пронеслось в голове у Глэкена, и он грозно поднял свой меч. И в этот миг солнце вышло из-за восточных хребтов и ударило ему в глаза. Сквозь ослепительное сияние он увидел, как Расалом бросился ему навстречу.

Мысль молнией пронеслась в голове Глэкена: так вот почему Расалом был так разговорчив! Вот для чего нужны были все эти уловки с оттягиванием времени, и он даже позволил Глэкену так близко подойти к себе — он просто ждал, когда из-за гор взойдет солнце и ослепит его. А теперь шел навстречу в последней надежде одновременно избавиться от Глэкена и выкинуть руко-

ятку за пределы замка — он решил столкнуть его с башни в ров вместе с мечом.

Сильно зажмурившись, Расалом вытянул вперед руки и нырнул прямо под занесенный клинок. Места для маневра у Глэлена не было — слишком узким оказалось пространство, оставшееся после частичного разрушения башни. Все, что он мог сделать — это собрать свои силы и поднять меч так высоко над головой, что это начало уже угрожать его равновесию. Но отчаяние его было не меньшим, чем у Расалома. Наступил решающий миг.

И вот они столкнулись — Расалом вцепился в бока Глэлена, и тот почувствовал, что начинает падать назад. Он сосредоточил все свои силы на мече и, приставив острие клинка к спине Расалома, пронзил его насквозь. Издав страшный вопль ужаса и бессильной ярости, Расалом попытался выпрямиться, но Глэлен не отпускал меч, еще глубже вонзая его в спину врага, а сам тем временем продолжал крениться назад.

И вот оба они потеряли равновесие и, слившись воедино, стремительно полетели вниз.

Глэлен испытывал удивительное спокойствие. Ему казалось, что они плавно погружаются в какую-то плотную пучину, навеки связанные своей последней схваткой, в которой он победил.

И проиграл...

Крик Расалома стих. Его неистовые черные глаза были жутко выпучены — он удивленно смотрел на Глэлена и все еще не верил, что умирает. Потом он начал съеживаться — во время их полета волшебный меч стал пожирать его тело и сущность. Кожа Расалома высохла, начала отслаиваться и хлопьями разлетаться в разные стороны, как тополиный пух под порывами ветра. И вскоре на глазах у Глэлена его давний заклятый враг превратился в невесомую пыль.

Возле самой границы тумана Глэлен оглянулся на мост и успел заметить страх и отчаяние на лице Магды. Он хотел поднять руку, чтобы попрощаться с ней, но туман уже скрыл ее из виду.

А в следующий миг он почувствовал тяжелый удар о невидимые острые камни

Магда с тревогой смотрела на две фигуры на парапете башни. Они стояли очень близко, почти касаясь друг друга. Она видела, как рыжие волосы Глэкена вспыхнули ярким огнем, когда из-за гор показалось солнце, видела блеск клинка, а потом обе фигуры схватились. Они отчаянно вертелись, раскачиваясь на самом краю парапета. И вдруг полетели вниз.

Ее собственный пронзительный крик слился со страшным воплем одного из воинов, а потом очертания их сцепившихся тел стали меняться, и, погрузившись в густой туман, они исчезли из виду.

Магда застыла, как пораженная громом. Время остановилось. Она не шевелилась и, кажется, не дышала. Глэкен и Расалом упали вместе в ущелье, где их сразу же поглотила непроглядная молочная мгла. **ГЛЭКЕН УПАЛ!** А она стояла и беспомощно наблюдала, как он ныряет в свою собственную смерть.

Как в тумане, Магда подошла к краю моста и посмотрела вниз — туда, где исчез тот единственный человек, который значил теперь в ее жизни абсолютно все. Тело сразу стало чужим и непослушным, мозг словно онемел и все мысли куда-то пропали. Она чуть не теряла сознание, чувствуя, как все начинает плыть перед глазами. Наконец Магда вздрогнула, стряхивая с себя страшное оцепенение. Желание прыгнуть в эту бездну и соединиться там с Глэкеном все сильнее и сильнее охватывало ее. Но вот она очнулась и побежала по мосту к деревне.

«Не может быть! — думала она, а ноги несли ее по грохочущим доскам. — Только не оба! Сначала отец, а теперь Глэкен — так не бывает!»

Свернув с дороги, она бросилась к правому концу рва. Ведь Глэкен уже пережил одно падение в эту пропасть — вдруг он переживет и второе? Ну, пожалуйста, пусть это будет так! Хотя за счет высоты башни сейчас удар был намного страшнее!..

Магда быстро начала спускаться по крутой каменной осыпи, обдирая руки и ноги об острые края гранитных обломков, но эта боль ни на секунду не привлекала ее внимания. Солнце не успело еще подняться на достаточную высоту, и его лучи пока не падали в само ущелье; но оно начало уже согревать воздух — и туман постепенно рассеивался. Магда всеми силами рвалась вперед по заросшему бугристому дну рва, спотыкаясь,

падая и вновь поднимаясь; она старалась бежать с такой скоростью, какую только позволяла развить коварная болотистая почва. Пробегая под мостом, девушка попыталась не вспоминать о том, что там, наверху, одиноко лежит сейчас ее мертвый отец. А потом, не раздумывая, бросилась через холодную воду к основанию бешни.

С трудом переводя дыхание, Магда медленно начала оглядывать груды битых камней, надеясь отыскать в этих руинах признаки жизни. Но так ничего и не увидела. И никого...

— Глэкен! — Ее голос звучал тихо и напряженно. — Глэкен! — чуть смелее позвала она.

Молчание.

Но он должен быть где-то здесь!

Невдалеке от нее что-то блеснуло. Магда подбежала и увидела меч. Вернее, то, что от него осталось. Клинок разлетелся на тысячу осколков, среди которых лежала и рукоятка, но уже лишенная блеска золота и серебра. Чувство неизмеримой потери охватило ее, когда она взяла в руки этот блеклый серый предмет. Произошло чудо — что-то вроде алхимического опыта, только наоборот: драгоценные металлы превратились в обычный свинец. Магда отгоняла от себя все тяжелые мысли и дурные предчувствия, но сердце подсказывало ей, что рукоятка уже выполнила свое предназначение, ради которого и была создана.

Расалом умер, поэтому меч стал не нужен. Как и тот человек, которому он принадлежал.

И больше уже чудес не будет.

И тогда Магда издала жуткий вопль, подобный страшному завыванию умирающего зверя, — настолько громкий и долгий, насколько позволяли ее легкие и голосовые связки. Этот звук был полон безысходного ужаса, отчаяния, боли и горечи невыносимой утраты; он эхом отразился от гранитных стен замка и понесся по ущелью на перевал.

И когда последний раскат эха замер, Магда низко опустила голову, и, скорбно ссутулившись, заломила в горестном отчаянии руки. Она хотела заплакать — но слезы кончились; хотела сразиться и уничтожить того, кто повинен во всем случившемся, — но знала, что все, кроме нее, уже погибли; она хотела кричать и проклинать слепую безумную несправедливость, но внутри у

нее все молчало, и она предалась лишь протяжному то-скливому вою, идущему из самых глубин ее существа.

Магда стояла так очень долго, с тупым упорством пытаясь найти причину, по которой стоило бы продолжать эту бессмысленную теперь жизнь. И не находила. Все, что было ей дорого, все, ради чего она жила и дышала, было у нее жестоко отнято. Нет, никаких причин продолжать такое существование она не видела...

И все-таки, наверное, стоит жить дальше!.. Ведь Глэкен жил так долго и никогда не уставал от этого, каждый раз находя для себя что-то новое. Он восхищался ее достоинством, храбростью и отвагой. А будет ли это достойно и смело, если она вдруг добровольно откажется от всего?..

Нет. Глэкен хотел бы, чтобы она продолжала жить. Все, кем он был, и все, что он делал,— все это было ради жизни. Даже его смерть была ради жизни!

Магда прижимала к себе рукоятку до тех пор, пока ее тихие всхлипывания не прекратились, а потом повернулась и медленно пошла прочь. Она не знала, куда идет и что будет делать дальше, но теперь была уверена в том, что должна найти какой-нибудь способ, чтобы продолжить существование.

А рукоятку она сохранит. Это все, что у нее осталось.

ЭПИЛОГ

«Я жив?..»

Он сидел в темноте и ощупывал свое тело, желая удостовериться, что он все еще существует. Расалом погиб, превратился в прах, и прах этот развеялся в воздухе. Наконец, после долгих тысячелетий, его больше нет.

«А я все еще жив. Почему?..»

Он с такой высоты упал на острые камни, что не должно было остаться ни одной целой кости! И все же он жив... Меч погиб — клинок раскололся, рукоятка обратилась в свинец. А сам он все еще дышит...

«Как же это произошло?..»

В момент удара о камни Глэкен почувствовал, будто что-то вылетело из него, и замер в ожидании смерти.

Но смерть не приходила.

Сильно болела правая нога. Но он все видел, все чувствовал, дышал и мог двигаться. А еще он мог слышать. И когда услышал, что Магда приближается по дну рва, он подполз к поворотному камню в основании башни, отодвинул его и залез в темноту потайного хода. Здесь он притаился и молча ждал, пока она звала его по имени, плакала и кричала. Он закрывал уши, чтобы не слышать этой боли и отчаяния в ее голосе, но не мог сразу же броситься к ней. Пока еще не мог. Пока он не убедится во всем окончательно.

И вот он услышал, как она пошла назад по ручью. Тогда Глэкен снова отодвинул камень и попробовал подняться на ноги. Но правая нога почему-то не слуша-

лась. Неужели он сломал кость? Никогда раньше у него не было никаких переломов!.. Так и не сумев подняться, Глэкен на животе подполз к луже. Он должен увидеть это своими глазами. Он должен выяснить все, прежде чем будет действовать дальше.

Но у самого края воды он снова заколебался. Уже виднелись отразившиеся в водном зеркале облака на светлеющем с каждой минутой утреннем небе. Но увидит ли он там еще что-нибудь, когда наклонится немного поближе?..

«Прошу вас,— мысленно обратился он к силам, которым столько служил,— к силам, которые, наверное, теперь уже его и не слышали.— Прошу вас, отпустите меня! Позвольте мне прожить оставшиеся этому телу годы обыкновенным человеком. Пусть эта женщина стареет вместе со мной — я не смогу больше видеть, как любимый человек увядает на моих глазах, в то время как я остаюсь вечно молодым. Пусть все это кончится. Я выполнил свой долг. Освободите меня!»

Собрав в кулак всю свою волю, он крепко зажмурился, наклонился над водой и открыл глаза. Измученный рыжеволосый мужчина с голубыми глазами и смуглой кожей смотрел на него оттуда. Его отражение! Он видел самого себя! Ему вернули его отражение!!!

Невиданная радость и облегчение переполнили его сердце. **ВСЕ КОНЧЕНО! ВСЕ ПОЗАДИ!..**

Он поднял голову и увидел над обрывом медленно удаляющуюся фигуру женщины — той женщины, дорожке которой у него не было никого в этом мире за всю его долгую жизнь.

— Магда! — Он хотел встать, но проклятая нога болела так, что не давала даже слегка приподняться. Теперь придется лечить ее, как это делают все обычные люди.— Магда!

Что-то выпало из ее рук, напоминающее по форме рукоятку меча. А потом она с криком «Глэкен!» бросилась бежать к нему, не заметив даже, как развязалась и слетела с головы косынка, выпуская на свободу ее роскошные длинные волосы. На лице Магды смешались радость и сомнение, будто она и хотела бы поверить в то, что видит его живым, но не могла, пока сама к нему не прикоснется.

Глэкен ждал ее со счастливой улыбкой на губах — ждал, когда она подбежит и, наконец, дотронется до него.

А высоко в небе над его головой маленькая серая птичка с черными перышками на концах крыльев несла в клюве пучок соломы по направлению к замку. Она нашла там безопасное место, чтобы свить себе новое гнездо.

Содержание

Френсис П. Вильсон

ЗАСТАВА

Роман

Перевод Сюзанны Алукард

и

Вадима Терещенко

Пролог

7

Глава первая — Глава двадцать девятая

16—411

Эпилог

426

Вильсон Френсис П. Застава. Повесть («Библиотека остросюжетной мистики»). Вып. 4. Книга I. Перевод с английского С. Алукард, В. Терещенко. / Ил. В. Федорова.— М., Компания «Ключ-С», 1992.— 432 с., ил.

ISBN 5—253—00748—2

Действие романа Ф. П. Вильсона «Застава» разворачивается весной 1941 года в старинном замке на одном из перевалов суровых и загадочных Трансильванских Альп, где набирающий силу гитлеризм сталкивается с немыслимым порождением потусторонних сил тьмы. Но этому дьявольскому дуэту противостоит вечный страж добра и справедливости — «рыцарь без страха и упрека», воплотивший в себе и земную, и сверхчеловеческую мощь неотвратимого правосудия. Нарастающее тревожное ожидание катастрофического финала держит читателя в постоянном напряжении, приближая ослепительную развязку, воздающую с библейской прямоотой каждому по его делам и вере.

В $\frac{4703040101-2929}{ИЗ8(03)-92}$ — 92

84.7 США

Литературно-художественное издание
Библиотека остросюжетной мистики

В ы п у с к 4

Книга 1

Вильсон Френсис П.
ЗАСТАВА

Редактор-составитель
Т. В. Чичина

Оформление художника
Л. В. Брылева

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
К. И. Заботина

ИБ 2929

Сдано в набор 30.10 92. Подписано к печати 30.11 92. Формат
84×108^{1/32}. Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л.
22,68 Усл. кр.-отт 23,73. Уч.-изд. л. 22,96. Тираж 200 000 экз.
Заказ 2143 Цена договорная

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса».
125865 ГСП, Москва, А 137, ул. «Правды», 24.

